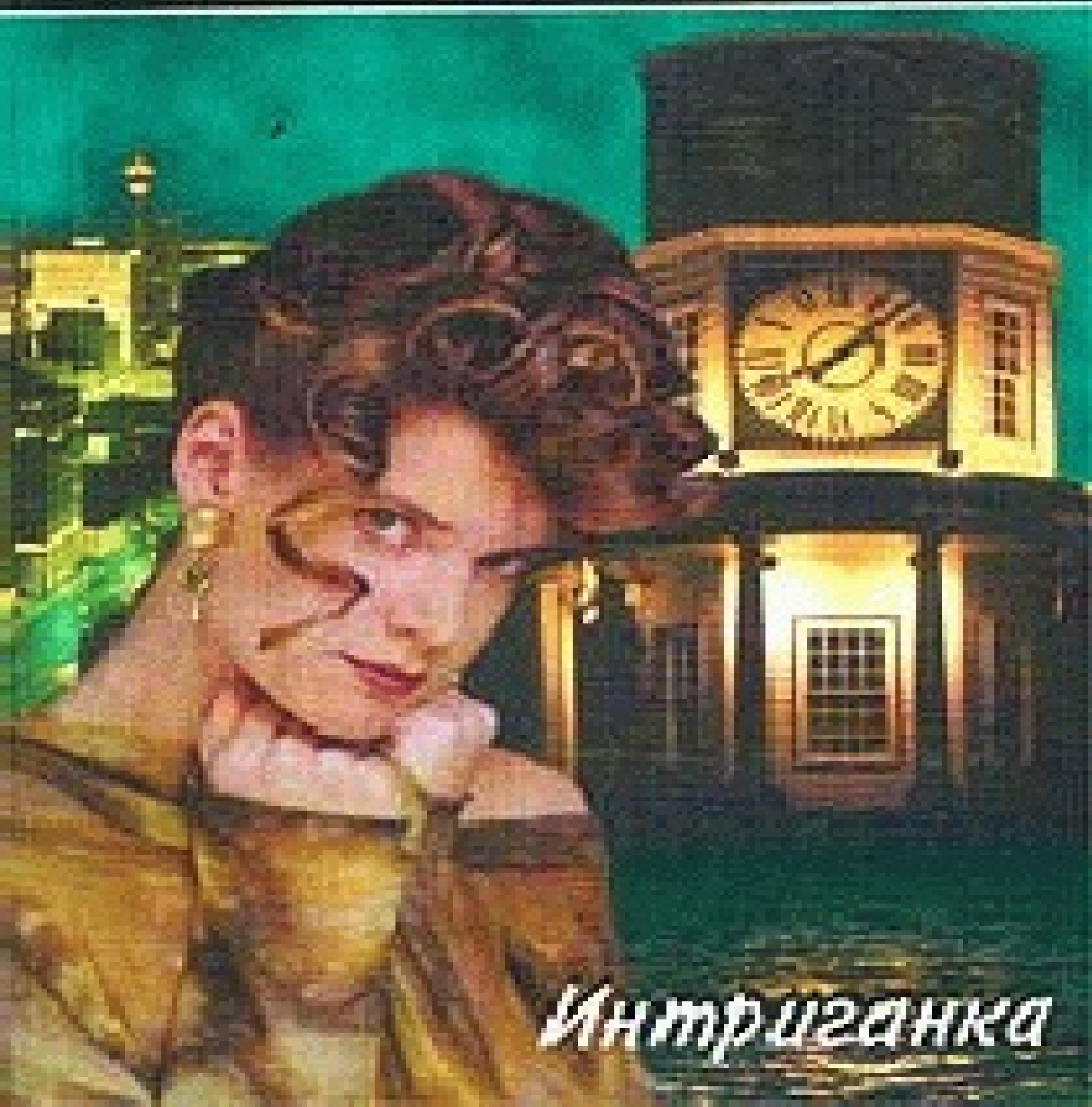

Сингл ШЕРАДОН

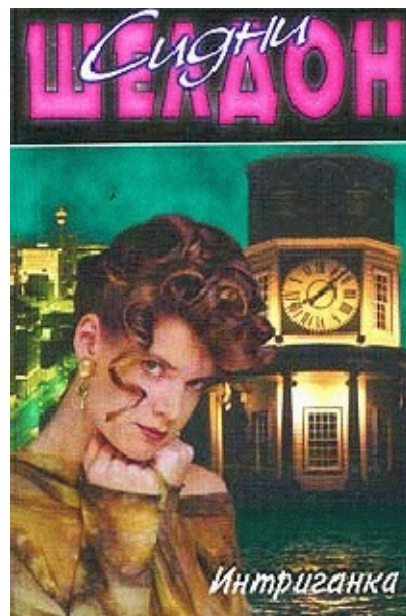
Импрюзанка

Annotation

Героиня романа `Интриганка` привыкла добиваться всего: любви, богатства... Но кто она – `хозяйка жизни` или беспринципная интриганка?

- [Сидни Шелдон](#)
 -
 - [ПРОЛОГ](#)
 - [КНИГА ПЕРВАЯ.](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [КНИГА ВТОРАЯ.](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [КНИГА ТРЕТЬЯ.](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)
 - [КНИГА ПЯТАЯ.](#)
 - [Глава 23](#)
 - [Глава 24](#)

- [Глава 25](#)
 - [Глава 26](#)
 - [Глава 27](#)
 - [Глава 28](#)
 - [Глава 29](#)
 - [Глава 30](#)
 - [Глава 31](#)
 - [Глава 32](#)
 - [Глава 33](#)
 - [Глава 34](#)
 - [Глава 35](#)
 - [ЭПИЛОГ.](#)
 - [Глава 36](#)
 - [Глава 37](#)
-

Сидни Шелдон

Интриганка

«Тогда всепоглощающая страсть в груди, змее Аароновой подобно, все остальное пожирает».

Папа Римский Александр.

«Эссе о человеке»

Эпистола II

«Алмазы обладают такой прочностью, что при попытке расколоть их молот ломается, а наковальня может сдвинуться с места. Невидимая сила, бросающая вызов двум высшим силам Природы – железу и огню, – может быть покорена с помощью бараньей крови. Алмаз надо поместить в свежую и теплую кровь, но даже тогда нужно долго бить по нему молотом».

Плиний Старший

ПРОЛОГ

КЕЙТ. 1982 ГОД

Давно знакомые, не забытые призраки, пришедшие отпраздновать ее день рождения, заполнили просторный бальный зал. Кейт Блэкуэлл наблюдала, как они бесшумно скользят между живыми, из плоти и крови, ничего не подозревающими гостями в смокингах и сверкающих драгоценностями вечерних туалетах; перед ее мысленным взором медленно разворачивалось полуфантастическое красочное зрелище...

Сто приглашений на сегодняшний вечер в Сидар-Хилл-Хаус, сто человек сочли за честь посетить великолепный бал. Сотня гостей.

«Не считая призраков», – мрачно усмехнувшись, подумала Кейт Блэкуэлл.

Виновница торжества, стройная миниатюрная женщина, обладала столь горделивое осанкой, что казалась намного выше, чем была на самом деле. Трудно было, хоть однажды увидев, забыть это лицо: гордый профиль, сумеречно-серые глаза и упрямый подбородок, наследие шотландских и голландских предков, чья кровь смешалась в ее жилах. Когда-то роскошная густая копна черных волос поредела и побелела, изящные складки бархатного платья цвета слоновой кости красиво оттеняли тонкую полупрозрачную, как у некоторых стариков, кожу.

«Совсем не чувствую себя девяностолетней, – подумала Кейт Блэкуэлл. – Куда ушло время, невероятно долгое время?...»

И снова окинула взглядом танцующие привидения:

«Они знают. Они все время были здесь. Проводили со мной эти годы, стали частью моей жизни».

Она заметила Бэнду; горделивое черное лицо сияло от радости. Рядом стоял Дэвид, ее дорогой Дэвид, такой же высокий, молодой и красивый, как в тот день, когда она влюбилась в него с первого взгляда; муж улыбнулся Кейт, а она подумала:

«Скоро, родной, скоро».

Как жаль, что Дэвид не дожил и не успел увидеть своего правнука!

Кейт вновь обежала глазами большую комнату и наконец заметила его около оркестрантов. Поразительно красивый восьмилетний мальчик со светлыми волосами, в черном бархатном пиджачке и брюках из шотландки, был точной копией пра-пра-деда, Джейми Мак-Грегора, портрет которого

висел над мраморным камином.

Будто почувствовав ее взгляд, Роберт повернулся, и Кейт, подняв руку, поманила его к себе.

Бриллиант чистейшей воды в двадцать карат, поднятый отцом Кейт с песчаного берега почти сто лет назад, рассыпал сноп искр, отразив сияние хрустальной люстры. Кейт удовлетворенно следила за пробирающимся между танцующими гостями Робертом.

"Я – прошлое, – подумала она. – Роберт – будущее. Когда-нибудь мой правнук станет во главе «Крюгер-Брент Лимитед»!

Мальчик наконец добрался до кресла Кейт; она подвинулась, давая ему место.

– Тебе весело, бабуля?

– Да, Роберт, спасибо!

– Потрясающий оркестр. Дирижер ужасно плох. Кейт непонимающе взглянула на правнука, но морщинки на ее лбу тут же разгладились.

– А, поняла. Хочешь сказать, что он на самом деле очень хорош?

– Точно! – расплылся в улыбке Роберт. – Тебе и вправду не дашь девяносто.

– Между нами говоря, – засмеялась Кейт, – я совсем не чувствую себя старухой.

Ручонка Роберта скользнула в ладонь Кейт, и оба, довольные собой и друг другом, молча сидели, разглядывая гостей; восьмидесятилетнее различие в возрасте нисколько не служило помехой.

Кейт заметила в толпе танцующих внуку. Несомненно, она с мужем были самой красивой парой в этом зале.

Мать Роберта увидела сидящих сына и бабушку.

«Какая невероятная женщина, – удивилась она про себя. – Поистине, у бабушки нет возраста. Никто и представить не может, сколько всего ей пришлось пережить!» Музыка смолкла; дирижер объявил:

– Леди и джентльмены! С удовольствием представляю вам юного музыканта Роберта!

Роберт крепко сжал пальцы прабабки, поднялся, направился к роялю и сел. На лице ребенка появилось серьезно-сосредоточенное выражение, пальцы забегали по клавишам. Мальчик играл Скрябина; серебристые звуки поплыли в воздухе, словно играющий в волнах лунный свет.

Мать, затаив дыхание, думала только об одном:

«Он гений. И станет когда-нибудь знаменитым музыкантом...»

Он уже больше не ее ребенок, родной маленький мальчик. Роберт принадлежит всему миру.

Аплодисменты, вознаградившие юного музыканта, были дружными и искренними.

Столы для ужина накрыли в саду, празднично украшенном фонариками, лентами и воздушными шарами. На террасе играл оркестр; официанты и горничные молча проворно сновали между столов, следя за тем, чтобы хрустальные фужеры и тарелки лиможского фарфора не пустовали.

Среди прибывших телеграмм оказались поздравления от президента Соединенных Штатов и председателя Верховного суда. Губернатор штата превозносил достоинства именинницы:

– ...Одна из самых выдающихся женщин в истории нации! Пожертвования Кейт Блэкуэлл сотням благотворительных организаций всего мира безгранично щедры. Фонд Блэкуэлл участвует в борьбе за здоровье и благосостояние народов более чем в пятидесяти странах. Говоря словами покойного сэра Уинстона Черчилля: «Никогда еще мир не был стольким обязан одному человеку». Я имею честь быть знакомым с Кейт Блэкуэлл...

«Черта с два! – пронеслось в мозгу Кейт. – Никто не знает меня! Возносят хвалы, будто какой-то святой! Что сказали бы все эти люди, загляни в душу настоящей Кейт Блэкуэлл?! Зачата вором в пьяном бреду и похищена чуть ли не из колыбели! Что они подумали бы, покажи я им шрамы от пуль на теле?»

Кейт повернула голову и посмотрела на человека, пытавшегося когда-то убить ее... Взгляд скользнул дальше, остановился на сидевшей в тени женщине в черной вуали, полностью скрывающей лицо. Перекрывая гремевшие где-то вдали громовые раскаты, над столами разносился голос губернатора, завершающего речь. Кейт встала и оглядела собравшихся гостей. Голос старой женщины оказался на удивление сильным и твердым:

– Я прожила гораздо больше, чем все вы. Конечно, молодежь может подумать, что заслуга тут невелика, но я рада, что дотянула до этого дня, потому что иначе не смогла бы увидеть сегодня своих дорогих друзей. Знаю, многие из вас приехали из дальних стран, чтобы поздравить меня сегодня, и путешествие, должно быть, сильно утомило их. Нельзя же ожидать, чтобы у каждого была такая энергия, как у меня!

В ответ раздался взрыв смеха и аплодисменты.

– Благодарю за то, что украсили мой день рождения своим присутствием. Мне никогда не забыть этого! Еще раз примите мою благодарность. Для тех, кто желает отдохнуть, милости просим, ваши комнаты готовы. Для остальных – танцы в большом зале.

Где– то снова прогремел гром.

– Предлагаю всем перейти в дом, сейчас налетит очередной знаменитый ураган, которым так славится Мэн.

Бал кончился... Гости удалились, и Кейт наконец осталась наедине со своими призраками. Сидя в библиотеке, она унеслась мыслями в прошлое и неожиданно почувствовала, как угнетена и расстроена.

«Никого больше не осталось из тех, кто называл меня просто Кейт. Все ушли», – подумала она.

Мир ее сузился, становился все меньше. Как сказал кто-то из великих, кажется, Лонгфелло:

«Листья воспоминаний скорбно шуршат во мраке»... Скоро, очень скоро вступит она в эту тьму, но не сейчас. Еще рано.

«Я должна, должна завершить самое важное дело моей жизни, – мысленно убеждала Кейт ушедшего мужа. – Потерпи, Дэвид. Скоро мы будем вместе...»

– Бабушка!

Кейт открыла глаза. В комнате собрались все родственники. Она поочередно оглядела их безжалостным, бесстрастным, словно рентгеновские лучи, взглядом, ничего не упуская.

«Моя семья, – подумала она. – Мое бессмертие. Убийца, урод и сумасшедший. Семейные скелеты в шкафу. Позорные тайны семьи Блэкуэлл... Чем кончились все эти годы надежды, боли и страдания, каков их итог?»

– Ты себя плохо чувствуешь, бабушка? – встревоженно спросила подбежавшая внучка.

– Немного устала, только и всего. Думаю, мне пора отдохнуть.

Кейт встала и направилась было к лестнице, но тут раздался оглушительный удар грома, и дождевые струи бешено ударили по стеклам пулеметной дробью. Вся семья молча глядела вслед поднимающейся по ступенькам маленькой женщине с гордой осанкой.

Блеснула молния; секундой позже послышался оглушительный треск.

Кейт Блэкуэлл обернулась, глядя сверху вниз на собравшихся в библиотеке людей, и заговорила со странным акцентом своих предков, внезапно вернувшихся к ней из глубины лет:

– В Южной Африке такие ураганы называют грозами. И вновь

смешалось прошлое и настоящее; старая женщина медленно шла по коридору к спальне в сопровождении знакомых, родных теней.

КНИГА ПЕРВАЯ.
ДЖЕЙМИ. 1883-1906 ГОДЫ

Глава 1

– Настоящая гроза, – объявил Джейми Мак-Грегор. – Клянусь Богом! – Он с детства привык к жестоким ураганам северной Шотландии, но в жизни не видел ничего подобного.

Голубое полуденное небо внезапно потемнело от поднявшихся в воздух песчаных столбов, мгновенно превративших день в ночь. Сквозь пыльную дымку засверкали огненные стрелы, сопровождаемые оглушительными громовыми раскатами. Потом небеса разверзлись, дождевые струи безжалостно ударили в покрытые жестью крыши хижин, палатки; по грязным улицам Клипдрифта тут же понеслись бурные коричневые потоки. Громовые взрывы были подобны пушечной канонаде, словно разгневанные боги вели между собой непрекращающуюся битву.

Джейми Мак-Грегор едва успел отскочить, вовремя заметив, как дом, выстроенный из необожженного кирпича, превратился в бесформенные комья глины и рассыпался на глазах. Юноша только ошеломленно потряс головой в уверенности, что Клипдрифт вряд ли уцелеет после такого бедствия.

Клипдрифт, в общем, не был городом в истинном понимании этого слова и представлял собой всего-навсего хаотическое нагромождение брезентовых палаток, лачуг и фургонов, расположившихся по берегам реки Ваал, и населенное в основном людьми с безумными глазами фанатиков, влекомых в Южную Африку со всех концов света одой страстью, одной навязчивой идеей – найти алмазы.

И одним из этих фанатиков был Джейми Мак-Грегор. Ему только-только исполнилось восемнадцать. Симпатичный юноша, высокий, светловолосый, с поразительно красивыми светло-серыми глазами, излучавшими искренность, дружелюбие и готовность прийти на помощь. В характере его не было ни капли злобы, а оптимизма хватило бы еще на десять человек.

Джейми проделал огромное путешествие почти в восемь тысяч миль, от отцовской фермы в северной Шотландии до Эдинбурга, Лондона, Кейптауна и наконец добрался до Клипдрифта. Он уступил свои права на долю в ферме, которую возделывал совместно с отцом и братьями, но вовсе не жалел об этом, потому что знал: неизмеримо большее богатство ожидает его. Юноша оставил безопасную спокойную жизнь и оказался в этом забытом Богом месте, потому что мечтал о сокровищах. Джейми не боялся

тяжелой работы, но однообразный выматывающий труд на каменистой земле маленькой фермы недалеко от Эбердина почти не приносил плодов.

Вся семья: родители, братья Джейми, сестра Мэри, сам юноша – гнули спину от рассвета до заката, но не могли выбиться из нужды. Однажды Джейми попал на ярмарку в Эдинбурге и с тех пор был не в силах забыть, какие чудесные вещи можно приобрести, если только в карманах звенят денежки. Как легко жить богачам! Если даже кто-то из них заболел, к услугам были лучшие врачи! Все друзья и соседи Джейми жили и умирали в беспросветной нужде.

Он вспомнил, в какое волнение пришел, когда услышал впервые о том, что в Южной Африке обнаружили алмазы. Там нашли самый большой алмаз в мире, лежавший просто в песке, под ногами, и вся страна казалась огромным сундуком с сокровищами, только и ожидавшим, пока его откроют.

После ужина, субботним вечером, Джейми рассказал родным о своем решении. Вся семья еще сидела за необрушенным столом в убогой, обшитой неструганными досками кухне, когда юноша объявил, застенчиво и одновременно гордо:

– На следующей неделе я уезжаю в Южную Африку искать алмазы.

Пять пар глаз уставились на Джейми, будто тот внезапно сошел с ума.

– Собираешься рыскать по свету в поисках алмазов? – спросил отец. – Да ты, должно быть, спятил. Все это сказочки для дураков, дьявольское искушение, чтобы отвлечь человека от честного труда.

– А где ты возьмешь деньги на дорогу? – вмешался брат Йан. – Это ведь на другом конце света. У тебя ничего нет.

– Будь у меня деньги, – возразил Джейми, – к чему искать алмазы? Там соберутся одни бедняки, и я ничем не лучше остальных. Зато у меня есть мозги и сильные руки. Не пропаду.

– Энни Корд так расстроится, – вздохнула сестра Мэри. – Она надеялась когда-нибудь выйти за тебя замуж.

Джейми обожал сестру. Она была старше на семь лет. Двадцать четыре года, а выглядела на все сорок, и никогда в жизни не имела ни одного красивого платья. Джейми мысленно поклялся сделать все, чтобы Мэри была счастлива.

Мать молча взяла блюдо с остатками еще дымящейся каши и шагнула к металлической раковине. Поздно ночью она подошла к кровати Джейми, нежно коснулась его плеча, и юноша ощутил, как новая сила вливается в мышцы.

– Делай, как считаешь лучше, сынок. Не знаю, есть ли там алмазы, но

если есть, значит, ты найдешь их.

И, вынудив откуда-то потертый кожаный кошелек, протянула Джейми.

– Мне удалось скопить несколько фунтов. Остальным об этом знать необязательно. Благослови тебя Бог, Джейми!

Юноша отправился в Эдинбург с пятьюдесятью фунтами в кармане.

Долгое трудное путешествие в Южную Африку заняло почти год. Джейми устроился официантом в третьеразрядном эдинбургском ресторане и работал до тех пор пока не удалось прибавить еще пятьдесят фунтов к уже имевшимся. Тогда он добрался до Лондона, где был потрясен размерами города, огромными толпами, шумом, запряженными лошадьми омнибусами, покрывавшими невероятное расстояние – пять миль в час. Повсюду на улицах встречались двухколесные экипажи, в которых сидели прекрасные женщины в больших шляпах и шелковых платьях. Джейми, раскрыв рот, наблюдал, как эти небесные создания выпархивали из карет и кэбов и входили в двери дорогих магазинов, в витринах которых были выставлены серебро, посуда, драгоценные украшения, меха и платья.

Довольно скоро он нашел квартиру на Фицрой-стрит, самую дешевую из всех виденных, всего за десять шиллингов в неделю, и целые дни проводил на пристани в поисках корабля, который мог бы доставить его в Южную Африку, а вечерами бродил по городу, не уставая восхищаться невиданными чудесами.

Как– то раз ему удалось увидеть Эдуарда, принца Уэльского, входившего через боковую дверь в ресторан, неподалеку от Ковент-Гарден; под руку с прекрасной незнакомкой в большой шляпе с цветами, и Джейми представил, как пошла бы его сестре такая шляпа.

Юноша посетил концерт в Кристалл-Паласе, выстроенном специально для Всемирной выставки 1851 года, купил билеты в Дрюри Лейн, а в антракте пробрался в театр Савой – единственное общественное здание в Англии с электрическим освещением. Правда, на некоторых улицах уже были установлены электрические фонари, и Джейми слышал даже, что изобретены такие аппараты-телефоны, с помощью которых можно говорить с человеком, находящимся на другом конце города.

Будущее казалось безоблачным. Но, несмотря на все нововведения и внешний блеск, Англия очутилась на пороге очередного экономического кризиса. На улицах было полно безработных голодных людей; то и дело вспыхивали уличные беспорядки, каждый день проводились демонстрации и митинги. Джейми мечтал только об одном: поскорее уехать из Лондона, начать новую жизнь, где не будет бедности и нужды.

На следующий день ему удалось наняться стюардом на пароход

«Уолмер Касл», направляющийся в Кейптаун.

Путешествие продолжалось около трех недель; судно дважды заходило в порты – Мадейру и на остров Святой Елены, чтобы пополнить запасы угля. Погода была ужасной, постоянно дул ледяной ветер, штормовые волны били о борта, и Джейми жестоко страдал морской болезнью почти с той минуты, как корабль покинул лондонский причал. Но он ни на секунду не терял жизнерадостности, ведь каждый день становился ступенькой к осуществлению заветной мечты. По мере приближения к экватору погода заметно менялась, зима каким-то чудом превратилась в лето, а когда они достигли побережья Африки, дни и ночи стали жаркими и душными.

«Уолмер Касл» прибыл в Кейптаун на рассвете. Судно осторожно продвигалось по узкому каналу, отделяющему огромную колонию прокаженных на острове Роббен от материка, и наконец бросило якорь в Столовой бухте.

Джейми появился на палубе еще до восхода и зачарованно наблюдал, как поднимается предутренний туман, открывая великолепный вид на Столовую гору, величественно возвышающуюся над городом.

Путешествие закончилось.

Как только с корабля были спущены сходни, на причале появились толпы людей самого странного вида: рассыльные городских отелей, мужчины всех цветов кожи – черные, желтые, коричневые, красные, наперебой предлагавшие поднести багаж. Мальчишки, снующие повсюду с газетами, фруктами и сладостями, метисы-извозчики, зазывавшие пассажиров, уличные торговцы и продавцы спиртного прямо с тележек громко расхваливали свои товары. В воздухе роились мириады жирных черных мух. Матросы и носильщики с трудом проталкивались через толпу, а пассажиры безуспешно пытались не выпускать из виду свой багаж. Повсюду царил хаос, слышалась непонятная речь. Джейми совсем не понимал языка, на котором говорили местные жители. И вообще, Кейптаун совершенно не походил ни на один из виденных им городов. Здесь нельзя было найти два одинаковых здания. Рядом с большим двухэтажным кирпичным складом лепилась убогая столовка из жести, и тут же – лавка ювелира с великолепными витринами, а за ней – крохотные магазинчики зеленщика и табачного торговца.

Джейми, раскрыв рот, наблюдал за пешеходами: негр в шотландских клетчатых штанах и мешке, в котором были прорезаны дыры для рук и головы, шествовал бок о бок с двумя китайцами в синих халатах; под конусообразными соломенными шляпами виднелись аккуратно свернутые длинные косы. Коренастые широкоплечие краснолицые буры-фермеры с

волосами, добела выгоревшими на солнце, восседали на повозках, нагруженных картофелем, кукурузой и овощами. Мужчины почти все одеты в брюки и сюртуки из коричневого вельвета, на головах широкополые мягкие фетровые шляпы, в зубах – длинные глиняные трубки, женщины – в черном, под плотными вуалями, ниспадающими с больших капоров из темного шелка. Персиянки-прачки с большими узлами грязного белья на головах равнодушно проходили мимо солдат в красных мундирах и шлемах.

Зрелище было поистине красочным. Первой заботой Джейми было отыскать недорогие меблированные комнаты, которые рекомендовал ему один из матросов. Хозяйка оказалась приземистой грудастой вдовой средних лет. Оглядев Джейми, она улыбнулась и что-то спросила.

– Простите, – покраснев, пробормотал юноша, – я не понимаю.

– Ты англичанин, так? Приехал искать золото? Алмазы?

– Да, мэм, именно алмазы.

Затащив его в коридор, она захлопнула дверь.

– Тебе понравится, вот увидишь. У меня здесь все удобства, какие только требуются для молодых людей.

Джейми с ужасом подумал, не входит ли в перечень так называемых услуг и благосклонность самой вдовы, и от души понадеялся, что это не так.

– Я – миссис Венстер, – кокетливо объявила она, – но приятели зовут меня Ди-ди.

И широко улыбнулась, показав золотой зуб спереди.

– У меня предчувствие, что мы станем хорошими друзьями. Просите о чем угодно.

– Благодарю, вы очень добры, – кивнул Джейми. – Не знаете ли, где можно купить карту города?

Раздобыв карту, Джейми часами бродил по улицам, восхищенно разглядывая богатые кварталы, то и дело останавливаясь перед красивыми двухэтажными зданиями с плоскими крышами и аккуратно оштукатуренными фасадами, заглядывал в предместья, чуть не падая от усталости, добирался до дому, преследуемый насекомыми, питавшими к нему, по всей вероятности, особую ненависть.

Огромные жужжащие стаи жирных черных мух были повсюду, и возвратившись к себе, Джейми обнаружил, что в комнате их тоже полно.

Темная шевелящаяся масса сплошь покрывала стены, стол и постель. Пришлось идти к квартирной хозяйке.

– Миссис Венстер, нельзя ли как-нибудь выгнать мух из моей

комнаты? Они...

Визгливо засмеявшись, хозяйка ущипнула Джейми за щеку.

– Ничего, малыш, со временем все привыкают. Вот увидишь.

Канализация в Кейптауне находилась в ужасающем состоянии, и после захода солнца омерзительная вонь окутывала город плотным покрывалом. Но Джейми обнаружил, что способен вынести и это. Кроме того, он нуждался в деньгах, без которых и думать было нечего отправляться на алмазные прииски. Все предупреждали, что без денег там и шагу не сделать.

На второй день пребывания в Кейптауне Джейми нашел работу возчика в фирме по доставке товаров, на третий – устроился в ресторан, мыть посуду в послеобеденные часы. Питался он объедками от посетителей, но еда казалась странной на вкус, и юноша тосковал по материнской стряпне, хотя не жаловался, даже про себя, жертвуя собственным здоровьем, лишь бы побольше накопить и поскорее добраться до сказочной сокровищницы. Джейми сделал выбор, и ничто теперь не могло остановить его: ни изнурительный труд, ни пропитанный миазмами воздух, ни тучи мух, не дававшие спать. Юноша чувствовал, что отчаянно одинок и несчастен в этом чужом городе, без родных и друзей, и хотя не был любителем шумных компаний, тяжело переживал полнейшую обособленность от окружающих. Наконец настал великий день, когда Джейми удалось собрать огромную сумму – двести фунтов. Пришла пора прощаться с городом и отправляться на поиски сокровищ.

Билеты на места в фургонах, перевозивших пассажиров на алмазные прииски в Клипдрифте, заказывались заранее, через транспортное агентство, располагавшееся в маленьком деревянном депо у пристани. Когда Джейми добрался туда к семи утра, в здание набилось столько народа, что войти не было никакой возможности. Сотни искателей счастья, приехавших из России, Америки, Германии, Австралии и Англии, боролись за право оказаться в фургоне. Они бранились на десятках языков, кричали, вопили, умоляли совершенно ошалевших кассиров отыскать хотя бы одно местечко. Джейми заметил, как плотный ирландец с трудом протиснулся сквозь толпу к выходу, кулаками расчищая себе дорогу.

– Простите, – обратился к нему юноша, – не знаете, что там происходит?

– Ничего, – раздраженно пробурчал тот. – Все билеты раскуплены на шесть недель вперед.

И, увидев, каким расстроенным стало лицо Джейми, добавил:

– Это" бы еще ничего, парень, но проклятые ублюдки берут по шестьдесят фунтов за человека.

Для Джейми такая цена была совершенно невероятной.

– Неужели нет никакого другого способа добраться до приисков?

– Целых два! Пешком или голландским экспрессом.

– Что такое голландский экспресс?

– Фургон, запряженный волами. Скорость две мили в час. К тому времени, как доберешься до места, все алмазы уже кончатся.

Джейми Мак-Грегор не имел ни малейшего намерения сидеть в Кейптауне, дожидаясь, пока истощатся алмазные прииски, поэтому все утро провел, пытаясь найти выход. Как раз к полудню он достиг цели.

Проходя мимо платной конюшни, юноша заметил вывеску «Почтовое депо» и, повинуясь внезапному импульсу, переступил через порог. В просторном помещении находился всего один человек, до того тощий, что казалось, все кости выпирают наружу. Он грузил большие мешки с почтой в высокий двухколесный экипаж с ящиком под сиденьем. Джейми, постояв секунду, наконец решился обратиться к незнакомцу.

– Простите, не вы, случайно, доставляете почту к Клипдрифт?

– Точно. Как раз загружаю.

Внезапная надежда загорелась в душе юноши.

– Пассажиров берете?

– Иногда.

Почтальон оторвался от своего занятия и оглядел Джейми:

– Сколько тебе лет?

Станный вопрос. Джейми пожал плечами.

– Восемнадцать. А что?

– Не берем никого старше двадцати одного, двадцати двух Здоровье хорошее? Час от часу не легче.

– Да, сэр.

Тощий мужчина выпрямился.

– Думаю, ты подойдешь. Отправляемся через час. Плата – двадцать фунтов.

Джейми все еще не мог поверить такой удаче.

– Вот здорово. Пойду соберу чемодан, и...

– Никаких чемоданов. Захвати с собой только рубашку и зубную щетку.

Джейми впервые пригляделся к повозке, маленькой, грубо сколоченной. Почти все пространство занимали мешки с почтой, и только за спиной кучера оставалось немного места, где мог усесться еще один человек, правда, скорчившись в самой неудобной позе. Путешествие обещало быть нелегким.

– Договорились! – вслух сказал юноша. – Пойду за рубашкой.

Когда Джейми вернулся, возчик уже запрягал лошадь. Рядом с повозкой стояли еще двое крепких молодых людей, один приземистый брюнет, другой – высокий светловолосый швед. Оба как раз вручали кучеру деньги.

– Погодите-ка! – вмешался Джейми. – Вы ведь сами сказали, что возьмете меня.

– Всех возьму, – кивнул тот. – Полезайте!

– Всех троих?!

– Точно.

Джейми не имел ни малейшего представления о том, как все он и уместятся в таком маленьком экипаже, но твердо намеревался выехать именно сегодня. Подойдя к остальным пассажирам, он назвал себя.

– Уоллек, – кивнул темноволосый.

– Педерсен, – представился швед.

– Повезло нам, правда? Хорошо, что не все знают о таком способе путешествий, – воскликнул Джейми.

– Да нет, всем давно это известно, Мак-Грегор, – пожал плечами Педерсен, – да только не у каждого хватит духу, чтобы на такое пойти, разве что у совсем отчаявшихся.

Не успел Джейми спросить, что имеет в виду швед, как возчик велел садиться. Трое мужчин кое-как втиснулись в повозку: колени высоко подняты, спины с силой прижаты к деревянной спинке сиденья кучера. Джейми выпало место как раз посередине. Невозможно было ни двинуться, ни глубоко вздохнуть, хотя он продолжал убеждать себя, что все еще не так плохо.

– Держись! – пропел кучер, и мгновение спустя они уже мчались по улицам Кейптауна в направлении Клипдрифта, где и находились вожделенные алмазные прииски.

Пассажиры, путешествующие в фургонах, запряженных волами,

пользовались относительными удобствами, поскольку места было много и брезентовые навесы защищали от палящего солнца. В каждом фургоне помещалась дюжина пассажиров, а на остановках можно было пообедать и отдохнуть. Путешествие занимало десять дней. Но почтовые экипажи – дело другое. Они вообще не делали остановок, разве только чтобы сменить лошадей или кучера. Четверо суток бешеной скачки по немощным дорогам любого могли довести до полусмерти. Рессорами такие тележки не были снабжены, и каждый толчок был подобен по силе удару лошадиным копытом.

Джейми стиснул зубы, моля лишь о том, чтобы наступила ночь. К утру он отдохнет, поест и вновь будет готов к изнурительной езде. Но к вечеру экипаж остановился всего на десять минут. Запрягли новую лошадь, на сиденье сел сменный возчик и тронул с места таким же бешеным галопом.

– Почему мы не остановились передохнуть? – спросил Джейми.

– Никаких остановок, – пробурчал кучер. – Это почтовый экипаж, мистер, нужно спешить. Не до отдыха тут.

Всю долгую ночь они скакали без остановки по пыльным ухабистым дорогам, взбираясь на холмы, спускаясь в лощины, оставляя позади выжженные равнины. На теле Джейми не осталось живого места: кожа покрылась синяками от непрерывных ударов. Он смертельно устал, но уснуть был не в силах и каждый раз, когда удавалось задремать, тут же вскидывался. Даже ноги было некуда вытянуть, а с боков его неимоверно стискивали соседи. Пустой желудок настойчиво напоминал о себе, мускулы ныли от недостатка движения. Джейми понятия не имел, сколько времени пройдет, прежде чем они наконец смогут остановиться и поест. Нужно было покрыть расстояние в шестьсот миль, и Джейми Мак-Грегор отнюдь не был уверен, что доживет до конца этого путешествия. Как, впрочем, и в том, хочет ли вообще дожить до этой минуты.

К концу вторых суток муки стали нестерпимыми. Спутники Джейми были в таком же жалком состоянии и даже не имели сил жаловаться. Теперь-то юноша понимал, почему компания требовала, чтобы пассажиры были молоды и здоровы.

На следующее утро они добрались до Грейт-Карру, где начиналась настоящая пустыня. Гигантский вельд простирался насколько хватало глаз: бурая унылая равнина, сжигаемая безжалостным солнцем. Пыль, жара и насекомые душили пассажиров. Иногда, сквозь болезненно-обморочную дымку, Джейми замечал группы людей, медленно бредущих в том же направлении, одиноких всадников и десятки фургонов, запряженных волами по восемнадцать-двадцать голов в упряжке; погонщики, размахивая

длинными кожаными кнутами, с криками подгоняли медлительных животных. Огромные повозки везли на тысячи и тысячи фунтов товаров: старательское оборудование, продукты, палатки, печи, муку, уголь, керосиновые лампы, кофе и рис, сахар и вина, одеяла и свечи, виски и обувь. Эта дорога была единственной ниточкой, связывающей заброшенные поселки старателей Клипдрифта с цивилизацией, позволяющей им выжить.

Только когда почтовый экипаж пересек Оранжевую реку, мертвенное однообразие вельда сменилось более радостным пейзажем. Растительность стала гуще, появилась зелень, на красной почве то и дело встречались островки высокой травы, сгибающейся под ветерком, то тут, то там торчали терновые кусты.

«Я должен выдержать это, – тупо повторял про себя Джейми, – должен».

И почувствовал, как робкая надежда закралась в измученное сердце.

Четыре бесконечных дня и ночи провели они в дороге, прежде чем добрались наконец до окраин Клипдрифта.

Конечно, Джейми Мак-Грегор не представлял, чего можно ожидать, но пейзаж, развернувшийся перед измученными, налитыми кровью глазами, был просто не правдоподобным. Клипдрифт представлял из себя обширный участок, на котором вдоль узких улочек и по берегам реки Ваал теснились палатки-фургоны. Грязная дорога буквально кишела кафрами, совершенно голыми, если не считать цветных курток, бородатыми старателями, людьми самых различных в прошлом профессий. В центре Клипдрифта возвышались ряды деревянных и жестяных лачуг, служащих магазинами, закусочными, бильярдными, столовыми, лавками по закупке алмазов и даже адвокатскими конторами.

На углу стоял ветхий «Ройял Арк Отель»: длинный ряд комнат без окон. Джейми спустился с повозки и тут же упал, как подкошенный: затекшие ноги отказывались служить. Голова кружилась, перед глазами все плыло. Наконец он нашел в себе силы подняться и заковылял к отелю, с трудом проталкиваясь через шумные толпы старателей. Комната, которую ему отвели, оказалась маленькой, невыносимо душной и кишела мухами. Но зато там был топчан! Джейми, не раздеваясь, повалился на него и тут же уснул. Он проспал восемнадцать часов, проснулся, чувствуя ужасную боль во всем теле и не в силах двинуть ни рукой, ни ногой. Зато все существо юноши наполняло торжествующее чувство победы.

– Я здесь! Я добился своего! – безостановочно пело в душе.

Едва не умирая от голоду, Джейми побрел на поиски какого-нибудь

места, где можно было поесть. Отель такой услуги не предоставлял, но на противоположной стороне улицы был маленький переполненный посетителями ресторанчик. Усевшись, он жадно накинулся на жареную рыбу, добавив к ней баранину, жаренную на вертеле, и политые сиропом пончики на десерт. Но тут его желудок, долго обходившийся без еды, начал подавать тревожные сигналы, и Джейми, решив немного передохнуть перед тем, как вновь начать уничтожать запасы ресторана, огляделся по сторонам. За соседними столиками старатели возбужденно обсуждали самое главное, интересующее каждого, – алмазы.

– ...Кое-какие алмазы еще остались в Хоуптауне, но основные залежи в Нью-Раш, вот увидите...

– ...В Кимберли народу больше, чем в Йобурге.

– ...Слышали о находке в Дютуаспане на прошлой неделе? Говорят, там алмазов больше, чем может унести человек!

– В Кристиане их тоже нашли. Собираюсь туда завтра. Значит, это правда. Здесь повсюду алмазы! Юноша так разволновался, что с трудом смог допить большую кружку кофе. Сумма, указанная в счете, ошеломила его. Два фунта три шиллинга за один обед!

– Видимо, придется на всем экономить! – решил он, выбираясь на шумную тесную улочку. Позади раздался знакомый голос.

– Все еще намереваешься разбогатеть, Мак-Грегор? Джейми обернулся. Это оказался Педерсеп, тот самый швед, с которым они приехали.

– Несомненно, – ответил Джейми.

– В таком случае, идем на поиски алмазов. Нам туда! показал Педерсен в направлении реки Ваал.

Они зашагали рядом.

Клипдрифт лежал в долине, окруженной холмами, и, насколько хватало глаз, повсюду расстилалась выжженная солнцем долина: ни клочка зеленой травы, ни кустика, ни деревца. В воздухе стояли тучи пыли, затрудняя дыхание. Река была всего в четверти мили, и по мере приближения к ней воздух становился прохладнее. Сотни старателей копошились в грязи: некоторые искали алмазы, ниже по течению промывали породу, покачивая лотками, остальные сортировали камни на грубо сколоченных шатких столах. Снаряжение было самым разнообразным – от установки для промывания породы по последнему слову техники до старых жестянок и ведер. Мужчины, все как один, загорелые, небритые, были одеты в выцветшие оборванные фланелевые цветные или клетчатые рубашки, вельветовые брюки и резиновые сапоги,

широкополые фетровые шляпы или пробковые шлемы. На каждом – широкий кожаный пояс с карманами для денег или алмазов.

Джейми и Педерсен подошли к самому краю берега и увидели, как совсем юный парнишка и мужчина постарше силились вытащить из земли огромный гранитный булыжник, желая посмотреть, что под ним. Рубашки их были насквозь мокры от пота. Неподалеку другая артель накладывала гравий в тележку, чтобы затем промыть его в лотке. Один из старателей покачивал лоток, а другой лил воду. Большие оставшиеся на дне камни вываливали на стол и тщательно осматривали.

– Не так уж сложно, на первый взгляд, – ухмыльнулся Джейми.

– Не обольщайтесь, Мак-Грегор. Я тут успел побеседовать кое с кем из старателей. Думаю, нас здорово одурачили.

– О чем это вы?

– Знаете, сколько в эти места понаехало таких, как мы, в надежде разбогатеть? Двадцать тысяч! На всех просто алмазов не хватит, приятель! Даже если залежи такие богатые, сомневаюсь, стоит ли игра свеч. Жариться на солнце летом, замерзать от холода зимой, мокнуть под проливными дождями и пытаться выжить в этой пыли и вони среди насекомых. Ни ванны, ни чистой постели, ни даже нормальных туалетов в этом проклятом городишке! Каждую неделю в реке Ваал кто-нибудь тонет. Конечно, бывают и несчастные случаи, но чаще всего, я слышал, какой-нибудь отчаявшийся бедняга сводит таким образом счеты с жизнью. Не понимаю, почему все эти люди предпочитают здесь торчать!

– Зато я понимаю, – кивнул Джейми, глядя на жизнерадостного мальчишку в грязной рубахе. – Затем, чтобы промыть очередную порцию породы.

Но по пути в город даже он вынужден был признать, что Педерсен во многом прав. Повсюду валялись скелеты и трупыдохлых быков, овец и коз, оставленных разлагаться под жгучим солнцем рядом с широкими, ничем не прикрытыми канавами, служившими отхожими местами. Вонь стояла ужасающая.

– Ну, и что ты собираешься делать? – спросил Педерсен, искоса наблюдая за ним.

– Добыть хоть какое-нибудь снаряжение.

В самом центре города стояла лавка. На ржавой железной вывеске едва выделялись выцветшие от солнца и дождей слова:

«Соломон ван дер Мера. Универсальный магазин».

Высокий чернокожий парень, примерно одних лет с Джейми, разгружал перед входом фургон. Джейми он показался одним из самых

красивых мужчин, когда-либо встреченных в жизни, – широкоплечий, мускулистый, с глубокими черными глазами, орлиным носом и гордым профилем. В нем чувствовались несомненное достоинство и спокойная отрешенность.

Негр легко вскинул на плечи тяжелый деревянный ящик, повернулся и, наступив на капустный лист, валявшийся на мостовой, едва не упал. Джейми инстинктивно вытянул руки, чтобы поддержать его. Но чернокожий, ничем не давая знать, что заметил юношу, молча вошел в лавку. Бур-старатель, запрягавший неподалеку мула, плюнул и презрительно объяснил:

– Это Бэнда из племени баролонг. Работает на мистера ван дер Мерва. Не могу понять, зачем он держит этого черномазого наглеца. Сволочные банту считают, что умнее их на свете нет!

В лавке было прохладно и темно, особенно после жаркой шумной улицы, и Джейми облегченно вздохнул, втягивая ноздрями непривычные экзотические ароматы. Казалось, на полках не было ни дюйма свободного пространства – все заполняли товары. Он медленно обошел лавку, зачарованно разглядывая сельскохозяйственные орудия, банки с пивом и молоком, глыбы масла, мешки с цементом, ящики с порохом и динамитом, фаянсовую посуду, мебель, ружья и галантерею, керосин, краски и лаки, бекон и сушеные фрукты, седла и сбрую, мыло и спиртное, канцелярские принадлежности и бумагу, сахар, чай, табак и сигары... Несколько полок с потолка до пола были битком набиты фланелевыми сорочками, одеялами, обувью, капорами. Джейми подумал, что владелец всего этого должен быть очень богатый человек.

– Могу я чем-нибудь помочь вам? – раздался позади нежный голосок.

Джейми обернулся и очутился лицом к лицу с молоденькой девушкой лет, как ему показалось, около пятнадцати, с необычным лицом, тонким, задумчивым, и серьезными зелеными глазами. Темные вьющиеся волосы рассыпались по плечам. Приглядевшись к фигуре девушки, Джейми решил, что ей, должно быть, все-таки ближе к шестнадцати.

– Я старатель, – объявил он, – и хочу купить кое-какое снаряжение.

– Что вам угодно?

Джейми по какой-то причине захотелось произвести впечатление на девушку.

– Ну..., вы знаете..., все, как обычно.

– Что именно из обычного, сэр? – лукаво улыбнулась она.

– Ну... – поколебался Джейми, – лопату.

– И все?

Джейми понял, что девушка подсмеивается над ним, и, ухмыльнувшись, сознался:

– По правде говоря, я здесь новенький и совсем не представляю, что же требуется старателю.

Девушка снова улыбнулась, чисто женской, мудрой улыбкой.

– Зависит от того, что вы собираетесь искать, мистер...

– Мак-Грегор. Джейми Мак-Грегор.

– Я Маргарет ван дер Мерв, – ответила она, испуганно оглядываясь на дверь, ведущую во внутреннее помещение.

– Рад познакомиться, мисс ван дер Мерв.

– Только что приехали?

– Да. Вчера. Почтовым экипажем.

– Неужели вас никто не предупредил? Бывало, что пассажиры умирали в дороге! Глаза ее гневно блеснули.

– Не сомневаюсь, – усмехнулся Джейми. – Но я жив и вполне здоров, хотя спасибо на добром слове.

– И собираетесь на поиски красивых камешков?

– Красивых камешков?

– Так голландцы называют алмазы, – пояснила Маргарет.

– Вы голландка?

– Да, мы из Голландии.

– А я шотландец.

– Это сразу заметно, – кивнула девушка, вновь опасливо поглядывая вглубь лавки.

– Здесь повсюду алмазы, мистер Маг Грегор, но нужно знать, что ищешь. Многие старатели этого не понимают, и когда кто-нибудь открывает залежи, они бросаются подбирать, что осталось. Если стремиться разбогатеть, нужно найти собственную трубку.

– Но как это сделать?

– Наверное, мой отец смог бы помочь вам. Он все знает. Подождите, через час он освободится.

– Я обязательно вернусь, – заверил Джейми. – Спасибо, мисс ван дер Мерв.

Он опять очутился на улице, но на этот раз сгорал от радостного возбуждения, позабыв о боли и усталости. Если Соломон ван дер Мерв посоветует, где отыскать алмазы, Джейми просто не может потерпеть неудачу! Он обыграет всех и разбогатеет.

Юноша громко засмеялся, ощутив, как хорошо, когда ты молод, здоров и находишься на пути к богатству!

Джейми зашагал по главной улице мимо кузницы, бильярдной, нескольких салунов и остановился только перед обшарпанным убогим зданием. Вывеска гласила:

«Р.Д.Миллер. Горячие и холодные ванны. Открыто ежедневно с 6 ч, до 20 ч. Удобная чистая раздевалка».

Джейми вспомнил, что в последний раз мылся еще на корабле, и неожиданно понял, что пахнет от него, должно быть, не очень-то приятно, а ведь дома они мылись на кухне каждую субботу, да и мать предупреждала его, чтобы не забывал об аккуратности. Джейми вздохнул и направился в баню. Внутри оказалось два отделения, мужское и женское. Джейми открыл дверь с надписью «Для мужчин» и подошел к пожилому служителю:

– Сколько стоит принять ванну?

– 10 шиллингов за холодную, 15 – за горячую. Джейми колебался. Хорошо бы вымыться горячей водой после долгого путешествия!

– Холодную! – решил он.

Нельзя позволить себе выбрасывать деньги на такую роскошь, как горячая вода, ведь нужно еще купить снаряжение!

Служитель вручил ему маленький брусок желтого хозяйственного мыла и выношенное полотенце.

– Сюда, приятель.

Джейми очутился в маленькой комнатухе, где не было ничего, кроме большой металлической ванны и нескольких колышков на стене. Служитель опорожнил в ванну огромную деревянную лохань.

– Все готово, мистер. Одежду можно повесить вот на эти крючки.

Подождав, пока он выйдет, Джейми разделся. Оглядев серое от грязи тело, опустил ногу в ванну. Холодная! Сжав зубы, юноша плюхнулся в воду, старательно намыливаясь с головы до ног. Когда он наконец ступил на пол, вода в ванне почернела. Джейми вытерся, как мог, тоненьким матерчатым полотенцем и начал одеваться. Брюки и рубашка задубели от грязи. Он с отвращением натянул пропахшую потом одежду. Придется купить что-нибудь на смену. Джейми снова вспомнил, что денег осталось совсем мало. И к тому же опять захотелось есть.

Выйдя из бани, Джейми, с трудом пробравшись через толпу, очутился у салуна «Сандаунер» и заказал пиво, бараньи котлеты с помидорами, колбасу, картофельный салат и пикнули. Жадно поглощая еду, он прислушивался к обрывкам разговоров.

– ...Я слыхал, недалеко от Колсберга нашли камешек в двадцать два карата. Заметь, если там нашли алмаз, значит, можно отыскать еще кучу...

– ...В Хеброне обнаружили залежи. Я сам подумываю туда отправиться...

– Ты дурак! Настоящие алмазы только на Оранжевой реке...

У стойки бара бородатый посетитель во фланелевой полосатой рубашке без воротника и вельветовых брюках задумчиво вертел в руках большой стакан со спиртным.

– Совсем разорился в Хеброне, – признался он бармену. – Нужно срочно отыскать камешки.

Бармен, здоровенный лысеющий толстяк со сломанным носом и узкими острыми глазками, расхохотался:

– Черт побери, приятель, камешки всем нужны. Почему, думаешь, я здесь торчу?! Как только поднакоплю деньжат, тут же намылюсь на Оранжевую реку!

И, вытерев стойку грязной ветошью, добавил:

– Но я могу посоветовать вам, что делать, мистер. Поговорите с Соломоном ван дер Мервом. Он владеет самым большим магазином да Заодно и половиной города.

– А на что он мне?

– Если понравится старику, может снабдить снаряжением и припасами.

– Да ну? – удивился бородач. – С чего бы это?

– Я сам знаю нескольких парней, которым он помог. Вы вкладываете труд, он – деньги. Доходы пополам.

Джейми Мак-Грегор чуть не подпрыгнул от радостного волнения. По пути сюда он был уверен, что двухсот пятидесяти фунтов хватит для приобретения всего необходимого, но цены в Клипдрифте оказались просто грабительскими. Еще в лавке ван дер Мерва Джейми заметил, что стофунтовый мешок австралийской муки стоил пять фунтов, за фунт сахара просили шиллинг, за бутылку пива – пять, за дюжину яиц – семь. При таких расходах деньги в два счета разлетятся, а ведь дома можно было год прожить на то, что стоили всего три обеда! Но если удастся найти богача, вроде ван дер Мерва, который согласится помочь...

Джейми быстро доел котлеты и поспешил в магазин.

Соломон ван дер Мерв, маленький человечек с худым осунувшимся лицом и висячими усами, стоял за прилавком, вынимая ружья из деревянного ящика. Песочного цвета полосы, крохотные черные глазки, нос картошкой и поджатые губы.

– «Дочка, должно быть, в маму пошла», – подумал Джейми и откашлялся.

– Простите.
– Да? – поднял глаза торговец.
– Мистер ван дер Мерв? Меня зовут Джейми Мак-Грегор, сэр. Приехал из Шотландии, искать алмазы.

– Да? И что же?
– Я слышал, вы иногда поддерживаете старателей.
– Глупости! – пробурчал ван дер Мерв. – Кто только распространяет все эти сплетни! Помог кое-кому, так теперь считают меня Санта Клаусом!

– Мне удалось скопить сто двадцать фунтов, – серьезно возразил Джейми, – но, вижу, на такие деньги здесь много не купишь. Я бы отправился в буш только с одной лопатой, но, думаю, шансы на удачу намного повысятся, если бы заполучить мула и приличное снаряжение.

Прищуренные черные глазки внимательно изучали юношу.

– Но почему ты так уверен, что непременно отыщешь алмазы?

– Я полмира прошел, мистер ван дер Мерв, и не собираюсь уезжать, пока не разбогатею. Если поможете мне, не сомневайтесь, половина того, что найду – ваша.

Ван дер Мерв что-то проворчал под нос, повернулся спиной к Джейми и возобновил свое занятие. Юноша неловко переминался с ноги на ногу, не зная, что сказать. Неожиданный вопрос ван дер Мерва окончательно сбил с толку Джейми.

– Ты приехал сюда в пассажирском фургоне?

– Нет, сэр. В почтовом экипаже.

Старик еще раз внимательно оглядел юношу, кивнул и наконец сдался.

– Хорошо, поговорим попозже.

Они все обсудили этим же вечером за ужином в задней комнате магазина, где, собственно, и жил ван дер Мерв. Маленькое помещение служило сразу кухней, столовой и спальней, между двумя узкими топчанами висела старенькая занавеска. Нижняя часть стен была сложена из камней и глины, а верхняя – уставлена картонными коробками из-под товаров. Квадратное отверстие, прорезанное на уровне глаз, заменяло окно. В дождливую погоду его просто прикрывали ставней. Обеденным столом служила длинная доска, установленная на двух деревянных ящиках, а посуда стояла в большом ящике.

Джейми справедливо предположил, что ван дер Мерв – не из тех, кто легко расстаётся с деньгами.

Дочь торговца, стараясь не шуметь, готовила обед, бросая по временам быстрые взгляды на отца, но избегая глаз Джейми, который никак не мог понять, чем так напугана девушка.

Когда все расселись за столом, ван дер Мерв прочел короткую молитву и немедленно принялся за еду. Ужин был довольно скудным – небольшой кусок жареной свинины, три вареных картофелины и блюдо тушеной репы.

Мужчины едва обменялись словами, а Маргарет вообще молчала.

После ужина ван дер Мерв удовлетворенно вздохнул:

– Все было очень вкусно, дочка, спасибо. – И обратился к Джейми:

– Приступим к делу?

– Да, сэр.

Ван дер Мерв взял длинную трубку со шкафчика, набил ее сладко пахнувшим табаком из маленького кисета и закурил. Проницательные глаза пристально смотрели на Джейми сквозь дымное облако.

– Старатели здесь, в Клипдрифте, просто дураки. Слишком мало алмазов, слишком много народа. Можно гнуть спину целый год и найти несколько ничего не стоящих камешков, понимаешь?

– Я..., да, конечно. Но что же делать, сэр?

– Идти к грикуасам.

Джейми недоумевающе взглянул на голландца.

– Это африканское племя на севере страны. Вот они находят алмазы – большие, настоящие, иногда приносят сюда, и я обмениваю их на товары.

Торговец понизил голос до заговорщического шепота:

– Я знаю, где их найти.

– Но ведь вы можете сами отправиться туда, мистер ван дер Мерв.

– Нет, – вздохнул тот, – не на кого оставить лавку. Меня тут же обчистят до нитки. Когда найду честного человека, снаряжу его как полагается.

Он глубоко затянулся и добавил:

– Покажу ему, где находятся алмазы.

Сердце Джейми гулко забилося, он поспешно вскочил:

– Мистер ван дер Мерв! Я – тот, которого вы ищете, поверьте, сэр, и буду трудиться день и ночь. – Голос юноши дрожал от возбуждения. – Принесу вам алмазов столько, что и сосчитать не сможете!

Ван дер Мерв долго, целую вечность смотрел на Джейми, прежде чем вымолвить одно слово:

– Да.

На следующее утро Джейми подписал контракт, составленный на африкаанс.

– Сейчас все объясню, – помог ван дер Мерв. – Здесь говорится, что мы партнеры в равных долях. Я вкладываю капитал, ты – свой труд. Доходы делим поровну.

Джейми повнимательнее взглянул на бумагу в руке ван дер Мерва, где среди множества непонятных слов выделялась только сумма – два фунта.

– Что это такое, мистер ван дер Мерв? – удивился он.

– Это значит, что кроме права на половину найденных алмазов ты получаешь еще два фунта за каждую проработанную неделю. Хотя я уверен, что там есть камни, ты все-таки можешь не обнаружить их, приятель, а так хоть что-то будешь иметь за труд.

Голландец был более чем справедлив.

– Спасибо. Большое спасибо, сэр, – кивнул Джейми, едва удерживаясь от желания обнять его.

– Ну, а теперь нужно как следует снарядить тебя, – решил ван дер Мерв.

Два часа ушло на то, чтобы выбрать все, что хотел взять Джейми с собой в буш: маленькую палатку, спальный мешок, кухонную утварь, два сита, лоток, мотыгу, две лопаты, три ведра, одну смену белья и носков. К этому добавили топор, светильник и парафиновое масло, спички, несколько десятков банок с консервами, сушеное мясо и фрукты, сахар, соль и кофе. Наконец все было готово. Чернокожий слуга Бэнда молча помог Джейми сложить все в рюкзак. При этом великан ни разу не взглянул в сторону юноши. Джейми решил, что тот, наверное, не знает английского. Маргарет обслуживала покупателей в лавке, не подавая виду, что заметила Джейми.

Подошел ван дер Мерв.

– Мул привязан у входа. Бэнда поможет навьючить его, – сообщил голландец.

Потом сверился с листочком бумаги, покрытым цифрами:

– С тебя сто двадцать фунтов.

– Что? – непонимающе спросил Джейми. – Но ведь это часть нашей сделки. Мы...

– Сделки?!

Лицо ван дер Мерва потемнело от злости.

– Ты считаешь, что я дал тебе все даром, да к тому же сделал своим партнером и плюс два фунта в неделю! Если хочешь получить что-то даром, значит, попал не туда!

Он начал разбирать один из вьюков.

– Нет! – быстро сказал Джейми. – Пожалуйста, мистер ван дер Мера. Я..., я просто не понял. Все в порядке. Деньги у меня с собой.

Вынув кошелек, он положил на прилавок последние сбережения.

Ван дер Мерв поколебался.

– Ну хорошо, – проворчал он наконец, – может, это просто небольшое

недоразумение, так? В городе полно мошенников. Лишняя осторожность не помешает.

– Да, сэр, конечно, – согласился Джейми.

Несомненно, он был настолько взволнован, что чего-то не понял. Хорошо еще, голландец согласился дать ему шанс. Ван дер Мерв сунул руку в карман и вытащил маленькую, помятую, нарисованную от руки карту:

– Вот здесь будешь искать алмазы. К северу отсюда, в Магердаме, на северном берегу Ваала.

Джейми внимательно изучал карту, сердце билось все быстрее.

– В скольких это милях отсюда?

– Здесь расстояние измеряется временем. Путешествие на муле занимает четыре-пять дней. Обратная дорога может занять больше – в зависимости от веса алмазов.

Юноша, улыбаясь во весь рот, счастливо кивнул.

Когда Джейми вновь оказался на улицах Клипдрифта, он больше не казался себе туристом, нет, он был настоящим старателем, искателем алмазов, который вот-вот станет уважаемым богатым человеком.

Бэнда навьючил последний тюк на худого, еле держащегося на ногах мула, привязанного к столбу перед лавкой.

– Спасибо, – улыбнулся Джейми. Бэнда повернулся, взглянул ему прямо в глаза и молча отошел. Джейми отвязал поводья и сказал мулу:

– Вперед, партнер! На охоту за алмазами!

Они направились на север. К вечеру Джейми разбил лагерь у ручья, снял вьюки и покормил мула, приготовил нехитрый ужин. Ночь была наполнена странными звуками, воем, рычанием и криками диких животных, пришедших на водопой. Юноша чувствовал себя совершенно беззащитным, окруженным ужасными чудищами в незнакомой неведомой стране. При каждом шорохе он подпрыгивал, ожидал, что вот сейчас, немедленно на него нападут из темноты, но постепенно голова клонилась все ниже. Он подумал об уютной постели дома, тепле и комфорте, который всегда принимал как должное. Джейми спал плохо, и в кошмарах его постоянно преследовали рычащие львы и бешеные слоны, а какие-то бородатые люди пытались отобрать большой алмаз.

На рассвете Джейми, окончательно проснувшись, обнаружил, что мул издох.

Глава 2

Он просто был не в силах поверить этому, искал хоть какую-нибудь рану, думая, что возможно дикий зверь набросился на беднягу, но все напрасно – животное издохло во сне. Джейми был вне себя, уверенный, что ван дер Мерв во всем обвинит его, но наконец успокоился: увидев алмазы, голландец обо всем забудет.

Назад идти невозможно. Придется отправляться в Магердам без мула. Услыхав над головой какой-то звук, он поглядел вверх. Огромные черные стервятники медленно кружили в небе. Джейми содрогнулся и как можно быстрее уложил все, что собирался взять с собой, в рюкзак, остальное спрятал и начал тяжелое путешествие. Отойдя немного, Джейми оглянулся. Зловещие создания уже набросились на тело издохшего животного. Виднелось только одно длинное ухо. Джейми пошел быстрее.

Стоял декабрь, летний месяц в Южной Африке, и дорога через вельд под палящим солнцем была истинной пыткой. Джейми вышел из Клипдрифта бодрым шагом и с легким сердцем, но по мере того, как минуты превращались в часы, а часы в дни, он брел все медленнее, а сердце сжимала тоска. Насколько мог видеть глаз, простирался унылый выжженный вельд; казалось, конца не было серым каменистым пустынным равнинам.

Джейми обычно раскидывал лагерь у какой-нибудь лужи. Постепенно он привык к ночным зверям и спал спокойнее. Шорохи и крики служили доказательством того, что в этой пустыне есть жизнь, и Джейми не так остро ощущал одиночество. Как-то на рассвете он набрел на логовище львов и долго наблюдал с почтительного расстояния, как львица возвращалась к самцу и детенышам с молодой антилопой в пасти. Потом бросила добычу перед львом и отошла в сторону, дожидаясь, пока тот насытится. Легкомысленный львенок выскочил вперед и вонзил зубы в антилопу. Лев поднял лапу, одним ударом уложил смельчака и возвратился к прерванному занятию. Лишь когда он утолил голод, остальному семейству было позволено доесть то, что осталось.

Джейми осторожно попятился и, ступая как можно тише, пошел дальше. Пересечь Карру удалось только через две недели. Не раз юношу охватывало желание повернуть обратно, он уже и не надеялся добраться живым. Он корил себя за то, что сразу не вернулся в Клипдрифт и не попросил у ван дер Мерва еще одного мула. Но что если тот рассердится и

скажет, что разрывает договор?! Нет-нет, нужно идти вперед. И Джейми Мак-Грегор шаг за шагом подвигался к намеченной цели. Однажды он заметилдвигающиеся навстречу четыре неясных силуэта. Сначала Джейми подумал, что это мираж, но фигуры все приближались, и сердце его тревожно застучало. Люди! Здесь есть люди! Язык отказывался повиноваться юноше. Он попытался что-то сказать, но с губ срывались невнятные звуки. Четверо мужчин, усталых и измученных, поравнялись с ним.

– Здравствуйте, – кивнул Джейми. Они кивнули; один из старателей бросил на ходу:

– Вперед ничего нет. Мы смотрели. Зря тратишь время, возвращайся.

И Джейми вновь остался один. Он отрешился от всего, кроме выжженной зноем земли под ногами. Солнце и черные мухи немилосердно мучили его, но скрыться было негде. Изредка встречались терновые заросли, но листья были объедены слонами. Джейми ослаб, обожженная кожа покрылась волдырями, а голова все время кружилась. При каждом вздохе легкие, казалось, вот-вот разорвутся. Он больше не мог идти, как обычно, а ковылял, спотыкаясь, с трудом переставляя ноги, с упорством помешанного, продвигаясь вперед и вперед. Джейми закрыл глаза и на ходу представлял себя огромным тиглем, а солнце – гигантским алмазом, беспощадными лучами плавящим его.

Как– то ночью бедняга проснулся, дрожа от холода, и заставил себя съесть несколько кусочков сушеного мяса и выпить тухлой воды. Он сознавал, что необходимо встать и идти, прежде, чем поднимется солнце, пока земля еще хранит ночную прохладу, но не мог заставить себя. Так просто -лежать, не двигаясь, не делая никаких усилий. Поспать бы еще хоть немного! Но какой-то настойчивый голос в душе твердил, что он уже больше не проснется и тело его найдут много времени спустя, как трупы сотен других. Джейми вспомнил стервятников и подумал:

– Даже тела не будет – только скелет.

Медленно, с трудом поднявшись, он попытался взвалить ранец на спину, но не смог, и поплелся дальше, волоча за собой ношу. Несчетное количество раз Джейми падал и вновь вставал. Однажды он даже завопил прямо в предрассветное небо:

– Я Джейми Мак-Грегор и добыюсь своего! Я выживу! Слышишь, Боже? Выживу!

В мозгу взрывались чьи-то голоса.

«Собираешься искать алмазы? Ты, должно быть, спятил, сынок! Это все сказки, дьявольское искушение, чтобы отвлекать людей от честного

труда».

«Почему не признаешься, где деньги на дорогу взял? Это ведь на другом конце земли. У тебя ничего не было!»

«Мистер ван дер Мерв! Я тот человек, которого вы ищете. Поверьте, сэр, я буду работать день и ночь и принесу вам столько алмазов, что вы не сосчитаете!»

А он уже погибает, даже не успев начать. У него только два выбора – идти вперед или остаться здесь и умереть..., умереть..., умереть.

Через два дня Джейми Мак-Грегор добрал до деревни Магердам. Солнечные ожоги воспалились, и вся кожа сочилась кровью и гноем. Глаза распухли так, что были видны лишь узенькие щелки. Бедняга рухнул прямо посреди улицы; грязные лохмотья прикрывали исцарапанное тело. Когда набежавшие старатели попытались снять с него рюкзак, Джейми начал из последних сил отбиваться, лихорадочно, бредово повторяя:

– Нет! Руки прочь от моих алмазов! Не смейте прикасаться к моим алмазам!

Только через три дня он проснулся в крохотной убогой комнатке, совершенно голый, если не считать бинтов, обматывающих тело, и первое, что увидел – полную женщину средних лет, сидевшую у изголовья топчана.

– Что... – прохрипел он, не в силах больше выдать ни слова.

– Все в порядке, дорогой. Ты был болен. Женщина осторожно приподняла его забинтованную голову и дала напиток из оловянной чашки.

Джейми, собрав все силы, смог чуть приподняться:

– Где?...

Он сглотнул и попытался еще раз:

– Где я?

– В Магердаме. Я Элис Джарден. Ты в моем пансионе. Скоро поправишься. Просто тебе нужно хорошенько отдохнуть. Ляг поспи.

Джейми вспомнил незнакомцев, пытавшихся отобрать у него рюкзак, и, охваченный паникой, заметался:

– Мои вещи..., где?

Но женщина, нежно улыбнувшись, вновь успокоила юношу, показав на лежавший в углу рюкзак:

– Все цело. Не волнуйся, сынок. «Я дошел. Сумел. Теперь все будет хорошо». Элис Джарден была истинным благословением Божиим не только для Джейми Мак-Грегора, но и для половины населения Магердама. В этом шахтерском городке, полном авантюристов всех мастей, одержимых одной мечтой, эта женщина считалась всеобщей матерью – она кормила их,

ухаживала за ними, ободряла, утешала. Элис была англичанкой и приехала в Южную Африку вместе с мужем, когда тот решил бросить место учителя в Лидсе и отправиться в погоню за алмазами. Через три недели после приезда он умер от лихорадки, но Элис решила остаться. Старатели стали для нее детьми, которых у нее никогда не было.

Элис продержала Джейми в постели еще четыре дня: кормила, меняла бинты, помогая вернуть прежние силы. К концу недели тот смог вставать.

– Я хочу сказать, что бесконечно благодарен вам, миссис Джарден. Сейчас мне нечем заплатить, но, поверьте, когда-нибудь вы получите самый большой алмаз. Это обещаю вам я, Джейми Мак-Грегор.

Элис улыбнулась, услышав, сколько силы и страсти звучало в голосе совсем еще молодого человека. Джейми похудел на двадцать фунтов, в глазах все еще стоял ужас пережитого, но были в нем серьезность и решимость, выделявшие этого юношу из общей массы. Миссис Джарден подумала, что ей редко приходилось встречать подобных людей.

Натянув чистую выглаженную одежду, Джейми отправился осматривать город. Похож на Клипдрифт, только поменьше. Такие же палатки, фургоны, пыльные улицы, наспех построенные лавчонки и множество старателей. Проходя мимо салуна, Джейми услышал веселый рев и решил заглянуть. Шумная толпа собралась вокруг ирландца в красной рубашке.

– Что происходит? – спросил Джейми.

– Парень обмывает свою находку.

– Как это?.

– Добыл немного алмазов и угощает всех, кто войдет в салун.

Джейми затеял разговор с несколькими угрюмыми посетителями, сидящими за круглым столом.

– Откуда ты, Мак-Грегор?

– Из Шотландии.

– Ну что ж, не знаю, каким дерьмом вы там питались, но в этой хреновой стране не хватает алмазов даже на то, чтобы кое-как перебиться.

Они потолковали о других поселках: Гонг-Гонг, Делпорте, Сикспенни, Раш, Форлон Хоуп... Все старатели в один голос твердили: недели, месяцы тяжелого изматывающего труда, когда приходится перетаскивать

неподъемные камни, вгрызаться в твердую почву, рыться в грязи, почти ни к чему не приводят. Правда, алмазы есть: каждый день можно найти два-три; разбогатеть не разбогатеешь, но этого вполне достаточно, чтобы не убить мечту. В поселке царило странное настроение – смесь оптимизма и пессимизма. Оптимисты приезжали – пессимисты покидали это проклятое место. Но Джейми знал, на чьей он стороне.

Он подошел к удачливому ирландцу, уже сильно осовевшему от выпитого, и показал карту ван дер Мерва.

Тот взглянул на отрывок бумаги и бросил его обратно:

– Чепуха! Здесь все перерыли. На твоём месте я бы попытал счастья в Бэд Хоуп.

Джейми не поверил. Именно карта привела его сюда, путеводная звезда, которая поможет разбогатеть.

– Лучше иди в Коулберг, – вмешался другой старатель. – Там скорее отыщешь алмазы, сынок.

– Вовсе нет! – заспорил третий. – Джелфилленс Коп, вот это местечко!

– Скорее уж Мунлайт Раш, если хотите знать мое мнение. Вечером за ужином Элис Джарден посоветовала:

– Джейми, не все ли равно, где начать? Выбери себе местечко, работай киркой и молись. Именно так и поступают все эти знатоки.

После бессонной ночи, проведенной в непрерывных спорах с собой, Джейми решил забыть о карте ван дер Мерва и, не слушая ничьих советов, отправиться на восток вдоль реки Моддер. На следующее утро, попрощавшись с миссис Джарден, он пустился в путь.

Джейми шел три дня и две ночи, а когда отыскал, как ему показалось, подходящее место, раскинул маленькую палатку. По обоим берегам реки теснились огромные валуны, и Джейми, действуя толстыми палками как рычагами, один за другим выворачивал их из земли, чтобы копать без помех.

Он работал с рассвета до заката, выискивая желтую глину или голубую алмазосодержащую почву, указывающую на то, что наконец-то обнаружена алмазная трубка, но все напрасно. Не найдя ни одного камешка, отправился дальше. Как-то Джейми увидел вдалеке что-то похожее на серебряный домик, ослепительно блестящий на солнце. И подумал, что должно быть вновь видит галлюцинации от усталости, но вскоре добрался до дере-
вешки,

где все крыши были покрыты расплюснутыми жестяными консервными банками, наспех скрепленными и прибитыми к неструганым доскам. Он не остановился, а когда, прошагав несколько миль, оглянулся, далеко позади увидел слабо различимое сияние. Это потрясающее зрелище Джейми помнил всю жизнь.

Он упорно продолжал идти вперед, на север, следуя изгибам реки, работал до изнеможения. Когда наступала темнота, валился, как подкошенный и сразу засыпал.

В конце второй недели Джейми прошел еще вверх по течению и остановился около маленького поселка Паардспан, у речного изгиба, поужинал сушеным мясом, чуть поджаренным на вертеле над огнем, и горячим чаем, потом уселся перед палаткой, глядя на подмигивающие звезды на темном бархате неба. Вот уже две недели он не встречал ни одного человека.

«Какого черта я здесь делаю? – подумал он. – Сижу посреди пустыни, как проклятый дурак, довожу себя до полусмерти, переворачивая горы земли. Уж лучше работать на ферме». Поглядев еще в равнодушное небо, Джейми завопил:

– Слышишь меня, черт возьми?!

– О Господи, – восторженно воскликнул он, – кажется, я схожу с ума!

Джейми лениво запустил руку в песок, пропуская его между пальцами, но тут наткнулся на что-то твердое. Большой камень. Мельком взглянув на него, отбросил. За последние недели он видел столько таких ничего не стоящих булыжников, ван дер Мера называл их пустышками, но тут что-то привлекло внимание Джейми, какой-то отблеск. Он встал, нагнулся и вновь поднял отброшенный обломок. Какая странная форма!

Джейми потер камешек и поднес к глазам. Похоже на алмаз! Единственное, что заставляло Джейми сомневаться, – размер находки. Таких в природе не бывает! Размером чуть не с куриное яйцо! О Господи! Если это алмаз!...

Джейми внезапно почувствовал, что ему трудно дышать, и, схватив фонарь, начал шарить по земле. Через четверть часа, он нашел еще четыре, почти таких же, правда, не столь больших, как первый, но все же дикое возбуждение охватило юношу.

Он вскочил задолго до рассвета и начал как сумасшедший работать киркой. К полудню на земле лежало еще полдюжины крупных алмазов. Всю следующую неделю Джейми лихорадочно переворачивал землю, а по ночам прятал сокровища в потайном месте, где на него не могли наткнуться прохожие. Каждый день богатство все прибывало, и невыразимая радость

наполнила душу Джейми. Конечно, половину найденных алмазов придется отдать, но и оставшихся было достаточно, чтобы все самые невероятные мечты сбылись.

К концу недели Джейми сделал отметку на карте, тщательно отметил границы участка, вырыл запрятанные алмазы и отправился обратно в Магердам.

Вывеска на убогом домике гласила: «Оценка алмазов».

Джейми очутился в маленькой душной комнатенке, с трудом преодолевая внутренний трепет – ведь он наслушался десятков историй о якобы алмазах, оказавшихся ничего не стоящими камешками. Что если и с ним произойдет то же самое?

Оценщик, сидевший за загроможденным пробирками столом, поднял глаза:

– Чем могу помочь? Джейми глубоко вздохнул:

– Сэр, пожалуйста, нельзя ли оценить вот это?

Под бдительным взглядом оценщика он начал выкладывать на стол камни, всего двадцать семь штук.

Оценщик в изумлении уставился на лежащие перед ним сокровища:

– Где..., где ты достал это?

– Расскажу после того, как определите, вправду ли это алмазы.

Мужчина поднял самый большой камень и внимательно рассмотрел через увеличительное стекло.

– Боже! Никогда не видел такого огромного алмаза, – охнул он, и Джейми, только сейчас сообразив, что боялся дышать все это время, чуть не завопил от радости.

– Но откуда..., откуда эти камни?

– Приходите в закусочную минут через пятнадцать, – ухмыльнулся Джейми, – и я все объясню.

Он собрал алмазы, сложил их в карман и направился в регистрационную контору.

– Хочу зарегистрировать заявку на имя Соломона ван дер Мерва и Джейми Мак-Грегора.

Он вошел в эту дверь нищим деревенским мальчишкой, а вышел мультимиллионером.

Оценщик уже ждал в кабачке. Он, очевидно, уже успел разболтать о богатой находке, потому что Джейми был встречен почтительным молчанием. В глазах каждого светился один и тот же невысказанный вопрос.

Джейми подошел к бару и объявил:

– Желаю обмыть удачу.

Потом повернулся к ожидавшей толпе:

– Паардспан.

Элис Джарден сидела за чашкой чая, когда в кухне появился Джейми. Женщина радостно восторгалась.

– О Джейми! Слава Богу, ты вернулся! И заметив взъерошенные волосы и покрасневшее лицо, добавила:

– Ничего не вышло? Не беда, бывает. Выпей-ка лучше чайку, дорогой, сразу станет легче.

Джейми молча сунул руку в карман и, вытащив большой алмаз, положил его в ладонь миссис Джарден.

– Я сдержал обещание.

Элис долго смотрела на камень; голубые глаза заблестели от слез.

– Нет, Джейми, нет, – очень тихо прошептала она. – Я не хочу. Неужели ты не понимаешь, дитя мое? Это только все испортит...

Джейми возвратился в Клипдрифт как подобает состоятельному человеку. Он обменял самый маленький алмаз на лошадей с повозкой, тщательно записав все расходы, чтобы не обмануть партнера, поэтому обратное путешествие не отняло много времени и прошло без особых трудностей. Вспоминая, через какой ад ему пришлось пройти, Джейми был преисполнен изумления.

– Так вот в чем разница между бедными и богатыми. Бедняки ходят пешком, богачи ездят в экипажах.

Он слегка стегнул лошадь кнутом и спокойно продолжал путь по сумеречному вельду.

Глава 3

Клипдрифт оставался все таким же – изменился сам Джейми. Дело было не столько в дорогой лошади и экипаже, привлекавших внимание прохожих, сколько в торжествующем виде молодого человека.

Обитатели города видели такое выражение раньше: на лицах удачливых старателей, и эти встречи наполняли людей новой надеждой на собственное обогащение. Они молча наблюдали, как Джейми остановился у магазина ван дер Мерва. Все тот же темнокожий слуга стоял перед дверью.

– Привет! – улыбнулся Джейми. – Я вернулся.

Бэнда, по-прежнему не произнося ни слова, привязал поводья к коновязи и вошел в лавку. Джейми последовал за ним.

Соломон ван дер Мерв обслуживал посетителя. Завидев Джейми, он улыбнулся, и юноша понял, что коротышка-голландец уже успел услышать радостное известие. По какой-то необъяснимой причине новости о каждом новом найденном месторождении распространялись по стране со скоростью света.

Выпроводив покупателя, хозяин мотнул головой в сторону задних комнат:

– Пойдемте, мистер Мак-Грегор.

Джейми последовал за ним. У плиты стояла дочь ван дер Мерва, занятая приготовлениями к обеду. Джейми поздоровался, но девушка, покраснев, отвела глаза.

– Ну что ж! До меня дошли хорошие вести! – расплылся в улыбке голландец и, усевшись за стол, отодвинул тарелки и столовые приборы, освобождая место.

– Совершенно верно, сэр!

Джейми с гордой улыбкой сунул руку в карман, вынул большой кожаный кисет, открыл его. На чисто выскобленные доски посыпался дождь алмазов. Ван дер Мера, как загипнотизированный, долго смотрел на камни, потом осторожно поднес к глазам каждый алмаз, оставив напоследок самые крупные, и наконец, собрав все в замшевый мешочек, уложил в большой железный сейф, запер его, удовлетворенно кивнул:

– Вы хорошо поработали, мистер Мак-Грегор. Очень хорошо.

– Спасибо, сэр. Но это только начало: там их сотни и тысячи. Боюсь даже предположить, сколько все это стоит.

– Но вы, надеюсь, зарегистрировали заявку, как полагается?
– Конечно, сэр, на нас обоих.
Джейми протянул старику квитанцию.
Ван дер Мера изучил документ, сунул его в карман.
– Вы заслужили премию. Подождите здесь. Он направился к двери, ведущей в лавку, но на полпути обернулся:
– Пойдем, Маргарет.
Девушка покорно повиновалась приказу, и Джейми подумал, что она напоминает ему испуганного котенка.
Через несколько минут Соломон вновь вернулся, уже один.
– Вот и мы!
Открыв кошелек, он скрупулезно отсчитал шестьдесят фунтов.
Джейми недоуменно взглянул на него:
– Для чего это, сэр?
– Для тебя, сынок. Все это твое.
– Я..., я не понимаю.
– Ты отсутствовал двадцать четыре недели. По два фунта в неделю – это сорок восемь фунтов, и два фунта сверх в качестве премии.
– Не нужно мне премии, – засмеялся Джейми. – Хватит и моей доли алмазов.
– Твоей доли алмазов?
– Ну да, сэр. Моих пятидесяти процентов! Ведь мы партнеры!
Ван дер Мера удивленно поднял брови:
– Партнеры? Откуда ты это взял?
– Откуда я...
Джейми, окончательно сбитый с толку, не мог подобрать слов:
– Но у нас контракт.
– Совершенно верно. Ты его прочел?
– Ну..., нет, сэр! Ведь он на африкаанс, но вы сами сказали, что мы полноправные партнеры. Голландец покачал головой.
– Вы не поняли, мистер Мак-Грегор. Мне не нужны никакие партнеры. Вы работали на меня. Я дал вам снаряжение и послал искать алмазы для меня!
Джейми почувствовал, как медленно закипает в душе глухая ярость.
– Вы ничего не дали мне. Я заплатил за это снаряжение сто двадцать фунтов.
Старик пожал плечами.
– У меня слишком мало времени, чтобы тратить его на глупые споры. Давайте решим так: я даю вам еще пять фунтов, и будем считать дело

законченным. Думаю, это вполне приличная сумма.

– Ничего подобного! – взорвался Джейми, не заметив, как всегда в гнев, что говорит с сильным шотландским акцентом. – Мне принадлежит половина всего участка! И я получу все, что мне причитается: заявка зарегистрирована на нас обоих!

– Значит, вы пытались обмануть меня, – усмехнулся ван дер Мерв уголком рта. – Я мог бы потребовать вашего ареста! Он сунул деньги в руку Джейми.

– А теперь забирайте все, что вам причитается, и убирайтесь!

– Я обращусь в суд!

– У вас есть деньги на адвоката? Запомни, мальчишка, все они у меня в кулаке!

«Все это не наяву, – подумал Джейми. – Я сплю и вижу кошмарный сон».

Муки и боль, которые он претерпел, недели и месяцы в сжигаемой солнцем пустыне, изнурительный труд от рассвета до заката – все мгновенно пронеслось перед глазами Джейми. Он чуть не погиб, и вот теперь этот человек пытается лишить его честно заработанного состояния.

Он взглянул ван дер Мерву в глаза.

– Не думайте, что вам это сойдет с рук. Я не уеду из Клипдрифта и буду всем рассказывать, как вы меня ограбили. И получу свою долю этих алмазов.

Ван дер Мерв отвернулся, не в силах вынести ярости, горящей в этих бледно-серых глазах.

– Лучше поищи доктора, парень, – пробормотал он, – по-моему, ты немного повредился в уме от солнца.

Джейми одним прыжком оказался рядом с ван дер Мервом, поднял извивающегося, человека высоко в воздух.

– Обожди, еще пожалеешь, и очень пожалеешь, что встал на моем пути!

Он разжал руки, почти бросив ван дер Мерва на пол, швырнул деньги и вылетел из комнаты.

Когда Джейми Мак-Грегор вошел в «Сандаунер Салун», там почти никого не было: большая часть обитателей Клипдрифта уже отправилась в Паардспан. Гнев и отчаяние переполняли юношу. Произошло невероятное: еще полчаса назад он был богат, как Крез, и вот теперь опять стал нищим без гроша в кармане. Конечно, ван дер Мерв вор и грабитель, необходимо наказать его. Но как? Голландец прав – Джейми даже не на что было нанять адвоката. Он здесь чужой, а ван дер Мерв – уважаемый член общества.

Единственное оружие, оставшееся у Джейми, – правда. Он расскажет всем в Южной Африке о том, что сотворил ван дер Мерв.

Бармен Смит радостно приветствовал юношу:

– Добро пожаловать, мистер Мак-Грегор. Выпивка за счет заведения. Что вам подать?

– Виски.

Смит налил двойную порцию, поставил стакан перед Джейми. Тот осушил его одним глотком. Джейми не привык пить, и едкая жидкость сразу обожгла горло и желудок.

– Еще, пожалуйста.

– Конечно-конечно! Я всегда говорил, что шотландцы запросто перепьют кого хочешь!

Вторая порция прошла легче первой. Джейми вспомнил, что именно бармен посоветовал старателю обратиться за помощью к ван дер Мерву.

– Знаешь, что старый ван дер Мерв – мошенник? Пытается надуть меня и не отдать алмазы.

– Как? Но ведь это ужасно! – сочувственно покачал головой Смит. – Просто невероятно! Очень сожалею!

– Только ему это не удастся, – еле ворочая языком, продолжал Джейми. – Половина участка моя. Он вор, и я уж позабочусь, чтобы все об этом узнали.

– Поосторожней. Ван дер Мерв – известный человек в этом городе, – предупредил бармен. – Если собираетесь идти против него, вам нужна помощь. Я, собственно, знаю такого человека. Ненавидит ван дер Мерва еще почище вас.

Он огляделся как бы с целью убедиться, что рядом никого нет.

– В конце улицы есть старая конюшня. Я все устрою. Приходите туда вечером, часам к десяти.

– Спасибо, – благодарно вздохнул Джейми. – Я вас не забуду.

– Десять часов. Старая конюшня.

Ровно в десять Джейми подошел к покосившейся лачуге, наспех сколоченной из рифленой жести и стоявшей в стороне от главной улицы. Было совсем темно, нигде ни души; он, осторожно ступая, вошел внутрь и тихо позвал:

– Эй, кто-нибудь!

В ответ молчание. Джейми медленно, ничего не видя, осторожно прошел вперед. Глаза, немного привыкшие к темноте, различили неясные силуэты беспокойно переминающихся в стойлах лошадей; сзади послышался какой-то звук. Юноша хотел было обернуться, но не успел.

Металлическая палка обрушилась на спину; Джейми, не удержавшись на ногах, упал. Второй удар пришелся по голове; чьи-то огромные руки подняли его и удерживали, пока неизвестные работали кулаками и ногами: подкованные железом сапоги безжалостно вонзались в тело. Избиение, казалось, продолжалось уже много часов. Когда боль стала невыносимой и Джейми потерял сознание, на него вылили ведро воды. Глаза юноши чуть приоткрылись. Ему показалось, что одним из нападавших был Бэнда, слуга ван дер Мерва, но тут вновь посыпались удары: Джейми чувствовал, как ломаются ребра. Что-то упало на ногу, кость треснула.

И он второй раз лишился сознания. Все тело горело. Кто-то тер лицо наждачной бумагой, и Джейми тщетно пытался поднять руку, чтобы защититься. Он сделал невероятное усилие, чтобы открыть глаза, но распухшие веки отказывались повиноваться. Невероятная жгучая боль пронизывала все его существо. Где он? Что с ним?

Джейми чуть шевельнулся, и наждак вновь резанул щеки. Слепо пошарив рукой, он обнаружил, что лежит на горячем песке лицом вниз, и очень медленно, потому что самое легкое движение причиняло боль, смог встать на колени. Приоткрыть распухшие веки удалось с большим трудом, но все расплывалось в сероватой дымке. Одежды на Джейми не было. Совсем голый, беспомощный, брошенный где-то в безбрежной пустыне Карру... Было совсем рано, но солнце уже безжалостно палило землю. Джейми вслепую пошарил вокруг себя в поисках еды или жестянки с водой. Ничего. Привезли сюда и оставили, посчитав за мертвого. Соломон ван дер Мерв. И, конечно, бармен Смит. Джейми угрожал голландцу, и тот убрал его с пути легко и просто, словно наказал ребенка. Но Джейми снова и снова в который раз поклялся отомстить. Они заплатят, за все заплатят. Ненависть, охватившая душу Джейми, дала ему силы встать. Дышать было истинной мукой. Должно быть, все ребра перебиты.

«Нужно быть очень осторожным, не то обломки проткнут легкие», – напомнил себе Джейми и попытался встать, но тут же с воплем свалился. Правая нога тоже была сломана и лежала под неестественным углом. Он был не в состоянии идти, зато мог ползти.

Джейми Мак-Грегор не имел ни малейшего представления о том, где находится. Должно быть, его отвезли в какое-то место в стороне от большой дороги и бросили там, где никто не наткнется на труп, кроме

могильщиков пустыни – гиен и стервятников. Он уже видел желтеющие под солнцем обглоданные до костей скелеты; хищники не оставляли ни клочка мяса. Не успел Джейми подумать об этом, как услышал шелест крыльев и пронзительные крики гнусных птиц и почувствовал смертельный ужас – ведь он ослеп и не мог даже их увидеть, только чувствовал омерзительный запах.

Джейми пополз, сам не зная куда.

Он заставил себя сосредоточиться на боли, охватившей все существо: каждое незначительное движение вызывало новые мучительные судороги. Если он просто карабкался вперед, пульсирующие толчки в сломанной ноге тут же отдавались в мозгу; если чуть менял положение, чтобы побережь ногу, – ощущал, как трутся друг о друга обломки ребер. Лежать неподвижно не было никакой возможности, но и двигаться – столь же невыносимо.

Джейми продолжал ползти. Он слышал, как огромные птицы кружат над головой, выжидая с бесконечным, воспитанным веками терпением. Постепенно юноша начал бредить и впал в полубессознательное состояние. Вот он в прохладной Эбердинской кирхе, одетый, как всегда по воскресеньям, в чистый праздничный костюм, сидит между братьями. Сестра Мэри и Энни Корд, обе в красивых летних платьях, улыбаются ему. Джейми хотел встать и подойти к девушкам, но братья схватили его за руки и начали щипать, все больнее и больнее, пока наконец юноша очнулся и вновь оказался в пустыне, голый, искалеченный, обожженный солнцем. Крики крылатых хищников становились все громче и нетерпеливее.

Джейми пытался заставить веки приоткрыться, посмотреть, насколько низко спустились стервятники, но ничего не видел, кроме дрожащих силуэтов. Горячечный бред превращал их в гиен и шакалов. И не ветер, а жгучее зловонное дыхание мерзких тварей ласкало обожженную кожу.

Джейми продолжал ползти, потому что знал: стоит остановиться и они набросятся на него. Он весь горел от лихорадки и боли, жесткие песчинки раздирали кожу. И все же упрямо карабкался вперед – нельзя, чтобы вандер Мерв остался безнаказанным.

Джейми потерял всякое представление о времени. Должно быть, он успел проползти милю. На самом же деле несчастный слепо кружил на одном месте: ведь он ничего не видел. Только одна мысль сверлила мозг:

отомстить Соломону ван дер Мерву.

Юноша вновь потерял сознание и очнулся только от невероятной, ни с чем не сравнимой боли в ноге. С трудом припомнив все происходящее, Джейми приоткрыл один глаз. Громадная черная нахохлившаяся птица, сидевшая на ноге, бешено рвала живую плоть острым клювом, поедая его заживо. Джейми заметил выпуклые круглые глаза и грязный белый пух вокруг шеи, ощутил гнилостный запах, исходивший от зловещего создания, и попытался закричать, но с губ не сорвалось ни звука. Он лихорадочно дернулся: по ноге поползла теплая струйка крови. Над головой мелькали черные тени, готовые накинуться на него. Он знал, что, когда потеряет сознание еще раз, наступит конец. Жадные твари облепят его тело. И снова пополз.

Рассудком завладела бредовая горячка, но и сквозь туман Джейми слышал хлопанье крыльев. Стервятники спускались все ниже, ниже, а у него не было сил бороться. Джейми неподвижно лежал на горячем песке. Птицы приготовились разделить добычу.

Глава 4

Суббота была базарным днем в Кейптауне; на улицах полно прохожих: покупателей, зевак, мужчин, улизнувших из дому, чтобы встретиться с друзьями в кабачке, влюбленных, улучивших минутку, чтобы встретиться... Буры и французы, солдаты в ярких мундирах, дамы-англичанки в широких юбках и модных блузках – все дружно отправились на рынки, устроенные на городских площадях в Браамконшейне, Парк Тауне и Бюргерсдорпе.

Продавалось и покупалось все: мебель, лошади, экипажи, свежие фрукты, мясо, одежда и книги на десятках различных языков. В этот день город превращался в шумную праздничную ярмарку.

Бэнда медленно пробирался через толпу, стараясь не встречаться взглядом с белыми. Это было слишком опасно. По улицам шаталось много чернокожих, индийцев и метисов, но правило белое меньшинство. Бэнда ненавидел их, ведь это была его земля, а белые захватили все. На юге Африки жили разные племена базуту, зулу, матабеле, бечуаны, хотя общее название для всех было «банту», что означало «люди», «народ». Но баролонги, племя, к которому принадлежал Бэнда, считалось самым главным из всех, аристократией среди остальных племен. Бэнда вспомнил истории, которые рассказывала бабушка: некогда Южная Африка была единым королевством, где правил чернокожий король и не было белых. А теперь их земля, их страна захвачена горсткой белых шакалов, оттеснивших исконное население в бесплодные земли, отнявших у туземцев свободу. И теперь единственным способом выжить можно было лишь притворяясь кротким и покорным, скрывая ум и хитрость под личиной смирения.

Бэнда не знал, сколько ему лет, – ведь черным не выдавались свидетельства о рождении, а время измерялось только какими-либо значительными событиями, происходившими в племени: войнами, сражениями, кончинами великих вождей, появлениями комет, ураганами, землетрясениями, эпидемиями. Бэнда знал, что родился сыном вождя и поэтому обязан был сделать все возможное для своего народа. Когда-нибудь банту благодаря ему вновь возвысятся и будут править страной. Мысль об этом заставила Бэнду выпрямиться и принять гордую осанку, но в этот момент, почувствовав взгляд белого человека и вновь униженно опустив голову, чернокожий красавец поспешил на окраину города,

единственное место, где дозволялось жить туземцам. Большие дома и нарядные магазины уступили место лачугам, убогим хибарам и хижинам. Он углубился в паутину грязных лачуг, оглядываясь по временам, чтобы убедиться в отсутствии слежки. Наконец очутившись перед ветхим домишком, вновь огляделся, постучал дважды и вошел. На стуле в углу сидела худая чернокожая женщина и шила платье. Бэнда кивнул ей, не останавливаясь, прошел в спальню и долго смотрел на мечущегося в бреду человека.

Джейми Мак-Грегор пришел в себя только через шесть недель и обнаружил, что лежит в совершенно незнакомом доме. Волной нахлынули ужасные воспоминания: его бросили в пустыне одного, стервятники...

Но тут в крохотную комнатку вошел Бэнда, и Джейми понял, что сейчас его убьют. Ван дер Мерв каким-то образом узнал, что не добил врага и послал слугу прикончить его.

– Почему твой хозяин не пришел сам? – прохрипел Джейми.

– У меня нет хозяина.

– Ван дер Мерв... Разве не он послал тебя?

– Нет. Знай он, что мы здесь, убил бы обоих. Джейми окончательно растерялся.

– Где я? Скажи, где я очутился?

– В Кейптауне.

– Не правда! Как я мог попасть сюда?

– Приехал со мной.

Джейми долго смотрел в непроницаемые черные глаза и наконец спросил:

– Почему?

– Ты мне нужен. Хочу отомстить.

– Что ты?...

Бэнда приблизился к юноше и произнес:

– Не за себя. Я все переживу. Ван дер Мерв изнасиловал мою сестру, и она умерла при родах. Ей было только одиннадцать.

– Боже! – ошеломленно пролепетал Джейми.

– С того дня, как она умерла, я ищу белого, который смог бы помочь мне, и нашел его только той ночью, в конюшне, когда помогал избить вас, Мак-Грегор. Мы бросили вас в Карру, и мне было приказано не оставлять

вас в живых, но я сказал остальным, что дело сделано, и вернулся на это место, как только смог. Правда, чуть было не опоздал.

Джейми не мог удержаться, чтобы не вздрогнуть. Он все еще ощущал зловонное дыхание птиц, разрывающих живую плоть.

– Я еле отогнал стервятников, отнес вас в фургон и добрался до дома людей из моего племени. Наш лекарь перетянул сломанные ребра, наложил на ногу шину и положил снадобье на раны.

– А потом что было?

– Мои родные переезжали в Кейптаун и взяли вас с собой. Вы почти все время были без сознания, а когда засыпали, я очень боялся, что больше не проснетесь.

Джейми еще раз взглянул в глаза человека, едва не убившего его. Нужно было хорошенько все обдумать. Он не доверял Бэнде; однако тот спас ему жизнь. Бэнда хотел с его помощью отомстить ван дер Мерву, но ведь и Джейми нуждался в союзнике и ничего так не желал на свете, как заставить голландца заплатить за все злодеяния.

– Хорошо, – кивнул Джейми, подумав. – Я найду способ отомстить ван дер Мерву за нас обоих.

В первый раз Бэнда едва заметно улыбнулся:

– Он умрет?

– Нет, – твердо сказал Джейми, – он будет жить. Долго. В этот же день Джейми встал с постели, шатаясь от слабости: голова кружилась, по лицу градом катился пот. Сломанная нога еще не совсем зажила: он слегка прихрамывал. Бэнда попытался помочь Джейми, но тот отказался.

– Не нужно. Я сам справлюсь.

Бэнда молча наблюдал, как юноша медленно, держась за стену, делал первые шаги.

– Принеси зеркало, если есть, – попросил он, подумав, что, должно быть, выглядит ужасно, опухший и давно небритый.

Бэнда возвратился с маленьким зеркальцем, и Джейми впервые за много недель увидел свое лицо. Из маленького серебристого овала на него смотрел незнакомец. Волосы стали снежно-белыми, как и длинная спутанная борода. Сломанный нос так и остался чуть кривым. Джейми постарел лет на двадцать. На щеках виднелись глубокие борозды, от глаз до подбородка шел ярко-красный рубец. А глаза..., глаза человека, пережившего безмерную боль, ужасные страдания, наполненные всепоглощающей ненавистью.

Джейми медленно положил зеркало на стол.

– Пойду пройду, – решил он.

- Сожалею, мистер Мак-Грегор, но это невозможно.
- Почему?
- Белые не заходят в эту часть города, так же как черные не имеют права появляться в кварталах белых людей. Мои соседи не подозревают о вашем существовании. Мы привезли вас сюда ночью.
- Но как же мне уйти?
- Только когда стемнеет.
- Джейми, впервые поняв, на какой риск пошел ради него Бэнда, смущенно пробормотал:
- У меня нет денег. Нужно искать работу.
- Я работаю на судоверфи. Там всегда нужны люди. Бэнда вынул из кармана деньги и протянул Джейми.
- Возьмите.
- Тот благодарно кивнул.
- Устроюсь и возвращу долг.
- Лучше отдайте долг за мою сестру, – покачал головой Бэнда.

В полночь новый друг вывел Джейми из домика. Джейми огляделся. Они находились среди джунглей лачуг из ржавого рифленого железа, убогих хижин, сколоченных из гнилых досок и покрытых мешковиной. От мокрой после недавнего дождя земли шел мерзкий запах. Джейми не мог взять в толк, как люди, обладавшие, подобно Бэнде, повышенным чувством собственного достоинства, могут жить в таком месте.

- Разве здесь не...
- Не разговаривайте, пожалуйста, – прошептал Бэнда, – соседи здесь очень любопытные.
- Он вывел Джейми на окраину поселка и показал, куда идти, чтобы попасть в центр города.
- Увидимся на верфи, – кивнул он на прощанье. Джейми остановился в тех же меблированных комнатах, что и по приезде из Англии. Миссис Венстер, как всегда, сидела за конторкой.
- Мне нужна комната, – объявил Джейми.
- Конечно, сэр, – улыбнулась она, показывая золотую коронку. – Я миссис Венстер.
- Знаю.
- Откуда, интересно? – кокетливо спросила она. – Неужели ваши

друзья что-то рассказали обо мне?

– Миссис Венстер, неужели не помните меня? Остановливался здесь в прошлом году.

Женщина пристально всмотрелась в изуродованное шрамом лицо, заметила сломанный нос, седую бороду и недоуменно пожала плечами:

– Я никогда не забываю своих постояльцев, но вас в жизни не видела. Конечно, это не помешает нам подружиться, правда ведь? Приятели зовут меня Ди-ди. А тебя как зовут, любовничек?

– Трэйвис, – выдавил Джейми. – Йан Трэйвис. На следующее утро Джейми отправился на верфь искать работу.

Задерганный десятник вздохнул:

– Нам нужны сильные люди. Не слишком ли вы стары для такого тяжелого труда.

– Мне только девятнадцать, – начал было Джейми, но тут же осекся, вспомнив лицо в зеркале.

– Испытайте меня и увидите... – твердо сказал он. Его взяли грузчиком, пообещав платить девять шиллингов в день. Потом он случайно узнал, что Бэнде и остальным чернокожим платили только шесть шиллингов. Работа и впрямь была нелегкой – нагружать и разгружать приходявшие в порт корабли.

При первой же возможности Джейми отвел Бэнду в сторону и прошептал:

– Нам нужно поговорить.

– Не здесь, мистер Мак-Грегор. В конце доков есть заброшенный склад. Встречаемся там после конца смены.

Когда Джейми переступил порог ветхого здания, там уже ожидал Бэнда.

– Расскажи о Соломоне ван дер Мерве, – попросил юноша.

– Что вы хотите знать?

– Все.

Он с отвращением сплюнул:

– Он приехал в Южную Африку из Голландии – насколько я слышал, женился на очень богатой, но уродливой женщине. Она умерла от какой-то болезни, и ван дер Мера открыл на ее деньги магазин в Клипдрифте. Разбогател на том, что обманывает старателей.

– Так же, как меня?

– Ну, это только один способ. Старатели, наткнувшись на место, богатое алмазами, идут к нему, прося помочь оформить заявку, и не успеют они оглянуться, как владельцем оказывается ван дер Мера.

– Неужели никто не пытался бороться с ним?

– Кому это под силу? Все городские чиновники у него на откупе. Закон гласит, что, если заявка не оформлена за сорок пять дней, она считается ничьей. Чиновники сообщают об этом ван дер Мерву, и тот быстренько оформляет участок на свое имя. Это еще один из его трюков. Кроме того, участки должны быть огорожены колышками, вкопанными в землю и стоящими строго по прямой линии. Если колышки исчезают, заявку можно оформлять на любое другое имя. Когда ван дер Мера желает захватить понравившееся местечко, он посылает кого-нибудь ночью выдернуть колышки, и к утру бывший владелец лишается всех прав.

– Господи Иисусе!

– Он заключил сделку с барменом Смитом. Тот посылает простаков к голландцу, они подписывают контракт о партнерстве, и, если старатель нашел алмазы, ван дер Мера все забирает себе. И никто не смеет слова вымолвить – его наемники тут же расправятся с непокорным.

– Об этом мне известно, – мрачно сказал Джейми. – Что еще?

– Он религиозный фанатик. Вечно молится за души грешников.

– А как насчет дочери? Она, должно быть, тоже в этом замешана.

– Мисс Маргарет? Запугана отцом до смерти. Если она взглянет на мужчину, ван дер Мера убьет их обоих.

Джейми отвернулся, подошел к двери и долго глядел на гавань. Так просто эту задачу не решить – многое нужно обдумать.

– Ладно, встречаемся завтра здесь же и поговорим подробнее.

Только в Кейптауне Джейми осознал, какая огромная пропасть лежит между белыми и черными. У туземцев вовсе не было прав: их загоняли в грязные гетто и заставляли работать на белых.

– Как вы все это выносите? – спросил он однажды у Бэнды.

– Голодный лев прячет когти. Когда-нибудь все изменится. Белые используют только нашу силу, но скоро будут вынуждены признать, что и мы люди, умные, гордые, несломленные люди. Чем больше нас загоняют в угол хозяева, тем больше боятся, потому что знают: в один прекрасный день им воздается сторицей за все унижения. Вот этой мысли многие не в силах вынести. Но мы выживем, потому что обладаем «исико».

– Кто это «исико»?

– Не кто, а что, – покачал головой Бэнда. – Это трудно объяснить, мистер Мак-Грегор. «Исико» – наши корни, чувство того, что ты принадлежишь к нации, давшей название великой реке Замбези. Много поколений назад мои предки обнаженными вошли в воды Замбези, гоня перед собой стада. Самые слабые утонули, стали добычей бурных вод или

голодных крокодилов, но те, кто выжил, стали сильнее и возмужали. Когда умирает банту, «исико» требует, чтобы члены его семьи удалились в лес и остальные жители общины не видели их скорби. «Исико» – это презрение, которое чувствуешь к пресмыкающемуся рабу, уверенность в том, что каждый человек имеет право смотреть в лицо другому и равен остальным. Слыхали вы когда-нибудь об Джоне Тенго Джабаву?

Бэнда произнес это имя с величайшим почтением.

– Нет.

– Еще услышите, мистер Мак-Грегор, – пообещал Бэнда. – Очень скоро услышите.

И заговорил о другом.

В душе Джейми постепенно росло восхищение Бэндой. Сначала оба они достаточно подозрительно относились друг к другу. Джейми нужно было преодолеть неприязнь к человеку, едва не убившему его, а Бэнде с большим трудом пришлось научиться доверять исконному врагу – белому человеку. В отличие от большинства туземцев, которых знал Джейми, Бэнда был грамотным.

– Где ты ходил в школу? – спросил как-то Джейми.

– Нигде. Пришлось работать с самого детства. Меня учила бабушка. Она была служанкой у школьного учителя – бура. Сначала сама научилась читать и писать только для того, чтобы помочь мне! Я всем ей обязан.

В субботу вечером, после работы, Джейми впервые услышал о Намибской пустыне в Великом Намакуаленде. Они с Бэндой, как обычно, встретились в заброшенном складе и дружно уплетали жаркое из антилопы, приготовленное матерью Бэнды, очень вкусное, хотя, по мнению Джейми, с небольшим душком. Однако миски быстро опустели, друзья улеглись па старые мешки и возобновили разговор:

– Когда ты впервые встретил ван дер Мерва?

– Когда работал на алмазном берегу в Намибской пустыне. Он владеет этими разработками вместе с двумя партнерами.

Украл долю у какого-то бедняги-старателя и приехал осмотреть участок.

– Если ван дер Мера так богат, зачем ему работать в магазине?

– Магазин служит приманкой для новичков. А он все богатеет и богатеет.

Джейми вспомнил о том, как легко поддался на удочку. Да и чего было ожидать от доверчивого наивного мальчишки! Перед глазами всплыло хорошенькое овальное личико Маргарет. Как она сказала:

«Мой отец, наверное, поможет вам».

А он– то думал, что перед ним ребенок, пока не заметил ее грудь, и...

Джейми внезапно вскочил, широко улыбаясь, и багровый шрам на щеке странно задрожал.

– Каким же образом ты оказался в услужении у ван дер Мерва?

– Как-то раз он приехал на побережье с дочерью – ей тогда было лет одиннадцать, ну и девчонка, наверное, устала сидеть на жаре, пошла в воду, а прибой сбил ее с ног. Я тут же нырнул и вытащил ее, но, честно говоря, думал, ван дер Мерв убьет меня.

– За что?! – удивился Джейми.

– Потому что обхватил мисс Маргарет рукой, чтобы было удобнее плыть. Дело даже не в том, что я черный, а в том, что я мужчина. Сама мысль о том, что мужчина прикоснулся к дочери, непереносима для него. Кому-то удалось успокоить хозяина и объяснить, что я спасал жизнь девочке. Вот он и привез меня в Клипдрифт и взял в услужение.

Поколебавшись немного, Бэнда добавил очень тихо:

– Через два месяца навестить меня приехала сестра. Ей было столько же лет, сколько дочери ван дер Мерва. Джейми не нашел слов утешения. Наконец Бэнда прервал молчание:

– Нужно было оставаться в Намибской пустыне. Работа легкая – знай, ползай по песку, собирай алмазы и клади в жестяные баночки.

– Погляди-ка. Хочешь сказать, что алмазы валяются прямо на песке?

– Вот именно, мистер Мак-Грегор. Только забудьте об этом. Никому и близко не подойти к этому участку. Он выходит на океан, а волны там высотой чуть не в тридцать футов. Побережье даже не охраняется. Многие люди пытались пробраться туда с моря, да только все погибли на рифах или утонули.

– Значит, есть какой-нибудь другой способ?

– Нет. Пустыня простирается прямо до океанского побережья.

– А вход на алмазные поля?

– Там сторожевая башня и колючая проволока, а за оградой – охранники с винтовками и собаками, обученными рвать человека на куски. Кроме того, у них есть новые взрывные устройства – мины. Они зарыты по всему участку, и, если у вас нет карты минных полей, стоит только наступить на такую мину, и от тебя ничего не останется.

– А как велик этот участок?

– Примерно тридцать шесть миль в длину. Тридцать шесть миль усыпанного алмазами песка...

– Господи Боже!

– Не вы первый загораетесь желанием добраться до алмазных полей в

Намибии и не последний, конечно. Я видел, что оставалось от людей, пытавшихся добраться туда на лодке я попавших на рифы, или от тех, кто сделал шаг в сторону и наступил на мину. Если бы вы только знали, как расправляются с незваными гостями. Овчарки просто перегрызают им горло. Оставьте ненужные мечты, мистер Мак-Грегор. Я был там, и, поверьте, оттуда никто не возвратился живым.

В эту ночь Джейми так и не смог уснуть – перед глазами все время вставало волшебное видение – тридцать шесть миль песка, усеянного огромными алмазами, принадлежащего ван дер Мерву. Он думал о море, острых как бритва рифах, собаках-людоедах, охранниках и смертоносных минах. Опасность его не пугала, смерть не страшила. Он только боялся умереть до того, как оплатит Соломону ван дер Мерву.

В следующий понедельник Джейми пошел в лавку, где продавали карты, и купил карту Великого Намакуаленда. Участок океанского побережья, простиравшийся от Модерице на севере до устья Оранжевой реки на юге, был помечен ярко-красными буквами: «Закрытая зона».

Джейми часами изучал каждую деталь на желтом нарисованном поле, снова и снова всматриваясь в карту. Между Южной Америкой и Южной Африкой – три тысячи миль водной глади; ничто не сдерживало волны, и вся их ярость обрушивалась на смертельно опасные рифы южноатлантического побережья. В сорока милях к югу находился песчаный пляж, и решил, что именно отсюда все эти бедняги, пытавшиеся пробраться на алмазные поля, отправлялись в последнее плаванье. Глядя на карту, он понял, почему берег не охраняли, пройти через рифы не было никакой возможности. Джейми взгляделся в то место, где находился главный вход на богатый алмазами участок. Если верить Бэнде, он был обнесен колючей проволокой и двадцать четыре часа в сутки патрулировался вооруженными охранниками. У ворот, кроме того, стояла сторожевая вышка, и если даже удастся проскользнуть мимо бдительных стражников, существовала опасность наткнуться на мину или быть разорванным собакой.

На следующий день, встретившись с Бэндой, Джейми спросил:

– Ты сказал, что существуют карты минных полей?

– Да, у надсмотрщиков, которые разводят людей по местам. Все идут цепочкой, чтобы не взорваться.

Глаза Бэнды затуманились от грустных воспоминаний.

– Однажды мой дядя шел впереди, споткнулся о булыжник и упал прямо на мину. Поверь, даже домой, семье, отправить было невозможно – разорвало в пыль.

Джейми вздрогнул.

– А кроме того, есть еще океанский туман. Такие бывают только в Намибии. Он поднимается с моря и окутывает всю пустыню: в двух шагах ничего не видно. Даже карты минных полей ни к чему – ведь нельзя понять, куда идешь. Никто не работает, пока туман не рассеется.

– Сколько это может длиться?

– Иногда несколько часов, – пожал плечами Бэнда, – иногда – не один день.

– Бэнда, а ты видел когда-нибудь эти карты минных полей?

– Нет, они тщательно охраняются. – И, встревоженно нахмурившись, добавил:

– Еще раз говорю, никому не удавалось то, о чем вы думаете. Время от времени кто-нибудь из рабочих пытается вынести алмаз. Там даже есть специальное дерево, на котором их вешают. Прекрасный урок каждому, кто захочет обокрасть компанию.

Вся затея выглядела совершенно невыполнимой. Даже если он сможет попасть на алмазное поле ван дер Мерва, как оттуда выбраться? Бэнда был прав: лучше об этом забыть.

На следующее утро Джейми спросил Бэнду:

– Какие меры принимает ван дер Мерв, чтобы рабочие, выходящие со смены, не пытались стащить алмазы?

– Всех старателей обыскивают. Раздевают догола и заглядывают в каждую дырку. Я сам видел, как люди разрезали кожу на ногах и прятали алмазы в дыры. Поверьте, все, что можно только было изобрести, любая уловка – все испытано.

Он взглянул на Джейми и, покачав головой, посоветовал:

– Если хотите жить, выбросьте из головы это алмазное поле. Джейми честно пытался послушаться, но мысль о невиданном богатстве день и ночь сверлила мозг, не давая покоя. Алмазы жадного голландца, рассыпанные по песку, ждали Джейми.

Этой ночью он наконец нашел решение и едва дождался минуты, когда кончится смена и они с Бандой вновь встретятся. Ворвавшись в склад, он без предисловий выпалил:

– Расскажи о лодках, на которых люди пытались добраться до побережья.

– Лодки как лодки.

– Какие именно?

– Всякие. Шхуны, буксиры, большие моторные лодки, парусники. Как-то четверо мужчин пытались пройти через рифы в гребной шлюпке. Пока я работал на побережье, сам наблюдал с полдюжины таких попыток. Рифы разнесли все суденышки в клочья. Никто не выжил.

Джейми набрал в грудь побольше воздуха.

– А никто не пробовал добраться до берега на плоту? Бэнда ошеломленно вскинулся.

– На плоту?

– Да.

Джейми уже был не в силах сдержать возбуждение:

– Подумай об этом. Никому не удалось доплыть до берега, потому что днища лодок бились о рифы. Но плот проскользнет поверх острых камней, и приливом его вынесет на берег. Потом мы точно так же сможем уйти.

Бэнда долго смотрел на друга, а когда заговорил, в голове звучали совсем иные нотки:

– А знаете, мистер Мак-Грегор, это, пожалуй, неплохая идея. Все началось с игры, желания найти разгадку неразрешимой головоломки. Но чем дальше Джейми и Бэнда обсуждали трудную задачу, тем больше загорались. От ленивого обмена репликами они перешли к составлению конкретного плана действий.

Всякого снаряжения не требовалось, ведь алмазы лежали прямо на земле.

Плот можно построить и оснастить парусом на пустынном ту в сорока милях от закрытой зоны, пуститься в плавание ночью, когда никто не увидит. На никем не охраняемом побережье не было мин; патрули и охранники туда не заходили, и ничего не стоило набрать алмазов столько, сколько можно унести.

– С рассветом мы уже отправимся в обратный путь, – заверил Джейми, – с карманами, набитыми алмазами ван дер Мерва.

– Как мы оттуда выберемся?

– Тем же путем, каким попали на побережье. Переберемся через рифы, поставим парус – и в открытое море, назад, домой.

Постепенно, убежденный разумными доводами Джейми, Бэнда почувствовал, что его сопротивление тает. Он, правда, попытался отыскать слабые места в проекте, но каждый раз Джейми мог развеять сомнения друга и на все находил ответ. Путешествие в самом деле могло удасться. Простота и изящество плана дополнялись тем, что на его осуществление почти не требовалось денег. Только смелость и удачливость.

– Главное, не забыть большой мешок, чтобы складывать алмазы, – воскликнул Джейми.

Энтузиазм юноши был настолько заразителен, что Бэнда, ухмыльнувшись, добавил:

– Лучше два больших мешка.

На следующей неделе оба ушли с работы и купили билеты на пассажирский фургон, направлявшийся в Порт-Ноллот, рыбачий поселок в сорока милях к югу от закрытой зоны, куда они так стремились. В Порт-Ноллоте друзья хорошенько огляделись, прежде чем приступить к делу. Поселок был маленький: всего несколько десятков убогих лачуг, пара лавчонок да ослепительно белый пляж, простиравшийся вдаль, насколько хватало глаз. Здесь не было рифов, и низкие волны тихо накатывались на берег одна за другой. Превосходное место для постройки плота.

Гостиницы в поселке тоже не было, но Джейми удалось снять заднюю комнату в одной из лавок. Бэнда нашел угол в черном квартале.

– Придется отыскать местечко, где бы нас никто не увидел, – предупредил Джейми. – Иначе сразу же доложат властям.

Обходя поселок, друзья наткнулись на старый заброшенный склад.

– То, что надо, – решил Джейми. – Начинаем работу.

– Рано еще, – не согласился Бэнда. – Лучше выждать. Купи бутылку виски.

– Зачем еще?

– Увидишь.

На следующее утро к Джейми пришел местный констебль, цветущий тяжеловесный мужчина с большим носом, на котором проступал затейливый венозный узор, сразу выдающий запойного пьяницу.

– Доброе утро! – приветствовал он Джейми. – Услыхал, что у нас гости, я решил поближе познакомиться. Я констебль Манди.

– Йан Трэйвис, – ответил Джейми.

– Направляетесь на север, мистер Трэйвис?

– На юг. Едем со слугой в Кейптаун.

– А! Я был однажды в Кейптауне. Чертов город – слишком большой и шумный.

– Согласен. Могу я предложить вам выпить, констебль?

– Никогда не пью на службе.

Констебль Манди помолчал, потом, видимо, приняв решение, объявил:

– Ну один раз можно и нарушить правила, ничего страшного, я полагаю.

– Прекрасно! – кивнул Джейми и принес бутылку виски, удивляясь

про себя, как Бэнда мог предвидеть визит констебля.

Он налил на два пальца спиртного в грязный стакан для зубных щеток и вручил гостю.

– Спасибо, мистер Трэйвис. А вы?

– Не могу пить, – с сожалением вздохнул Джейми. – Малярия. Поэтому и приходится ехать в Кейптаун к тамошним врачам. Остановился здесь на несколько дней, передохнуть. Очень уж тяжело переносу дорогу.

– А выглядите совсем неплохо, – возразил констебль, внимательно изучая его.

– Посмотрели бы на меня, когда начинается лихорадка. Стакан был уже пуст, и Джейми вновь наполнил его.

– Спасибо. Иногда неплохо промочить глотку. Прикончив вторую порцию одним глотком, констебль поднялся.

– Мне пара. Так, говорите, вы и ваш слуга уезжаете через день-другой?

– Как только почувствую себя лучше.

– В пятницу загляну еще раз, посмотрю, как вы тут, – пообещал констебль Манди.

Этой же ночью Джейми и Бэнда начали сооружать плот в заброшенном складе.

– Бэнда, а ты когда-нибудь строил илоты?

– Ну, по правде говоря, мистер Мак-Грегор, никогда.

– Я тоже в этом ничего не смыслю.

Мужчины растерянно посмотрели друг на друга.

– Надеюсь, это не слишком трудно, – пробормотал наконец Джейми.

Они украли четыре пятидесятигаллонных пустых бочонка из-под масла, отнесли их в склад и скрепили квадратом. Потом, стащив еще четыре ящика; приколотили к бочонкам.

– По-моему, на плот это не похоже, – объявил Бэнда, с сомнением оглядывая огромное сооружение.

– Мы еще не кончили, – заверил Джейми.

Досок достать не удалось, поэтому они закрыли днище всем, что смогли найти: ветвями дерева-"вонючки", палками, выброшенными прибоем, большими листьями марулы и связали все толстым канатом, тщательно затягивая каждый узел, а когда сделали все, Бэнда покачал головой:

– Все равно, на плот это не похоже.

– погоди, вот установим парус, – пообещал Джейми. Они вырубili мачту из ствола упавшего желтого дерева и вытесали две плоские лопатки вместо весел.

– Теперь нужно срочно найти парусину, чтобы ночью отплыть, а то констебль Манди собирался завтра прийти.

Материал нашел Бэнда. Он вернулся вечером с огромным куском темно-синей ткани:

– Ну как, мистер Мак-Грегор?

– Великолепно. Где ты нашел его?

– Не спрашивайте, – ухмыльнулся Бэнда. – Мы и так натворили дел.

Они закрепили квадратный парус: внизу утлегарем, наверху реей. Наконец-то все было готово.

– Отплываем в два часа ночи, когда все в деревне заснует, – решил Джейми. – А пока лучше отдохнуть.

Но оба были так возбуждены, что не смогли спать – ведь впереди ожидало опасное приключение.

Ровно в два часа друзья встретились на складе. Оба были полны неясных предчувствий и невысказанных страхов – приходилось отправляться в путешествие, из которого они либо вернутся богачами, либо не вернутся вообще.

Иного выхода не было.

– Пора! – объявил Джейми.

Они вышли на улицу. Все было тихо и спокойно, вокруг ни души, только море да темно-синее покрывало неба с серебряным полумесяцем над головой. Труднее всего оказалось рассчитать время, поскольку они отплывали поздно вечером, чтобы уйти незамеченными, и должны были добраться до алмазного месторождения на следующую ночь, потихоньку прокрасться на побережье и так же спокойно уплыть обратно, пока не рассвело.

– Нас должно донести до побережья течением Бенгуэла где-то к концу дня, – сказал Джейми, – но придется оставаться в море до темноты.

– Можно спрятаться на одном из маленьких островков неподалеку от материка, – кивнул Бэнда.

– Каких островков?

– Там их десятки – Меркьюри, Ихабод, Плампудинг... Джейми недоверчиво посмотрел на друга:

– Плампудинг?

– Ну да, есть еще и остров Ростбиф. Джейми сверился с помятой картой:

– А здесь они не указаны.

– Это острова, образованные из гуано. Англичане собирают птичий помет на удобрение.

– На них живет кто-нибудь?

– Невозможно. Запах невыносимый. Слой гуано местами толщиной в сто футов. Правительство выгоняет на работу заключенных и пойманных дезертиров. Некоторые умирают прямо на островах, и тела просто оставляют на месте, даже не хоронят.

– Значит, там мы и спрячемся, – решил Джейми. Стараясь производить как можно меньше шума, они открыли дверь и попытались поднять плот, но он оказался слишком тяжел. Все усилия ни к чему не приводили.

– Погодите-ка, – пропыхтел Бэнда.

Он исчез в темноте и через полчаса вернулся с большим бревном:

– Придется его катить. Я подниму один конец, а вы подложите бревно под днище.

Джейми подивился силе Бэнды; заметив, как легко тот поднял конец плота, он быстро последовал совету чернокожего друга.

Вместе они без особого труда покатали плот, а когда бревно выскочило, проделали операцию еще и еще раз. Они потратили много сил, и к тому времени, как удалось дотащить тяжелый груз, оба были мокры от пота. Работа заняла больше времени, чем предполагал Джейми, и теперь приходилось торопиться, пока проснувшиеся обитатели поселка не заметили их и не поспешили донести властям. Джейми быстро проверил снасти, чтобы убедиться, все ли в порядке. Его не покидало назойливое чувство того, что он забыл какую-то важную вещь, и, неожиданно поняв, в чем дело, расхохотался.

Бэнда недоуменно вскинул глаза:

– Что здесь смешного?

– Когда я в прошлый раз отправлялся за алмазами, тащил с собой кучу снаряжения, а теперь – всего-навсего компас. Отправляемся налегке.

– Думаю, на самом деле все будет гораздо сложнее, мистер Мак-Грегор, – спокойно ответил Бэнда.

– Пора бы тебе называть меня просто Джейми. Бэнда в изумлении потряс головой.

– Да, видно ты и в самом деле приехал из дальних стран. И улыбнулся, показав ровные белые зубы.

– Какого черта – в конце концов не все ли равно, за что меня повесят, а дважды все равно не убьют!

Он пошевелил губами, словно пробуя, как получится, потом произнес вслух:

– Джейми...

– Ну пора. Нас ждут алмазы!

Они оттащили плот на мелководе и начали грести. Только через несколько минут удалось привыкнуть к ритму движения утлого суденышка, бросаемого волнами во все стороны. Это было все равно, что пытаться управлять прыгающей на поверхности океана бутылочной пробкой, но плот все же держался на воде и, несомый течением, довольно быстро продвигался на север. Джейми поднял парус и направился в открытое море. К тому времени, как деревня пробудилась" плот уже был далеко за горизонтом.

– Удалось! – ликовал Джейми. – Получилось?

– Еще ничего не кончено, – покачал головой Бэнда, опустив руку пониже, так, чтобы почувствовать холодные струи течения Бенгуэла, – все только начинается.

Они плыли все дальше на север – мимо бухты Александра, устья Оранжевой реки, и нигде не замечали ни признака жизни: пейзаж оживляли только стайки бакланов, летевших к гнездам, да длинноногие нежно-розовые фламинго. Хотя друзья запаслись жестянками тушенки, холодным рисом, фруктами и двумя флягами воды, оба так нервничали, что кусок не шел в горло. Джейми отказывался даже думать об опасностях, подстерегавших впереди, но Бэнда ничего не мог с собой поделать – ведь он уже бывал на том берегу и хорошо помнил звероподобных охранников, вооруженных до зубов, собак-ищеек и ужасное оружие уничтожения – мины, разрывающие людей на куски, и в который раз перебирая в уме одно и то же: как он мог позволить уговорить себя на эту безумную авантюру?! Глядя на друга, Бэнда неожиданно подумал:

«Он еще больший глупец, чем я. Я хоть знаю, за что погибну – за мою бедную сестру. А он? За что умрет он?»

К полудню появились акулы, не меньше полудюжины; на солнце блестели зловещие острые плавники.

– Черные акулы, – заметил Бэнда. – Людоеды. Джейми напряженно наблюдал, как плавники подвигаются все ближе и ближе.

– Что нам делать?

Нервно сглотнув, Бэнда прошептал:

– По правде говоря, Джейми, я впервые встречаюсь с акулами.

Спина чудовища задела за плот, и суденышко едва не перевернулось. Мужчины схватились за мачту, чтобы удержаться на ногах. Подняв весло, Джейми попытался оттолкнуть акулу, но острые зубы тут же раздробили деревянную лопатку. Огромные рыбы окружили плот, лениво огибая ненадежную посудину; шершавые тела терлись о древесину. Каждый толчок наклонял плотик в разные стороны, грозя утопить в любую минуту.

- Нужно избавиться от акул, иначе они съедят нас.
- Но как? – недоумевающе спросил Бэнда.
- Дай мне жестянку с говядиной.
- Ты что, шутишь? Этим их не накормишь! Им нужны мы!

Очередной рывок; плот завертелся на месте.

– Давай говядину! Скорей! – завопил Джейми. Бэнда сунул консервную банку в руку друга. Плот угрожающе перекосялся.

- Открой, только не до конца. Шевелись!

Бэнда вытащил перочинный нож и вскрыл банку, взрезав крышку до половины.

Схватив жестянку. Джейми загнул крышку наружу, попробовал пальцем острые неровные края металла.

- Держись, – предупредил он и перегнулся через борт, выжидая.

Почти немедленно прямо перед ним появилась акула, пасть широко раскрыта так, что виден бесконечный ряд острых, смертельно опасных зубов. Джейми, собрав силы, рванулся вперед и вонзил полуоторванную крышку в глаз чудовища. Акула выскочила из воды; на секунду плот встал почти вертикально. Вода вокруг внезапно покраснела. Остальные акулы медленно сомкнулись вокруг бьющейся в агонии громадной рыбы. Плот был забыт. Джейми и Бэнда зачарованно наблюдали, как гнусные создания рвут на куски беспомощную жертву, а суденышко тем временем уплывало все дальше, оставляя позади ужасную сцену. Бэнда, глубоко вздохнув, тихо сказал:

– Когда-нибудь я расскажу об этом своим внукам. Как думаешь, они мне поверят?

И оба залились хохотом, пока наконец по щекам не заструились слезы.

К концу дня Джейми сверился с часами.

– Мы должны добраться к алмазному берегу до полуночи. Восход в шесть пятнадцать. Значит у нас всего четыре часа на сбор алмазов и два на то, чтобы вновь оказаться в открытом море, подальше от берега. Как считаешь, четырех часов нам хватит, Бэнда?

– Сотня человек за всю жизнь не сможет потратить того, что можно найти на этом берегу за четыре часа, – кивнул Бэнда и подумал про себя:

«Надеюсь, мы проживем достаточно долго, чтобы успеть собрать...»

Весь остаток дня они упорно двигались на север, плот, подхваченный приливом и ветром, резво мчался вперед. К вечеру на горизонте замаячили очертания маленького острова, не больше двухсот ярдов в окружности. Уже издали чувствовался резкий запах аммиака, бьющий в нос, вызывающий слезы на глазах. Только сейчас Джейми понял, почему здесь нельзя жить –

вонь стояла невыносимая, но зато на острове можно было спокойно переждать до ночи. Джейми развернул парус, и маленькое суденышко мягко толкнулось в низкий каменистый берег островка. Бэнда закрепил плот, и друзья оказались на суше. Весь остров был буквально покрыт тучами птиц: бакланами, пеликанами, олушами, пингвинами и фламинго. Стоял невероятный шум, ужасный запах затруднял дыхание. Сделав несколько шагов, они чуть не до пояса провалились в гуано.

– Пойдем назад к плоту, – прохрипел Джейми.

Бэнда молча последовал за ним. В этот момент в воздух поднялась стайка пеликанов, а на том месте, где они только что сидели, друзья увидели три трупа. Трудно было сказать, сколько тела пролежали на острове. Они превосходно сохранились в аммиачной атмосфере, только волосы стали ярко-рыжими.

В один миг оказавшись на плоту, Джейми и Бэнда вновь направились в море.

Немного не доплыв до побережья, они спустили парус и стали выжидать.

– Дотянем до полуночи и попытаемся высадиться, – решил Джейми.

Они молча сидели рядом; каждый по-своему готовился к тому, что ожидало впереди. Солнце спускалось все ниже к западу, окрашивая небо буйными красками, наложенными на безбрежное полотно безумным художником. И внезапно все вокруг окуталось непроницаемым темным покрывалом.

Они выждали еще часа два, и Джейми поднял парус. Плот понесся на восток к невидимому берегу. Высоко в небе разошлись облака, и бледный лунный свет отразился в волнах. Плот набирал скорость. Далеко впереди уже были заметны неясные очертания долгожданной земли. Усилившийся ветер рвал парус, все быстрее подталкивая плот к берегу. Вскоре почти прямо перед ними выросла гигантская скалистая гряда. Даже на расстоянии можно было видеть, как с грохотом разбиваются о камни высокие волны, увенчанные белыми шапками пены. Зрелище было поистине ужасающим, и Джейми даже представить боялся, что же творится там, у самых рифов. Он только и смог прошептать:

– Ты уверен, что берег не охраняется?

Бэнда, не отвечая, показал на скалы. Джейми понял, что тот хочет сказать. Никакая охрана не могла сравниться с этими смертельно опасными камнями, истинными стражами моря, никогда не отдыхавшими, денно и ночью несущими вахту. Они всегда находились здесь, в засаде, терпеливо подстерегая очередную жертву.

«Ну что ж, – подумал Джейми, – мы перехитрим вас. И обязательно доберемся до алмазов».

Если они смогли заплывать так далеко, плот выдержит и рифы. Берег мчался им навстречу, и друзья чувствовали на себе все усиливающуюся мощь буйных океанских волн. Бэнда изо всех сил схватился за мачту.

– Мы слишком быстро двигаемся, – встревожился он.

– Не беспокойся, – успокоил Джейми. – Когда подойдем поближе, я спущу парус, скорость снизится, и мы скользнем поверх рифов, как по маслу.

Ветер и волны подхватили маленький плот, потащили к острым камням. Джейми быстро смерил взглядом оставшееся расстояние и решил, что самое время убрать парус. Он тут же выполнил задуманное, но движение ничуть не замедлилось. Плот был полностью во власти огромных волн, бросавших его с одного гребня на другой. Утлое суденышко раскачивало так сильно, что мужчины были вынуждены держаться за борта обеими руками. Джейми ожидал, что переправиться через рифы будет нелегко, но в жизни не представлял, какой ревущий бешеный водоворот увидит совсем близко, рядом, перед собой. Зубчатые скалы вырисовывались ужасающе ясно; волны с оглушительным шумом бились о них, рассыпаясь миллионами буйных пенных струй.

Весь успех плана зависел от того, удастся ли переправить плот через рифы и не разбить его: ведь без него гибель их была бы неминуема.

Их несло прямо на скалы. В ушах оглушительно ревел ветер. Неожиданно гигантская волна подняла плот высоко в воздух и швырнула прямо на скалы.

– Держись, Бэнда! – завопил Джейми. – Берегись! Еще одна невероятно большая волна подхватила плот как спичку и, переваливая через рифы, потащила за собой. Мужчины изо всех сил держались за мачту и борта, пытаясь противостоять бешеной качке, угрожавшей снести их в воду. Джейми, случайно глянув вниз, успел заметить прямо под днищем острые, как кинжалы, рифы. Еще мгновение – и они окажутся в тихой гавани, спокойных прибрежных водах.

И в эту секунду раздался внезапный режущий звук раскалывающейся древесины – это зазубренная скала, зацепив один из бочонков, оторвала его. Плот резко дернулся – отлетел еще один бочонок, а вслед за ним и третий. Ветер, злобные волны, смертоносные рифы забавлялись суденышком, словно игрушкой, бросая его в разные стороны, подкидывая в воздух. Джейми и Бэнда чувствовали, как расходятся под ногами тонкие досточки.

– Прыгай! – закричал Джейми.

Он перевалился через борт плота; очередная огромная волна подхватила юношу, со скоростью катапульты швырнув к берегу. Он ощущал себя совершенно беспомощным во власти могучей стихии, став частью океанских вод, окутавших его, проникших в легкие, не дававших дышать. Тело безвольно изгибалось, крутилось в водовороте. Перед глазами замелькали разноцветные искры.

«Конец, – подумал Джейми, – сейчас утону».

Но в ту же минуту оказался на песчаном берегу и долго лежал, не в силах подняться, судорожно вдыхая прохладный свежий морской воздух. Грудь и руки были исцарапаны до крови песком, одежда висела лохмотьями. Наконец он медленно сел и огляделся в поисках Бэнды. Тот скорчился неподалеку, судорожно кашлял – его рвало морской водой. Джейми с трудом встал и, спотыкаясь, поковылял к другу.

– С тобой все в порядке?

Бэнда кивнул, глубоко, прерывисто вздохнул и взглянул на Джейми, – Знаешь, я ведь не умею плавать.

Джейми помог ему подняться, и оба одновременно оглянулись на риф. От плота не осталось даже щепки – все унес буйный океан. Друзья добрались до алмазного берега. Вернуться морем они теперь не могли. Выхода не было.

Глава 5

Позади бушевал разъяренный океан, впереди лежала необъятная пустыня, простирающаяся от моря до подножья далеких, суровых, пурпурных гор Рих Тервельд, обрывистых каньонов, высочайших вершин, бездонных ущелий, прекрасных – мест, освещенных желтым лунным светом. У подножья этих гор и лежала долина Хексенкессел – «ведьмин котел», унылая иссушенная солнцем равнина, где гуляли буйные ветры, дикая Пустынная местность, над которой не властны были столетия, сохранившаяся в этом виде, казалось, с доисторических времен. Единственным признаком того, что здесь все же ступала нога человека, было грубо нарисованное объявление на вкопанном в песок столбе. Луна тускло освещала огромные красные буквы:

«Закрытая зона. Проход воспрещен».

Ловушка захлопнулась. Ничего не оставалось, как попытаться пробиться через Намибскую пустыню.

– Попробуем пересечь ее и будь что будет, – объявил Джейми.

Но Бэнда лишь покачал головой.

– Охранники либо пристрелят нас на месте, либо повесят. Даже если повезет и удастся ускользнуть от них и от собак, подорвемся на минах. Мы, считай, уже мертвецы.

В голосе не было страха, только отрешенность, словно Бэнда заранее приготовился принять любые удары судьбы.

Во взгляде Джейми читалось только осознание собственной вины – ведь это он станет причиной гибели друга, а Бэнда не произнес ни слова упрека, даже сейчас, когда понял, что выхода нет.

Джейми повернулся и грустно оглядел грозную цитадель рифов, сплошную стену буйных волн, разбиравшихся о камни, и подумал, что произошло чудо, когда они добрались до берега живыми и невредимыми. Было около двух часов ночи, до рассвета, когда их обнаружат и убьют, оставалось четыре часа, а оба были еще целы и невредимы.

«Будь я проклят, – решил Джейми, – если сдамся!»

– За работу, Бэнда!

– Какую работу? – недоуменно заморгал друг.

– Раз мы пришли сюда за алмазами, значит, давай соберем их, да побольше!

Бэнда ошеломленно уставился на юношу с безумными глазами.

Мокрые седые волосы прилипли к черепу; брюки висели лохмотьями.

– О чем ты толкуешь?

– Сам ведь сказал, они убьют нас, как только заметят, так ведь? Ну что же, пусть лучше умрем богачами, чем бедняками! Мы попали сюда чудом. Может, чудом и выберемся из этого проклятого места! А если нам удастся ускользнуть, черт меня подери, не желаю остаться с пустыми руками!

– Ты с ума сошел, – тихо сказал Бэнда.

– Будь мы нормальными, нас бы здесь не было, – напомнил Джейми.

– Какого дьявола, все равно нечем заняться, пока нас не найдут, – пожал плечами Бэнда.

Джейми сбросил изодранную рубашку, и Бэнда, сообразив, что к чему, последовал его примеру.

– Ну вот. Где эти большие алмазы, о которых ты мне все уши прожужжал?

– Да повсюду, – кивнул Бэнда и добавил:

– Точно так же, как и охранники с собаками.

– Об этом побеспокоимся позже. Когда люди выходят на работу?

– Как только рассветет. Джейми на секунду задумался:

– Есть ли какое-нибудь место на берегу, куда они не заходят? Мы могли бы там спрятаться.

– Никаких шансов. Люди работают везде, здесь и муха не пролетит незамеченной.

Джейми, хлопнув Бэнду по плечу, объявил:

– Ну ладно, пойдем.

Бэнда встал на четвереньки и начал медленно ползти вдоль берега, пропуская сквозь пальцы песок. Меньше чем через две минуты он остановился и поднял что-то.

– Нашел!

Джейми последовал его примеру. Первые два найденных камня были небольшими, но третий, должно быть, весил больше пятнадцати карат. Он долго смотрел на него, не в силах поверить, что столь драгоценное сокровище можно так легко отыскать. И все это принадлежало Соломону ван дер Мерву и его партнерам. Встряхнув головой, чтобы отогнать мысли, Джейми вновь принялся за работу.

Через три часа у обоих мужчин оказалось больше сорока алмазов от двух до тридцати карат. Небо на востоке стало светлеть. Если бы плот сохранился, именно сейчас настала бы пора возвращаться, но теперь не стоило и думать об этом.

– Скоро рассветет, – заметил Джейми. – Посмотрим, сколько еще

камешков удастся найти.

– Нам и этого хватит – все равно не проживем так долго, чтобы успеть все потратить. Хочешь умереть миллионером?

– Вообще не желаю умирать.

Они возобновили поиски, как в бреду поднимая с земли алмаз за алмазом, словно безумие овладело ими. Богатство все росло, пока в изодранных рубашках не оказалось уже шестьдесят бесценных камней.

– Хочешь, чтобы я все это нес? – спросил Бэнда.

– Нет, мы оба можем...

И тут Джейми сообразил, о чем думает друг. Когда их поймают, тот, у кого будут найдены алмазы, умрет более медленной и мучительной смертью.

– Лучше я возьму все, – решил он, сбросил камни в лоскут, оставшийся от рубашки и тщательно завязал узел.

Небо на горизонте уже было светло-серым, а на востоке – окрасилось в светло-розовые тона.

Что делать дальше? Как найти выход? Где скрыться? Стоять здесь и ждать смерти? Или уйти в пустыню и погибнуть там?

– Пойдем.

Джейми и Бэнда повернулись спинами к морю и медленно пошли вперед.

– Где начинаются минные поля?

– Примерно через сотню ярдов. Вдалеке послышался лай собак.

– Думаю, о минах можно не беспокоиться, – добавил Бэнда. – Сюда идут собаки. Вот-вот начнется смена.

– Когда они доберутся до нас?

– Минут через десять – пятнадцать.

Солнце уже поднялось довольно высоко, так, что стали ясно видны небольшие песчаные дюны и далекие горы. Скрыться было некуда.

– Сколько охранников патрулирует участок? – задумчиво спросил Джейми.

– Около десяти.

– Но этого недостаточно на такое огромное пространство.

– И одного хватит, – возразил Бэнда. – Не забудь, у них оружие и собаки. Охранники не слепые, да и мы не невидимки. Лай собак становился все громче. Джейми прошептал:

– Бэнда, прости. Это я втравил тебя во все это.

– Не ты.

И Джейми понял, о чем говорит друг. Где-то неподалеку послышались

голоса.

Джейми и Бэнда добежали до небольшой песчаной дюны.

– А если нам зарыться в песок?

– Уже пробовали. Собаки их отыскивали и рвали глотку. Хотел бы я одного – умереть быстрой смертью. Дам им заметить себя и побегу. Тогда меня застрелят. Не желаю..., чтобы..., псы добрались до меня.

Джейми уцепился за руку Бэнды.

– Мы, конечно, можем погибнуть, но будь я проклят, если собираюсь убегать. Пусть-ка потрудятся, прежде чем нас достанут.

Постепенно голоса становились все отчетливее.

– Шевелитесь, вы, ленивые ублюдки! – вопил кто-то. – Идите за мной, держитесь цепочкой. Небось выдыхались до упора! Пора за дело приниматься!

Хоть Джейми и храбрился, услышав голос надсмотрщика, он почувствовал, что весь сжался от страха, и вновь повернулся лицом к морю. Может, самая легкая смерть именно там? Он все глядел и глядел, как острые зубья рифов рвут могучие волны, неожиданно увидел над белыми гребнями нечто странное. Непроницаемая серая стена, подталкиваемая западным ветром, надвигалась со стороны океана.

– Это морской туман, – воскликнул Банда. – Такое бывает два раза в неделю.

Но и голоса приближались.

– Тысяча чертей! Будь проклят этот туман! Опять задержки! Хозяевам это не понравится!

– Вот он, шанс на спасение! – прошептал Джейми.

– Какой шанс? – Туман. Нас не увидят!

– Ну и что? Туман все равно поднимется, а нам деваться некуда. Конечно, охранники побоятся идти через минные поля, но и мы не сможем. Попытайся пересечь пустыню в тумане: не пройдешь и десяти ярдов, как тебя разорвет в куски! Все чуда ждешь?

– Совершенно верно, именно чуда, – подтвердил Джейми. Небо над их головами потемнело. Туман уже накрыл море и через секунду был готов поглотить берег. Зловещая темная туча угрожающе катилась навстречу, но Джейми возбужденно повторял про себя:

– Какое счастье! Теперь мы спасены. Неожиданно кто-то хриплым голосом окликнул:

– Эй! Вы, двое! Какого дьявола вы здесь делаете? Джейми и Бэнда обернулись. На вершине дюны, ярдах в ста от них, стоял вооруженный охранник в униформе. Джейми оглянулся. Туман почти завладел берегом.

– Сюда, быстро! Не вздумайте бежать! – предупредил охранник, поднимая винтовку. Джейми поднял руки.

– Я подвернул ногу, – крикнул он в ответ, – и не могу идти.

– Тогда оставайтесь на месте, – велел охранник. – Я пойду к вам.

Опустив винтовку, он прыгнул с дюны: Джейми быстро оглянулся. Туман вот-вот скроет все живое.

– Беги, – прошептал он и помчался к берегу. Бэнда последовал его примеру.

– Стоять!

Через мгновение раздался треск; песок перед ними взорвался фонтанчиками пыли, но они продолжали бежать, спеша укрыться в темной стене тумана. Послышался еще один выстрел, уже ближе, потом еще один, но в следующее мгновение друзья очутились в полнейшей темноте. Морской туман вился вокруг, окутывая ледяной мглой, не давая дышать. Их словно похоронили в большой хлопковой кипе. Разглядеть что-либо было невозможно, Голоса звучали теперь приглушенно, как бы издалека. Охранники перекликались друг с другом.

– Крюгер... Это Брент... Слышишь меня?

– Слышу тебя, Крюгер...

– Их двое! Белый и чернокожий. Они на берегу. Расставь своих людей. Увидишь, бей наповал.

– Держись за меня, – прошептал Джейми. Бэнда уцепился за его руку:

– Куда ты идешь?

– Хочу выбраться отсюда.

Джейми поднес компас к самым глазам, с трудом вглядываясь в него, и стал поворачивать, пока стрелка не показала на восток.

– Нам туда...

– Подожди! Нам нельзя двигаться! Если не наткнемся на охранника или собак, все равно подорвемся на mine.

– Сам сказал, мины начинаются только в сотне ярдов отсюда. Нужно уходить с берега.

Они отправились в сторону пустыни, медленно, неверными шагами, слепые люди в неизвестной стране. Джейми шагами измерял расстояние. Они спотыкались, падали, но вставали и упрямо шли вперед. Каждые несколько футов Джейми останавливался и сверялся с компасом. Когда сотня ярдов, по его расчетам, была пройдена, он остановился.

– Примерно здесь и начинаются минные поля. Они расположены в каком-то определенном порядке, не знаешь? Подумай хорошенько, что нам может помочь?

– – Молитва, – мрачно ответил Бэнда. – Никому еще не удавалось проскользнуть между минами, Джейми. Они закопаны по всему участку, на глубину всего около шести дюймов. Придется остаться на месте, пока не поднимется туман, а потом сдать охране.

Джейми прислушался к глухим голосам, звучащим словно через толстый слой ваты.

– Крюгер! Не молчи, давай все время переговариваться...

– Хорошо, Brent...

– Крюгер...

– Brent...

Бестелесные голоса рвались друг к другу сквозь слепящую пелену тумана. Мысли Джейми лихорадочно метались в отчаянной попытке найти спасение. Остаться на месте – равносильно смерти. Их тут же пристрелят, без лишних проволок. Если же попытаться пройти через минные заграждения, наверняка разорвет на куски.

– Ты когда-нибудь видел минные поля? – спросил он Банду.

– Сам помогал устанавливать мины.

– От чего они срабатывают?

– От тяжести. Любой вес свыше восьмидесяти фунтов – и они тут же взрываются. Поэтому собаки и не гибнут. Джейми глубоко вздохнул:

– Бэнда, я, кажется, придумал, как вырваться отсюда. Может, нам удастся это, может быть, нет. Хочешь рискнуть вместе со мной?

– Что у тебя на уме?

– Лечь ничком и переползти минные заграждения, прямо на животе. Так мы распределим вес по земле.

– О Господи!

– Что ты об этом думаешь?

– Думаю, что был безумцем, когда решился на это предприятие.

– Так ты со мной или нет? – переспросил Джейми, едва различая в темноте лицо стоявшего рядом друга.

– Выбирать не приходится, особенно с таким человеком, как ты, правда ведь?

– Тогда пойдем.

Он медленно распростерся на песке. Бэнда, окинув Джейми взглядом, глубоко вздохнул и последовал его примеру, и оба с бесконечной осторожностью поползли по песку к минным полям.

– Когда двигаешься, – прошептал Джейми, – не опирайся ни на руки, ни на ноги, не дави на землю.

Ответа он не получил. Бэнда целиком сосредоточился только на одной

мысли: как остаться в живых.

Они по–прежнему находились в удушливом сером вакууме, в полной изоляции от окружающего мира, не дававшей возможности увидеть что-либо в двух шагах, и в любую минуту могли наткнуться на охранника, собаку или подорваться на mine. Джейми усилием воли выбросил из головы тревожные мысли. Они все ползли, мучительно медленно, но упорно. Оба были без рубашек, и острые песчинки до крови царапали кожу. Джейми отлично сознавал, как ничтожны их шансы на спасение. Даже если им посчастливится пересечь пустыню, не подорваться на mine и не попасть под пулю, впереди еще колючая проволока, вооруженные охранники на сторожевой вышке, и неизвестно еще, сколько продержится туман. В любую минуту он может подняться, и их обнаружат.

Друзья все карабкались по песку, бездумно, бессмысленно, пока не потеряли всякое представление о времени. Дюймы превратились в футы, футы в ярды, а ярды стали милями. Он не знали, сколько удалось пройти, а поднять головы опасались, и вскоре глаза и уши были забиты песком. Дышать становилось все труднее. Где-то вдали непрерывным эхом отдавались голоса охранников.

«Крюгер... Брент... Крюгер... Брент...»

Каждые несколько минут друзья останавливались передохнуть и свериться с компасом, чтобы потом вновь начать бесконечное путешествие. Их то и дело охватывало безудержное стремление двигаться быстрее, но это означало необходимость тверже опираться о землю, и перед глазами Джейми то и дело вставало видение разрывающейся прямо под животом мины и разлетающихся металлических осколков, впивающихся в тело, поэтому он заставлял себя ползти как можно медленнее. Время от времени они слышали и другие голоса, но не могли разобрать слов и определить, откуда они исходят.

«Пустыня слишком велика, – с надеждой думал Джейми, -* вряд ли мы на кого-нибудь наткнемся».

И тут, из ниоткуда, на него налетел большой мохнатый комок. Все произошло так быстро, что полностью застало Джейми врасплох. Он почувствовал, как зубы большой немецкой овчарки впиваются в руку, выронил узелок с алмазами и попытался разодрать челюсть пса свободной рукой, но не смог. По пальцам побежала теплая струйка. Овчарка вонзала зубы все глубже, молча, злобно, беспощадно. Джейми понял, что вот-вот потеряет сознание; глаза закатились. Через пелену боли, застилающей глаза, он увидел, как Бэнда с силой опустил узел с камнями на череп пса. Тот завизжал и вытянулся.

– С тобой все в порядке? – встревоженно спросил Бэнда. Джейми не мог говорить. Он лежал скорчившись, пережидая, пока утихнет боль. Бэнда оторвал кусок ткани от брюк и туго перевязал рану, чтобы остановить кровотечение.

– Нужно двигаться, – предупредил он. – Если появился один, значит, неподалеку и другие.

Джейми кивнул, медленно заскользил вперед, стараясь забыть о пульсирующей боли, разрывающей руку.

Он не помнил, что было потом, превратился в автомат, полз дальше, почти теряя сознание, словно кто-то другой командовал, что делать.

«Руки вперед, подтянуться... Руки вперед, подтянуться... Руки вперед, подтянуться».

Бесконечная, безбрежная мука... Теперь уже Бэнда сверялся с компасом и, когда Джейми пытался ползти в неверном направлении, осторожно поворачивал друга. Их окружали охранники, собаки, схоронившиеся в леске мины поджидали неосторожного движения, и только туман охранял несчастных. Они все двигались вперед, пытаясь спастись, и наконец настала минута, когда силы иссякли. Друзья заснули. Когда Джейми открыл глаза, что-то изменилось. Он лежал на песке, постанывая от боли в затекшем изорванном теле, пытаясь вспомнить, где находится, но тут заметил спавшего рядом Бэнду, и все вернулось: плот, разбившийся о рифы, морской туман... Да, но что-то было не так. Джейми сел, пытаясь сообразить, почему встревожился, но тут же сердце оборвалось: он видит Бэнду! Вот оно! Туман рассеивается.

Джейми услышал голоса, совсем рядом, и взгляделся в серую, редющую дымку. Они добрались до главных ворот. Вот они, высокая сторожевая вышка и ограда из колючей проволоки, о которых рассказывал Бэнда. Толпа рабочих-туземцев, около шестидесяти человек, направлялась к выходу. Они кончили смену, и сейчас должна была начаться вторая. Джейми встал на колени, подкрался к Бэнде и потряс его. Тот мгновенно вскочил и глянул в сторону ворот.

– Черт возьми! – ошеломленно прошептал он.

– Мы почти выбрались.

– Не почти! Совсем! Дай-ка алмазы. Бэнда протянул другу драгоценную ношу:

– Что ты?...

– Иди за мной.

– Но охранники вооружены, – тихо предупредил Бэнда. – Они поймут, что мы нездешние.

– На это я и рассчитываю, – кивнул Джейми. Друзья двинулись к воротам, стараясь смешаться с выходящими рабочими и теми, кто шел на смену; Обе партии обменивались дружелюбными шутками;

– Вам-то уж придется попотеть, парни! Мы спокойно проспали все это время...

– Как это вам удалось устроить туман, везучие вы ублюдки?...

– Бог меня слышит, а от тебя отвернулся, грешник несчастный...

Джейми и Бэнда очутились у выхода. Двое здоровенных вооруженных охранников стояли у ворот, следя за тем, чтобы каждый рабочий не миновал маленькой постройки, где их тщательно обыскивали.

Джейми вспомнил слова Бэнды:

«Их раздевают догола и заглядывают в каждую дырку...»

Прижав к груди изодранную рубашку, он протолкнулся через длинную очередь и подошел к охраннику.

– Простите, сэр, к кому обратиться насчет работы? Бэнда, окаменев, уставился на друга. Охранник оглядел Джейми:

– Какого дьявола ты здесь делаешь?

– Работу ищем. Слышал, у вас есть место охранника, а мой слуга мог бы копать алмазы. Я думал...

Охранник, смерив презрительным взглядом двух оборванцев, пренебрежительно сплюнул:

– Убирайтесь к черту!

– Но мы не хотим уходить, – запротестовал Джейми. – У меня совсем нет денег, а все говорят, что...

– Это закрытая зона, мистер. Разве не видели предупреждения? Вон отсюда, оба.

Он показал на большой, запряженный волами фургон около ворот, в который садились закончившие смену рабочие.

– Этот фургон доставит вас в Порт-Ноллот. Если ищете работу, обратитесь там в контору компании.

– О, спасибо, сэр, – поблагодарил Джейми, махнул рукой Бэнде, и оба двинулись навстречу свободе. Охранник злобно посмотрел им вслед.

– Безмозглые идиоты) Через десять минут Джейми и Бэнда были уже на пути в Порт-Ноллот, увозя с собой алмазов на полмиллиона фунтов.

Глава 6

Колеса дорого экипажа, запряженного двумя красивыми лошадами гнедой масти, поднимали густую пыль с грязной мостовой главной улицы Клипдрифта. Правил коляской стройный мускулистый мужчина с белоснежными волосами и такими же усами и бородой, одетый в модный приталенный серый костюм, белоснежную сорочку с жабо; в черном галстуке сверкала бриллиантовая булавка. Казалось, он впервые попал в это место, хотя на деле все было не так.

Клипдрифт сильно изменился за то время, что Джейми не был здесь, и сейчас, в 1884 году, превратился из поселка в процветающий город. От Кейптауна в Хоуптаун проложили железную дорогу, и одна ветка шла прямо до Клипдрифта. Это вызвало новый приток иммигрантов. Народу здесь теперь было гораздо больше, но сами люди казались совсем другими. По-прежнему было много старателей, встречались и люди в деловых костюмах, хорошо одетые дамы, входящие в магазин. Клипдрифт явно приобрел налет респектабельности.

Джейми миновал три новых дансинг-холла и с полдюжины незнакомых салунов, проехал мимо недавно выстроенной церкви, парикмахерской, большой гостиницы с гордым названием «Гранд-отель», остановился перед банком и спрыгнул на землю, небрежно бросил поводья мальчику-туземцу:

– Напой лошадей!

Войдя в банк, он громко объявил менеджеру:

– Я хочу открыть у вас счет на сто тысяч фунтов!

Новость, как и ожидал Джейми, быстро распространилась по городу, и к тому времени, как он вышел из банка и появился в салуне «Сандаунер», все только и говорили о таинственном незнакомце. Внутри помещение почти не изменилось – все те же толпы пьяных старателей: любопытствующие глаза провожали идущего к бару Джейми. Смит почтительно кивнул:

– Что вы хотели, сэр?

Заметно было, что он совершенно не узнал Джейми.

– Виски. Лучшее, что у вас есть.

– Сейчас, сэр!

Он быстро налил виски:

– Вы недавно в городе, сэр?

– Да.

– Проездом, не так ли?

– Нет. Я слышал, что это неплохое место для человека, желающего вложить средства в выгодное дельце. Глаза бармена зажглись:

– Лучшего и не найти! Владелец сотни... Состоятельный бизнесмен может получить немалую прибыль! Собственно говоря, я могу кое-чем помочь вам, сэр.

– Неужели? Чем же?

Смит, перегнувшись через стойку, заговорщически прошептал:

– Я знаю человека, который правит всем городом. Глава муниципального Совета и председатель городской комиссии. В этой части страны все его знают. Соломон ван дер Мерв.

Джейми сделал глоток, поставил стакан на стойку:

– Никогда о нем не слышал.

– Владелец большого универсального магазина вон там, на другой стороне улицы. Может помочь вам заключить выгодные сделки. Поверьте, стоит с ним познакомиться поближе.

Джейми Мак-Грегор сделал еще глоток:

– Ну что ж, пусть приходит.

Бармен, взглянув на огромный бриллиант в кольце Джейми и бриллиантовую булавку в галстук, почтительно кивнул:

– Да, сэр. Могу ли я назвать ему ваше имя?

– Трэйвис. Йан Трэйвис.

– Прекрасно, мистер Трэйвис. Уверен, мистер ван дер Мерв захочет встретиться с вами.

Он снова налил Джейми виски:

– Прошу, выпейте. За счет заведения. Я сейчас вернусь. Джейми сидел у бара, время от времени поднося к губам стакан, сознавая, что глаза всех присутствующих устремлены на него. Конечно, многие внезапно разбогатевшие люди уезжали из Клипдрифта, но ни разу здесь не появлялся такой богач. Да, здесь было чему удивиться!

Через четверть часа бармен вновь появился в салуне. За ним шел Соломон ван дер Мерв. Голландец направился прямо к бородатому седовласому незнакомцу, протянул руку и улыбнулся:

– Мистер Трэйвис, я Соломон ван дер Мерв.

– Йан Трэйвис.

Джейми ожидал, что ван дер Мерв чем-нибудь покажет, что помнит его, почти желал увидеть хоть какую-нибудь настороженную искорку узнавания в глазах. Ничего. Но ведь так и должно быть. Где он, тот

наивный, восемнадцатилетний идеалист, который появился здесь год назад?

Смит, подобострастно кланяясь, подвел мужчин к угловому столику.

Едва усевшись, ван дер Мерв спросил:

– Насколько я понял, вы ищете, куда бы вложить деньги, мистер Трэйвис?

– Возможно.

– Я, по-видимому, смогу быть вам полезным. Осторожность в таком деле не помешает. Сейчас так много нечестных людей. Джейми пристально взглянул на собеседника:

– Вы совершенно правы.

Все вокруг казалось каким-то нереальным, словно во сне: он сидит за одним столом с человеком, укравшим у него целое состояние и пытавшимся убить. Ненависть Джейми к ван дер Мерву иссушила душу, выжгла все человеческие чувства, оставив лишь одно – жажду мести, поддерживающую, помогавшую выжить, пройти через страдания, ужас и боль... И теперь настал час, когда ван дер Мерв должен расплатиться за все.

– Извините за нескромный вопрос, мистер Трэйвис, какую сумму вы собираетесь вложить в предприятия Клипдрифта?

– Ну, для начала что-то вроде ста тысяч фунтов, – небрежно бросил Джейми, искоса наблюдая как голландец лихорадочно облизнул губы. – Потом, вероятно, еще триста – четыреста тысяч.

– Э... С такими деньгами можно далеко пойти, мистер Трэйвис. Заключение крайне выгодные сделки. При надежной поддержке, конечно, – быстро добавил голландец. – Кстати, вы уже наметили, куда собираетесь вложить деньги?

– Думаю сначала оглядеться и посмотреть, какие возможности представятся.

– Весьма мудрое решение, – глубокомысленно кивнул ван дер Мерв. – Если вы свободны сегодня вечером, приглашаю на ужин. За столом все и обсудим. Моя дочь прекрасно готовит. Для нас большая честь принять такого гостя!

– Буду очень рад, мистер ван дер Мерв, – улыбнулся Джейми, думая про себя:

«Ты даже не представляешь, как я рад!» Все еще только начиналось.

Путешествие от алмазных полей Намибии до Кейптауна прошло без особых событий. Джейми и Бэнда пробрались на попутных повозках до маленькой деревушки, где доктор вылечил руку Джейми, а потом попросили возчика довезти их до Кейптауна. Поездка была долгой и трудной, но они не обращали внимания ни на жесткие сиденья, ни на пыль, ни на тряскую дорогу. Приехав в Кейптаун, Джейми остановился в отеле «Ройял» на Плейн-стрит, находящемся, как значилось на вывеске, «под покровительством Его Королевского Высочества герцога Эдинбургского», и был с почетом препровожден в лучший номер, предназначенный для высокопоставленных особ.

– Пошлите за лучшим парикмахером в городе, – велел Джейми управляющему. – Потом мне нужны портной и сапожник.

– Сейчас же, сэр, – поклонился управляющий. «Да, деньги все могут», – подумал Джейми. Ванная в отеле показалась Джейми раем. Он лежал в горячей воде, ощущая, как уходит усталость, перебирая в памяти все, что произошло за эти несколько невероятных недель. Неужели прошло так мало времени со дня постройки плота? Казалось, с тех пор он прожил много-много лет. Джейми вспомнил о гигантских бушующих волнах, о смертельных рифах, разорвавших плот. И снова туман, окутавший берег, и они ползут по минным полям, и огромная овчарка набрасывается на него... Бестелесные приглушенные голоса, которые вечно будут звучать в ушах: «Крюгер... Брент... Крюгер... Брент...» Но больше всего Джейми думал о Бэнде. Своем единственном друге Бэнде.

Когда они наконец оказались в Кейптауне, у Джейми и в мыслях не было, что они могут расстаться.

– Не уходи, – настаивал он.

Но Бэнда только улыбнулся, обнажив ровные белоснежные зубы.

– Знаешь, Джейми, с тобой очень скучно. Думаю, немного волнений мне не помешает. Пора отправиться на поиски приключений!

– Чем ты займешься?

– Ну, исключительно благодаря тебе и твоему превосходному плану я выучился переплывать океан на плоту и благополучно добираться до берега через рифы. Теперь собираюсь купить ферму, жениться и завести кучу детишек.

– Прекрасно. Идем к ювелиру, оценим алмазы, и я отдам твою долю.

– Нет, – отказался Бэнда. – Мне они не нужны.

– О чем ты? – нахмурился Джейми. – Половина алмазов – твои. Подумай, какое богатство!

– Нет. Вспомни о моей коже, Джейми. Если стану миллионером, не

проживу и двух дней.

– Но ты можешь пока спрятать камни, ты можешь...

– Все, что мне нужно – деньги на участок земли и двух быков, и выкуп невесты, а для этого хватит и двух-трех маленьких алмазов. Остальные – твои.

– Невозможно! Я просто не могу принять такой подарок.

– Можешь, Джейми. Ведь ты отомстишь Соломону ван дер Мерву и за меня тоже.

Джейми долго смотрел на Бэнду:

– Обещаю.

– Тогда прощай, друг.

Мужчины крепко подали друг другу руки.

– Мы еще встретимся, – пообещал Бэнда, – надеюсь, в следующий раз ты придумаешь что-нибудь по-настоящему сногшибательное!

И ушел, унося три маленьких алмаза, тщательно завернутых в лоскуток.

Джейми послал родителям чек на двадцать тысяч, купил лучший экипаж и лошадей, которых смог найти, и отправился в Клипдрифт.

Настало время отомстить.

Вечером, когда Джейми Мак-Грегор переступил порог магазина ван дер Мерва, его охватило такое чувство отвращения и ненависти, что лишь с огромным трудом удалось взять себя в руки.

Ван дер Мерв поспешно вышел из задней комнаты и, увидев гостя, расплылся в улыбке:

– Мистер Трэйвис! Добро пожаловать!

– Спасибо, мистер..., э..., простите, не помню вашего имени.

– Ван дер Мерв. Соломон ван дер Мерв. Не извиняйтесь. Голландские имена запомнить нелегко. Обед готов, прошу к столу. Маргарет, у нас гость.

Он повел Джейми в тесную комнату. Там ничего не изменилось. Маргарет стояла у плиты, спиной к нему, согнувшись над сковородкой.

– Маргарет, познакомься с мистером Трэйвисом. Я тебе говорил о нем, – объявил отец. Девушка обернулась:

– Здравствуйте, мистер Трэйвис, как поживаете? Ни малейшего признания того, что он узнан.

– Рад познакомиться, – кивнул Джейми. Прозвенел колокольчик у

входной двери.

– Простите, я должен обслужить покупателя, – извинился хозяин. – Сейчас вернусь. Пожалуйста, будьте как дома.

И поспешил в лавку.

Маргарет поставила на стол блюдо дымящегося овощного рагу с мясом и бегом вернулась к печи, вынула хлеб. Джейми молча наблюдал за девушкой. Маргарет сильно изменилась за этот год, стала женщиной, цветущей, прекрасной, создающей вокруг себя вызывающе-чувственную атмосферу, которой не было прежде.

– Отец ваш сказал, что вы превосходно готовите. Маргарет залилась краской.

– Надеюсь..., вам понравится, сэр.

– Давно уже я не ел ничего домашнего. Не могу дождаться ужина.

Джейми взял из рук Маргарет большое блюдо и поставил на стол. Маргарет была так удивлена, что чуть не разбила тарелку. Она никогда не видала мужчину, который хоть в чем-нибудь помог бы женщине.

Девушка подняла испуганные глаза, в первый раз взглянув в лицо незнакомца пристальнее. Сломанный нос и глубокий шрам портили некогда красивое, слишком красивое лицо. В светло-серых глазах блестели ум и сила. Седые волосы говорили о том, что перед ней стоит уже немолодой человек, однако юношеский дух явно не остыл в нем. Очень высокий, стройный и... Но тут Маргарет, смутившись под его ответным взглядом, поспешно отвернулась.

Ван дер Мерв, потирая руки, быстро вошел в комнату:

– Я закрыл магазин! – объявил он. – Давайте сядем и спокойно поужинаем.

Джейми усадили на почетное место.

– Я прочту молитву, – вызвался хозяин.

Все закрыли глаза, но Маргарет продолжала разглядывать из-под прищуренных век элегантного незнакомца, рассеянно прислушиваясь к монотонному голосу отца:

– Все мы грешники в глазах твоих, о Господи, и заслуживаем наказания. Дай нам силы вынести на плечах своих все тяготы жизни на этой земле, с тем, чтобы потом, на небесах, в жизни иной, пребывать в мире и покое. Благодарю тебя, Боже, за помощь тем, кто заслужил милости твои. Аминь.

Придвинув поближе блюдо, он начал наполнять тарелки. На этот раз порция Джейми была гораздо больше. За едой они разговорились.

– В первый раз в наших краях, мистер Трэйвис?

– Да, впервые.
– А миссис Трэйвис предпочла не выносить тяготы путешествия?
– Я не женат. Еще не нашел женщины, которая захотела бы выйти за меня замуж, – улыбнулся Джейми.

«Неужели найдется такая дура, которая откажет ему?» – удивилась про себя Маргарет, поспешно опуская глаза, чтобы гость невзначай не разгадал ее грешных мыслей.

– Клипдрифт – город больших возможностей, мистер Трэйвис. Огромных возможностей.

– Готов с ними познакомиться.

Джейми взглянул на Маргарет, девушка залилась краской.

– Не сочтите меня слишком назойливым, мистер Трэйвис, но могу ли я спросить, как вы приобрели столь значительное состояние?

Услыхав столь бесцеремонный вопрос, Маргарет смутилась, но гость, казалось, был совершенно спокоен.

– Унаследовал от отца, – небрежно ответил он.

– Вот как! Но я уверен, что в делах, вы, конечно, не новичок?

– Да нет, у меня очень мало опыта. Я нуждаюсь в мудром наставнике.

Лицо ван дер Мерва засияло.

– Большое счастье, что мы встретились, мистер Трэйвис! Можно сказать, судьба свела. У меня прекрасные связи в деловых кругах, крайне выгодные. Могу с достаточной уверенностью гарантировать, что всего за несколько месяцев сумею удвоить ваши деньги.

Перегнувшись через стол, он похлопал Джейми по руке:

– У меня такое чувство, что сегодня великий день для нас обоих!

Джейми молча улыбнулся.

– Вы, я так полагаю, остановились в «Гранд-отеле»?

– Совершенно верно.

– Безбожно дорогая гостиница. Правда, для человека с вашими средствами...

Не договорив, он вновь расплылся в улыбке.

– Мне сказали, здесь в округе много красивых мест. Не будет ли слишком невежливым попросить вас разрешить вашей дочери показать мне завтра окрестности? – спросил Джейми.

Маргарет почувствовала, как на мгновение остановилось сердце. Хозяин нахмурился.

– Не знаю. Она...

Железным правилом ван дер Мерва было не позволять ни одному мужчине оставаться наедине с Маргарет. Однако в этом случае он решил

сделать исключение: на карту поставлено слишком много, и он просто не мог позволить себе выглядеть негостеприимным в глазах столь выгодного партнера.

– Я могу заменить Маргарет в магазине на несколько часов. Покажешь мистеру Трэйвису, какие у нас тут есть места, Маргарет?

– Если желаете, отец, – тихо ответила она.

– Значит, решено, – снова улыбнулся Джейми. – Десять часов утра, не слишком рано?

После ухода высокого, хорошо одетого гостя Маргарет убрала со стола и вымыла посуду, двигаясь словно в тумане.

«Должно быть, он посчитал меня совершенной идиоткой».

Она вновь и вновь перебирала все детали, вспоминая, о чем говорила за ужином. Ни слова. Молчала весь вечер. Но почему? Ведь она привыкла, не смущаясь, обслуживать сотни мужчин и не выглядеть при этом безмозглой душой. Конечно, они не глядели на нее, как этот Йан Трэйвис. В ушах звучал дребезжащий голос отца:

«Во всех мужчинах дьявол сидит, Маргарет. Не позволяй им украсть у тебя невинность...»

Может, это действительно так? Что означают эти слабость и дрожь при виде незнакомца? Неужели он способен причинить ей зло? Лишить невинности? Сама мысль об этом вызвала почему-то незнакомое доселе приятно-волнующее чувство. Взглянув на тарелку, которую вытирала уже в третий раз, девушка беспомощно опустилась на табурет. Как ей хотелось, чтобы мать была жива! Она бы все поняла! Маргарет любила отца, но иногда не могла отделаться от гнетущего чувства, что ее поработили и держат в плену. Девушку беспокоило, что отец не позволяет ей встречаться с мужчинами.

Маргарет подумала, что так и останется старой девой, пока будет жив отец, но тут же устыдилась столь мятежных мыслей, поспешно вышла из комнаты и отправилась в лавку, где сидел за конторкой ван дер Мерв, подводя счета.

– – Спокойной ночи, папа.

Ван дер Мерв снял очки в золоченой оправе, потер глаза и встал, чтобы обнять дочь. Маргарет, сама не понимая почему, отстранилась.

Оставшись одна в занавешенном алькове, служившем спальней, Маргарет долго изучала лицо в маленьком круглом зеркальце, висевшем на стене. Она не обольщалась относительно своей внешности. Не красавица, но симпатичная. Высокие скулы, большие глаза, хорошая фигура. Девушка придвинулась поближе к зеркалу. Что увидел Йан Трэйвис, когда смотрел

на нее? Маргарет начала раздеваться, и Йан Трэйвис почему-то оказался в этой комнате, не сводил с нее горящих желанием глаз...

Маргарет сбросила муслиновые панталоны, тонкую рубашку и осталась перед ним обнаженной... Руки девушки медленно ласкали набухшие груди, сжимали отвердевшие соски. Пальцы скользили по плоскому животу, переплелись с его пальцами, неспешно поползли вниз, к треугольнику волос, замерли на мгновение между ногами, едва касаясь, глядя сначала нежно, потом все сильнее и быстрее, пока наконец безумный вихрь ощущений не подхватил Маргарет. Выдохнув его имя, она повалилась на постель.

На следующее утро они отправились на прогулку в роскошном экипаже. Джейми был поражен переменами, произошедшими за такое короткое время. Там, где раньше повсюду были разбросаны цветные палатки, стояли солидно выглядывшие бревенчатые дома с крышами из черепицы или рифленого железа.

– Клипдрифт кажется процветающим городом, – заметил Джейми, когда они проезжали по главной улице.

– Да, такие места, должно быть, весьма привлекательны для приезжих гостей, – согласилась Маргарет, подумав, что до этой минуты ненавидела Клипдрифт всей душой.

Выехав из города, они направились к лагерям старателей, раскинувшимся вдоль берега реки Ваал. Сезон дождей преобразил унылый однообразный пейзаж в цветущий сад с густым зеленым кустарником и необыкновенными цветами, не растущими ни в одной стране мира, кроме Южной Африки. Увидев старателей, занятых работой, Джейми спросил:

– Кто-нибудь обнаружил здесь богатое месторождение?

– Да, несколько человек. Каждый раз, когда новость разносится по городу, сюда прибывают сотни новых людей попытать счастья. Большинство из них уезжает еще беднее, чем приехали, разочарованные, потерявшие всякую надежду, – вздохнула Маргарет, чувствуя почему-то, что обязана предупредить его.

– Отцу не понравилось бы то, что я сейчас сказала, но думаю, это ужасное занятие, мистер Трэйвис.

– Возможно, – согласился Джейми, – для некоторых.

– Значит, вы решили пока остаться?

– Да, мисс ван дер Мерв.

Невыразимая радость захлестнула сердце девушки. Он не уезжает!

– Как хорошо!

И поспешно добавила:

– Отец будет доволен!

Поездка заняла все утро; время от времени Джейми останавливался поговорить со старателями. Многие узнавали Маргарет и почтительно здоровались. Избавившись хоть ненадолго от гнетущего присутствия отца, девушка вела себя совсем по-другому, тепло и дружелюбно.

– Кажется, здесь все вас знают, – удивился Джейми, улыбаясь.

Маргарет покраснела:

– Это потому, что они приходят в магазин к отцу, покупать снаряжение.

Джейми ничего не ответил, с интересом оглядывая окрестности. Да, с постройкой железной дороги все необыкновенно быстро изменилось. Новый синдикат, названный «Де Бирс» по имени фермера, на поле которого были впервые обнаружены алмазы, откупил компанию у главного конкурента, Барни Барнато, и теперь администрация занималась тем, что объединяла сотни мелких заявок в один огромный участок. Совсем недавно недалеко от Кимберли обнаружили золото, марганец и цинк. Джейми был убежден, что это всего лишь начало и Южная Африка – настоящая сокровищница с неисчислимыми запасами драгоценных ископаемых, где прозорливому человеку предоставлялись неограниченные возможности.

Джейми и Маргарет возвратились только к концу дня. Остановив экипаж перед магазином ван дер Мерва, Джейми сказал:

– Для меня будет большой честью, если вы и ваш отец согласитесь сегодня вечером отужинать со мной. Глаза Маргарет засияли мягким светом:

– Я спрошу отца. Очень надеюсь, что он согласится. Спасибо за прекрасный день, мистер Трэйвис.

И исчезла за дверью.

Они ужинали в большом квадратном обеденном зале нового «Гранд-отеля». Почти все столики были заняты, и ван дер Мера проворчал:

– Не понимаю, как эти люди могут себе позволить такую роскошь!

Джейми просмотрел меню. Бифштекс стоил фунт четыре шиллинга, картофель – четыре шиллинга, а кусок яблочного пирога – десять.

– Да они просто грабители, – продолжал жаловаться ван дер Мера. – Стоит несколько раз пообедать здесь, так того и гляди попадешь в дом призрения!

Джейми про себя прикинул, сколько же нужно истратить голландцу, чтобы дойти до нищенского состояния. Придется выяснить. Они заказали обед, и Джейми заметил, что ван дер Мерв выбрал самые дорогие блюда. Маргарет попросила только бульон – она была слишком возбуждена, чтобы

есть. Взглянув на свои руки, девушка вспомнила, как ласкала себя вечером, и почувствовала угрызения совести.

– Ну, мне вполне по карману угостить вас ужином, – пошутил Джейми, – заказывайте все, что только захотите.

– Спасибо, – вспыхнула Маргарет, – но..., я..., я не голодна. Ван дер Мерв, заметив, как покраснела девушка, настороженно оглядел ее и Джейми.

– Моя дочь – редкая девушка, поистине редкая, мистер Трэйвис.

Джейми кивнул:

– Совершенно согласен с вами, мистер ван дер Мерв. Его слова доставили Маргарет такую радость, что, когда подали ужин, она даже не смогла проглотить бульон. Никто еще никогда не производил на нее такого впечатления, как Йан Трэйвис. Маргарет старалась отыскать скрытое значение в каждом его слове и жесте. Если Йан улыбался ей, значит, она ему нравилась, если хмурился – значит ненавидел. Настроение девушки непрерывно поднималось и падало, как ртуть в термометре.

– Видели что-нибудь интересное сегодня? – осведомился ван дер Мерв.

– Нет, ничего особенного, – небрежно обронил Джейми. Голландец наклонился к собеседнику:

– Попомните мои слова, сэр, эта местность сулит большие возможности. Умный человек может обогатиться, если вложит капитал в здешние разработки, а новая железная дорога скоро превратит Клипдрифт во второй Кейптаун.

– Не знаю, – с сомнением протянул Джейми. – Я слышал о многих таких городках – быстро вырастают, богатеют и так же быстро идут ко дну. Не желаю пускать на ветер свои деньги.

– Только не Клипдрифт, – заверил ван дер Мерв. – Алмазов здесь находят все больше и больше. Да и золота тоже.

– И сколько это продлится? – пожал плечами Джейми.

– Ну, наверняка никто сказать не может...

– Вот именно.

– Не принимайте слишком поспешных решений, – настаивал голландец. – Жаль, если пропустите такую возможность! Джейми на мгновение задумался:

– Возможно, вы правы, мистер ван дер Мерв. Мисс Маргарет, вы не откажете, надеюсь, снова поехать со мной на прогулку завтра утром?

Ван дер Мерв уже открыл было рот, чтобы возразить, но тут же передумал, вспомнив слова мистера Торенсена, банкира:

«Он просто вошел в банк, открыл счет на сто тысяч фунтов так спокойно, будто десять шиллингов, и объявил, что положит во много раз больше».

Жадность взяла верх над осторожностью.

– Конечно, она поедет, – согласился голландец. На следующее утро, собираясь на прогулку с Джейми, Маргарет надела лучшее платье, но, когда вошел отец, лицо его побагровело при виде дочери:

– Хочешь, чтобы этот человек посчитал тебя падшей женщиной?! Разоделась, чтобы понравиться ему? Это бизнес, девочка! Сними немедленно и переоденься в обычное платье.

– Но, папа...

– Делай, как я сказал. Маргарет не посмела спорить:

– Хорошо, папа.

Ван дер Мера смотрел вслед отъезжающему экипажу, думая только об одном: не совершил ли он ужасной ошибки.

На этот раз Джейми погнал лошадей в противоположном направлении. Повсюду шла стройка, виднелись следы новых разработок. Джейми подумал, что если здесь по-прежнему будут открывать месторождения, а по всем признакам так оно и будет, – только на недвижимости можно заработать гораздо больше денег, чем на алмазах и золоте. Клипдрифту понадобятся банки, отели, салуны, магазины, бордели... Список был бесконечным..., и возможности неограниченными...

Неожиданно Джейми ощутил пристальный взгляд Маргарет.

– Что-то не так? – спросил он.

– Нет-нет, – поспешно заверила девушка, отворачиваясь. Джейми заметил сияющее лицо Маргарет, чувствовавшей его близость, впервые осознавшей, что это значит – быть рядом с мужчиной, вот так, наедине, изголодавшейся по мужской ласке.

В полдень Джейми свернул с большой дороги в рощицу около ручья и остановился под большим баобабом. Еще утром он велел служащим ресторана упаковать в корзинку завтрак. Маргарет расстелила скатерть, развернула свертки и разложила по тарелкам холодную жареную баранину, жареного цыпленка, желтый от шафрана рис, айвовый джем, мандарины, персики и посыпанные миндалем пирожки.

– Да это просто банкет! – воскликнула девушка. – Боюсь, я этого не

заслуживаю, мистер Трэйвис!

– Вы стоите гораздо большего, – заверил ее Джейми. Маргарет отвернулась, делая вид, что занята едой. Джейми нежно, но настойчиво взял в ладони ее лицо:

– Маргарет..., взгляни на меня.

– О..., пожалуйста..., я... – задрожав, взмолилась девушка.

– Взгляни на меня.

Маргарет медленно подняла голову и посмотрела в глаза Джейми. Он притянул ее к себе, обнял, крепко прижал к себе, губы нашли ее губы...

Маргарет на мгновение замерла, но тут же начала вырываться.

– О нет, Боже мой, нет! Мы не должны, не должны... Мы попадем в ад.

– На небеса.

– Я боюсь.

– Причин для страха нет, милая, поверь. Посмотри мне в глаза – они глядят тебе в душу. Ты знаешь, что я там вижу, правда? Мы ведь любим друг друга? Я хочу тебя. И ты тоже, не отрицай. Здесь нет ничего страшного или постыдного – ведь ты принадлежишь мне, Маргарет. Скажи это вслух. «Я принадлежу Йану». Не бойся. «Я..., принадлежу... Йану».

– Я принадлежу... Йану.

Губы его вновь обожгли ее рот; Джейми начал расстегивать крючки на платье, и через мгновение Маргарет стояла обнаженная; легкий ветерок шевелил пряди длинных волос.

Джейми нежно подхватил ее на руки, опустил на землю.

Вчерашняя неопытная девушка сегодня стала женщиной. И это превращение казалось таким чудесным волшебством, словно Маргарет до сих пор не жила, а пребывала в глубоком сне и вот теперь очнулась, зная, что запомнит этот день на всю жизнь: постель из листьев, теплый ласковый ветерок на обнаженной коже, пятнистая тень веток огромного баобаба...

Тела их снова слились, и это было восхитительно, гораздо лучше, чем в первый раз. Одна мысль билась в мозг Маргарет:

«Ни одна женщина в мире не может любить так, как я люблю этого человека».

А потом Джейми нежно притянул ее к себе, и, лежа в его объятиях, Маргарет мечтала только о том, чтобы так было вечно. Взглянув в лицо любимого, она прошептала:

– О чем ты думаешь?

Озорно улыбнувшись, он ответил таким же заговорщическим шепотом:

– О том, что сейчас умру с голоду!

Девушка засмеялась; оба дружно вскочили и расстелили под деревом скатерть. После обеда они купались, долго обсыхали под горячим солнцем. Джейми вновь потянулся к Маргарет, и она пожелала про себя, чтобы день этот никогда не кончался.

Вечером Джейми и ван дер Мерв сидели за угловым столиком в салуне «Сандаунер».

– Вы были правы, – объявил Джейми, – возможности здесь даже более неограниченные, чем я предполагал.

– Я знал, что такой умный человек, как вы, мистер Трэйвис, не сможет не понять этого! – просиял голландец.

– Что бы вы посоветовали мне делать? – осведомился Джейми.

Оглядевшись, собеседник понизил голос:

– Только сегодня я получил известие об открытии нового богатого месторождения алмазов к северу от Пнайела. Десять участков еще не имеют хозяев. Можно подать по пять заявок от моего и вашего имени. Ваша доля составит пятьдесят тысяч и моя тоже. Алмазов там невероятно много. За короткое время можно стать миллионерами. Что вы об этом думаете?

Джейми с трудом удержался от желания ответить, что он думает на самом деле: ван дер Мере заберет себе все богатые участки, оставив ему ничего не стоящие, да еще можно биться об заклад, не вложит в дело ни шиллинга.

– Интересное предложение, – задумчиво кивнул наконец Джейми. – Сколько же еще старателей участвуют в этом?

– Только двое.

– Но почему же требуется такая большая сумма? – с невинным видом спросил он.

– Вижу, вы и впрямь человек неглупый, – объявил ван дер Мерв. – Видите ли, они знают, насколько богаты участки, но не имеют денег на их разработку. Тут и нужна наша помощь. Мы даем сто тысяч фунтов и оставляем им двадцать процентов прибыли.

Он вставил это сообщение как бы между делом, почти скороговоркой. Джейми был уверен, что старатели останутся без денег и алмазов – все уйдет в карман ван дер Мерва.

– Нужно действовать быстро, – предупредил голландец, – как только новость распространится...

– Так давайте не терять времени, – встревожился Джейми.

– Не волнуйтесь, – улыбнулся ван дер Мерв, – я сейчас же составлю

контракт.

«И, без сомнения, опять на африкаанс», – подумал Джейми.

– Есть и другие, довольно интересные проекты, Йан. Опасаясь оттолкнуть нового партнера, ван дер Мерв не осмеливался возражать, когда Джейми просил Маргарет поехать с ним на прогулку. Девушка с каждым днем все больше влюблялась в Джейми, засыпая и просыпаясь с его именем на устах. Джейми пробудил дремавшую чувственность, о которой она даже не подозревала, и теперь только внезапно обнаружила, для чего создано ее тело, а все вещи, которых была приучена стыдиться или бояться, стали волшебными дарами, приносимыми возлюбленному. С каждой минутой она открывала новые чудеса в неведомой стране, именуемой «Любовь», где так много скрытых долин страсти, ручьев и источников жгучих ласк, полных меда и обожания. Маргарет пила и не могла насытиться.

Среди полей и лугов так легко можно было найти уединенное местечко и любить друг друга, и каждое свидание доставляло Маргарет такое же счастье, как тогда, впервые, под тенистым баобабом.

Только вина перед отцом терзала ее. Соломон ван дер Мерв был старейшиной голландской реформистской церкви, и Маргарет знала: если отец убедится, что дочь согрешила, – ей не будет прощения. Даже в этом неотесанном обществе, на краю земли, где они жили и где мужчины довольствовались жалкими купленными ласками, никто не понял бы подобного поведения. В мире существовало два вида женщин – порядочные и шлюхи, а приличная девушка не позволила бы до замужества прикоснуться к себе. Значит, ее ославили бы и посчитали развратницей. Какая несправедливость! Ведь это так прекрасно – отдавать и принимать любовь, здесь не может быть греха!

Но все возрастающее беспокойство, сознание того, что она совершает что-то недозволенное, заставило Маргарет наконец заговорить о свадьбе. Они ехали вдоль берега реки Ваал, и Маргарет решилась:

– Йан, ты знаешь, как я...

Слова застревали в горле, язык отказывался повиноваться.

– Ты... Я..., и ты... Как ты относишься к женитьбе? – в отчаянии выпалила она.

– Прекрасно, Маргарет. Прекрасно отношусь, – засмеялся он Маргарет тоже рассмеялась. Этот момент был самым счастливым в ее жизни.

В воскресенье утром Соломон ван дер Мерв пригласил Джейми сопровождать его и Маргарет в церковь. Голландская Реформистская Кирка оказалась большим внушительным зданием псевдоготического стиля, с кафедрой проповедника в одном конце зала и огромным органом – в другом.

Завидев в дверях ван дер Мерва, прихожане почтительно приветствовали его.

– Я помогал строить эту церковь, – гордо объявил он Джейми, – и исправляю здесь должность дьякона.

Проповедник страдал свою паству адским огнем и вечными муками, а ван дер Мера зачарованно внимал каждому слову, непрерывно кивая.

Джейми покачал головой.

«Как странно, – подумал он, – что по воскресеньям этот человек обращается к Богу, а в остальное время принадлежит дьяволу».

Вечером Джейми отправился в салун. Смит, как обычно, обслуживал посетителей у стойки бара и при виде Джейми расплылся в улыбке:

– Добрый вечер, мистер Трэйвис. Что будете пить? Как обычно?

– Не сегодня, Смит. Мне нужно с вами поговорить. Без свидетелей.

– Конечно, сэр, – кивнул тот, нюхом почувствовав возможность заработать, и обернулся к помощнику.

– Побудь вместо меня.

Они прошли в заднюю крохотную, чуть побольше чулана, комнатку, где по крайней мере их никто не мог подслушать. Там едва помещался только круглый стол с четырьмя стульями. Смит зажег стоявшую на столе лампу.

– Сядьте, – велел Джейми.

– Да, сэр? Чем могу помочь?

– Это я пришел вам помочь, Смит!

– Неужели, сэр? – просиял бармен.

Джейми, кивнув, достал длинную тонкую сигару и закурил.

– Я решил оставить тебя в живых.

В глазах Смита мелькнуло выражение недоумения.

– Я..., не понимаю, мистер Трэйвис.

– Не Трэйвис. Меня зовут Мак-Грегор. Джейми Мак-Грегор. Помнишь? Год назад ты отдал меня в руки убийцы, послал на верную

смерть в амбар. Продал ван дер Мерву.

Смит нахмурился, видимо, что-то припоминая:

– Не знаю, о чем вы...

Но Джейми перебил, как хлыстом ударил:

– Заткнись и слушай!

Он словно видел, как щелкают шестеренки в мозгу Смита. Пытается отождествить лицо сидящего перед ним седоволосого человека с открытой доверчивой физиономией восемнадцатилетнего юноши, каким был Джейми всего год назад.

– Я все еще жив и богат – достаточно богат, чтобы нанять людей и сжечь эту дыру и тебя вместе с ней. Я верно говорю, Смит?

Бармен попытался было уверить в своей невинности, но, взглянув в глаза Джейми Мак-Грегора, почуял опасность и осторожно пробормотал:

– Да..., сэр.

– Ван дер Мера платит тебе за то, что посылаешь к нему старателей и помогаешь их грабить. Неплохая сделка. Сколько от него получаешь?

Смит молчал, раздираемый двумя противоборствующими силами, и не знал, куда деваться.

– Сколько?

– Два процента, – нерешительно пробормотал он.

– Я дам пять. С этого дня, если кто-то к тебе обратится, посылай ко мне. Я помогу ему, разница только в том, что старатели будут получать свою долю, а ты свою. Справедливую долю. Неужели и в самом деле думаешь, что ван дер Мерв дает тебе два процента от прибылей? Значит, ты совсем дурак.

– Да, мистер Трэй..., мистер Мак-Грегор, – кивнул Смит. – Понимаю.

Джейми поднялся:

– Не совсем.

И, перегнувшись через стол, добавил:

– Решаешь, стоит ли пойти к ван дер Мерву и рассказать о нашем разговоре, чтобы содрать деньги и с того и с другого? Да только тут ты ошибся, Смит.

Голос его понизился до шепота:

– Если сделаешь это, считай себя мертвецом.

Глава 7

Одеваясь, Джейми услышал робкий стук в дверь. Он прислушался. Стук повторился. Джейми открыл замок. На пороге стояла Маргарет.

– Заходи, Мэгги, – пригласил он. – Что-то случилось? Девушка никогда раньше не заходила к нему в номер. Она нерешительно переступила порог и остановилась, не зная, как начать разговор. Всю ночь Маргарет лежала без сна, придумывая, что ему сказать, боясь, что любимый, услышав все, откажется от нее. Наконец, поглядев ему в глаза, Маргарет решилась.

– Йан, у меня будет ребенок.

Джейми на мгновение застыл, и Маргарет в ужасе подумала, что теперь всему конец, но неожиданно лицо его осветилось такой невыразимой радостью, что все сомнения мгновенно исчезли. Он схватил ее за руки:

– Это чудесно, Маргарет! Чудесно! Ты уже сказала отцу? Маргарет в тревоге отпрянула:

– О, нет! Он... Ты не знаешь отца. Он..., никогда не поймет. Джейми торопливо натянул рубашку:

– Пойдем, скажем ему вместе.

– Ты уверен, что все будет в порядке, Йан?

– В жизни не был так уверен, как сейчас! Соломон ван дер Мера отпускал посетителю сушеное мясо, когда в лавку вошли Джейми и Маргарет.

– А, Йан! – приветствовал он Джейми. – Сейчас освобожусь.

Поторопившись отпустить старателя, подошел к Джейми.

– Прекрасный день сегодня, не так ли?

– Лучше не бывает! – весело откликнулся тот. – У вашей дочери будет ребенок.

Внезапное молчание повисло в воздухе.

– Я..., я не понимаю, – заикаясь пробормотал голландец.

– Все очень просто. Она забеременела от меня. С лица ван дер Мерва схлынула краска. Не в силах опомниться, он переводил взгляд с Джейми на Маргарет.

– Это..., вы пошутили? Не может быть...

Все смешалось у него в мозгу от ужасного открытия: любимая единственная дочь отдалась мужчине..., ждет ребенка... Он станет посмешищем всего города! Но ведь Йан Трэйвис очень богат. И если они

сразу же поженятся...

Он обернулся к Джейми:

– Свадьба, конечно, будет как можно скорее! Джейми удивленно взглянул на него:

– Свадьба? И вы позволите Маргарет выйти за глупого деревенского простака, позволившего ограбить себя и лишит того, что по праву ему принадлежало?

Голова ван дер Мерва окончательно закружилась.

– О чем вы говорите, Йан? Я никогда...

– Мое имя вовсе не Йан, – резко оборвал Джейми. – Я Джейми Мак-Грегор. Не узнали?

И, заметив недоуменный взгляд ван дер Мерва, кивнул.

– Ну, конечно же, нет! Но не в моих правилах долго помнить зло, ван дер Мера, и я решил сделать вам подарок – теперь в животе вашей дочери ребенок. Мой ребенок.

Он повернулся и вышел, не обращая внимания на отца и дочь, молча, потрясенно смотревших ему вслед.

Маргарет стояла, прикованная к месту, словно громом пораженная. Он не мог сказать этого. Он любит ее, любит! Но тут отец, в приступе ужасающей ярости, набросился на нее.

– Ты шлюха! – завопил он. – Развратница! Прочь из моего дома! Убирайся!

Маргарет по-прежнему не двигалась. Весь ужас происходящего не укладывался в сознании. Йан, Йан винил ее в том, что сделал отец. Кто это – Джейми Мак-Грегор? Кто?...

– Вон!

Ван дер Мера, размахнувшись, с силой ударил дочь по лицу:

– Не желаю видеть тебя, пока жив.

Маргарет, задыхаясь, пошатнулась; в ушах гулко отдавался стук сердца. Незнакомое, искаженное злобной гримасой лицо маячило перед ней. Лицо безумца. Повернувшись, она не оглядываясь выбежала из лавки.

Соломон ван дер Мерв, охваченный отчаянием, смотрел вслед дочери. Он знал, что бывает с девушками, которые не соблюли себя. Их заставляли стоять перед всеми в церкви, позорили и стыдили, а потом изгоняли из общины – вполне заслуженное наказание для таких бесстыдниц! Но его Маргарет получила приличное воспитание, была богобоязненной девочкой. Как же она могла поступить с отцом подобным образом? Перед глазами ван дер Мерва встало видение: обнаженное тело дочери, совокупляющейся с этим человеком, валяющейся в грязи, как низкое похотливое животное.

Внезапно он почувствовал, как плотское желание бурлит в крови.

Он повесил табличку «Закррито» на входную дверь и лег на постель, не имея ни сил, ни воли двинуться с места. Когда новость разнесется по городу, все будут смотреть на него с презрением. Жалеть или обсуждать за порочность дочери. Нужно сделать так, чтобы никто ни о чем не узнал. Убрать эту шлюху с глаз долой!

Преклонив колени, ван дер Мерв стал молиться:

«О Боже! Как ты мог допустить, чтобы такое произошло со мной, со мной, твоим верным слугой! Почему отвратил от меня взор свой? Пусть она умрет. О Господи! Сделай так, чтобы они оба умерли...»

В салуне «Сандаунер», как всегда, было полно народу. Подойдя к бару, Джейми обернулся к посетителям и громко сказал:

– Джентльмены, прошу внимания! Голоса постепенно стихли.

– Заказывайте, что пожелаете. Угощаю всех!

– По какому случаю? – почтительно осведомился Смит. – Новое месторождение?

– Что-то в этом роде, друг мой, – рассмеялся Джейми. – Незамужняя дочь Соломона ван дер Мерва беременна. Мистер ван дер Мерв желает, чтобы все отпраздновали это событие вместе с ними!

– Господи Иисусе, – прошептал Смит.

– Иисус не имеет с этим ничего общего. Только Джейми Мак-Грегор.

Уже через час все в Клипдрифте узнали новость: Йан Трэйвис оказался Джейми Мак-Грегором и опозорил дочь ван дер Мерва, а та забеременела. Подумать только, ведь притворялась такой тихоней!

– А выглядит скромницей!

– Говорят, в тихом омуте черти водятся!

– Интересно, сколько еще мужчин в этом городе попили водички из этого омута?!

– А девочка неплохо сложена. Я и сам бы не прочь попользоваться!

– Почему бы тебе не попросить? Она долго ломаться не будет!

Раздался дружный хохот мужчин.

К тому времени, как Соломон ван дер Мерв появился на улице, он уже успел немного примириться с постигшей его ужасной катастрофой. Придется отослать Маргарет в Кейптаун следующим дилижансом. Пусть рожает своего ублюдка там, хоть в Клипдрифте никто не узнает о таком позоре!

Ван дер Мерв шел, не оглядываясь по сторонам, с приклеенной к губам улыбкой.

– Добрый день, мистер ван дер Мерв. Слышал, вы закупили партию

детской одежды?

– Здравствуйте, Соломон. Правда, что скоро, в вашем магазине появится маленький помощник?

– А, рад вас видеть, Соломон. Только что видал продавца птиц. Говорят, в нашем городе появились аисты. Представляете?

Соломон ван дер Мерв повернулся, спотыкаясь, побрел обратно в лавку и наглухо запер за собой дверь.

Джейми пил виски в салуне, прислушиваясь к возбужденным пересудам. Такого скандала в Клипдрифте еще не бывало; обитатели города сгорали от любопытства и злорадного удовлетворения. Джейми желал только одного; чтобы Бэнда был здесь и радовался вместе с ним. Вот она, расплата за погубленную жизнь сестры Бэнды, за то, что ван дер Мерв сделал с Джейми и кто знает, со сколькими еще. Но с ван дер Мервом еще не покончено. Это только начало. Джейми не успокоится, пока не уничтожит врага. А Маргарет? К ней Джейми не испытывал ни малейшего сочувствия. Она была соучастницей отца. Джейми помнил ее слова во время первой встречи:

«Мой отец – именно тот, кто может помочь вам. Он все знает».

Девушка тоже принадлежала к семье ван дер Мерва, и Джейми растопчет их обоих.

Смит подошел к столику, где сидел Джейми.

– Могу я поговорить с вами минутку, мистер Мак-Грегор?

– В чем дело?

Смит смущенно откашлялся:

– Я знаю двоих старателей, владеющих десятью участками около Пнайела. Алмазов там куча, да только у парней нет денег на приличное снаряжение. Ищут партнера. Вот я и подумал, может, вам это подойдет?

Джейми, прищурившись, оглядел бармена:

– Об этих людях ты говорил ван дер Мерву, так ведь? Смит удивленно кивнул:

– Да, сэр. Но я обдумал ваше предложение и решил, что буду работать на вас.

Джейми вытащил длинную тонкую сигару, и Смит поспешил зажечь ее.

– Расскажи подробнее! Бармен повиновался.

Сначала в Клипдрифте почти не было публичных домов. Шлюхи, в основном негритянки, поджидали клиентов в грязных переулках или убогих борделях. Первыми белыми проститутками, появившимися в городе, были буфетчицы или официантки. Но Клипдрифт рос, открывались все новые месторождения алмазов, а вместе с процветанием увеличивался и приток продажных женщин. Теперь на окраинах города открылось уже с полдюжины публичных домов с белыми проститутками, деревянных лачуг из железнодорожных шпал с жестяными крышами. Исключением был бордель мадам Эгнес, солидное двухэтажное здание, выстроенное на Бри-стрит подальше от Луп-стрит, главной улицы, чтобы взор жен уважаемых горожан не оскорблял вид подобного заведения. Зато частыми посетителями дома мадам Эгнес были мужья этих респектабельных дам и те, кто мог позволить себе бросать деньги на столь дорогие удовольствия – ведь посещение заведения обходилось недешево. Правда, и женщины были молоды, привлекательны, без всяких предрассудков да к тому же честно отрабатывали потраченное на них.

Спиртные напитки подавались в хорошо обставленной гостиной, и сама мадам строго следила, чтобы клиентов не торопили и не обсчитывали.

Мадам Эгнес, жизнерадостная, крепко сбитая рыжеволосая женщина лет тридцати пяти, работала раньше в одном из лондонских борделей, но, привлеченная рассказами о сказочно-легком обогащении, решила отправиться в Южную Африку. Она скопила достаточно денег, чтобы открыть собственное заведение, и дела с самого начала процветали. Мадам Эгнес считала себя знатоком мужской натуры, но Джейми Мак-Грегор был для нее загадкой. Он часто посещал заведение, тратил деньги, не скупясь, был вежлив и обходителен с женщинами, но всегда казался погруженным в свои мысли, недостижимым, словно некая стена стояла между ним и окружающим миром. Особенно поражали его глаза – светлые, бездонные, ледяные. В отличие от других постоянных посетителей, он никогда не говорил о себе и своем прошлом. Мадам Эгнес слыхала, что он расчетливо совратил дочь Соломона ван дер Мерва, и теперь, когда она ждет ребенка, отказывается жениться.

Мадам Эгнес считала, что так могут поступать лишь последние подонки.

«Но все же этот, хоть и ублюдок, весьма привлекателен», – подумала она, провожая взглядом спускающегося по лестнице Джейми Мак-Грегора.

Джейми, вернувшись в отель, застал в номере Маргарет. Девушка стояла у окна, глядя на улицу и, услышав шаги, обернулась:

– Здравствуй, Джейми. Голос ее дрожал.

– Что ты здесь делаешь?

– Мне нужно поговорить с тобой.

– Нам не о чем говорить.

– Я знаю, почему ты сделал все это. Из ненависти к отцу. Но поверь, какое бы зло он ни причинил тебе, я ничего об этом не знала. Умоляю..., пожалуйста..., верь мне. Не гони меня. Я слишком тебя люблю.

– Это твоя проблема, ты не находишь? – холодно взглянул на нее Джейми.

– Пожалуйста, не смотри на меня так. Ведь ты тоже любишь меня.

Но Джейми уже не слушал. Он снова переживал то ужасное путешествие в Паардспан, во время которого чуть не умер..., тяжелые булыжники на берегу..., он ворочал их, пока не падал от усталости и наконец – алмазы, много алмазов. И снова он отдает камни ван дер Мерву, и в ушах звучит еле слышимый голос:

«Ты не понял меня, парень. Мне партнеры ни к чему. Ты работаешь на меня. Даю тебе двадцать четыре часа, чтобы убраться из города...» Безжалостное избиение... Вонь, исходящая от стервятников, острые клювы, разрывающие плоть.

Как будто издали донесся голос Маргарет:

– Неужели ты не помнишь? Я..., принадлежу..., тебе. Я тебя люблю.

Страхнув с себя липкую паутину кошмара, Джейми взглянул на Маргарет. Любовь. Он больше не знал, что означает это слово. Ван дер Мерв выжег, уничтожил в нем все чувства, кроме одного: ненависти. Ненависть стала для Джейми эликсиром жизни, смыслом существования, помогла пройти через смертельные опасности, невыносимые муки, побороть акул, пройти через рифы, ползти по минным полям Намибии. Поэты слагали стихи о любви, а певцы пели песни, так что, возможно, такое бывает с людьми, случается на самом деле. С другими. Только не с Джейми Мак-Грегором.

– Ты дочь Соломона ван дер Мерва. И носишь его внука. Вон отсюда!

Больше Маргарет некуда было идти. Она любила отца и нуждалась в его прощении, но знала, что тот никогда, ни за что не простит, превратит ее жизнь в ад кромешный. Но выбора не было. Ни друзей, ни знакомых.

Выйдя из отеля, она направилась к магазину отца, чувствуя на себе любопытно-злорадные взгляды прохожих. Некоторые мужчины оскорбительно усмехались; она продолжала идти с высоко поднятой головой. У дверей магазина Маргарет нерешительно остановилась, но, поколебавшись, все же вошла. В лавке никого не было. Из задней комнаты вышел ван дер Мерв.

– Отец...

– Ты?!

Гадливое презрение в голосе как удар в лицо. Он подошел ближе, и Маргарет почувствовала запах виски.

– Я требую, чтобы ты убралась из этого города. Сейчас. Немедленно. И никогда

больше не возвращайся! Слышишь? Никогда.

Вытащив из кармана несколько банкнот, он швырнул их на пол.

– Возьми и уходи прочь!

– У меня будет твой внук.

– Ублюдок самого дьявола!

Отец, сжав кулаки, надвигался на Маргарет.

– Всякий раз, когда люди увидят, как тыставляешь себя напоказ, грязная шлюха, будут вспоминать о моем позоре, а если уберешься с глаз долой, может, и забудут когда-нибудь.

Она долго, потерянно глядела на него, потом повернулась и, слепо спотыкаясь, побрела к двери.

– Деньги, тварь! – завопил он. – Ты забыла деньги! Маргарет в полном смятении добралась до дешевого пансиона на окраине города. Миссис Оуэне, хозяйка, оказалась полной женщиной лет сорока с добродушным лицом. Муж привез ее в Клипдрифт и бросил. Более избалованное создание, вероятно, погибло бы, но миссис Оуэне была сделана из другого теста и умела выжить в любых обстоятельствах. За это время она повидала многих хороших людей, попавших в беду, но ничто не могло сравниться с судьбой семнадцатилетней девушки, стоявшей сейчас перед ней.

– Вы хотели видеть меня?

– Да..., пришла узнать..., может, у вас найдется работа?

– Работа? Что вы умеете делать?

– Все что угодно. Я хорошо готовлю. Могу обслуживать посетителей. Застилать постели, убирать. Я... Я... – борясь из последних сил с охватившим ее отчаянием, лепетала Маргарет. – Пожалуйста, – умоляюще прошептала она, – пожалуйста..., все что угодно.

Миссис Оуэне взглянула на дрожавшую девушку, чувствуя, как разрывается от жалости сердце.

– Думаю, одна помощница не помешает. Когда начнете работать?

И увидела невыразимое облегчение в глазах Маргарет.

– Прямо сейчас.

– Я могу платить только...

Она быстро подсчитала в уме и накинула несколько шиллингов сверху.

– Один фунт два шиллинга одиннадцать пенсов в месяц. Это немного, но жить и обедать можете у меня.

– Спасибо, я согласна, – благодарно вздохнула Маргарет.

Соломон ван дер Мерв теперь редко появлялся на улицах Клипдрифта, и все чаще на дверях магазина висела табличка «ЗАКРЫТО», а покупателям приходилось обращаться к другим торговцам.

Но каждое воскресенье он неизменно ходил в церковь, не молиться, нет. Требовал от Бога, чтобы тот исправил ужасную ошибку, снял бремя стыда и позора с плеч своего верного слуги. Остальные прихожане всегда смотрели на Соломона с уважением, как на богатого и могущественного человека, и вот теперь он постоянно чувствовал осуждающие взгляды и слышал ехидный шепоток за спиной. Семья, сидевшая рядом с ним на скамье, перешла на другое место. Он стал парией, отверженным. Окончательно сломила его проповедь священника с цитатами из книг «Исход», «Левит» и пророка Иезекиеля, направленные против падших женщин и отцов, бросающих дочерей своих на произвол судьбы и ввергающих их в пучину разврата.

«Они открыли наготу ее, взяли сыновей ее и дочерей ее, а ее убили мечом. И сделалась она позором между женщинами».

И изрек Господь устами Моисея:

«Не оскверняй дочери твоей, допуская ее до блуда, чтобы не блудодействовала земля и не наполнялась земля развратом...»

После этого дня ноги ван дер Мерва больше не было в церкви.

По мере того как дела Соломона ван дер Мерва больше и больше приходили в упадок, Джейми Грегор богател. Разработка алмазных копей обходилась теперь очень дорого, поскольку приходилось рыть все глубже, а у старателей не было денег на покупку сложного оборудования. В городе скоро узнали, что Джейми Мак-Грегор предоставляет кредит в обмен на часть прибылей, а со временем он смог выкупить и доли партнеров, оставшись, таким образом, единоличным владельцем множества участков. Он вкладывал деньги в недвижимость, алмазы и золото, но при этом был скрупулезно честен при совершении сделок. Все больше людей приходило к Джейми, зная о его высокой репутации.

В городе было два банка, и когда один разорился, Джейми купил его, убедившись предварительно, что беда произошла из-за некомпетентности

руководителей, и посадил туда своих людей с тем, чтобы его имя не упоминалось при совершении крупных операций.

Все, к чему бы ни прикасался Джейми, обращалось в золото. Он имел все, о чем мечтал в детстве, и гораздо больше того: богатство, положение, но все это значило мало. Джейми измерял собственные успехи несчастьями ван дер Мерва. Его отмщение было далеко не полным.

Время от времени Джейми встречал на улице Маргарет, но не обращал на нее внимания, проходил мимо.

Он и представления не имел, какое действие производили на девушку эти случайные встречи. Она чуть не теряла сознание и только усилием воли вынуждала себя не упасть. Маргарет по-прежнему любила Джейми – беззаветно и глубоко. Ничто не могло изменить этого. Он использовал ее, чтобы наказать отца, но Маргарет знала, что ненависть может быть обоюдоострым мечом и поранить самого мстителя. Скоро у нее будет ребенок, ребенок Джейми, и когда тот увидит собственное дитя, свою плоть и кровь, женится на матери, чтобы дать имя сыну. Маргарет станет миссис Джейми Мак-Грегор, а большего она от жизни не просила. Ночью, ложась спать, она прикасалась к набухшему животу и шептала: «Наш сын...» Конечно, глупо было думать, что так можно повлиять на пол ребенка, но ведь ничего в этом дурного не было..., а потом, каждый мужчина хочет сына.

Шли месяцы, будущий ребенок в лоне Маргарет рос, и это пугало девушку: ей так нужно было поговорить с кем-нибудь. Но женщины в этом городе с презрением отворачивались от грешницы – религия научила их только наказывать, а не прощать. Одинокая, окруженная чужими людьми, Маргарет плакала по ночам о себе и своем нерожденном ребенке.

Джейми Мак-Грегор купил двухэтажный дом в центре Клипдрифта и использовал его, как главную контору для своих растущих предприятий. Как-то к нему в кабинет зашел Мак-Миллан, главный бухгалтер.

– Мы объединяем наши компании, – объявил он хозяину. – Нужно дать название всей корпорации. У вас есть какие-нибудь пожелания?

– Я подумаю, – кивнул Джейми.

И он действительно долго размышлял. В ушах звучало эхо давно слышанных голосов, пронизывающих морской туман на алмазных полях в Намибской пустыне, и Джейми понял, что не хочет иного названия. Вызвав бухгалтера, он объявил:

– Назовем новую компанию «Крюгер-Брент». «Крюгер-Брент Лимитед».

Олвин Кори, управляющий банком, попросил Джейми о встрече.

– Я насчет долгов мистера ван дер Мерва. Слишком уж он запаздывает с платежами. Раньше, когда дела у него шли хорошо, мы вполне могли рискнуть, но теперь ван дер Мера вот-вот разорится. Думаю, пора предъявить его векселя к оплате.

– Нет.

Кори удивленно взглянул на хозяина.

– Он приходил сегодня утром. Пытался занять еще денег для...

– Дайте ему столько, сколько попросит. Управляющий поднялся:

– Как велите, мистер Мак-Грегор. Я скажу ему, что вы...

– Ничего не говорите. Просто выдайте деньги.

Каждое утро Маргарет поднималась в пять утра, чтобы испечь большие караваи восхитительно пахнущего хлеба и печенья из дрожжевого теста, и, когда постояльцы спускались в столовую к завтраку, подавала овсянку, ветчину, яйца, сладкие булочки, лепешки из гречневой муки и дымящийся кофе.

Обитателями пансиона большей частью были старатели, отправляющиеся на алмазные копи или только что возвратившиеся в город. Они оставались в Клипдрифте ровно на столько, чтобы оценить найденные алмазы, принять ванну, напиться как следует да посетить один из городских борделей – обычно в таком порядке. Почти все были грубыми невежественными бродягами.

В Клипдрифте существовал неписанный закон: порядочные женщины неприкосновенны. Всегда найдутся шлюхи, с которыми можно переспать. Однако Маргарет ван дер Мерв привлекала всеобщее внимание, потому что не подпадала ни под одно из этих определений. Приличные незамужние девушки не позволяют себе забеременеть, и по общему мнению, если Маргарет согрешила однажды, значит, готова лечь с любым мужчиной, стоит только предложить. И они предлагали. Некоторые старатели без излишних обиняков пытались сунуть деньги, остальные делали уклончивые ехидные намеки, но цель была одна. Маргарет обходилась и с теми и с другими со спокойным достоинством. Но как-то вечером, уже ложась спать, миссис Оуэне услышала доносившиеся из комнаты Маргарет крики. Хозяйка, распахнув дверь, ворвалась к девушке. Один из постояльцев, пьяный старатель, разорвал на Маргарет сорочку и, бросив на кровать, навалился на девушку. Миссис Оуэне набросилась на него, как

разъяренная тигрица. Схватив рубель, она начала колотить им насильника. Хозяйку охватила такая всесокрушающая ярость, что вскоре насильник уже валялся на полу без сознания – у нее даже хватило силы протащить его по коридору и выкинуть на улицу. Потом миссис Оуэне, не успев отдышаться, поспешила к девушке. Маргарет вытирала кровь с губ, искусанных пьяницей. Руки ее дрожали.

– С тобой все в порядке, Мэгги?

– Да. Я..., спасибо вам, миссис Оуэне.

Непрошенные слезы брызнули из глаз девушки: в этом городе, где почти никто не разговаривал с ней, нашелся человек, не стыдившийся выказать ласку и доброту.

Миссис Оуэне смотрела на выпиравший живот Маргарет и думала:

«Бедная фантазерка! Джейми Мак-Грегор никогда на ней не женится».

Время родов приближалось. Маргарет быстро уставала, с трудом наклонялась. Единственную радость доставляло ей ощущать шевеление ребенка. Она и ее сын были совершенно одиноки в этом мире, и Маргарет часами разговаривала с ним, рассказывая о всех чудесах, ожидающих его в этой жизни.

Как– то поздним вечером, сразу же после ужина, в пансионе появился молодой негр и вручил Маргарет запечатанный конверт.

– Белено подождать ответа, – пояснил он. Маргарет прочла письмо, перечитала еще раз, очень медленно.

– Да, – кивнула она, – передай, я согласна.

В следующую пятницу, ровно в полдень, Маргарет подошла к публичному дому мадам Эгнес. На двери висела табличка «Закрето». Маргарет нерешительно постучала, не обращая внимания на пораженные взгляды прохожих, не переставая спрашивать себя: а вдруг она делает непоправимую ошибку. Девушке трудно было принять решение и согласилась она только от невыносимого одиночества.

Вот что было в письме:

"Дорогая мисс ван дер Мерв! Конечно, это не наше дело, но я и мои девочки много беседовали о вашей несчастной судьбе и о том, как несправедливо с вами обошлись. Просто стыд и позор! Мы хотели бы помочь вам и вашему малышу. Если такое предложение вас не смутит, для нас будет большой честью пригласить вас к обеду. Надеемся, вы сможете прийти в пятницу в полдень.

С уважением – мадам Эгнес.

P.S. Поверьте, мы не имеем привычки сплетничать".

Маргарет нерешительно переминалась у входа, думая, не лучше ли

уйти, но тут дверь открылась, и на пороге появилась мадам Эгнес. Взяв Маргарет за руку, она пригласила:

– Входите, дорогая. Вам вредно стоять на этой проклятой жаре.

Она повела девушку в гостиную, обставленную диванами и креслами в викторианском стиле с красной плюшевой обивкой. Комната была украшена лентами, вымпелами и Бог знает откуда взявшимися разноцветными воздушными шарами. На свисавших с потолка картонках корявыми буквами было выведено:

«Добро пожаловать, малыш!»

«Обязательно родится мальчик!»

«С днем рождения!»

В гостиной уже собрались девушки мадам Эгнес – различного возраста, роста, всех цветов кожи. Все наряжены для столь торжественного случая в строгие закрытые платья и не накрашены. Маргарет ошеломленно подумала, что эти падшие создания выглядят более респектабельными, чем многие порядочные женщины города.

Маргарет оглядела собравшихся в большой комнате проституток и нерешительно остановилась, не зная, что делать. Некоторые лица были знакомы. Маргарет отпускала им товар, когда работала в магазине отца. Несколько очень молодых и красивых девушек, остальные постарше, толстые, явно с крашеными волосами. Но одно их роднило – сострадание к несчастной несправедливо обиженной девушке. Все были дружелюбны, добры и приветливы и хотели ей помочь.

Они окружили Маргарет, смущенно переглядываясь, боясь сказать или сделать что-нибудь не так. Пусть судачат об этой девушке, льют на нее грязь – уж им-то известно: она настоящая леди.

Проститутки прекрасно сознавали, какая пропасть лежит между ними и Маргарет. Она оказала им большую честь, согласилась прийти, и все были полны решимости не допустить, чтобы это торжество хоть чем-то омрачилось.

– Мы приготовили вкусный завтрак, душечка, – сказала мадам Эгнес. – Надеюсь, вы проголодались.

Маргарет повели в столовую, где уже был накрыт праздничный стол, а около ее прибора стояла бутылка шампанского. Проходя по коридору, Маргарет поглядела на лестницу, ведущую на второй этаж: она знала, что Джейми был здесь частым посетителем. Интересно, какую из девушек он выбрал? Возможно, не одну. Маргарет снова и снова разглядывала, изучала, сравнивала..., спрашивая себя, что же нашел в них Джейми такое, чем она сама не обладала.

Обед показался настоящим банкетом. Сначала подали восхитительный холодный суп и салат, потом свежезажаренного карпа, баранину и утку с овощами и картофелем, а на десерт – пропитанный ромом кремовый бисквит, сыр, фрукты и кофе. Маргарет с аппетитом ела и чувствовала себя превосходно. Ее усадили по главе стола на почетное место. Справа сидела мадам Эгнес, слева – ее тезка Мэгги, хорошенькая блондинка, на вид не старше шестнадцати лет. В первые минуты беседа никак не завязывалась. Девушки могли порассказать десятки забавных непристойных историй, но все они вряд ли подходили для ушей такой хорошо воспитанной девушки, как Маргарет. Поэтому говорили о погоде, о том, как быстро вырос Клипдрифт, и будущем Южной Африки. Все девушки на удивление хорошо разбирались в политике, экономике и ценах на алмазы, поскольку получали информацию из первых рук, от сведущих людей.

Правда, симпатичная блондинка Мэгги обмолвилась было:

– Джейми только что нашел новое алмазное месторождение и...

Но, осознав, что в комнате внезапно стало очень тихо, и поняв свою оплошность, смущенно добавила:

– Мой дядя Джейми. Он..., женат на моей тетке.

Маргарет была потрясена внезапной бурей ревности, охватившей ее. Мадам Эгнес быстро сменила тему разговора. После обеда хозяйка поднялась и улыбнулась Маргарет:

– Пойдем, душечка.

Все перешли во вторую гостиную, которую Маргарет еще не видела. Комната была полна подарков, красиво обернутых и перевязанных лентами. Маргарет ошеломленно оглядывалась, не веря глазам.

– Я..., я даже не знаю, что сказать.

– Разверни их.

Здесь были колыбелька, самодельные вязаные башмачки, конверты, вышитые чепчики и даже длинное кашемировое пальтишко, лайковые туфельки на пуговках, детская серебряная чашечка, расческа и щетка с серебряными ручками. В остальных свертках оказались золотые заколки для нагрудничков, целлулоидная погремушка, каучуковое зубное колечко, ярко раскрашенные кубики, оловянные солдатики, серая в яблоках лошадка-качалка и самый главный и красивый подарок: длинное белое крестильное платье.

Для Маргарет словно настало Рождество. Она никогда не ожидала ничего подобного. Глубоко запрятанные ощущения ненужности и полнейшего одиночества сжали сердце, вырвались наружу, и Маргарет разразилась рыданиями.

Обняв ее, мадам Эгнес тихо велела остальным уйти. Девушки безмолвно повиновались. Мадам Эгнес подвела Маргарет к дивану и, усадив, прижала к себе, пережидая, пока та успокоится.

– П-простите... – заикаясь пролепетала Маргарет. – Не..., не знаю, что на меня нашло.

– Ничего, милочка. Эти стены видели много слез, но и радости тоже. И знаешь, что я поняла? Рано или поздно, но в конце концов все утрясется. Ты и твой ребенок будете счастливы, поверь.

– Спасибо, – прошептала Маргарет и показала на гору подарков. – Не знаю, смогу ли я когда-нибудь отблагодарить вас и ваших друзей за...

Мадам Эгнес сжала ее руку:

– Не нужно. Ты и представления не имеешь, какую радость доставили девушкам все эти приготовления. Нам такое не часто выпадает. Если кто-то из них забеременеет, это такая трагедия.

Но тут же, опомнившись, прикрыла рот рукой.

– Ох, прости меня, не сдержалась.

Маргарет улыбнулась:

– Я только хочу, чтобы вы знали: это был один из лучших дней в моей жизни.

– Ты оказала нам большую честь, когда не погнушалась прийти сюда, дорогая. Лично я считаю, что ты стоишь всех женщин в этом городе вместе взятых. Стервы поганые! Убила бы их только за то, как они с тобой обращаются! И если не обидишься на прямоту, твой Джейми Мак-Грегор – дурак набитый.

Мадам поднялась с дивана:

– Мужчины! Мир был бы намного лучше, сумей мы обходиться без этих подонков! А может, и нет..., кто знает?

Маргарет, немного успокоившись, тоже встала и сжала руку мадам Эгнес.

– Никогда не забуду вашей доброты, пока жива. А когда мой сын вырастет, расскажу ему об этом дне.

– Думаешь, стоит рассказывать? – нахмурилась мадам Эгнес.

– Обязательно стоит, – улыбнулась Маргарет. Мадам проводила ее до выхода.

– Я найму фургон, чтобы доставить подарки в пансион. Счастья тебе, девочка.

– Спасибо вам. Спасибо большое!

Маргарет ушла. Мадам Эгнес постояла несколько минут, глядя, как она, неуклюже переваливаясь, идет по тротуару. Потом вернулась в

гостиную и громко приказала:

– Все, леди, праздник окончен. Пора за работу! Ровно через час заведение мадам Эгнес вновь было готово, как обычно, принять посетителей.

Глава 8

Настало время захлопнуть ловушку.

Все предыдущие полгода Джейми Мак-Грегор без большого шума выкупал у партнеров ван дер Мерва их долги в различных предприятиях и приобрел наконец контроль над всеми владениями. Но главной целью, навязчивой идеей Джейми, было заполучить алмазные поля в Намибской пустыне – ведь за них уже было заплачено кровью, страданиями и едва ли не его жизнью.

Он использовал украденные алмазы, чтобы создать империю и раздавить Соломона ван дер Мерва. Цель была еще не достигнута. Но конец близился.

Ван дер Мера все больше залезал в долги. Никто в городе не хотел дать ему денег взаймы. Только в одном месте голландцу предоставили неограниченный кредит – в банке, негласным владельцем которого был Джейми Мак-Грегор.

Магазин теперь был почти постоянно закрыт. Ван дер Мерв начинал пить с утра, днем заходил в дом мадам Эгнес, а иногда даже проводил там всю ночь.

Как– то утром Маргарет стояла у прилавка мясника, дожидаясь, пока тот уложит в корзину молоденьких цыплят, заказанных миссис Оуэне, и, случайно выглянув из окна, заметила, как отец выходит из борделя. Она с трудом узнала заросшего щетиной нечесанного грязного старика, медленно бредущего, шаркая ногами, по мостовой.

Соломон ван дер Мерв, не понимая, что с ним происходит, признавал только, что страдает без всякой вины, а жизнь его разрушена. Впереди – пустота. Бог избрал его, как Иова, чтобы испытать, насколько он тверд в вере. Ван дер Мерв был убежден, что в конце концов восторжествует над невидимыми врагами. Все, что ему требуется, – время и побольше денег. Он отдал в залог все, чем еще владел, – магазин, свою долю акций в шести небольших алмазных копях, даже лошадь с фургоном. Наконец больше ничего не осталось, кроме алмазных полей в Намибии, и в тот день, когда голландец поставил и их на карту, Джейми нанес последний удар.

– Предъявите к оплате все его векселя, – велел он управляющему банком – Дайте двадцать четыре часа срока, а если откажется платить – опишите все и вступайте в права владения заложенным имуществом.

– Мистер Мак-Грегор, ему вряд ли удастся собрать такую сумму. Он...

– Двадцать четыре часа.

На следующий день, ровно в четыре часа, заместитель управляющего прибыл в магазин вместе с судебным исполнителем и предписанием конфисковать все движимое и недвижимое имущество Соломона ван дер Мерва. Из окна конторы, расположенной на другой стороне улицы, Джейми наблюдал, как ван дер Мерва выгоняют из лавки. Старик постоял на тротуаре, беспомощно щурясь от яркого солнечного света, не зная, куда идти и что делать. У него больше ничего не осталось. Наконец Джейми полностью расплатился с врагом. Но почему-то в душе не было ни торжества, ни радости. Одна пустота. Человек, которого он уничтожил, успел расправиться с ним раньше.

Когда Джейми Мак-Грегор вечером появился в доме мадам Эгнес, она сообщила:

– Слыхал новость? Час назад Соломон ван дер Мерв вышиб себе мозги.

Хоронили его на унылом, продуваемом всеми ветрами кладбище на окраине Клипдрифта. Кроме могильщиков ван дер Мерва провожали в последний путь два человека – Маргарет и Джейми Мак-Грегор. Маргарет, в широком черном платье, скрывавшем располневшую талию, выглядела бледной и больной. Джейми, высокий, элегантно одетый, казалось, был полностью погружен в свои мысли. Они стояли на противоположных краях могилы, наблюдая, как грубо сколоченный гроб из нетесанных сосновых досок опускают в землю. Комья земли застучали по крышке, и Маргарет послышался голос отца:

– Шлюха!... Шлюха!

Она подняла голову, взглянула на Джейми. Глаза их встретились. Взгляд Джейми был холоден и безразличен. Взгляд незнакомца. В это мгновение Маргарет почувствовала, что ненавидит его.

"Стоишь здесь так спокойно, бесчувственно, а ведь ты так же виноват, как и я. Мы убили его, убили вдвоем.

Я твоя жена перед Господом. Но мы вместе совершили смертный грех".

Она посмотрела на почти засыпанную могилу. Земля уже накрыла гроб.

– Спи, – прошептала Маргарет. – Спи спокойно.

Когда она подняла глаза, Джейми уже не было.

В Клипдрифте было две так называемых больницы, размещенных в убогих деревянных домишках, но там развели такую грязь и антисанитарию, что каждый день умирало по несколько человек. Далеко не всем посчастливилось выжить.

Маргарет должна была вот-вот родить, и миссис Оуэне договорилась с Ханной, повитухой-негритянкой. Схватки начались в три часа утра.

– Держись и терпи, – наставляла Ханна, – все остальное в руках Божьих.

Первая атака боли вызвала улыбку на губах Маргарет. Она дарит жизнь сыну Джейми, и ребенок будет носить его имя. Она позаботится, чтобы Джейми признал малыша своим. Нельзя наказывать ребенка за чужие грехи.

Шли часы, схватки все усиливались, и когда кое-кто из обитателей пансионата попытался войти в комнату, чтобы посмотреть, как идут дела, Ханна бесцеремонно выпроводила любопытных.

– Это только твое дело. Твое, Божье и того дьявола, который довел тебя до беды.

– У меня будет мальчик? – простонала Маргарет. Ханна вытерла лицо роженицы влажным платком:

– Дам тебе знать, как только проверю, на месте ли его причиндалы. А теперь тужься. Сильно! Еще сильнее.

Боль накатывала непрерывными спазмами, разрывая тело.

– О Господи, что-то неладно, – успела подумать Маргарет.

– Тужься! – повторяла Ханна с внезапной тревогой.

– Он перевернулся! – закричала повитуха. – Не могу вытащить!

Маргарет сквозь красную пленку боли успела увидеть, как Ханна наклонилась, что-то с ней сделала..., и комната уплыла куда-то, а все муки кончились. Маргарет летела в бесконечном пространстве, где в конце темного тоннеля сиял яркий свет, и кто-то звал ее, и этим кто-то был Джейми:

«Я здесь, Мэгги, дорогая. Ты подаришь мне чудесного сына...»

Он возвратился к ней. Маргарет больше не испытывала к нему ненависти. Она знала теперь, что никогда не могла бы ненавидеть Джейми. Чей-то голос сказал:

– Сейчас все кончится...

Кто-то снова раздирал ее тело надвое; она громко вскрикнула от непереносимой боли.

– Потерпи, – сказала Ханна. – Головка появилась. Мгновение спустя Маргарет почувствовала что-то мокрое и скользкое между ногами. Раздался

торжествующий вопль Ханны. Повитуха подняла красный комочек.

– Добро пожаловать в Клипдрифт! Милочка, ты родила сына!

Маргарет назвала его Джейми.

Она знала, что Джейми быстро узнает о том, что стал отцом, и ждала, что он придет сам или пошлет за ней. Но когда прошло несколько недель, а от Джейми ничего не было слышно, Маргарет решилась написать ему. Рассыльный возвратился через полчаса. Маргарет, дрожа от нетерпения, сбежала по ступенькам.

– Ты видел мистера Мак-Грегора?

– Да, мэм.

– Передал записку?

– Да, мэм.

– Что он сказал? – допытывалась Маргарет. Мальчик смущенно опустил голову:

– Он..., он ответил, что у него нет сына, мисс ван дер Мерв.

Маргарет взяла ребенка, закрылась в комнате и просидела там весь день и всю ночь, отказываясь выходить.

. – Твой отец, Джейми, очень рассержен и думает, что твоя мать сделала ему много зла. Но ты его сын, и, когда он увидит тебя, обязательно возьмет нас к себе и будет очень любить. Вот увидишь, дорогой. Все будет хорошо.

Утром, когда миссис Оуэне постучала в дверь, Маргарет сразу открыла. Она казалась странно-спокойной.

– С тобой все в порядке, Мэгги?

– Спасибо! Лучше не бывает.

Она завернула Джейми в лучшее одеяльце и взяла на руки.

– Я собираюсь с ним на прогулку.

Коляска, подарок от мадам Эгнес и девушек, была очень красивой, сплетенной из тонкого тростника, обтянутой привозной парчой с отделкой из дорогого плюша, а сверху прикреплялся зонтик с широкой оборкой.

Маргарет толкала коляску по узкому тротуару Луп-стрит. Случайные прохожие улыбались малышу, но встречные женщины опускали глаза или переходили на другую сторону улицы, чтобы не встречаться с Маргарет. Та ничего не замечала. Она искала одного человека.

Каждый день, если погода была хорошая, она одевала малыша в самые нарядные одежды и вывозила на прогулку. Прошла целая неделя, но Маргарет так ни разу и не встретила Джейми, пока наконец не поняла, что тот сознательно избегает ее, и тогда решила: если отец не приходит к сыну, значит, сын сам должен попасть к отцу.

На следующее утро она подошла к хозяйке:

– Мне нужно уехать ненадолго, миссис Оуэне. Вернусь через неделю...

– Но ребенок слишком мал для таких поездок, Мэгги. Он...

– Малыш останется в городе.

– То есть здесь? – нахмурилась женщина.

– Нет, миссис Оуэне. Не здесь.

Джейми Мак-Грегор выстроил себе дом на одном из холмов, возвышающихся над Клипдрифтом. Невысокий, одноэтажный с островерхой крышей и двумя крыльями, соединенными с основным зданием широкими верандами, окруженный зелеными газонами, посаженными деревьями. Перед домом был разбит цветущий розовый сад. Сзади находились каретный сарай и помещение для прислуги. Джейми нанял экономку, Юджинию Толли, величественную вдову средних лет, оставившую в Англии шестерых, правда уже взрослых, детей. Миссис Толли правила слугами и домом властной рукой.

Маргарет появилась в доме, держа на руках младенца, ровно в десять утра, когда Джейми, как ей было хорошо известно, уже успел уехать в контору. Миссис Толли открыла дверь и ошеломленно уставилась на Маргарет: она, как и каждый человек в радиусе ближайших ста миль, хорошо знала, кто стоит перед ней.

– Простите, мистера Мак-Грегора нет дома, – объявила она и уже хотела было закрыть дверь, но Маргарет остановила ее:

– Я пришла не к мистеру Мак-Грегору, а принесла его сына.

– Боюсь, я ничего об этом не знаю. Вы...

– Я уезжаю на неделю. Как только приеду, заберу его. Она протянула ребенка.

– Его зовут Джейми.

Лицо миссис Толли перекосило от ужаса:

– Вы не можете оставить его здесь. Мистер Мак-Грегор будет...

– Можете выбирать, – сообщила Маргарет:

– Либо возьмете ребенка в дом, либо я оставлю его на пороге. Мистеру Мак-Грегору это тоже вряд ли понравится.

И не тратя времени на слова, сунула конверт с ребенком в руки экономки, повернулась и пошла по улице.

– Подождите! Вы не можете... Вернитесь! Мисс... Но Маргарет даже не оглянулась. Миссис Толли стояла как прикованная, беспомощно глядя на ребенка, и представляла, как разгневается мистер Мак-Грегор, когда обо всем узнает. Она никогда не видела хозяина в таком состоянии.

– Как вы могли сделать такую глупость! – вопил он. – Нужно было просто захлопнуть дверь перед ее носом!

– Я ничего не успела сообразить, мистер Мак-Грегор. Она...

– В моем доме ее ребенка не будет!

Он возбужденно бегал взад и вперед, время от времени останавливаясь перед несчастной экономкой.

– Я должен был вообще уволить вас за это.

– Она вернется за ним через неделю. Я...

– Плевать мне на то, когда она вернется! – заорал Джейми. – Уберите этого ребенка

отсюда! Немедленно! Избавьтесь от него!

– Каким образом прикажете сделать это, мистер Мак-Грегор? – сухо осведомилась экономка.

– Оставьте его где-нибудь в городе. Найдите место и отдайте.

– Где?!

– Какого дьявола мне знать?!

Миссис Толли взглянула на крохотный сверток. Малыш проснулся от криков и заплакал.

– В Клипдрифте нет приютов, – объявила она, нежно покачивая ребенка, но тот плакал все громче. – Кто-то должен о нем позаботиться.

Джейми раздраженно провел рукой по волосам.

– Черт возьми! Ну, ладно, – решил он наконец. – Вы были так благородны, что взяли младенца, значит, и ухаживайте за ним!

– Хорошо, сэр.

– И сделайте так, чтобы этот невыносимый вой прекратился! Поймите наконец, миссис Толли, я желаю, чтобы вы убрали его с глаз моих. Не хочу и знать, есть ли он в этом доме или нет. Когда мать за ним придет, чтобы я не видел ни ее, ни ребенка. Ясно?

Малыш завопил с удвоенной силой.

– Абсолютно, мистер Мак-Грегор.

И миссис Толли поспешила выйти.

Джейми Мак-Грегор долго сидел в кабинете, куря сигару и подливая в стакан виски. Глупая женщина! Думает, что вид младенца растопит его сердце и он немедленно объявит о своей любви к ней и ребенку и предложит руку и сердце! Не выйдет! Он даже не взглянет на мальчишку! Какое отношение имеет он, Джейми Мак-Грегор, к этим людям?! Сын его был зачат не в любви, даже не в похоти. Ненависть и месть – вот что было причиной его появления на свет. Джейми всю жизнь будет помнить выражение лица Соломона ван дер Мерва в тот день, когда он узнал, что

его дочь беременна. Это было только началом. А концом – комья земли, брошенные на крышку деревянного гроба. Пора найти Бэнду и рассказать, что их миссия выполнена.

Джейми чувствовал странную пустоту внутри.

«Нужно искать новые цели», – думал он непрестанно.

Джейми был уже богат, безмерно богат. Он скупил сотни акций земли, начиненной золотом, алмазами, цветным металлом, платиной и другими редкостными минералами. Его банк держал закладные чуть не на половину всей недвижимости в Клипдрифте. Владения Джейми простирались от Намибии до Кейптауна. И хотя он гордился всем, чего достиг, этого все равно было недостаточно. Джейми просил родителей приехать в Клипдрифт и жить с ним вместе, но они не пожелали покинуть Шотландию. Братья женились, сестры вышли замуж. Джейми посылал семье много денег, и это доставляло ему удовольствие, но в его жизни не было ни счастья, ни радости. Всего несколько лет назад Джейми переживал волнующие взлеты и падения, чувствовал, что живет полной мерой, когда вместе с Бэндой переплывал океан на плоту, победил рифы, полз через минные поля по пескам пустыни. Джейми казалось, что последнее время он всего лишь существует, как чахлое растение, лишенное влаги, но отказывался признаться самому себе, насколько одинок.

Джейми вновь потянулся к графину с виски и увидел, что там пусто. Либо он сам того не сознавая выпил больше, чем всегда, либо миссис Толли стала небрежно относиться к своим обязанностям. Джейми поднялся, взял высокий стакан и отправился в буфетную, где хранилось спиртное. Достав бутылку, он уже хотел открыть ее, когда услышал голосок ребенка.

Опять! Миссис Толли, должно быть, устроила его у себя в комнате, рядом с кухней. Она, по-видимому, точно следовала приказу хозяина: за те два дня, что младенец так бесцеремонно вторгся в дом, он его не видел и не слышал.

Нежный голос экономки, каким обычно говорят все женщины с маленькими детьми, донесся до Джейми.

– Ты мой красавчик, солнышко. Ты просто ангелочек, правда? Ангелочек маленький...

Малыш снова заворковал. Джейми подошел к открытой двери спальни миссис Толли и заглянул внутрь. Экономка ухитрилась где-то раздобыть колыбельку и уложила туда малыша. Сейчас женщина низко наклонилась над кроваткой, а ее палец был крепко зажат в крохотном кулачке.

– Да какой же ты сильный парень, Джейми. Вырастешь и будешь...

Она оборвала себя на полуслове и изумленно уставилась на стоявшего в дверях хозяина.

– О! Я... Я вам нужна, мистер Мак-Грегор?

– Нет.

Джейми подошел к колыбельке.

– Мне просто помешал шум...

В этот день Джейми впервые увидел своего сына. Ребенок был крупнее, чем он ожидал, и очень крепкий на вид. Казалось, малыш улыбается отцу.

– Ох, простите, мистер Мак-Грегор. Он вообще-то очень хороший мальчик. И здоровый. Протяните палец и увидите, как он за него уцепится.

Но Джейми, не отвечая, повернулся и вышел из комнаты. В штате Джейми было больше пятидесяти служащих, занятых на различных предприятиях, и все, от рассыльного до директора, знали, откуда компания «Крюгер-Брент Лимитед» получила свое название, и безмерно гордились тем, что работают на Джейми Мак-Грегора. Недавно он нанял Дэвида Блэкуэлла, шестнадцатилетнего сына одного из своих управляющих, американца из Орегона, отправившегося когда-то в Южную Африку искать алмазы. Когда он потерял последние деньги, Джейми нанял его управлять одной из алмазных копей. Сын его решил летом немного заработать, и Джейми был так доволен юношей, что предложил ему постоянную должность. Дэвид оказался умным, привлекательным, инициативным человеком, а кроме того, Джейми был уверен в том, что тот может надежно хранить секреты фирмы, поэтому и решился дать пареньку столь деликатное поручение:

– Дэвид, я хочу, чтобы ты отправился в пансион миссис Оуэне. Там живет женщина, Маргарет ван дер Мерв.

Если Дэвиду и было известно это имя или обстоятельства, с ним связанные, он ничем себя не выдал:

– Да, сэр?

– Ни с кем, кроме нее, не говори. Она оставила ребенка у моей экономки. Передай, я хочу, чтобы она забрала его сегодня же и немедленно унесла из моего дома.

– Хорошо, мистер Мак-Грегор.

Через полчаса Дэвид Блэкуэлл вернулся. Джейми поднял глаза от письменного стола.

– Сэр, боюсь я не смог выполнить ваш приказ.

Джейми вскочил:

– Почему?! – возмутился он. – Кажется, не такая уж сложная работа!

– Мисс ван дер Мерв там не было, сэр.
– В таком случае найди ее!
– Мисс ван дер Мерв уехала из Клипдрифта два дня назад. Обещала вернуться через пять дней. Если желаете, можно попытаться выяснить, куда...

– Нет!
Только этого Джейми не хватало!
– Неважно. Можешь идти, Дэвид, спасибо.
– Хорошо, сэр, – кивнул мальчик, направляясь к двери. Черт бы побрал эту женщину. Ну, что ж, ее ожидает большой сюрприз по возвращении! Получит назад своего младенца!

Вечером Джейми ужинал дома, один, что бывало не так часто, а потом уселся в кабинете за стаканом бренди. В этот момент вошла миссис Толли с каким-то неотложным делом, но, не успев сказать что-то, она остановилась и прислушалась:

– Простите, мистер Мак-Грегор, я сейчас. Малыш Джейми плачет.
И поспешила к выходу.

Джейми почти швырнул стакан на стол, расплескав бренди. Крикун паршивый! Подумать только, хватило же у нее наглости назвать его Джейми! Он вовсе не похож ни на какого Джейми! И вообще ни на кого не похож!

Через десять минут в кабинет возвратилась миссис Толли и, заметив лужу на столе, покачала головой:

– Принести вам еще бренди, мистер Мак-Грегор?
– Не стоит! – холодно процедил Джейми. – Главное, чтобы вы поняли, на кого работаете! Не потерплю, чтобы вы бегали на каждый писк этого ублюдка! Надеюсь, ясно, миссис Толли?

– Да, сэр.
– Чем скорее этого ребенка, который по вашей вине попал в мой дом, уберут отсюда, тем будет лучше для всех нас. Понятно, миссис Толли?

– Да, сэр, – поджав губы, сухо проронила экономка. – Вам угодно еще что-нибудь?

– Нет.
Женщина повернулась и шагнула к двери.
– Миссис Толли...
– Да, мистер Мак-Грегор?
– Вы сказали, что он плакал. Он не заболел?
– Нет, сэр. Намочил пеленки. Я его перепеленала. Джейми брезгливо поморщился:

– Понятно. Можете идти.

В какое бешенство пришел бы он, узнав, что все слуги в доме часами обсуждали его и его сына. Все считали, что хозяин поступает неразумно и непорядочно, но боялись даже слово сказать, твердо зная, что малейший намек на этот деликатный предмет означает немедленное увольнение. Джейми Мак-Грегор не тот человек, чтобы прислушиваться к чужим советам.

На следующий вечер у Джейми была назначена деловая встреча. Он вложил средства в строительство новой железной дороги, правда, небольшой, но зато соединяющей алмазные копи в Намибии с Де Ааром и подведенной к линии Кейптаун – Кимберли. Как оказалось, таким способом гораздо дешевле перевозить в порт алмазы и золото.

Первая южно-африканская дорога была открыта в 1860 году, и с тех пор постоянно прокладывались все новые пути, стальные артерии, связывающие города и поселки с сердцем страны – Кейптауном. И это было только началом. В дальнейшем Джейми намеревался создать собственный торговый флот – переправлять минералы и руды через океан.

Он сильно задержался и, придя домой, сразу разделся и лег.

Спальню Джейми обставлял выписанный из Лондона декоратор. Огромную кровать делали по специальному заказу в Кейптауне, а два высоких платяных шкафа были забиты костюмами и обувью. Джейми был равнодушен к одежде, но считал очень важным для себя иметь много костюмов и обуви – слишком долго ходил он в отрепье.

Джейми уже успел задремать, когда ему послышался плач. Сев в постели, он прислушался. Все тихо. Неужели ребенок? Должно быть, выпал из колыбельки! А ведь у миссис Толли сон крепкий. Ужасно, если что-нибудь случится с малышом, да еще в доме Джейми! Тогда вся вина падет на него! Черт бы побрал эту женщину!

Надев халат и шлепанцы, Джейми направился в комнату миссис Толли. Послушал у закрытой двери. Ничего. Джейми потихоньку приоткрыл дверь. Миссис Толли, укрытая до ушей одеялом, громко храпела. Джейми подошел к колыбельке. Малыш лежал на спинке, широко открыв глаза. Отец нагнулся поближе и пригляделся. Господи, а ведь в самом деле похож, особенно рот и подбородок. Глазки, правда, пока еще серо-синие, как почти у всех младенцев, но уже сейчас было заметно, что они посветлеют. Мальчик замахал ручонками, заворковал и улыбнулся Джейми.

«Храбрый парень, – подумал тот, – лежит в темноте, не шумит, не вопит, как другие бы на его месте. Настоящий Мак-Грегор!»

Джейми нерешительно опустил руку пониже и вытянул палец. Малыш

ухватился за него обеими ручонками и крепко сжал.

«Здоров, как маленький бычок», – усмехнулся отец. Но в этот момент личико ребенка напряглось, и на Джейми повеяло кислым запахом.

– Миссис Толли!

Экономка встревоженно вскинулась:

– Что... Что случилось?

– Ребенку нужно сменить пеленки! Я что, обязан следить за всем в этом доме?!

И Джейми Мак-Грегор вылетел из комнаты.

– Дэвид, ты что-нибудь понимаешь в детях?

– В каком смысле, сэр? – удивился тот.

– Ну, сам знаешь – с чем они любят играть и все такое...

– Думаю, младенцам больше подходят погремушки, сэр, – кивнул юноша.

– Тогда купи дюжину, – распорядился Джейми.

– Да, сэр.

Никаких лишних вопросов. Джейми нравились такие люди. Дэвид Блэкуэлл далеко пойдет.

Вечером, когда Джейми появился дома с небольшим коричневым пакетом, миссис Толли сказала:

– Хочу извиниться за прошлую ночь, мистер Мак-Грегор. Не знаю даже, как это я проспала. Ребенок, должно быть, ужасно кричал, если даже вы услышали, на таком расстоянии.

– Не беспокойтесь, миссис Толли! – великодушно ответил Джейми. – Хорошо, хоть кто-то услышал. И, вручив ей сверток, добавил:

– Отнесите ему, пусть играет. Здесь пара погремушек. А то лежит целый день в кровати, как в тюрьме, и заняться нечем.

– О нет, сэр, вовсе не как в тюрьме! Я каждый день выношу его на воздух.

– Куда именно?

– В сад, сэр, где я могу за ним приглядывать.

– Вчера он показался мне не совсем здоровым, – нахмурился Джейми.

– Разве?

– Именно. Бледный какой-то. Нехорошо, если ребенок заболит именно у нас в доме. Что скажет мать, когда придет за ним?

- О сэр, конечно, вы правы, – охнула экономка.
- Дайте-ка я еще раз на него посмотрю.
- Сейчас, сэр. Принести малыша?
- Пожалуйста, миссис Толли.

Через несколько минут она вернулась, и отец впервые в жизни взял на руки сына. Волна чувств, нахлынувшая на него, полностью застала врасплох. Собственная плоть и кровь, его сын, Джейми Мак-Грегор-младший. Какой смысл создавать империю, династию, добывать алмазы, золото, строить железные дороги, если некому передать все это?

«Каким же набитым дураком я был!» – подумал Джейми.

До сих пор он не осознавал, как многого лишен в жизни: слишком ослепляли злоба и ненависть. Джейми не сводил глаз с крохотного личика, ощущая, как тает, исчезает глубоко внутри что-то жесткое и ледяное.

- Переставьте колыбельку Джейми в мою спальню, миссис Толли.

Через три дня, когда Маргарет появилась на пороге дома, миссис Толли сказала:

– Мистер Мак-Грегор сейчас в конторе, мисс ван дер Мера, но просил сообщить, когда вы придете за малышом, он хотел поговорить с вами.

Маргарет сидела в гостиной, укачивая малыша. Как она по нему истосковалась! Несколько раз за эту неделю, растеряв всю решимость, уже собиралась мчаться в Клипдрифт, боясь, что с ребенком что-нибудь случилось, но отчаянным усилием воли вынуждала себя остаться. И вот ее план удался, Джейми хочет поговорить с ней! Теперь все будет хорошо, и они станут жить вместе, все трое.

При виде входящего в комнату Джейми волна любви затопила Маргарет. Теперь наконец-то никто их не разлучит!

- Здравствуй, Мэгги!
- Здравствуй, Джейми, – радостно, нежно улыбнулась Маргарет.
- Мне нужен мой сын!

Сердце Маргарет затрепетало от счастья.

- Конечно, он нужен тебе. Я никогда в этом не сомневалась, Джейми.
- Я позабочусь, чтобы он получил хорошее воспитание. У него будет все, что только можно пожелать. Не сомневайся, за малышом будет прекрасный уход, и ты ни в чем нужды знать не будешь.

Маргарет подняла недоумевающие глаза:

- Не..., не понимаю.
- Я сказал, что хочу забрать ребенка.
- Я..., я думала: ты и я...
- Нет. Мне нужен только мальчик.

Внезапная, нерассуждающая ярость сжала горло:

– Понятно. Ну, что ж, я не позволю тебе отнять его у меня. Джейми на секунду задумался.

– Хорошо. Тогда вот что, заключим соглашение. Можешь остаться здесь с Джейми..., скажем, быть его гувернанткой. И заметив выражение ее глаз, удивленно спросил:

– Чего же ты хочешь?

– Хочу, чтобы у моего сына было имя! – гневно прокричала она. – Имя его отца!

– Прекрасно. Я его усыновлю. Маргарет презрительно оглядела его.

– Усыновить моего ребенка? О, нет. Моего сыночка ты не получишь! Мне жаль тебя! Великий Джейми Мак-Грегор! При всем своем могуществе и богатстве ты нищий и достоин только сострадания!

Джейми, словно приросший к полу, молча наблюдал, как Маргарет повернулась и вышла из комнаты, унося сына.

На следующее утро начала готовиться к отъезду в Америку.

– Бегством ничего не докажешь, – спорила миссис Оуэне.

– Я не убегаю. Просто отправляюсь туда, где я и мой ребенок сможем начать новую жизнь.

Она не в силах больше была подвергать себя и малыша таким унижениям. Пусть Джейми Мак-Грегор живет как знает!

– Когда ты уезжаешь?

– Как можно скорее. Сначала дилижансом до Ворчестера, потом поездом в Кейптаун. Я скопила денег на билеты. Хватит, чтобы добраться до Нью-Йорка.

– Но это так далеко.

– Ничего! Америку называют страной больших возможностей, так ведь? Именно это нам и нужно.

Джейми всегда гордился умением оставаться спокойным при любых обстоятельствах. Но теперь он словно помешался, по малейшему поводу орал на служащих, немилосердно гонял их. В конторе царил суматоха. Хозяину ничем нельзя было угодить. Он жаловался на плохих работников, дурную погоду, головную боль и был совершенно не в силах сдержаться. Джейми не спал три ночи, беспрестанно вспоминая разговор с Маргарет. Черт бы ее побрал! Он оказался прав, эта женщина попытается поймать его в сети. Такая же хитрая, как ее папаша. Да и он, Джейми, хорош! Не так повел переговоры: сказал, что позаботится о ней, но не объяснил подробно. Ну, конечно! Деньги! Нужно было предложить ей деньги. Тысячу, десять тысяч фунтов..., больше!

Джейми вызвал Дэвида Блэкуэлла.

– У меня к тебе деликатное поручение.

– Да, сэр?

– Хочу, чтобы ты потолковал с мисс ван дер Мера. Скажи, что я предлагаю двадцать тысяч фунтов. Она знает, что мне нужно взамен.

Он давно знал, как велик соблазн, когда перед глазами заблестят деньги.

– Передай ей этот чек.

– Хорошо, сэр.

И Дэвид Блэкуэлл мгновенно исчез.

Появился он через четверть часа и отдал хозяину чек, разорванный надвое. Джейми почувствовал, как щеки заливает краска:

– Спасибо, Дэвид. Больше ничего не понадобится. Так, значит, Маргарет надеется выманить сумму покрупнее! Прекрасно! Она получит любые деньги. Но на этот раз он сам с ней поговорит!

К вечеру того же дня Джейми Мак-Грегор появился в пансионе миссис Оуэне.

– Я хочу видеть мисс ван дер Мерв, – объявил он хозяйке.

– Боюсь, это невозможно, – покачала головой миссис Оуэне. – Мисс ван дер Мерв уже на пути в Америку.

Джейми почувствовал себя так, словно получил удар в живот.

– Не может быть! Когда она уехала?

– Маргарет с сыном отправились двенадцатичасовым дилижансом в Ворчестер.

Остановившийся в Ворчестере поезд был до отказа забит пассажирами, направляющимися в Кейптаун; в купе и даже в проходах не было ни одного свободного места. Тут были торговцы с женами, коммивояжеры, старатели, кафры, солдаты и матросы, возвращающиеся к месту службы. Многие впервые ехали в поезде, и в вагонах царила праздничная атмосфера. Маргарет удалось пробиться к самому окну, где можно было не опасаться, что Джейми ненароком толкнут или ударят. Она села, прижимая к груди малыша, не обращая внимания на то, что творится вокруг, думая только о новой жизни, ожидающей их впереди. Конечно, придется несладко. Где бы она ни оказалась, все равно на незамужнюю женщину с ребенком будут косо смотреть. Значит, нужно позаботиться о том, чтобы сын мог жить, как все дети из приличных семей.

– По вагонам! Поезд отправляется! – послышался голос проводника.

Маргарет подняла глаза и увидела перед собой Джейми.

– Собери вещи! – велел он. – Ты никуда не поедешь. «По-прежнему

думает, что может купить меня», – подумала она.

– Сколько предложишь на этот раз? Джейми взглянул на сына, мирно спящего на коленях Маргарет.

– Предлагаю выйти за меня замуж.

Глава 9

Они поженились через три дня, тихо, без пышных приготовлений и шумных торжеств. Единственным свидетелем был Дэвид Блэкуэлл.

Джейми, стоявший перед священником, испытывал смешанные чувства. Он, человек, привыкший управлять остальными, дергая их, словно кукол за веревочки, на этот раз проиграл – на удочку поймали его самого. Джейми искоса глянул на Маргарет. Сегодня она казалась почти красавицей. Он вспомнил самозабвенную страсть, с которой женщина отдавалась ему, но теперь это стало всего-навсего одним из многих событий в жизни, ничем больше, лишенным тепла или каких-либо эмоций.

Джейми использовал Маргарет, как орудие мести, а она произвела па свет его наследника.

– Объявляю вас мужем и женой! – раздался торжественный голос священника. – Можете поцеловать новобрачную.

Джейми, наклонившись, чуть притронулся губами к щеке Маргарет.

– Пойдем домой, – сухо объявил он. Его ждал сын.

Когда они вернулись, Джейми проводил Маргарет в спальню в левом крыле.

– Это твоя комната, – объявил он.

– Ясно.

– Я найму другую экономку, а миссис Толли будет нянчить малыша. Если тебе что-то понадобится, скажи Дэвиду Блэкуэллу.

Маргарет отшатнулась, словно муж ударил ее. Обращается с ней, как со служанкой! Но все это не имеет значения. Главное, что у Джейми теперь есть отец, и этого вполне достаточно.

Джейми не возвратился домой к ужину. Маргарет долго ждала его, потом села за стол одна. Всю ночь она не сомкнула глаз, прислушиваясь к каждому звуку, и только часа в четыре задремала от усталости, успев подумать только об одном: какую из девушек мадам Эгнес предпочел сегодня ее муж?

Если жизнь Маргарет осталась после свадьбы почти такой же, ее отношения с жителями Клипдрифта разительно изменились. Всего за один день из отверженной обществом падшей женщины она превратилась в законодательницу мод и вкусов здешнего общества. Большая часть населения Клипдрифта так или иначе зависела от Джейми Мак-Грегора и «Крюгер-Брент Лимитед». Все решили, что если Маргарет ван дер Мера

достаточно хороша для такого богача, значит, достаточно хороша и для них. Теперь, когда Маргарет выводила Джейми-младшего на прогулку, ее встречали дружелюбными улыбками. Со всех сторон сыпались приглашения на чай, благотворительные обеды и завтраки, просьбы посетить собрания членов различных комитетов и комиссий. Когда Маргарет сделала новую прическу, десятки женщин тут же последовали ее примеру. Она купила новое желтое платье, и желтый цвет тут же стал очень модным. Маргарет относилась к пресмыкающимся перед ней людям точно так же, как раньше выдерживала злобу и ненависть – со спокойным достоинством.

Джейми возвращался домой только за тем, чтобы побыть с сыном, и обращался с Маргарет вежливо и холодно. Каждое утро за завтраком она, специально для слуг, разыгрывала роль счастливой жены, не обращая внимания на полнейшее безразличие сидевшего напротив человека. Но когда Джейми уходил в контору, Маргарет в отчаянии спешила скрыться в своей комнате. Она возненавидела себя. Где ее гордость? Что делать? Ведь Маргарет по-прежнему любила Джейми и знала, что будет любить вечно. Никто, кроме Бога, не мог теперь помочь ей.

Джейми отправился в Кейптаун на три дня, по делам. Когда он вышел из «Ройял-Отеля», черный кучер в ливрее спросил:

– Экипаж, сэр?

– Нет, – отказался Джейми. – Я пойду пешком.

– Бэнда подумал, может, вам лучше проехать? Джейми остановился и, резко вскинув голову, взглянул на кучера.

– Бэнда?

– Да, мистер Мак-Грегор.

Джейми сел в коляску. Кучер взмахнул кнутом; лошади тронулись. Джейми откинулся на сиденье, думая о Бэнде, его мужестве, верности. Он много раз за эти два года пытался найти Бэнду, но безуспешно. И вот теперь наконец они встретятся.

Кучер повернул в сторону порта, и Джейми тут же понял, куда они едут. Через четверть часа лошади остановились у того заброшенного склада, где Джейми и Бэнда когда-то обсуждали, как попасть в Намибию.

«Какими же безрассудными молодыми глупцами мы были когда-то», – подумал Джейми, спрыгивая на землю и направляясь к складу.

Бэнда уже ждал Джейми. Он совсем не изменился, только был одет в аккуратный костюм и чистую рубашку с галстуком.

Они долго молча стояли, улыбаясь друг другу; потом крепко обнялись.

– Выглядишь преуспевающим бизнесменом, – ухмыльнулся Джейми.

– Живу неплохо, – кивнул Бэнда. – Купил ферму, о которой мы тогда говорили. Женился, двое сыновей, выращиваю пшеницу и страусов.

– Страусов?!

– Да, их перья приносят большой доход.

– Понимаю. Я хотел бы познакомиться с твоей семьей, Бэнда.

Джейми вспомнил о своих родственниках в Шотландии и о том, как тоскует по ним. Вот уже четыре года он не был дома.

– Я пытался тебя разыскать.

– Много дел было, Джейми. Бэнда придвинулся ближе:

– Пришлось позвать тебя сюда, чтобы предупредить. Могут быть большие неприятности.

Джейми внимательно посмотрел на друга:

– Какие неприятности?

– Управляющий Намибскими копиями Ганс Циммерман – плохой человек. Рабочие его ненавидят. Собираются уходить. Если это произойдет, охранники попытаются им помешать, и начнется бунт.

Джейми напряженно слушал, не сводя глаз с лица Бэнды.

– Помнишь, я упомянул как-то о таком человеке, Джоне Тенго Джабаву?

– Да, – кивнул Джейми. – Политический лидер. Читал как-то о нем.

– Я один из его последователей.

– Понятно. Сделаю все, что необходимо, – пообещал Джейми.

– Хорошо. Ты становишься могущественным человеком, Джейми. Я рад.

– Спасибо, Бэнда.

– И у тебя красивый сын.

– Откуда ты знаешь это? – встрепнулся Джейми, не в силах скрыть удивление.

– Не люблю терять друзей из виду. Бэнда поднялся:

– У меня назначена встреча, Джейми. Передам своим, что ты все уладишь в Намибии.

– Да, обязательно.

Джейми проводил чернокожего гиганта до двери.

– Когда я тебя снова увижу?

– Не пропаду, – улыбнулся Бэнда. – Захочешь еще от меня избавиться, да не сможешь.

И выскользнул за дверь.

Возвратившись в Клипдрифт, Джейми послал за Дэвидом Блэкуэллом:

– Были какие-нибудь беспорядки на полях Намибии за последнее

время, Дэвид?

– Нет, мистер Мак-Грегор, – покачал головой юноша, но, поколебавшись, добавил:

– Правда, до меня доходили неприятные слухи, так что все возможно.

– Управляющий там Ганс Циммерман. Поезжай и проверь, правда ли, что он плохо обращается с рабочими, и если да немедленно положи этому конец. Никому не перепоручай этого дела, сам справляйся.

Приехав в Намибию, Дэвид, не заходя никуда, отправился потолковать с охранниками и рабочими, и услышанное вызвало в нем бурю холодной ярости. Узнав все, что хотел узнать, он решил повидаться с Гансом Циммерманом.

Управляющий оказался человеком огромного роста, весившим три сотни фунтов, с потным свиноподобным лицом и глазками в красных прожилках. Дэвид подумал, что в жизни не видал такого уродца. Но Циммерман считался еще и одним из лучших управляющих в «Крюгер-Брент Лимитед». Он сидел за письменным столом в маленькой конторе, заполняя своей особой чуть ли не всю крохотную комнату.

Увидев входящего Дэвида, Циммерман поднялся и протянул руку:

– Рад видеть вас, мистер Блэкуэлл. Жаль, что не предупредили о приезде.

Дэвид был уверен, что Циммерман уже знает о его появлении в Намибии.

– Виски?

– Нет, благодарю вас.

Циммерман откинулся в кресле и широко улыбнулся:

– Чем могу служить? Слишком мало алмазов добываем, босс недоволен?

Оба они прекрасно знали, что дела в Намибии идут как нельзя лучше.

– Кафры у меня работают лучше, чем на остальных коях! – похвастался Циммерман.

– Последнее время мы получаем жалобы на здешние условия, – объяснил Дэвид.

С лица управляющего слиняла улыбка.

– Какие еще жалобы?

– Говорят, с людьми там плохо обращаются и... Циммерман с ловкостью, поразительной для такого громадного человека, вскочил на ноги. Лицо управляющего побагровело:

– Это не люди! Это кафры! Вы там в конторе сидите, задницы греете, а...

– Послушайте, – перебил Дэвид, – никаких...

– Нет, это вы меня послушайте! Именно благодаря мне здесь добывают этих гребанных алмазов больше, чем где бы то ни было, и знаете почему? Потому что умею вселить страх Божий в этих ублюдков!

– Но на других наших копиях, – возразил Дэвид, – рабочим платят пятьдесят девять шиллингов в неделю и еще кормят. Вы же платите только пятьдесят шиллингов в месяц.

– И это, по-вашему, плохо? Для компании выгодно платить рабочим меньше, а в конце концов главное – прибыль.

– Джейми Мак-Грегор с вами не согласен, – ответил Дэвид, – так что придется повысить расценки.

– Ладно, – нехотя пробормотал Циммерман, – деньги не мои, а босса.

– Кроме того, я слышал, здесь постоянно идет в ход кнут.

– Господи, – фыркнул Циммерман, – что этим туземцам сделается, мистер? Шкуры у них такие толстые, что черномазые даже не чувствуют, когда их лупят. Зато пикнуть боятся!

– Значит, вы испугали троих рабочих до смерти, мистер Циммерман?

– Там, откуда они пришли, еще полно таких, – пожал плечами управляющий.

«Проклятое животное, – подумал Дэвид. – И к тому же опасное».

– Если будут какие-нибудь беспорядки, вас уволят, – сухо объявил он и поднялся. – Обращайтесь с рабочими по-людски. Немедленно прекратить наказания! Я проверил их бараки. Свиньи и то лучше живут. Велите все привести в порядок.

Ганс Циммерман злобно уставился на юношу, пытаясь взять себя в руки.

– Что-нибудь еще? – с трудом выговорил он наконец.

– Да. Я вернусь через три месяца, и если останусь недоволен, можете искать работу в другой компании. До свиданья! Дэвид повернулся и вышел. Циммерман долго не двигался с места, кипя от злобы.

– Дураки! – прорычал он. – Англичанишки поганые!

Сам Циммерман был буром и происходил из семьи буров. Земля принадлежала им, и Бог населил эту землю черномазыми, чтобы те служили белым. Пожелай Господь, чтобы с неграми обращались, как с людьми, он не создал бы их черными.

Джейми Мак-Грегор этого не понимал. Но что ожидать от любителя лизать неграм задницу?!

Управляющий знал, что в будущем придется быть поосторожнее. Но он еще покажет им, кто хозяин в Намибии!

Сфера влияния «Крюгер-Брент Лимитед» расширялась, и Джейми Мак-Грегору приходилось много разъезжать. Он купил бумагоделательную фабрику в Канаде и судовой верфь в Австралии.

Когда Джейми бывал дома, он почти все время проводил с сыном, так разительно напоминавшим его самого в детстве. Джейми невероятно гордился мальчиком и хотел даже брать его с собой в дальние поездки, но Маргарет не позволяла.

– Он еще слишком мал для таких путешествий. Подрастет и будет ездить с тобой. Хочешь быть с ним почаще, приходи домой.

Не успел Джейми оглянуться, как мальчику исполнился годик, потом два, и отцу оставалось только удивляться, как быстро летит время.

Наступил 1887 год.

Для Маргарет же, наоборот, месяцы тянулись бесконечно. Раз в неделю муж приглашал гостей, а она играла роль гостеприимной очаровательной хозяйки. Чужие мужчины находили, что Маргарет умна и остроумна, и любили беседовать с ней. Она знала, что некоторые и вправду считают ее на редкость привлекательной, но, конечно, никто не осмеливался высказывать подобные мысли жене Джейми Мак-Грегора.

Когда гости уходили, Маргарет обычно спрашивала:

– Ты доволен тем, как прошел вечер? Муж неизменно отвечал:

– Все было прекрасно. Спокойной ночи. – И шел взглянуть на сына. Через несколько минут раздавался стук входной двери. – Джейми, как всегда, уходил на всю ночь.

А Маргарет Мак-Грегор лежала без сна, мучаясь мыслями о разбитой жизни. Ей было известно, что все женщины в городе завидовали жене такого богатого человека, и сердце ее болело: вряд ли тут было чему завидовать. Маргарет жила с загадочным непонятным мужем, обращавшимся с ней, как с совершенно чужой женщиной. Если бы он только заметил ее! Интересно, что бы сделал Джейми, если как-нибудь утром за завтраком она взяла блюдо с овсянкой, специально привезенной из Шотландии, и вылила бы на его глупую голову! Маргарет представила выражение на лице мужа и так развеселилась, что даже посмеялась потихоньку, но тут же смех перешел в бурные душераздирающие рыдания.

«Не хочу больше любить его. Не желаю. Я должна прекратить это безумие, прежде чем окончательно уничтожу свою жизнь...»

К 1890 году Клипдрифт более чем оправдал ожидания Джейми. За те семь лет, что он прожил здесь, Клипдрифт продолжал расти, а старатели со всего света по-прежнему валили сюда толпой.

История повторялась. Люди приезжали в дилижансах, фургонах,

приходили пешком в одних лохмотьях. Они нуждались в продовольствии, снаряжении, жилье и деньгах на регистрацию заявок, и Джейми Мак-Грегор был готов ссудить их всем необходимым. Он был акционером в десятках процветающих предприятиях по добыче алмазов и золота: имя его гремело по всей стране, а репутация становилась все более прочной. Как-то утром Джейми посетил поверенный «Де Бирс», гигантского консорциума, владевшего обширными алмазными копиями в Кимберли.

– Чем могу служить? – спросил Джейми.

– Меня просили предложить вам сделку, мистер Мак-Грегор. Компания «Де Бирс» хотела бы выкупить ваши акции. Назовите только цену.

Наступил момент торжества!

Джейми, ухмыльнувшись, объявил:

– Лучше назовите вашу!

Дэвид Блэкуэлл становился все более и более необходим Джейми. В этом молодом американце он видел себя, каким был в юности. Мальчик был честен, умен и предан. Джейми назначил Дэвида своим секретарем, потом заместителем и, наконец, когда тому исполнился двадцать один год, – главным управляющим.

Для Дэвида же хозяин был вторым отцом. Когда отец юноши перенес инфаркт, Джейми поместил его в больницу, платил за лечение, а позже, когда тот умер, похоронил за свой счет. За те пять лет, что Дэвид работал на «Крюгер-Брент Лимитед», он привык почитать и преклоняться перед Джейми, которого любил больше всех в жизни. Он знал о натянутых отношениях между хозяином и его женой, всегда сожалел об этом, потому что уважал обоих, но никогда не вмешивался, считая, что это не его дело, а единственная обязанность – помогать Джейми чем только возможно.

Джейми все больше времени проводил с сыном. Мальчику было уже пять лет. И, когда отец впервые взял его на прииски, тот целую неделю ни о чем другом не мог говорить. Они часто ходили в походы на несколько дней и ночевали в палатке. Джейми привык к небу над Шотландией, где все звезды появлялись на предназначенных для них местах, но здесь, в Южной Африке, все созвездия перемешались: в январе над головой ярко сияла звезда Канопус, в мае – созвездие Южного креста, а в июне, который в Южной Африке считается зимним месяцем, огромными бриллиантами переливалось созвездие Скорпиона. Загадка! Но как бы то ни было,

Джейми больше всего на свете любил лечь на теплую землю рядом с сыном, глядеть в бездонную бархатную глубину и сознавать, что они тоже принадлежат вечности.

Оба Джейми поднимались на рассвете и шли подстрелить какую-нибудь дичь на обед: куропатку, цесарку, оленя или антилопу. У мальчика был собственный пони; отец с сыном часто отправлялись на прогулки в вельд, остерегаясь попасть в глубокие дыры, вырытые муравьями, где вполне могли поместиться даже лошади с всадником.

В вельде людей на каждом шагу подстерегали опасности. Однажды Джейми с сыном раскинули лагерь на берегу реки, где их чуть не затоптало насмерть испугнутое чем-то стадо прыгунов – южно-африканских газелей. Первым признаком надвигающегося бедствия было всего-навсего едва заметное облачко пыли на горизонте. Зайцы, шакалы, степные коты-каракалы мчались дружными стайками, и даже большие змеи выползли из кустов в поисках камней, под которыми можно скрыться. Джейми вновь взглянул вдаль. Пыльная дымка приближалась.

– Давай уходить, – сказал он.

– Но наша палатка...

– Брось ее.

Оба быстро сели на лошадей и поскакали к вершине высокого холма. Послышался дробный стук копыт, и они увидели передние ряды газелей. Табун растянулся не меньше, чем на три мили, всего, должно быть, с полмиллиона голов. Животные сметали все на своем пути, вырывали с корнем деревья, в пыль растаптывали кусты, а земля, где они пробегали, была усеяна трупами мелких животных, безжалостно смятых острыми копытами. В воздухе стояла плотная пелена пыли, громовой топот отдавался в ушах, и, когда наконец все стадо пробежало, Джейми, прикинув, определил, что все продолжалось больше трех часов.

В тот день, когда мальчику исполнилось шесть, отец сказал:

– На следующей неделе я собираюсь в Кейптаун и хочу взять тебя с собой, чтобы ты посмотрел, какие бывают на свете города.

– А мама поедет с нами? – спросил мальчик. – Она не хочет охотиться, но города любит.

Отец взъерошив волосы сына, покачал головой:

– Она очень занята, сынок. Поедем вдвоем, только ты и я, хорошо?

Ребенок чувствовал что-то неладное в отношениях отца и матери: казалось, они были очень далеки друг от друга, и это тревожило Джейми, хотя он не понимал истинных причин такого охлаждения.

Они отправились в путешествие в личном вагоне Джейми. В 1891 году

жители Южной Африки предпочитали железную дорогу остальным видам транспорта: ведь билеты были недороги, а поезда удобны, да и ходили быстро.

Вагон длиной семьдесят один фут, сделанный по специальному заказу Джейми, состоял из четырех отделанных панелями купе, где могли поместиться двенадцать человек, салона, служившего одновременно и конторой, столовой, баром. В купе были медные кровати, газовые фонари и широкие окна. Кроме того, имелась полностью оборудованная кухня.

– А где пассажиры? – удивился ребенок.

– Мы и есть пассажиры, – засмеялся отец. – Это твой поезд, сынок.

Малыш почти всю поездку не отрывался от окошка, восхищаясь бесконечными пространствами, по которым проносился поезд.

– Это Божья земля, – объяснил отец. – Он создал ее для нас и начинил драгоценными минералами. Они лежат в глубине, ожидая, пока их обнаружат. То, что уже найдено, всего лишь малая часть богатств.

Когда они прибыли в Кейптаун, Джейми-младший был поражен шумными улицами и высокими зданиями.

Отец взял его в порт, где грузились и разгружались суда компании «Торговый флот Мак-Грегора».

– Видишь корабли? Они принадлежат нам. Вернувшись домой, Джейми-младший, не умолкая, часами рассказывал о виденных чудесах.

– Папа владеет целым городом! – радостно объявил он. Тебе бы понравилось, мама. В следующий раз обязательно поедешь с нами и посмотришь.

Маргарет прижала сына к груди.

– Конечно, дорогой!

Джейми совсем перестал ночевать дома, и Маргарет знала, что он часто посещает мадам Эгнес. Она слыхала, что муж купил дом для одной из девушек мадам, чтобы посещать ее без лишних свидетелей, но не знала, правда ли это. Чувствовала только, что готова убить соперницу, кем бы она ни была.

Устав жить в атмосфере холодной вражды и опасаясь потерять от отчаяния рассудок, Маргарет заставила себя принимать участие в жизни города. Она собирала средства на постройку новой церкви, организовала общество помощи нуждающимся старателям и потребовала от мужа, чтобы тот разрешил бесплатный проезд по железной дороге людям, возвращавшимся в Кейптаун без денег и надежд на лучшую жизнь.

– Хочешь, чтобы я выбрасывал деньги на ветер, – проворчал Джейми. – Пусть возвращаются так же, как и прибыли сюда, меня это не касается.

– У них сил нет идти пешком, – не сдавалась Маргарет. – А если эти люди останутся, городу придется кормить и одевать их.

– Ну хорошо, – буркнул наконец муж, – но это чертовски глупая идея!

– Спасибо, Джейми!

Он смотрел вслед выходящей из конторы Маргарет и вопреки себе почувствовал нечто вроде гордости за нее.

«Да, хорошей женой стала бы она кому-нибудь..., другому», – думал он.

Женщину, для которой Джейми купил дом, звали Мэгги. Хорошенькая проститутка, тезка Маргарет, сидела когда-то рядом с ней на обеде в доме мадам Эгнес. Джейми всегда удивлялся, что по какой-то иронии судьбы жена и любовница носили одинаковые имена, хотя между ними не было ничего общего. Этой Мэгги, блондинке с дерзким лицом и пышными формами, настоящей тигрице в постели, исполнился всего двадцать один год. Джейми хорошо заплатил мадам Эгнес за то, что та отпустила девушку, а Мэгги получала от любовника щедрое содержание.

Джейми старался держать в секрете свои посещения маленького домика и обычно приходил туда поздно ночью, когда мог быть уверен, что его никто не заметит.

Он не подозревал, что слишком многие знали о Мэгги, просто никто не осмеливался обсуждать эту связь: в конце концов город принадлежал Мак-Грегору, а тот имел полное право делать все, что пожелает.

Этот вечер принес Джейми одни огорчения. Он пришел к Мэгги в надежде развлечься, но любовница была в плохом настроении. Она лежала, растянувшись на кровати, розовый шелковый пеньюар едва прикрывал пышные груди и шелковистый треугольник золотистых волос внизу живота.

– Осточертело сидеть здесь взаперти целыми днями! – взвизгнула она. – Я что, рабыня какая? У мадам Эгнес, по крайней мере, каждый день что-нибудь да происходило! Почему ты никогда не берешь меня в поездки?!

– Я ведь уже объяснял, Мэгги. Не могу...

Она взметнулась с постели и, вызываяще подбоченившись, встала перед Джейми, не обращая внимания на окончательно распахнувшийся

пеньюар.

– Брось голову морочить! Небось своего сыночка везде таскаешь? А я что, хуже его?

– Вот именно, – угрожающе-спокойно подтвердил Джейми, – хуже.

И, подойдя к бару, налил бренди – уже четвертый стакан; сегодня он пил больше, чем обычно.

– Ты меня в грош не ставишь! – завопила Мэгги. – Нашел себе дуру для развлечений!

Откинув голову, она уничтожающе расхохоталась.

– Моралист поганый! Шоталанец!

– Шотландец, а не шоталанец.

– Господи Боже, когда ты прекратишь придирается к каждому слову! Чтобы я ни сказала, все не так. Можно подумать, ты мне папаша или родственник какой!

Джейми почувствовал, что сыт по горло:

– Можешь завтра же возвращаться к мадам Эгнес. Я передам ей, что ты придеешь.

Он взял шляпу и направился к двери.

– Не думай, что так легко избавиться от меня, ублюдок паршивый! – бросилась за ним Мэгги, кипя от ярости. Джейми остановился на пороге:

– Уже избавился. И исчез в ночи.

К своему удивлению, он обнаружил, что пошатывается и не способен думать отчетливо. Может, выпил больше четырех стаканов, сейчас уже не вспомнить. Он представил обнаженное тело Мэгги, лежавшей на постели, вызывающе распахнутый пеньюар, манящие формы... Только шлюха может вот так завлекать, а потом оттолкнуть человека... Играла с любовником, гладила, целовала, ласкала мягким острым язычком все тело, пока в нем не поднялось неудержимое желание, а потом затеяла скандал, не дав Джейми насытиться, оставив неудовлетворенным.

Добравшись до дому, Джейми направился по коридору в свою комнату и, проходя мимо спальни Маргарет, заметил пробивающийся из-под закрытой двери свет. Значит, жена еще не спит. Перед глазами Джейми внезапно всплыло видение: Маргарет в постели, в одной ночной сорочке. А может, на ней вообще ничего нет... Джейми вспомнил, как извивалось под ним это цветущее прекрасное тело, тогда, давно, под деревьями, на берегу Оранжевой реки.

Выпитое бренди окончательно ударило в голову, и Джейми, почти ничего не сознавая, открыл дверь и вошел.

Маргарет, лежа в постели, читала при свете керосиновой лампы и,

услышав шаги, подняла удивленные глаза:

– Джейми?... Что-то случилось?

– Т-только птму, что я решил и..., нанести собственной ж-жене држский визит?... – проямлил муж непослушным языком.

На Маргарет была только прозрачная ночная сорочка, и Джейми мог ясно видеть полные груди, натягивающие тонкую ткань.

– Клянусь Богом, у нее прекрасное тело, – пробормотал он, сбрасывая одежду.

Маргарет встревоженно взметнулась с кровати:

– Что ты делаешь?!

Но Джейми захлопнул ногой дверь и, одним прыжком подскочив к жене, швырнул ее на постель и очутился рядом, совсем обнаженный.

– Боже, как я хочу тебя, Мэгги.

В отуманенном парами спиртного мозгу не осталось связных мыслей, и Джейми уже не помнил, какую из двух Маргарет он хотел. Как же она боролась! Да-да! Это его дикая кошечка! Джейми засмеялся, когда наконец ему удалось утихомирить отбивающуюся женщину, но та, неожиданно обмякнув, притянула его к себе, шепча:

– О мой дорогой, мой любимый Джейми... Я так люблю тебя...

И Джейми подумал, что был слишком жесток к ней и утром обязательно попросит не возвращаться к мадам Эгнес...

Когда Маргарет проснулась, рядом уже никого не было. Но она по-прежнему чувствовала вес горячего мужского тела, объятья нетерпеливых рук, в ушах звучало:

– Боже, я хочу тебя, Мэгги...

Невыразимая радость охватила Маргарет. Значит, она была права! Джейми любит ее. Любит! Ради этого стоило ждать, перенести все страдания, унижения, всю боль одиночества прошлых лет.

Остаток дня Маргарет провела, как в тумане. Она приняла ванну, вымыла голову и сто раз решала и передумывала, какое платье понравится Джейми, отослала кухарку, чтобы собственноручно приготовить любимые блюда мужа, несколько раз накрывала на стол, пока наконец не убедилась, что цветы и свечи лучше и расставить нельзя. Как хотела Маргарет, чтобы этот вечер был особенным!

Джейми не пришел домой к ужину. Его не было всю ночь. Маргарет до трех часов сидела в библиотеке, ожидая мужа, и только под утро ушла к себе..., одна.

Джейми возвратился только на следующий день, к вечеру, вежливо кивнул Маргарет и направился в комнату сына. Ошеломленная Маргарет

долго непонимающе смотрела вслед мужу, потом медленно повернулась и поглядела на себя в зеркало. Серебристое стекло сказала женщине, что она никогда еще не была так прекрасна, но, приглядевшись, Маргарет не узнала собственных глаз. Глаз совершенно незнакомого человека. Чужака.

Глава 10

– Ну что же, миссис Мак-Грегор, очень-очень рад, что могу сообщить превосходную новость, – объявил доктор Тиджер, расплываясь в улыбке. – У вас будет ребенок.

Маргарет пошатнулась, как от удара, не зная, плакать или смеяться. Превосходная новость?! Родить еще одного малыша в браке без любви, дать появиться на свет ни в чем не повинному ребенку?! Невозможно! Маргарет была не в силах сносить унижения. Необходимо найти выход... Но тут к горлу подступила тошнота, на лице выступили крупные капли пота.

– Тошнит по утрам? – спросил доктор Тиджер.

– Немного.

– Возьмите эти таблетки. Они помогут. Вы совершен но здоровы, миссис Мак-Грегор, не о чем беспокоиться. А сейчас идите домой, обрадуйте мужа.

– Да-да, – тупо кивнула она, – конечно. За обедом Маргарет набралась храбрости:

– Я сегодня ходила к доктору. У меня будет ребенок.

Не ответив ни слова, Джейми отбросил салфетку, поднялся из-за стола и буквально вылетел из комнаты. Именно в эту минуту Маргарет поняла, что может ненавидеть мужа столь же глубоко, сколь и любить.

Она плохо переносила беременность, почти все время проводила в постели, слабая и измученная, часами представляя одну и ту же картину: мужа, на коленях молящего о прощении, сжимающего ее в объятиях. Но все это были только мечты, а наяву Маргарет ощущала, как со скрежетом захлопнулась за ней железная дверь тюрьмы... Идти было некуда, а если она и смогла бы уехать, муж никогда не позволит забрать сына.

Джейми– младшему уже исполнилось семь лет. Он рос красивым здоровым мальчишкой, очень быстро все схватывал и обладал неплохим чувством юмора. С матерью он был очень нежен, словно каким-то образом знал, насколько она несчастна, делал в школе забавные вещички, дарил ей, и Маргарет становилось немного легче. Когда сын спрашивал, почему отец не приходит домой по вечерам и никуда не берет с собой мать, Маргарет отвечала только:

– Твой отец – очень занятой человек, Джейми, и ему некогда заниматься пустяками.

И клялась себе ни за что не допустить, чтобы ребенок узнал об истинных отношениях с мужем и не возненавидел за это отца.

Беременность Маргарет становилась все более заметной. Знакомые останавливали ее на улице, улыбаясь, поздравляли.

– Уже недолго, миссис Мак-Грегор, не так ли? Бьюсь об заклад, это будет такой же прелестный мальчик, как Джейми. Ваш муж – просто счастливчик...

А за спиной шептались:

– Бедняжка. Как ужасно выглядит: должно быть, узнала о той шлюхе, его любовнице...

Маргарет попыталась подготовить Джейми-младшего к предстоящему событию:

– У тебя скоро будет маленький братик или сестричка, дорогой. Сможешь с ним играть... Как хорошо, правда? Мальчик обнял ее и прошептал:

– И ты не будешь такой одинокой, мама. Маргарет с трудом смогла удержаться от слез. Схватки начались в четыре утра. Миссис Толли послала за Ханной: здоровая крепкая малышка появилась на свет в полдень. У нее был рот матери и подбородок отца; маленькое красное личико обрамляли густые черные вьющиеся волосы. Маргарет назвала девочку Кейт.

– Это хорошее имя, – думала она, – подходящее для сильного человека. А малышке понадобятся силы. Как и всем нам. Я заберу детей и уеду. Не знаю еще, куда и как смогу сделать это, но найду, обязательно найду выход.

Дэвид Блэкуэлл без стука ворвался в кабинет Джейми Мак-Грегора. Тот изумленно уставился на юношу:

– Какого дьявола...

– В Намибии восстание!

– Что?! – вскочил Джейми. – Что случилось?!

– Охранники поймали негритянского мальчишку, который пытался украсть алмаз: разрезал кожу под мышкой и спрятал в рану камень. Ганс Циммерман, в назидание остальным, выпорол его перед строем. Парень умер. Ему было всего двенадцать.

Лицо Джейми исказилось яростью.

– Господи Иисусе! Я же запретил телесные наказания на всех копиях!

– Я предупреждал Циммермана.

– Избавься от этого ублюдка.
– Мы не можем его найти.
– Почему?
– Он в руках негров. Ситуация вышла из-под контроля. Джейми схватил шляпу:
– Оставайся здесь и смотри, чтобы все было в порядке до моего возвращения.
– По-моему, вам не стоит ехать туда – слишком опасно, мистер Мак-Грегор. Мальчик, которого убил Циммерман, был из племени баролонг. Они ничего не забывают и не прощают. Я мог бы...
Но Джейми уже исчез.
Он увидал клубы дыма еще за десять миль до алмазных полей. Все хижины в Намибии пылали.
«Проклятые идиоты, – подумал Джейми. – Сжигают собственные дома!»
Когда экипаж подъехал ближе, Джейми услышал хлопки оружейных выстрелов, вопли и заметил среди всеобщей неразберихи полицейских в мундирах, стреляющих в негров и цветных, беспомощно бегущих неведомо куда в напрасных попытках скрыться. Белых было в десять раз меньше, но у них имелось оружие.
Начальник полиции Бернард Соти, увидев Джейми, поспешил к нему:
– Не беспокойтесь, мистер Мак-Грегор. Мы прикончим всех этих ублюдков.
– Черта с два! – заорал Джейми. – Велите вашим людям прекратить стрельбу!
– Что?! Если мы...
– Делайте, как я велел!
Джейми, вне себя от злости, с ужасом увидел, как под градом пуль упала негритянская женщина.
– Отзовите людей!
– Как скажете, сэр.
Начальник передал приказ одному из офицеров, и через несколько минут все стихло.
Повсюду на земле валялись трупы.
– Послушайтесь моего совета, – начал Соти. – Я бы...
– Мне ваши советы ни к чему. Приведите их главаря! Двое полицейских подтащили молодого негра в наручниках к тому месту, где стоял Джейми. Он был весь в крови, но во взгляде ни тени страха. Негр стоял, не сгибаясь, высокий, стройный, сверкая глазами, и Джейми

вспомнил, как звучит слово «гордость» на языке банту: «исико».

– Я Джейми Мак-Грегор. Негр презрительно сплюнул.

– В том, что произошло, нет моей вины. Я не хочу войны и постараюсь возместить твоим людям убытки.

– Скажи это их вдовам! Джейми обернулся к Соти.

– Где Ганс Циммерман?

– Не можем найти, сэр.

Но Джейми заметил, как блеснули глаза негра, и понял, что Циммермана уже никогда не отыщут.

– Я закрываю копи на три дня, – сказал он чернокожему, – и хочу, чтобы ты поговорил со своими. Скажите, на что жалуетесь, я обещаю справедливо во всем разобраться. Больше избиений не будет.

Молодой человек недоверчиво усмехнулся.

– Я пришлю нового управляющего. Отстроим дома и увеличим жалование. Но твои люди должны приступить к работе через три дня.

– Вы собираетесь отпустить этого? – ошеломленно спросил начальник полиции. – Он ведь убил несколько человек.

– Назначим расследование и...

Послышался дробный стук копыт. Джейми обернулся и, увидев приближающегося Дэвида Блэкуэлла, почувствовал, как сердце тревожно сжалось. Дэвид спрыгнул с лошади.

– Мистер Мак-Грегор, ваш сын пропал.

В глазах Джейми потемнело, словно день внезапно обратился в ночь.

Половина населения Клипдрифта приняла участие в поисках. Они прочесывали окрестности, заглядывали в овраги, ущелья, лощины. Мальчик бесследно исчез.

Отец, почти теряя рассудок от горя, твердил:

– Джейми просто заблудился где-то, вот и все. Он скоро вернется...

Джейми зашел в спальню жены. Она, лежа в постели, кормила ребенка и, увидев мужа, вскинулась.

– Ничего нового?!

– Пока нет, но я найду его.

Он мельком взглянул на малышку и, не сказав ни слова, вышел. Тут же появилась миссис Толли, нервно теребя фартук.

– Не волнуйтесь, миссис Мак-Грегор. Джейми уже большой и знает, как позаботиться о себе.

Слезы слепили Маргарет. Неужели кто-то захочет причинить зло такому малышу? Этого просто не может быть!

Миссис Толли, наклонившись, взяла Кейт.

– Попробуйте заснуть, миссис Мак-Грегор. Потом отнесла ребенка в детскую и положила в колыбельку. Малышка улыбнулась и заворковала.

– Тебе бы тоже лучше поспать. Впереди целая жизнь! Миссис Толли вышла из комнаты, закрыв за собой дверь. В полночь окно детской бесшумно распахнулась, и в комнату прыгнул человек. Подошел к кровати, накинул одеяльце на спящего младенца и осторожно взял его на руки.

Бэнда исчез так же быстро, как и появился. Именно миссис Толли обнаружила исчезновение Кейт. Первой мыслью экономки было, что хозяйка приходила ночью и забрала малышку. Войдя в спальню Маргарет, миссис Толли спросила:

– А где девочка?

И по выражению лица матери мгновенно поняла, что произошло.

Кончился второй день бесплодных поисков. Джейми уже едва держался на ногах.

– Как ты думаешь, ничего плохого не могло с ним случиться? – спросил он Дэвида, едва сдерживаясь.

– Ну конечно, нет, мистер Мак-Грегор, – кивнул тот, стараясь говорить как можно убедительнее.

На самом деле Дэвид понимал, что могло произойти, ведь он предупреждал хозяина: банту никогда не забывают и не прощают, а ведь убили именно мальчика банту. Если именно они похитили маленького Джейми, ребенок погиб ужасной смертью, на нем выместили гибель того, другого.

Джейми возвратился домой на рассвете, измученный, вымотанный. Он возглавлял одну из поисковых партий: горожане, старатели и полицейские провели тяжелую ночь, обыскивая все возможные места, куда мог забрести мальчик.

В кабинете его ожидал Дэвид.

– Мистер Мак-Грегор, вашу дочь похитили. Джейми, бледнея, молча уставился на него. Потом повернулся и неуверенными шагами направился в спальню. Он был на ногах уже двое суток и теперь, окончательно обессиленный, свалился на постель и заснул. Он очутился под огромным баобабом..., и откуда-то издали, из просторов бескрайнего вельда, появился лев. Маленький Джейми тряс его.

– Проснись, папа, лев сейчас прыгнет. Зверь двигался огромными скачками. Сын изо всех сил тряс Джейми.

– Проснись, папа, проснись!

Джейми открыл глаза. Над ним стоял Бэнда. Джейми хотел что-то

сказать, но тот быстро заткнул ему ладонью рот.

– Тихо! – прошипел Бэнда, помогая другу сесть.

– Где мой сын? – требовательно спросил Джейми.

– Он мертв.

Перед глазами несчастного все поплыло.

– Прости. Я не успел остановить их. Твои люди пролили кровь баролонга, мой народ требовал отмщения.

Джейми закрыл лицо руками:

– Боже мой! Что они сделали с ним?

– Оставили в пустыне, – с бесконечной скорбью прошептал Бэнда. – Я..., я нашел его тело и похоронил.

– Нет! О Господи, только не это!

– Я пытался спасти его, Джейми. Джейми медленно кивнул, начиная осознавать, что произошло непоправимое.

– А моя дочь..., – глухо пробормотал он.

– Я унес девочку, прежде чем они смогли до нее добраться. Сейчас малышка в детской, спит. С ней ничего не случится, если выполнишь то, что обещал.

Джейми поднял глаза, и Бэнда не узнал друга: вместо лица – маска ненависти.

– Я сдержу слово. Но хочу получить человека, убившего моего сына. Они за это заплатят.

– Тогда тебе придется уничтожить все мое племя, Джейми, – спокойно ответил Бэнда и исчез.

«Это всего-навсего дурной сон», – уговаривала себя Маргарет, боясь открыть глаза, потому что знала – если приоткрыть веки, кошмар станет реальностью, и ее дети действительно погибли. Поэтому она затеяла игру – будет лежать, зажмурившись, пока не почувствует прикосновение ручки Джейми и не услышит:

– Все в порядке, мама. Мы здесь. С нами ничего не случилось.

Она не вставала вот уже три дня, никого не желала видеть и отказывалась разговаривать. Доктор Тиджер приходил и уходил, но Маргарет ничего не замечала... Ночью, лежа без сна, она вдруг услышала в комнате сына странный грохот, будто упало что-то тяжелое. Открыла глаза и прислушалась. Какой-то шум. Маленький Джейми вернулся.

Вскочив с кровати, Маргарет побежала по коридору. Через закрытую дверь доносились странные звуки, похожие на стоны раненого животного. С бешено бьющимся сердцем Маргарет переступила порог.

На полу, скорчившись, лежал муж: лицо перекосилось, один глаз был

закрыт, другой вылез из орбиты и бессмысленно уставился на нее. Он пытался сказать что-то, но с губ срывались только невнятные крики.

– О Джейми... Джейми, – прошептала она.

– Боюсь, плохи дела, – покачал головой доктор Тиджер. – У вашего мужа, миссис Мак-Грегор, сильнейший удар. Пятьдесят шансов из ста за то, что он выживет, но даже в этом случае никогда уже не сможет вести обычную жизнь. Останется парализованным до конца дней своих. Я распоряжусь, чтобы мистера Мак-Грегора поместили в закрытый санаторий, где за ним будет соответствующий уход.

– Нет.

Доктор удивленно взглянул на Маргарет:

– Нет? Что...

– Никаких больниц. Мой муж останется со мной. Подумав немного, доктор кивнул:

– Хорошо. Вам понадобится сиделка. Я вызову.

– Не нужно никаких сиделок. Я сама позабочусь о Джейми. Доктор Тиджер покачал головой:

– Это вряд ли возможно, миссис Мак-Грегор. Вы даже не представляете, на что идете! Ваш муж никогда не сможет ни встать, ни заговорить, не станет нормальным человеком, пока жив.

– Я позабочусь о нем, – повторила Маргарет. Теперь Джейми наконец после стольких лет по-настоящему принадлежал ей.

Глава 11

Джейми Мак-Грегор прожил еще ровно год с того дня, когда его нашли лежащим на полу в спальне сына, и эти дни были самыми счастливыми в жизни Маргарет. Муж был совершенно беспомощен, не мог двинуть ни рукой, ни ногой, не ворочал языком. Маргарет трогательно ухаживала за ним, следила, чтобы Джейми ни в чем не нуждался. Днем она усаживала его в инвалидное кресло и, не переставая вязать мужу свитеры и пледы, беседовала о всех домашних делах и заботах, обсудить которые у того раньше никогда не было времени, рассказывала, как выросла маленькая Кент и какой красавицей стала.

Вечером Маргарет, поднимая высохшего, похожего на скелет мужа, несла его в свою спальню и осторожно укладывала на постель. Сама ложилась рядом и продолжала говорить, пока не засыпала.

Дэвид Блэкуэлл управлял «Крюгер-Брент Лимитед» и время от времени появлялся в доме с бумагами, которые Маргарет было необходимо подписать. Каждый раз он с болью видел, как постепенно угасает человек, которому был всем обязан в жизни.

– Ты сделал хороший выбор, Джейми, – сказала мужу Маргарет. – Дэвид – прекрасный человек. Отложив вязание, она улыбнулась:

– Немного напоминает тебя. Конечно, не так умен, как ты, дорогой, но ведь подобного тебе нет и не будет больше никогда. Ты был так красив, Джейми, такой добрый и сильный. И не боялся мечтать. И вот теперь все твои мечты осуществились. Компания растет с каждым днем.

Она снова взяла спицы.

– Малышка Кейт начала говорить. Клянусь, она сегодня утром сказала «мама».

Джейми неподвижно сидел в кресле; один глаз, не мигая, уставился в пространство.

– У нее твои глаза и рот. Вот увидишь, какой вырастет красавицей...

На следующее утро, когда Маргарет проснулась, Джейми Мак-Грегор был мертв.

Обняв холодное тело, она прижалась к мужу:

– Отдохни, дорогой, отдохни. Я всегда так любила тебя, Джейми. Надеюсь, ты знаешь это. Прощай, любовь моя...

Теперь она осталась совсем одна. Муж и сын покинули ее. Единственным утешением была маленькая дочка.

Маргарет вошла в детскую и встала над мирно спящей в колыбельке Кейт. Кэтрин. Кейт... Греческое слово, означавшая «ясная» или «чистая». Имя это давали святым, монахиням или королевам.

– Кем же ты будешь, Кейт? – спросила Маргарет вслух.

Для Южной Африки это время было периодом расцвета, но политическое напряжение все росло. Всплыли старые разногласия между бурами и англичанами за право владения Трансваалем, и двенадцатого октября 1899 года, в день, когда Кейт исполнилось семь, Англия объявила войну бурам, а еще трое суток спустя штат Орендж Фри превратился в арену военных действий. Дэвид пытался убедить Маргарет забрать Кейт и уехать из Южной Африки, но та наотрез отказалась:

– Мое место рядом с могилой мужа.

Никакие доводы не помогали, хотя Дэвид объявил, что собирается воевать на стороне буров и неизвестно, как будет с самой Маргарет.

– Справлюсь, – упрямо отвечала она. – Попробую управлять компанией в твоё отсутствие.

На следующее же утро Дэвид записался добровольцем.

Англичане ожидали, что война будет быстрой и легкой, чем-то чуть посложнее обычных маневров, молниеносным ударом, и поэтому среди солдат царило веселое, почти праздничное настроение.

В лондонских казармах у Гайд-Парка давали прощальный ужин. На обложке отпечатанного к этому событию меню был изображен британский солдат, держащий на подносе голову дикого кабана "Слова «кабан» и «бур» на английском языке звучат почти одинаково.», а названия блюд пестрели упоминаниями о той или иной южноафриканской местности: баранина «Мейфкинг», фазаны «Претория», репа «Трансвааль»...

Но британцев ожидал неприятный сюрприз. Буры воевали на территории, которую считали родиной, и готовы были биться до последнего.

Первое сражение произошло под Мейфкингом, маленьким местечком, чуть больше обычной деревни, и здесь впервые англичане начали понимать, с каким противником придется иметь дело.

Из Англии были срочно присланы подкрепления. Британцы осадили Кимберли, и только после жестокого и кровавого боя им удалось продвинуться к Ледисмиту.

У буров оказались пушки дальнего боя, каких у англичан не было, поэтому пришлось снимать дальнобойные орудия с военных судов и перетаскивать в глубь материка.

Маргарет жадно слушала новости с полей сражения. Жила, как и все вокруг, слухами, переходя от восторга к отчаянию. Как-то утром один из служащих вбежал в ее кабинет и взволнованно объявил:

– Я только что слышал сводку: англичане движутся на Клипдрифт. Нас всех убьют!

– Чепуха! Никто не осмелится и пальцем нас тронуть! Пять часов спустя Маргарет Мак-Грегор стала военнопленной. Ее и Кейт отвезли в Паардеберг, в один из сотен концлагерей, разбросанных по всей Южной Африке. Заключенных держали под открытым небом на огромном поле, огражденном колючей проволокой, под охраной британских солдат, в невыносимых условиях.

Маргарет обняла Кейт и попыталась утешить:

– Не волнуйся, дорогая, ничего с нами не случится.

Но ни она сама, ни дочь не верили этому. Каждый день приносил новые ужасы. Десятки и сотни людей умирали от дизентерии и лихорадки, заключенных почти не кормили, лекарств и медицинской помощи они не получали. Этот безграничный кошмар, безумный бред продолжался почти три года. Хуже всего было сознание полнейшей беспомощности.

Мать с дочерью находились в полной власти тюремщиков, от которых зависело само существование. Кейт жила в постоянном страхе, видя, как вокруг умирают дети, убежденная, что она будет следующей жертвой. Девочка была бессильна защитить себя и мать, и этот урок запомнился на всю жизнь. Власть. Если у тебя в руках власть и могущество, значит, будет и все остальное – еда, одежда, лекарства..., свобода.

Наблюдая, как гибнут несчастные люди, Кейт еще больше уверилась, что самое главное, превыше всего на земле – власть. И девочка поклялась, что когда-нибудь станет сильнее всех и никто, никто не осмелится больше держать ее за колючей проволокой.

Кровавые битвы следовали одна за другой – Белмонт, Граспан, Станберг, Спайенкоп, но ни храбрость, ни отвага буров не помогли – их было слишком мало, а Британия высылала все новые подкрепления.

В 1902 году, после трехлетней жестокой войны, буры капитулировали. Пятьдесят пять тысяч буров ушли на войну, и тридцать четыре тысячи солдат, женщин и детей погибли. Но глубокая иступленная ненависть наполняла сердца выживших при одной мысли о том, что двадцать восемь тысяч их соотечественников умерло в британских концлагерях.

В тот день, когда ворота тюрьмы распахнулись, Маргарет и Кейт поспешили в Клипдрифт. А еще через несколько недель, солнечным и воскресным днем возвратился Дэвид Блэкуэлл, превратившийся за годы нелегких испытаний в настоящего мужчину, взрослого, уверенного в себе, хотя по-прежнему остававшегося тем же спокойным, немногословным Дэвидом, на которого так привыкла полагаться Маргарет. Все это время он не переставал тревожиться за нее и Кейт, не зная, живы ли они еще или погибли, и был вне себя от радости, когда обнаружил, что Кейт и Маргарет целы и невредимы.

– Жаль, что так и не сумел вас защитить, – признался он Маргарет.

– Все это в прошлом, Дэвид. Мы должны глядеть в будущее. А будущее для них означало: процветание «Крюгер-Брент Лимитед».

Для всего мира 1900 год стал чистой досочкой, на которой история будет писаться заново. Началось новое столетие и принесло ряд удивительных открытий, коренным образом изменивших жизнь на земле. Паровые и электрические машины заменили двигатели внутреннего сгорания. Появились подводные лодки и аэропланы. Численность населения достигла полутора миллиардов. Это было время бурного развития промышленности, и следующие шесть лет Дэвид и Маргарет старались использовать каждую представившуюся возможность, чтобы увеличить и без того немалый капитал.

Все это время Кейт была предоставлена самой себе и росла без присмотра. Мать была слишком занята делами компании и почти не обращала на нее внимания. Кейт была неуправляемой, упрямой, самоуверенной и непокорной. Как-то днем, возвращаясь с делового совещания, Маргарет увидела на грязном дворе, как четырнадцатилетняя дочь самозабвенно дралась с двумя мальчишками. Мать в ужасе, не веря своим глазам, уставилась на Кейт.

– Черт бы меня взял, – пробормотала она, – подумать только, что именно этой девице в один прекрасный день придется стать во главе «Крюгер-Брент Лимитед»! Помоги нам, Боже!

КНИГА ВТОРАЯ.

КЕЙТ И ДЭВИД. 1906-1914 ГОДЫ

Глава 12

Как– то жарким летним вечером 1914 года Кейт Мак-Грегори допоздна задержалась за работой в своем кабинете. Уже несколько лет, как она переселилась в Йоганнесбург, где было выстроено новое административное здание «Крюгер-Брент Лимитед».

Услыхав шум колес автомобиля, она отложила бумаги, подошла к окну и выглянула на улицу. Перед домом остановились две полицейских машины и «воронок». Кейт, нахмурясь, наблюдала, как из автомобилей выпрыгнули человек шесть полицейских и поспешно перекрыли все входы и выходы. К счастью, была уже ночь и улицы почти опустели.

Кейт мельком взглянула на свое зыбкое отражение в оконном стекле и осталась довольна: красивая женщина с отцовскими светло-серыми глазами и статной, унаследованной от матери фигурой.

В дверь постучали.

– Войдите, – отозвалась Кейт.

На пороге появились два человека в мундирах. На рукаве одного поблескивали нашивки полицейского инспектора.

– Что здесь происходит? – негодуя спросила Кейт.

– Прошу извинить, что беспокою в такой поздний час, мисс Мак-Грегор. Я – инспектор полиции Комински.

– В чем дело, инспектор?

– Получены сведения, что в этом здании скрывается сбежавший из тюрьмы убийца. Видели, как он недавно входил сюда.

Кейт ошеломленно охнула:

– В нашу контору?!

– Да, мэм. Он вооружен и очень опасен.

– В таком случае буду крайне благодарна вам, инспектор, если отыщите его и скорее уберете отсюда, – нервно пробормотала Кейт.

– Именно это мы и намереваемся сделать, мисс Мак-Грегор. Вы не видели и не слышали ничего подозрительного?

– Нет, но я здесь одна, а в здании много укромных мест, где может спрятаться человек. Прошу, прикажите вашим людям хорошенько все здесь обыскать.

– Сейчас же и начнем, мэм.

Инспектор обернулся и велел столпившимся в коридоре полицейским:

– Рассредоточиться! Начните с подвала и не пропускайте ни одной

комнаты, пока не доберетесь до крыши. Мисс Мак-Грегор, надеюсь, здесь нет запертых помещений?

– По-моему, нет, – покачала головой Кейт, – но, если и найдутся, я немедленно все открою.

Инспектор Комински видел, как волнуется молодая женщина, и прекрасно ее понимал. Как испугалась бы она, узнай, что беглец – отчаянный, способный на все преступник.

– Мы найдем его, – заверил Кейт полицейский. Та взялась было за отчет, над которым работала, но обнаружила, что не может ни о чем думать. Мешали топот и голоса полицейских, переходивших из комнаты в комнату. Кейт вздрогнула. Неужели его найдут?

Полицейские двигались медленно, методично обшаривая каждое помещение, заглядывая во все потайные места, где, по их мнению, мог скрываться убийца. Через сорок пять минут инспектор Комински возвратился в кабинет Кейт. Та подняла глаза:

– Вы его не нашли?

– Пока нет, мэм, но не беспокойтесь...

– Очень беспокоюсь, инспектор. Если беглый преступник прячется в этом здании, вам необходимо его обнаружить.

– Обязательно, мисс Мак-Грегор. У нас здесь собаки-ищейки.

Из коридора донесся лай, и через минуту в кабинет вошел проводник с двумя большими немецкими овчарками на поводках.

– Я провел собак по всему дому, сэр. Остался только этот офис.

– Вы выходили отсюда последние полтора часа? – обратился инспектор к Кейт.

– Да, нужно было просмотреть кое-какие документы в архиве. Думаете, он успел... Девушка снова вздрогнула.

– Пожалуйста, осмотрите этот офис тоже.

Инспектор кивнул, и проводник, сняв поводки с собак, отдал команду.

Овчарки словно обезумели. Они ринулись к двери шкафа и громко залаяли.

– О Боже! – воскликнула Кент. – Он здесь! Инспектор вынул револьвер.

– Открывай! – приказал он.

Два полисмена с оружием наготове подкрались к шкафу и распахнули дверцы. Пусто. Одна из ищеек, подбежав к другой двери, начала скрестись.

– Что в этой комнате? – спросил инспектор.

– Туалет.

Полисмены, встав по обе стороны двери, распахнули ее. Никого.

Проводник окончательно растерялся.

– Они никогда себя раньше так не вели! Собаки лихорадочно метались по кабинету.

– Чуют запах, – решил проводник. – Где же этот парень? Овчарки, подбежав к письменному столу, вновь залаяли.

– Ну вот и ответ на ваш вопрос, – вымученно улыбнулась Кейт. – Должно быть, в ящике стола.

– Простите, что побеспокоили вас, мисс Мак-Грегор, – смущенно извинился инспектор и, обернувшись к проводнику, рявкнул.

– Убрать отсюда собак!

– Вы уже уходите? – встревожилась Кейт.

– Мисс Мак-Грегор, заверяю, вы в полной безопасности. Мои люди обыскали здесь каждый уголок. Могу лично гарантировать, что его здесь нет. Боюсь, это была ложная тревога. Еще раз примите мои извинения.

– Да уж, – нервно сглотнула Кейт, – вы знаете, как оживить скучный вечер деловой женщины!

Кейт стояла у окна, наблюдая за отъезжающими полицейскими машинами. Убедившись, что в здании никого не осталось, она открыла ящик стола, вынула залитые кровью матерчатые туфли и, захватив их с собой, прошла по коридору к двери с табличкой:

«Внимание! Вход только по спецпропускам!»

Открыв сложный замок, Кейт тихо вошла и очутилась в большой и совершенно пустой, если не считать огромного встроенного в стену сейфа, комнате, где обычно хранились до отправки алмазы компании «Крюгер-Брент Лимитед».

Кейт поспешно набрала комбинацию цифр и потянула тяжелую дверь. В стены сейфа были вделаны десятки полных алмазами металлических ящиков. В центре на полу лежал почти потерявший сознание Бэнда.

Кейт встала перед ним на колени.

– Они ушли.

Бэнда медленно открыл глаза и даже сумел выдавить что-то вроде улыбки.

– Если бы я знал, как отсюда выйти, вот разбогател бы, представляешь?

Кейт осторожно помогла ему подняться, но, когда случайно коснулась руки, Бэнда поморщился от боли. Кейт успела перевязать рану, но кровь уже запятнала бинты.

– Можешь сам натянуть туфли?

Она специально принесла туфли в кабинет, чтобы сбить с толку ищек,

и, походив в них по комнате, спрятала в ящике стола.

– Пойдем, – сказала она. – Пора выбираться отсюда.

– Я сам, – покачал головой Бэнда. – Если узнают, кто мне помогал, тебе не поздоровится. Выпутаться будет трудновато.

– Об этом не волнуйся, справлюсь. Бэнда последний раз оглядел хранилище.

– Тебе нужны алмазы? Бери, сколько хочешь, – кивнула Кейт.

Бэнда, взглянув на девушку, понял, что та не шутит.

– Твой отец уже предлагал мне это, много лет назад.

– Знаю, – криво усмехнулась Кейт.

– Деньги мне ни к чему. Главное, на время покинуть город.

– И каким же образом ты собираешься выбраться из Иоганнесбурга?

– Я найду способ.

– Слушай, полиция же успела заблокировать все дороги и перекрыть выезды из города. У тебя нет ни единого шанса.

– Ты и так достаточно для меня сделала, – упрямо ответил Бэнда.

Он каким-то образом ухитрился натянуть туфли и теперь стоял, привалившись к стенке, несчастный, замученный, в порванной окровавленной рубашке и висевшем лохмотьями пиджаке. Лицо все в морщинах, волосы седые, но, взглянув на него, Кейт ясно представила высокого красивого негра, которого впервые встретила, когда была совсем еще ребенком.

– Бэнда, если тебя поймают, наверняка убьют, – спокойно ответила она. – Пойдешь со мной и все тут.

Кейт была уверена, что к этому времени город и окрестности кишат полицейскими. На поимку Бэнды были брошены все силы, отдан приказ доставить его живым или мертвым. Поездом тоже не скрыться – за вокзалами наверняка наблюдают.

– Надеюсь, у тебя план безопаснее, чем у твоего папочки, – вздохнув прошептал Бэнда.

Кейт подумала, что он, должно быть, потерял много крови.

– Не разговаривай. Береги силы и предоставь все мне. Кейт старалась говорить как можно увереннее, но на самом деле еще не знала, как поступить. Жизнь Бэнды была в ее руках, и она не перенесет, если с ним что-то случится. В который раз Кейт пожалела, что Дэвид был в отъезде. Ну что ж, придется справиться без него.

– Сейчас подгоню автомобиль к боковому входу, подожди десять минут, потом выйдешь, – наставляла Кейт. – Я оставлю заднюю дверцу открытой. Влезай и ложись на пол. Там есть одеяло, накроешься с головой.

– Кейт, они будут обыскивать все выезжающие из города автомобили. Если...

– Мы не поедem автомобилем. В восемь вечера отходит поезд на Кейптаун. Я приказала прицепить личный вагон.

Через полчаса Кейт подкатила к вокзалу. В заднем отделении машины на полу скорчился Бэнда. Они без труда миновали дорожные патрули, но именно в ту минуту, когда Кейт нажала на тормоза, ей в лицо неожиданно ударил свет. Дорогу перегородила патрульная машина. Прямо перед автомобилем Кейт выросла знакомая фигура.

– Инспектор Комински!

– Мисс Мак-Грегор, что вы здесь делаете? – удивился он. Кейт смущенно заулыбалась:

– Можете считать меня глупенькой истеричкой, инспектор, но, по правде говоря, я до смерти напугана тем, что произошло сегодня, и решила уехать из города, пока убийцу не найдут. Или его уже поймали?

– Пока нет, мэм, но обязательно схватим. У меня такое предчувствие, что он попытается уехать поездом. Зря старается, все равно отыщем.

– Очень на это надеюсь.

– Куда едете, мисс Мак-Грегор?

– Сейчас прицепят мой личный вагон к поезду до Кейптауна.

– Может, дать вам одного из моих людей для охраны?

– Спасибо огромное, инспектор, но не стоит. Теперь, когда я знаю, что вы здесь, сразу успокоилась.

Еще через пять минут Кейт и Бэнда благополучно устроились в вагоне. Стояла кромешная тьма.

– Думаю, нам лучше не зажигать лампу, – пояснила Кейт, помогая Бэнде улечься. – Здесь ты будешь в безопасности до утра. Когда начнут отцеплять вагон, спрячешься в туалете.

– Спасибо, – кивнул Бэнда. Кейт задернула занавески.

– У тебя есть знакомый доктор, чтобы не выдал полиции? Как только доберемся в Кейптаун, нужно сразу же ехать к нему.

– Доберемся? – повторил Бэнда.

– Уж не думаешь ли, что я позволю тебе ехать одному и не узнаю, чем все кончится?!

Бэнда, откинув голову, громко расхохотался. Истинная дочь своего отца!

На рассвете маневровый паровоз подцепил вагон и дотолкал до главного пути, где его прицепили к поезду.

Ровно в восемь прозвучал сигнал отправления. Кейт предупредила,

чтобы ее не беспокоили: у Бэнды опять открылось кровотечение, и пришлось перевязывать рану заново.

Кейт еще не успела расспросить Бэнду о том, что произошло, не было времени. Пришлось действовать слишком быстро и решительно с той самой минуты, когда полумертвый от усталости человек ввалился в ее кабинет. Теперь она попросила:

– Расскажи, что произошло, Бэнда.

Тот задумчиво взглянул на нее, думая, с чего начать. Как объяснить, что много лет назад буры-переселенцы изгнали народ банту с исконных земель. Это и было началом. Или все началось с того дня, когда гигант Поль Крюгер, президент Трансвааля, произнес речь:

– Мы будем править этой страной. Господь Бог поставил нас над неграми, а раса черных будет служить нам.

Может, вести отсчет с великого создателя империи Сесиля Родса, девизом которого было: «Африка для белых»? Как уложить целую историю своего народа в одно предложение?

– Полицейские убили моего сына, – сказал наконец Бэнда.

И слова нашлись сами собой. Старший сын Бэнды, Нтомбентле, был среди участников политического митинга. Полиция начала разгонять людей, раздались выстрелы, вспыхнула драка. Нтомбентле арестовали и на следующее утро нашли висевшим в петле.

– Они сказали, что мальчик покончил с собой. Но я знаю своего сына. Это убийство.

– Боже, он был так молод, – с ужасом прошептала Кейт, вспоминая те минуты, когда они вместе играли и смеялись. Нтомбентле был таким красивым.

– Мне очень жаль, Бэнда..., очень. Но почему они гонятся за тобой?

– После того, как убили Нтомбентле, я начал поднимать негров на восстание. Пойми, мы должны бороться, чтобы окончательно не погибнуть. Полиция объявила меня государственным преступником и арестовала за грабеж, которого я не совершал. Приговорили к двадцати годам. Четверым удалось бежать. Одного из охранников застрелили, и меня обвинили в убийстве. Поверь, в жизни не носил оружия.

– Я верю, – кивнула Кейт, – но сейчас самое главное надежно тебя укрыть.

– Прости, что втянул тебя во все.

– Ни во что никто меня не втягивал. Ты мой друг.

– Знаешь, кто из белых впервые назвал меня другом? – улыбнулся Бэнда. – Твой отец. И, вздохнув, добавил:

– Каким образом собираешься незаметно вывести меня на вокзале в Кейптауне?

– Мы не поедem в Кейптаун.

– Но ты сама сказала.

– Я женщина, и поэтому в любую минуту могу передумать. Ночью, когда поезд остановился на Ворчестерском вокзале, Кейт распорядилась отцепить вагон и перевести его на запасной путь. Проснувшись утром, она подошла к полке, где спал Бэнда. Там никого не было. Бэнда ушел. Не захотел доставлять ей неприятности. Кейт расстроилась, хотя знала: с Бэндой все будет в порядке. У него много друзей, готовых помочь. «Дэвид гордился бы мной», – подумала Кейт.

– Не могу поверить, что ты сотворила такую глупость! – заревел Дэвид, когда Кейт возвратилась в Йоганнесбург и рассказала, что произошло.

– Мало того, что ты рисковала своей свободой, так еще и подставила под удар компанию! Что бы сделала, по-твоему, полиция, отыщи они Бэнду?

– Убила бы! – вызывающе ответила Кейт. Дэвид раздраженно потер лоб.

– Неужели так ничего не понимаешь?

– Не волнуйся, понимаю. Вижу, что ты – черствый бесчувственный человек! – яростно сверкая глазами, закричала Кейт.

– А ты так и осталась ребенком.

Кейт подняла было руку, чтобы ударить Дэвида, но тот успел схватить ее за запястья.

– Кейт, ты должна научиться держать себя в руках. Слова гулким эхом отдались в голове: «Кейт, ты должна научиться держать себя в руках».

Это было так давно, много лет назад, когда она и соседский мальчишка яростно тузили друг друга за то, что тот осмелился ее дразнить. Когда появился Дэвид, мальчишка убежал. Четырехлетняя Кейт бросилась было в погоню, но Дэвид ее поймал. Вот тогда он впервые и произнес эту фразу:

– Кейт, ты должна научиться держать себя в руках. Юные леди не дерутся. Это неприлично.

– А я не юная леди, – отрезала Кейт. – Пусти меня! Дэвид разжал пальцы. Розовое платице девочки было порвано и забрызгано грязью, на

щеке синяки.

– Тебе лучше пойти умыться и переодеться, пока мама не увидела, – посоветовал Дэвид.

Но Кейт с сожалением глядела вслед убегающему врагу.

– Если бы ты оставил меня в покое, я бы ему наподдала! Взглянув в горящие жаждой битвы глаза, Дэвид рассмеялся:

– Знаешь, вполне возможно.

Немного успокоившись, Кейт позволила ему поднять себя и отнести в дом. Ей нравилось сидеть у Дэвида на руках. Ей все нравилось в Дэвиде. Он был единственным из взрослых, кто понимал девочку и, приезжая в город, всегда находил для нее время. Когда-то, в порыве откровенности, Джейми рассказал тогда еще совсем молодому Дэвиду о своих приключениях с Бэндой, и теперь. Дэвид часто вспоминал эту историю. Кейт была готова слушать еще и еще.

– Расскажи, как они построили плот... Дэвид соглашался.

– А теперь об акулах... И о морском тумане. И еще о том, как...

Кейт не часто видела мать. Маргарет была слишком занята делами компании. Она делала это для Джейми. Каждую ночь Маргарет разговаривала с мужем, как привыкла делать в последний год его жизни.

– Не знаю, что бы я делала без Дэвида, Джейми. Это такая огромная помощь для меня! Хорошо что он будет рядом, когда управлять компанией станет Кейт. Не хотелось бы волновать тебя, но я просто не знаю, что делать с этим ребенком.

Кейт росла упрямой, своевольной и озорной. Она отказывалась слушаться мать и миссис Толли. Если ей подавали платье, она отбрасывала его и выбирала другое, ела все, что хотела и когда хотела, и никакие уговоры, убеждения и подкупы не помогали. Если Кейт заставляли идти на чей-нибудь день рождения, она находила способ испортить праздник. Подруг у девочки не было. Она наотрез отказалась посещать танцкласс и предпочитала проводить время с соседскими мальчишками за игрой в регби.

Когда Кейт пошла в школу, начались неприятности. Много раз Маргарет приходилось умолять директрису не исключать девочку.

– Я просто не понимаю Кейт, – признавалась директриса. – Очень умный и способный ребенок, но постоянно конфликтует с окружающими.

Уж не знаю, что с ней делать.

Маргарет тоже не знала.

Единственным человеком, который умел справляться с Кейт, был Дэвид.

– Я слышал, тебя пригласили сегодня на день рождения? – спросил он как-то.

– Ненавижу дни рожденья!

Дэвид присел на корточки, так, чтобы глаза их оказались на одном уровне.

– Знаю, Кейт. Но отец той девочки, у которой сегодня праздник, мой друг. Он обидится, если ты не придешь и не будешь вести себя как леди.

Кейт посмотрела в глаза Дэвида:

– Он твой хороший друг?

– Очень.

– Тогда пойду.

В этот день манеры ее были безупречны.

– Не знаю, как тебе это удастся, – признавалась Маргарет. – Просто чудо.

– Да нет, она всего-навсего немного своевольная, – рассмеялся Дэвид. – Вот повзрослеет – и все пройдет. Самое главное, постарайся не сломить ее характер.

– Хочешь, открою секрет? – мрачно спросила Маргарет. – Иногда я бы ей с удовольствием шею свернула!

Когда Кейт исполнилось десять, она сказала Дэвиду:

– Хочу увидеть Бэнду.

Дэвид удивленно взглянул на девочку.

– Боюсь, это невозможно. Его ферма очень далеко отсюда.

– Одно из двух, Дэвид: либо ты возьмешь меня туда, либо я доберусь сама.

На следующей неделе Дэвид повез Кейт на ферму Бэнды, большой участок земли в два моргена, на котором тот выращивал пшеницу, овец и страусов. Он и его семья жили в круглых хижинах, слепленных из глины. Конусообразные тростниковые крыши поддерживались длинными шестью.

Бэнда вышел навстречу Дэвиду и Кейт, присмотрелся к неуклюжей девочке с серьезным личиком, стоящей рядом с Дэвидом, и сказал:

– Сразу видно, что это дочь Джейми Мак-Грегора.

– И я бы сразу узнала, что ты Бэнда, – торжественно объявила Кейт. – Приехала поблагодарить за то, что ты спас жизнь моему отцу.

Бэнда был женат на красавице Нтаме и имел двух сыновей:

Нтомбентле, на семь лет старше Кейт, и шестнадцатилетнего Мажену. Нтомбентле был удивительно похож на отца, такой же красивый, с гордой осанкой и сознанием собственного достоинства.

Кейт целый день играла с мальчиками, потом все собрались за обеденным столом. Дэвиду было не по себе – он не привык обедать с неграми, и хотя уважал Бэнду, но по неписаным обычаям между белыми и черными не могло быть никакой дружбы. Кроме того, Дэвида беспокоило то, что Бэнда занимался политикой. Ходили даже слухи, что он был одним из последователей Джона Тенго Джабаву, боровшегося за права негров. Поскольку рабочая сила всегда была в избытке, владельцы рудников и копей могли нанимать рабочих за грошовую плату, а правительство брало по десять шиллингов налога с каждого негра, и по всей Южной Африке вспыхивали восстания.

Ближе к вечеру Дэвид сказал:

– Думаю, нам пора ехать, Кейт. Сама знаешь, путь неблизкий.

– Рано еще, – отмахнулась Кейт. – Пусть лучше Бэнда расскажет еще раз про акул...

С этого дня, когда бы Дэвид ни появлялся в городе, Кейт заставляла его ехать в гости к Бэнде на ферму.

Убежденность Дэвида, что с возрастом Кейт станет спокойнее, не оправдалась. Скорее наоборот. Кейт с каждым днем становилась все своевольнее. Она наотрез отказывалась принимать участие в вечеринках и пикниках, общаться с девушками своего возраста и требовала от Дэвида, чтобы тот брал ее с собой, когда ехал инспектировать рудники. Они вместе охотились, ловили рыбу, ходили в походы с ночевкой.

Однажды на рыбалке, когда Кейт, злорадно торжествуя, вытащила гораздо большую, чем у Дэвида, форель, тот покачал головой:

– Тебе следовало бы родиться мальчиком!

– Не говори глупостей, Дэвид, – вскинулась Кейт. – Будь я мальчишкой, не смогла бы выйти за тебя замуж. Дэвид рассмеялся.

– Ты ведь знаешь, мы должны пожениться, – настаивала Кейт.

– Боюсь, ты не права. Я на двадцать два года старше. В отцы тебе гожусь. Встретишь когда-нибудь хорошего парня, приличного молодого человека...

– Не хочу приличного молодого человека! – свирепо прорычала она. – Мне ты нужен!

– Если в самом деле не шутишь, – с таинственным видом прошептал Дэвид, – могу открыть секрет, как завоевать сердце мужчины.

– Скажи, пожалуйста! – серьезно попросила Кейт.
– Нужно ублажить его желудок. Почисть-ка эту форель и приготовь завтрак!

Но Кейт ни секунды не сомневалась, что ее мужем будет Дэвид Блэкуэлл. Для нее он был единственным мужчиной в мире.

Раз в неделю Маргарет приглашала Дэвида к обеду. Кейт обычно предпочитала есть на кухне, вместе со слугами, где никто не указывал ей, как себя вести. Но по пятницам Кейт всегда ожидала прихода Дэвида в столовой.

Он обычно приходил один, хотя иногда приводил даму, и Кейт мгновенно загоралась к ней жгучей ненавистью.

Улучив момент, девочка подходила к Дэвиду и рассчитанно-наивно замечала:

– Никогда не видала светлых волос такого оттенка! Или:
– Станный у нее вкус. Очень оригинально одевается, правда? Или:
– Она что, раньше работала у мадам Эгнес? Когда Кейт исполнилось четырнадцать, директриса послала за Маргарет:

– У меня приличная школа, миссис Мак-Грегор. Боюсь, Кейт дурно влияет на учеников.

– Что на этот раз? – вздохнула мать.

– Учит детей непристойным словам. Должна сказать, – мрачно добавила она, – что подобных выражений даже я не слыхала. Не представляю, где ребенок мог услышать такое!

Зато Маргарет прекрасно представляла. Подхватила от своих дружков. И мать решила положить этому конец.

– Может, вы побеседуете с ней? – предложила директриса. – Попробуем дать девочке шанс исправиться...

– Нет! У меня вот какая идея! Нужно послать Кейт в пансион.

Когда Маргарет рассказала обо всем Дэвиду, тот ухмыльнулся:

– Кейт вряд ли это понравится!

– Ничего не поделаешь. Директриса жалуется, что Кейт учит детей ругаться. Вечно якшается со старателями и уличными мальчишками. Моя дочь разговаривает, как они, выглядит, как они и даже пахнет от нее так же. Говоря по правде, Дэвид, я ее совсем не понимаю. Почему она так себя ведет?... Хорошенькая, неглупая...

– Может, даже слишком способная...

– Неважно, умная или нет, все равно отправится в пансион! Когда Кейт пришла домой, Маргарет объявила ей о своем решении. Девочка была вне себя от ярости:

– Собираешься избавиться от меня?!

– Конечно, нет, дорогая. Просто считаю, что тебе лучше на время уехать...

– Мне и здесь хорошо! Все мои друзья тут. Хочешь разлучить меня с ними?

– Если имеешь в виду тех подонков, с которыми ты...

– Они не подонки! Ничем не хуже других!

– Кейт, я не собираюсь спорить с тобой. Отправишься в пансион для молодых леди и все тут!

– Я покончу с собой, – пригрозила Кейт.

– Прекрасно, дорогая. Бритва наверху, и если хорошенько поискать в доме, найдется и яд. Кейт разразилась слезами:

– Пожалуйста, мама, пожалуйста, не делай этого!

– Это для твоей же пользы, Кейт, – обняла дочку Маргарет. – Скоро ты вырастешь, станешь взрослой, выйдешь замуж. Кто женится на девушке, которая одевается и ведет себя, как ты?

– Это не правда, – фыркнула Кейт. – Дэвиду все равно.

– Какое отношение имеет к этому Дэвид?

– Мы поженимся когда-нибудь.

– Сейчас велю миссис Толли сложить твои вещи, – вздохнула Маргарет.

В это время в Англии было несколько известных пансионов для девочек. Маргарет решила, что для Кейт лучше всего подходит Челтенхем в Глостершире. Эта школа славилась строгой дисциплиной. Она была выстроена на участке, окруженном высокой стеной, и, согласно уставу, предназначалась для дочерей титулованных лиц и джентльменов. Дэвид вел дела с мужем директрисы, миссис Китон, и без труда смог договориться, чтобы Кейт приняли.

Когда девочка услышала о новостях, она снова взорвалась:

– Я слыхала об этой школе! Она ужасна! Стану совсем, как эти жеманные английские куклы! Этого ты желаешь?!

– Неплохо бы тебе научиться приличным манерам, – покачала головой Маргарет.

– Ни к чему мне манеры, главное мозги!

– Мужчины считают, что ум в женщине – не главное, а ты вот-вот станешь женщиной, – сухо заметила Маргарет.

– Не желаю никем становиться! – завопила Кейт. – Какого дьявола ты не желаешь оставить меня в покое!

– Не смей употреблять подобные слова!

Ссора продолжалась до утра, до самого отъезда Кейт. Зная, что Дэвид собирается по делам в Лондон, Маргарет попросила его проводить девочку.

– Один Господь знает, что она натворит, если за ней не приглядеть, – вздохнула она.

– С удовольствием, – согласился Дэвид.

– Ты! Ты еще хуже матери! Не можешь дождаться, когда избавишься от меня) – Ошибаешься! – широко улыбнулся Дэвид. – Могу и обождать.

Они добрались из Клипдрифта в Кейптаун в личном вагоне Маргарет, а там сели на пароход, идущий в Саутхемптон. Поездка заняла почти месяц, и, хотя гордость не позволяла Кейт признаться, она была счастлива, что путешествует с Дэвидом.

«Это почти медовый месяц, – думала она, – только вот жаль, мы еще не женаты. Пока».

Дэвид много времени проводил в каюте за деловыми бумагами. Кейт лежала на диване, свернувшись калачиком, и молча наблюдала, довольная, что находится наедине с ним. Как-то она спросила:

– Не надоедает тебе все время смотреть на эти скучные цифры, Дэвид?

Он отложил перо и поднял голову:

– Это не просто цифры, Кейт, а увлекательные рассказы.

– Какие еще рассказы?

– Если сумеешь правильно прочесть, они все объяснят про компании, которые мы покупаем или продаем, людях, работающих у нас. Много людей по всему миру получают жалованье, содержат семьи, и все благодаря предприятиям, основанным твоим отцом.

– А я похожа на него?

– Очень многим. Он был упрямым независимым человеком.

– А я упрямая независимая женщина.

– Ты испорченная девчонка! Человеку, который на тебе женится, плохо придется.

Кейт мечтательно улыбнулась. Бедный Дэвид! Сидя в столовой в последний вечер путешествия, Дэвид неожиданно спросил:

– Почему ты так ведешь себя, Кейт? С тобой очень трудно.

– Разве?

– Сама знаешь. Сводишь свою бедную мать с ума! Кейт положила ладонь на его руку:

– А тебя? Тоже довожу?

– Прекрати немедленно, – покраснел Дэвид. – Я тебя не понимаю.

– Понимаешь и прекрасно.

– Почему ты не можешь быть как все остальные девочки твоего

возраста?

– Да я скорее умру! Не желаю ни на кого походить!

– Клянусь Богом, вот это точно!

– Ты ведь не женишься, пока я не стану взрослой, хорошо Дэвид? – вскинувшись, спросила Кейт. – Я быстро вырасту, обещаю. Только не влюбляйся ни в кого, ладно?

Тронутый умоляющими глазами девочки, Дэвид сжал ее пальчики и кивнул:

– Когда я женюсь, хотел бы иметь такую дочь, как ты. Кейт вскочила и звенящим от негодования голосом, не заботясь о том, что ее слышат все обедавшие, объявила:

– А ты, Дэвид Блэкуэлл, клянусь, можешь идти ко всем чертям собачьим!

И, не обращая внимания на удивленные взгляды, вылетела из комнаты.

Они прожили в Лондоне три дня, и Кейт дорожила каждой минутой, проведенной с Дэвидом.

– У меня для тебя сюрприз, – объявил он. – Купил два билета на «Миссис Уигге с Капустной Грядки».

– Спасибо, Дэвид, но мне бы хотелось пойти в «Гейети».

– Невозможно! Мюзик-холл – не место для девушек.

– Трудно сказать, пока не увидишь своими глазами, правда? – упрямо ответила Кейт.

Они отправились в «Гейети».

Кейт понравился Лондон, бесконечный поток экипажей и автомобилей, элегантно одетые дамы в тюле, кружевах, тонком атласе и сверкающих драгоценностях, мужчины в смокингах с белыми накрахмаленными манишками. Кейт и Дэвид обедали в «Ритце», а ужинали в «Савое». Когда настало время отъезда, Кейт подумала:

«Мы еще вернемся сюда. Я и Дэвид. Обязательно вернемся».

Приехав в Челтенхем, они сразу же направились в кабинет миссис Китон.

– Хочу поблагодарить за то, что приняли Кейт, – сказал Дэвид.

– Уверена, мы с ней подружимся. А кроме того, я всегда рада помочь друзьям мужа.

Только сейчас Кейт поняла, как обманута. Именно Дэвид хотел послать ее в школу и устроил так, чтобы она сюда попала.

Девочка пришла в такое бешенство, была настолько оскорблена, что отказалась попрощаться с ним.

Глава 13

Челтенхемская школа оказалась невыносимым испытанием. На все были введены правила и ограничения. Девочки носили одинаковые длинные, до щиколоток формы. Занятия продолжались десять часов и были расписаны до минуты. Миссис Китон железной рукой правила учителями и учащимися. Девочки обучались манерам, этикету, поведению за столом – словом, всему, что может в будущем привлечь завидных женихов.

«Это паршивая тюрьма, – писала матери Кейт. – Девочки здесь ужасны. Весь день только и трещат о дурацких платьях и мерзких мальчишках. А подлые учителя – просто чудовища. Меня здесь не удержите, все равно сбегу».

Кейт и в самом деле трижды убегала из школы, но каждый раз ее ловили и привозили обратно, несдавшуюся и несломленную.

На ежедневном совете преподавателей одна учительница, услышав имя Кейт, вздохнула:

– Ребенок совершенно неуправляем. Думаю, ее следует отослать в Южную Африку.

– Готова согласиться с вами, – ответила миссис Китон. – Но подумайте, ведь нам брошен вызов. Если удастся укротить Кейт Мак-Грегор, значит, нам любые трудности нипочем.

Кейт осталась в школе.

К изумлению учителей, Кейт живо заинтересовалась делами фермы, принадлежащей школе. Там был разбит огород и содержались куры, коровы, свиньи и лошади. Узнав о том, что девочка проводит там все свободное время, миссис Китон очень обрадовалась:

– Вот видите, – объявила она учителям, – это всего лишь вопрос времени и терпения. Кейт, наконец, нашла себе занятие по душе. Когда-нибудь выйдет замуж за сельского джентльмена и станет ему огромным подспорьем.

На следующее утро в кабинете директрисы появился Оскар Денкер, управляющий фермой.

– Я об одной из ваших учениц, – начал он, – Кейт Мак-Грегор. Просил бы вас держать ее подальше от моей фермы.

– О чем вы толкуете? – удивилась миссис Китон. – По-моему, она очень интересуется сельским хозяйством!

– Да?! А по-моему, именно тем, как, простите за грубость,

спариваются животные.

– Что?!

– Именно! Торчит там целыми днями, наблюдает, что они друг с другом делают.

– Черт бы меня побрал! – высказалась миссис Китон.

Кейт так и не простила Дэвида за то, что отправил ее в ссылку, но невыносимо тосковала по нему.

«Такая моя судьба, – мрачно думала она, – любить человека, которого ненавижу».

Девушка отмечала в календаре дни, проведенные вдали от Дэвида, как заключенный, считающий минуты, оставшиеся до освобождения. Кейт боялась, что он совершит что-нибудь ужасное, женится на другой, пока она тут сидит в этой проклятой тюрьме.

"Если это так, – кипела Кейт, – убью их обоих. Нет. Только ее. Меня арестуют и повесят, а пока я буду стоять на эшафоте в петле, он поймет, что любит меня. Только поздно будет. Он станет умолять о прощении, а я отвечу: «Да, Дэвид, дорогой мой. Я прощаю тебя. Ты был слишком глуп, чтобы понять, какая огромная любовь прошла мимо, улетела, словно птичка. И вот теперь эту вольную птицу поймали в силки и накинут на нее петлю. Прощай, Дэвид!»

Но, конечно, в последнюю минуту ее помилуют, и Дэвид сожмет ее в своих объятиях и увезет в неведомую страну, где кормят уж наверняка лучше, чем эти помои, которые подают в проклятом Челтенхеме.

Кейт получила письмо от Дэвида, в котором тот сообщил, что будет в Лондоне и обязательно навестит ее. Воображение девушки разыгралось. Она искала, находила сотни намеков и скрытых значений в записке. Почему он едет в Лондон? Быть рядом с ней, конечно. Почему собирается в Челтенхем? Понял наконец, что любит и не может выносить разлуки. Дэвид заберет ее из этого ужасного места. Счастье бурлило в душе Кейт, так что она с трудом сдерживалась. Под конец девушка настолько уверовала в собственные фантазии, что в день приезда Дэвида распрощалась со всеми одноклассниками.

– Мой любовник приезжает забрать меня отсюда, – объяснила она.

Девочки молча недоверчиво глядели на нее, все, кроме Джорджины Кристи.

– Опять врешь, Кейт Мак-Грегор, – фыркнула та.

– Вот погоди, увидишь! Он высокий, красивый и сходит по мне с ума.

Проходя по коридору, Дэвид недоуменно озирался: встреченные школьницы с любопытством гладили на него, многие даже вскакивали с

мест, перешептывались, хихикали, а встречаясь с ним взглядами, краснели и отворачивались.

– Ведут себя так, словно в жизни раньше не видели мужчин, – заметил он и подозрительно посмотрел на Кейт. – Может, ты что-нибудь говорила обо мне?

– Конечно, нет! – высокомерно хмыкнула девушка. – С чего бы это?

Они обедали в большой общей столовой. Дэвид рассказывал Кейт, что произошло дома за время ее отсутствия.

– Твоя мама велела сказать, что очень любит тебя и ждет на летние каникулы.

– Как она?

– Нормально, только работы много.

– А дела компании?

Дэвид удивился такому внезапному интересу, но все же ответил:

– Как нельзя лучше. А что?

«Потому что, – подумала Кейт, – когда-нибудь все будет принадлежать мне, и я разделю это богатство с тобой».

– Просто так, хочется знать, – ответила она вслух. Дэвид взглянул на по-прежнему полную тарелку Кейт.

– Ты ничего не ешь.

Но Кейт ничего не могла взять в рот: она лихорадочно ожидала, когда настанет великая минута и Дэвид скажет:

«Уедем вместе, Кейт. Ты стала женщиной и нужна мне. Мы поженимся, и все будет хорошо».

Подали и убрали десерт. Потом кофе. А Дэвид ничего не говорил.

Только когда он, взглянув на часы, объявил, что пора ехать, иначе опоздает на поезд, Кейт с ужасом поняла, как ошиблась. Никто не собирается взять ее из школы. Этот ублюдок рад отделаться от нее, ему все равно, хоть погибни Кейт в этой проклятой дыре!

Ничего не подозревавший Дэвид был очень рад повидать Кейт. Она казалась ему смышленным ребенком, научившимся в конце концов обуздывать дикарские порывы. Нежно похлопав Кейт по руке, Дэвид спросил:

– Могу ли я сделать что-нибудь для тебя, Кейт? Глядя ему прямо в глаза, девушка мило улыбнулась.

– Да, Дэвид, конечно. Сделаешь огромное одолжение, если, черт возьми, оставишь меня в покое и не будешь лезть в мою жизнь.

И, высоко подняв голову, с достоинством выплыла из комнаты, оставив ошеломленного Дэвида с широко раскрытым ртом.

Маргарет поняла, что тоскует по Кейт. Девочка была непослушной и дерзкой, но, кроме нее, у матери никого не было. Маргарет гордилась дочерью и считала, что та станет незаурядным человеком. Но сначала она должна приобрести манеры настоящей леди.

Когда Кейт приехала на каникулы, Маргарет начала расспрашивать ее о школьной жизни.

– Ненавижу школу! Все они там противные кривляки! Маргарет внимательно посмотрела на дочь:

– А другие девочки тоже так считают?

– Что они понимают, – презрительно фыркнула Кейт. – Посмотрела бы ты на этих девочек. Над ними все с рожденья трясутся. Ни черта они не понимают в жизни.

– Ах, дорогая, – с притворным сочувствием охнула мать, – это должно быть невыносимо для тебя.

– Не смейся надо мной, пожалуйста. Они никогда не были в Южной Африке и животных видели только в зоопарке. Я уже не говорю о золотых приисках или алмазных копях. Они и слов таких не знают.

– Несчастные дети!

– Ну хорошо, – пригрозила Кейт. – Вот стану такой, как они, – еще пожалеешь, черт побери!

– Думаешь, удастся стать на них похожей?

– Ну, конечно, нет! – ехидно ухмыльнулась Кейт. – Что, съела?

Уже через час после приезда Кейт умчалась играть в регби с детьми слуг. Маргарет глядела в окно и думала, что, по-видимому, зря тратит деньги. Никогда дочь не переменится.

Вечером за ужином Кейт, как бы между прочим, спросила:

– А Дэвид в городе?

– Нет, в Австралии, по делам. Должен приехать завтра.

– Собирается прийти в пятницу вечером?

– Возможно, – ответила Маргарет и, внимательно оглядев Кейт, спросила:

– Тебе ведь нравится Дэвид, не так ли?

– Ничего, – пожала плечами дочь.

– Понимаю, – кивнула Маргарет и внутренне улыбнулась, вспомнив, как Кейт клялась, что выйдет замуж за Дэвида.

– Я не питаю к нему неприязни, мама. Как человек он неплохой, но как

мужчина совершенно невыносим.

Когда Дэвид, как обычно, пришел в пятницу к ужину, Кейт помчалась в холл, чтобы встретить его, крепко обняла и прошептала на ухо:

– Я прощаю тебя! Мне было так тоскливо без тебя, Дэвид. А ты? Скучал без меня?

– Да, – машинально ответил он, но тут же с удивлением обнаружил, что ему и в самом деле не доставало этой девочки.

Дэвид еще не встречал подобного ребенка. Она выросла у него на глазах, но каждый раз он встречал Кейт словно впервые, открывал все новые, незнакомые доселе стороны характера. Кейт было уже около шестнадцати: фигура почти оформилась, длинные черные волосы мягкими волнами падали на плечи, в лице уже проглядывалось нечто женственное, чувственное, никогда раньше им не замечаемое. Красавица, с цепким умом и сильной волей. Дэвид про себя пожалел того беднягу, кому она достанется когда-нибудь.

За ужином он спросил:

– Ну, как дела в школе, Кейт?

– Превосходно! – поспешно объявила она. – Мне очень нравится, я многому научилась. Учителя там потрясающие и друзей у меня теперь много.

Ошеломленная Маргарет молча глядела на дочь, не в силах вымолвить ни слова.

– Дэвид, возьмешь меня с собой на рудники?!

– Это так ты собираешься каникулы проводить?

– Ну пожалуйста, Дэвид!

Поездка на рудники займет целый день, а это означало, она все время будет рядом с Дэвидом.

– Если твоя мать разрешит...

– О, мама, прошу тебя.

– Хорошо, дорогая. Уверена, что с Дэвидом ты будешь в безопасности, – кивнула Маргарет, от души надеясь, что именно Дэвид сможет уберечься от Кейт.

Алмазные копи компании «Крюгер-Брент Лимитед», раскинувшиеся недалеко от Блумфонтейна, походили на гигантский муравейник, где трудились сотни рабочих и служащих, занятых добычей, промывкой, сортировкой алмазов.

– Это один из наиболее прибыльных рудников, – объяснил Дэвид.

Он привел Кейт в контору управляющего, где они ждали проводника, чтобы спуститься в шахту. У одной стены стояла витрина, заполненная

алмазами всех цветов и размеров.

– У каждого алмаза неповторимые черты, – продолжал Дэвид. – Первые камни добывались на берегах реки Ваал из аллювиальных почв, поэтому их края с веками стерлись.

«Он еще красивее, чем я представляла, – думала Кейт. – Как мне нравятся эти брови!»

– Камни добыты в разных коях и легко различимы по внешнему виду. Видишь этот? По размеру и желтоватому отливу можно определить, что он добыт в Паардспане. У алмазов компании «Бирс» маслянистая поверхность, и они все имеют двенадцать граней – додекаэдры.

«Какой блестящий ум! Он все знает!»

– Про такой камень сразу можно сказать, что он из Кимберли – там встречаются октаэдры, причем разных цветов, от дымчатого до прозрачного.

«Интересно, считает ли управляющий, что Дэвид – мой любовник? – продолжала размышлять Кейт. – Надеюсь, что да».

– Цвет алмаза помогает определить его ценность. Цвета различают по шкале от одного до десяти. Самый лучший – голубовато-белый, а низкосортный – коричневатый.

«Как хорошо от него пахнет... Такой мужской запах. Я просто влюблена в его руки и плечи. Хочу...»

– Кейт!

– Что, Дэвид? – виновато вскинулась девушка.

– Ты что, не слушаешь?

– Конечно, слушаю, – с негодованием фыркнула Кейт, – ни слова не пропустила!

Следующие два часа они провели в шахте, а потом отправились завтракать.

По мнению Кейт, лучшего способа провести время и представить нельзя было!

Когда дочь к вечеру вернулась домой, Маргарет спросила ее:

– Как прошел день?

– Великолепно! Добывать алмазы – самое увлекательное дело на свете!

Через полчаса Маргарет случайно выглянула из окна. Кейт каталась по земле и самозабвенно тузила сына одного из садовников.

Письма Кейт после возвращения в школу были умеренно оптимистичными. Ее выбрали капитаном хоккейной команды, увлеклась хоккеем на траве, а кроме того директриса назначила ее старостой класса. Кейт призналась, что школа, в сущности, не так уж плоха, а некоторые

девочки в классе довольно дружелюбны, и даже просила разрешения привезти на каникулы двух подружек. Маргарет была в полном восторге. Дом снова оживет, наполнится звуками молодого смеха. Она не могла дожидаться, пока дочь снова приедет, думала теперь только о Кейт.

– Я и Джейми – это прошлое, – вздыхала Маргарет, – а Кейт – будущее. И какое прекрасное будущее!

На следующее лето, когда Кейт вернулась домой, все молодые люди Клипдрифта осаждали ее, домогаясь внимания. Но Кейт все они были совершенно безразличны, Дэвид уехал по делам в Америку, и она с нетерпением ждала его возвращения. Когда Дэвид наконец появился в доме, Кейт встретила его на пороге в белом платье с отделкой из черного бархата, оттенявшей контуры упругой груди.

Дэвид, обняв девушку, поразился, ощутив прикосновение горячих губ. Немного отстранившись, он пристально взглянул на Кейт. В ней появилось что-то новое, невиданное прежде. Дэвид никак не мог понять, что кроется в глубине этих прекрасных глаз, и почувствовал какую-то странную неловкость.

Каждый раз, когда он видел Кейт, та была окружена толпой поклонников, и Дэвид не переставал гадать, кто же окажется счастливым избранником. Но вскоре ему опять пришлось на несколько недель отправиться в Австралию. Вернувшись в Клипдрифт, он узнал, что Кейт уже на пути в Англию.

В последний год пребывания девушки в школе Дэвид неожиданно появился в Лондоне. Обычно перед тем, как приехать, он звонил или писал, но на этот раз приехал без предупреждения.

– Дэвид! Какой неожиданный сюрприз! – обняла его Кейт. – Почему не сообщил, что будешь в Англии? Я бы...

– Кейт, я приехал, чтобы увезти тебя домой. Девушка, отстранившись, испуганно взглянула на него.

– Что-то случилось?

– Боюсь, твоя мать очень больна.

Кент на мгновение застыла.

– Сейчас соберу вещи.

Она была потрясена переменами, произошедшими в матери. Всего несколько месяцев назад Маргарет превосходно выглядела и прекрасно себя чувствовала, сейчас же от нее осталась одна тень, потухшие глаза глубоко запали. Казалось, будто рак, пожирающий плоть, иссушил и ее душу.

Кейт села на кровать, нежно сжала руку умирающей.

– О, мама, – всхлипнула она, – мне чертовски жаль. Маргарет из последних сил сдавила пальцы дочери:

– Я готова к смерти, дорогая, еще с того дня, когда умер твой отец.

Она умоляюще взглянула на Кейт:

– Хочешь, признаюсь кое в чем? Конечно, глупо с моей стороны, но я всегда беспокоилась, что там, на небесах, некому позаботиться о твоём отце. А теперь я буду рядом.

Через три дня Маргарет скончалась. Смерть матери глубоко потрясла Кейт. Она уже потеряла отца и брата, но для нее они существовали только в рассказах матери и окружающих людей, ведь девушка их совсем не знала, а теперь, в восемнадцать, осталась одна в этом мире. Не стало единственного любящего ее человека, и сердце Кейт болезненно сжималось при одной мысли о будущем.

Дэвид смотрел на стоявшую у могилы матери девушку. Та изо всех сил старалась сдержать слезы, и только вернувшись домой, дала волю отчаянию и расплакалась.

– Она в-сегда была так добра ко мне, Дэвид, а я..., т-так плохо обращалась с..., ней...

– Ты была прекрасной дочерью, – попытался утешить ее Дэвид.

– В-сю жизнь доставляла ей одни н-неприятности. Чего бы я ни сделала, лишь бы м-мама не умирала. Дэвид, Дэвид, ну почему Господь допустил это?

Он ничего не ответил, давая Кейт выплакаться. Когда она немного успокоилась, Дэвид тихо сказал:

– Знаю, в это трудно поверить, но когда-нибудь боль утихнет. И знаешь, что останется, Кейт? Радостные воспоминания о счастливых минутах, проведенных вместе с матерью.

– Наверное, ты прав. Только вот с-сейчас чертовски плохо на душе...

На следующее утро они обсуждали будущее Кейт.

– У тебя родственники в Шотландии, – напомнил Дэвид.

– Нет, – резко вскинулась Кейт. – Какие это родственники? Когда отец решил уехать, все они смеялись над ним, и никто не захотел помочь, кроме его матери. Она умерла, а с ними я не желаю иметь ничего общего!

Дэвид задумчиво покачал головой:

– Собираешься закончить школу?

И прежде чем Кейт успела что-то ответить, добавил:

– Думаю, твоя мать этого бы очень хотела.

– Тогда я так и сделаю, – вздохнула Кейт, невидяще уставившись в пол.

– Дьявольщина... – тихо прошептала она.

– Понимаю, – мягко сказал Дэвид. – Все понимаю. Кейт окончила школу с отличием и на выпускном вечере выступила с приветственной речью от имени выпускников.

Дэвид сидел в зале.

По пути из Йоганнесбурга в Клипдрифт Дэвид сказал:

– Знаешь, ведь через несколько лет все будет принадлежать тебе – этот вагон, железная дорога, рудники, компании... Ты очень богата, Кейт, и можешь продать «Крюгер-Брент Лимитед» за огромные деньги.

И, взглянув на нее, добавил:

– А захочешь, оставишь все, как есть. Ты должна хорошенько все обдумать.

– Я уже обдумала, – улыбнулась Кейт. – Мой отец был пиратом, Дэвид. Восхитительным старым пиратом. Как жаль, что я не знала его! Нет, я не продам компанию. И знаешь, почему? Потому что пират назвал ее в честь охранников, пытавшихся его убить. Ну не замечательная ли идея? Когда я, бывает, не могу уснуть, всегда думаю об отце и Бэнде, как они ползли в тумане по минам, и слышу голоса:

«Крюгер... Брент... Крюгер... Брент...»

Она умоляюще взглянула на Дэвида.

– Нет, никогда я не смогла бы продать компанию отца..., если ты будешь ею управлять, конечно.

– Останусь, пока буду нужен тебе, – спокойно ответил Дэвид.

– Я решила записаться в школу бизнеса.

– Школу бизнеса? – удивленно переспросил Дэвид.

– Сейчас другие времена, – пояснила Кейт, – и в Йоганнесбурге открыты школы бизнеса, куда и женщин принимают.

– Но...

– Ты спрашивал, что я собираюсь делать с деньгами? Кейт взглянула Дэвиду в глаза:

– Я хочу их зарабатывать.

Глава 14

Учеба оказалась для Кейт новым волнующим приключением. Когда ее послали в Челтенхем, жизнь в Англии стала скучной необходимостью, неизбежным злом. Здесь все было по-другому. На каждой лекции Кейт узнавала что-нибудь полезное. Все это обязательно пригодится, когда она будет управлять компанией.

В школе преподавали бухгалтерию, менеджмент, основы управления и международной торговли. Раз в неделю звонил Дэвид и спрашивался, все ли в порядке.

– Превосходно! – неизменно отвечала Кейт. – Мне здесь ужасно нравится. Все так здорово.

Когда–нибудь она и Дэвид будут работать вместе, бок о бок, допоздна, только вдвоем, и больше никого. И однажды ночью Дэвид подойдет к ней и скажет:

«Кейт, дорогая, я был слеп и ничего не понимал. Ты выйдешь за меня замуж?»

И через мгновение она окажется в его объятиях...

Но пока придется ждать. Ей еще так многому нужно научиться.

И Кейт решительно уселась за письменный стол.

Занятия продолжались два года, и Кейт вернулась домой как раз к своему двадцатилетию.

На станции девушку встречал Дэвид. Кейт бросилась к нему, порывисто обняла и прошептала:

– О, Дэвид, я так рада, что снова тебя вижу! Дэвид, отстранившись, смущенно пробормотал:

– Добро пожаловать, Кейт.

Он никогда еще не вел себя так сдержанно, и Кейт встревожилась:

– Что-то случилось, Дэвид.

– Нет-нет..., просто..., девушкам неприлично так себя вести на людях.

Кейт на мгновение встретила глазами с Дэвидом:

«Понятно,... Хорошо», обещаю больше не ставить тебя в неловкое положение.

По дороге домой Дэвид исподтишка рассматривал Кейт. Какое трогательное, прекрасное, совсем еще по-детски невинное лицо!

Утром в понедельник Кейт впервые вошла в свой новый кабинет, в административном здании «Крюгер-Брент-Лими-тед» и словно внезапно

очутилась в другом мире – незнакомом, необыкновенном, с собственными обычаями, традициями и языком, огромным количеством отделений, филиалов" дочерних компаний и фирм, Во владении «Крюгер-Брент Лимитед» находились сталелитейные заводы, скотоводческие ранчо, железная дорога, пароходная компания и, наконец, основа богатства семьи – алмазы и золото, платина и магний, которые драгоценным потоком лились в сейфы гигантского концерна.

Власть. Сила.

Осознать все это было трудно, почти невозможно. Кейт сидела в офисе Дэвида, внимательно слушая, как тот принимает решения, от которых зависели судьбы множества людей во всем мире. Директора филиалов советовали, как лучше справиться с возникшими проблемами, но Дэвид далеко не всегда соглашался с ними и умел настоять на своем.

– Почему ты так поступаешь? Разве они хуже разбираются в делах? – удивилась Кейт.

– Конечно, нет, дело вовсе не в этом. – пояснил Дэвид. – Каждый управляющий считает свое предприятие самым главным, и они правы, но кто-то должен иметь общее представление о делах и знать, что именно принесет компании наибольшую прибыль. А теперь пойдем обедать! Я хочу тебя познакомить с одним человеком.

В большой отдельной столовой рядом с кабинетом Кейт уже ждал молодой человек, очень худой, с узким лицом и пытливыми карими глазами.

– Это Брад Роджерс, – представил Дэвид. – Брэд, познакомься – наш новый босс, Кейт Мак-Грегор. Брэд протянул руку:

– Рад познакомиться, мисс Мак-Грегор.

– Брэд – наше секретное оружие, – улыбнулся Дэвид, – Знает о «Крюгер-Брент Лимитед» столько же, сколько и я. Если мне когда-нибудь придется уйти, не беспокойся, Брэд меня заменит.

«...Если мне когда-нибудь придется уйти...»

При одной мысли об этом Кент охватила паника. Конечно, Дэвид никогда не оставит компанию.

В течение всего обеда Кейт ни о чем, ни о ком не могла думать, и спроси ее, что же она ела, не смогла бы ответить.

Потом они еще долго не расходились.

– У нас скоро начнутся неприятности, – предупредил Дэвид. – Правительство ввело подушный налог.

– Что это означает? – спросила Кейт.

– Теперь негры, цветные и индейцы должны платить по два фунта за

каждого члена семьи, а это больше среднемесячного жалования.

Кейт подумала о Бэнде. Неприятное предчувствие охватило девушку, но тут мужчины заговорили о другом, и она постаралась выбросить тревожные мысли из головы.

Несмотря на постоянно снедающее беспокойство, Кейт получала ни с чем несравнимое удовольствие от работы. Каждое принятое решение означало получение или потерю огромных сумм, ведь большой бизнес – это дуэль умов, азарт и мужество, умение побеждать и угадывать, когда следует отступить, а когда ринуться в бой.

– Бизнес – это игра, – объяснял Дэвид, – ставки в которой поистине фантастические, а соперники – самые умные и могущественные люди в мире. Если хочешь выиграть, придется учиться, как быть хозяином положения, а для этого нужно в совершенстве изучить правила игры.

Именно это Кейт и намеревалась сделать. Учиться.

Она жила в большом доме одна, если не считать слуг. Дэвид, как было издавна заведено, приходил ужинать по пятницам, но, когда Кейт приглашала его в другие дни, непременно находил предлог, чтобы отказаться. На работе они почти постоянно были вместе, но даже днем Дэвиду, казалось, удалось возвести между собой и девушкой невидимый барьер, непробиваемую стену, которую Кейт никак не удавалось разрушить.

В день, когда Кейт исполнилось двадцать один год, все акции компании «Крюгер-Брент Лимитед» перешли в ее владение. Теперь она по закону стала главой компании.

– Давай сегодня поужинаем вместе, отпразднуем великое событие, – предложила Кейт Дэвиду.

– Прости, Кейт, слишком много работы, и так ничего не успеваю.

Кейт ужинала в одиночестве, не переставая терзать себя вопросом: почему? Кто виноват: она или Дэвид? Но он должен быть глухим, немым и слепым, чтобы не знать о ее чувствах. Значит, придется что-то предпринять.

Компания вела переговоры о покупке пароходной компании в Соединенных Штатах.

– Почему бы тебе и Брэду не отправиться в Америку для окончательного завершения сделки? – предложил Дэвид. – Это будет для тебя неплохой школой.

Кейт предпочла бы поехать с Дэвидом, но гордость мешала ей унизиться до просьб. Обойдется и без него. А кроме того, Кейт никогда не была в Америке, и ей не терпелось поскорее оказаться в этой стране.

Как и предполагалось, компанию удалось купить без особых трудностей, и Дэвид посоветовал девушке осмотреть филиалы «Крюгер-Брент Лимитед» в Детройте, Чикаго, Питтсбурге и Нью-Йорке. Кейт была поражена размахом и энергией американцев. Самым незабываемым моментом стал визит в Дарк Харбор в штате Мэн, где Кейт провела вечер в доме художника Чарлза Дэна Джибсона, выстроенном на очаровательном островке Айлсборо в Пенобскот Бэй. За столом было двенадцать человек, я все, кроме Кейт, жили на острове.

– У этого местечка интересная история, – рассказывал Кейт Джибсон. – Много лет назад жителей каждый вечер доставляли сюда из Бостона на прогулочных катерах. У причала их ожидали кабриолеты и развозили по домам.

– Сколько человек живет здесь? – спросила Кейт.

– Около пятидесяти семей. Видели маяк, когда переправлялись на пароме?

– Да.

– Там живет смотритель с собакой. Каждый раз, когда мимо проплывает судно, собака выбегает и звонит в колокол.

– Вы шутите! – рассмеялась Кейт.

– Нет, мэм. Самое смешное то, что собака глуха как пень и прижимается ухом к колоколу, чтобы почувствовать вибрацию.

– Насколько я поняла, жизнь здесь достаточно интересна!

– Пожалуй, вам стоит остаться до утра и поближе познакомиться с нашим островом.

– Почему бы нет? – ответила Кейт под влиянием какого-то неожиданного порыва.

Она провела ночь в единственной крохотной гостинице острова, «Айлсборо Инн», утром наняла экипаж, а один из жителей взялся показать ей окрестности. Проехав через центр Дарк Харбора, состоящий из универсального магазина, лавки скобяных товаров и маленького ресторана, они очутились в прекрасной, поросшей густыми деревьями местности. Кейт заметила, что ни у одной из прихотливо вьющихся дорожек не было названия, а на почтовых ящиках не написаны имена владельцев, и спросила проводника:

– Как здешние жители разбираются во всей этой путанице?

– Никакой путаницы. Здесь каждый человек знает любую тропинку и

где кто живет.

Кейт, искоса взглянув на него, кивнула:

– Понятно.

На дальнем конце острова располагалось кладбище. Попросив кучера остановиться, Кейт спрыгнула на землю, медленно пошла между могилами, рассматривая надгробия.

"Джоб Пендлтон, скончался 25 января 1794 года в возрасте 47 лет.

«Под этим камнем я покоюсь вечным сладким сном. Иисус Христос благословил ложе мое».

«Джейн, жена Томаса Пендлтона, скончалась 25 февраля 1802 года в возрасте 47 лет...»

Здесь незримо витали духи иных веков, давно прошедшей эры...

"Капитан Уильям Хэтч. Утонул в проливе Лонг-Айленд в октябре 1866 года в возрасте 30 лет.

С честью вынес множество штормов и переплыл просторы моря житейского".

Кейт долго бродила по кладбищу, наслаждаясь тишиной и покоем. Наконец она возвратилась, и кучер тронул лошадей.

– А зимой здесь холодно? – спросила она.

– Очень. Залив промерзает чуть не насквозь, и тогда с материка можно добраться на санях. Правда, теперь у нас паром.

Наконец они добрались до стоящего почти у самой воды двухэтажного дома с белоснежной крышей, окруженного зарослями дельфиниума, мака и шиповника. Ставни на окнах были выкрашены в зеленый цвет, у входа стояли резные скамейки и большие керамические вазы с цветущей геранью. Все вместе походило на картинку из книги волшебных сказок.

– Чей это дом?

– Семьи Дрибенов. Старая миссис Дрибен умерла несколько месяцев назад.

– Кто-нибудь здесь живет?

– Вроде бы никто.

– Не знаете, дом продается? Проводник подозрительно оглядел Кейт:

– Даже если и продается, скорее всего его купит кто-нибудь из местных. Здешние жители не очень-то любят чужаков.

Как раз именно этого и не стоило говорить Кейт. Уже через час она беседовала с агентом по продаже недвижимости.

– Хочу узнать насчет дома Дрибенов. Можно его купить? Агент задумчиво поджал губы:

– И да и нет.

– Что это означает?

– Конечно, дом продается, но несколько человек уже выразили желание его купить.

«И без сомнения, все они давно здесь живут», – подумала Кейт, но вслух спросила только:

– Они уже предлагали заплатить?

– Пока нет, но...

– Тогда я хочу приобрести его.

– Но это дорогой дом, – снисходительно объяснил агент – Назовите цену.

– Пятьдесят тысяч долларов.

– Поедем, взглянем на него поближе.

Внутри дом оказался еще красивее, чем представлялось Кейт. Одна из стен большого просторного холла была стеклянная и выходила на море, по одну сторону располагалась большая зала, по другую – гостиная с потемневшими от времени панелями грушевого дерева и гигантским камином. Там были и библиотека, и огромная кухня с железной плитой и большим сосновым столом, а рядом – буфетная и бельевая. Кроме того, внизу было шесть комнат для прислуги и ванная, а наверху хозяйская спальня и шесть комнат поменьше. Кейт не ожидала, что дом окажется таким просторным.

«Но когда у нас с Дэвидом будут дети, – решила она, места всем хватит».

Границы участка доходили до самой воды, где был выстроен небольшой причал. Кейт кивнула адвокату:

– Я покупаю дом.

Она решила назвать новое владение «Сидар Хилл» – «Кедровый Холм».

Кейт не могла дожидаться момента, когда очутится в Клипдрифте и расскажет обо всем Дэвиду – ведь дом в Дарк Харбор был знаком, символом того, что они наконец поженятся. Кейт была уверена, что Дэвиду дом тоже понравится.

Жарким летним днем Кейт и Брэд добрались до Клипдрифта, и девушка тут же поспешила в кабинет Дэвида. Он сидел за столом, погруженный в работу, и при виде его сердце Кейт бешено заколотилось.

До сих пор она и не представляла, как тоскует по Дэвиду.

Дэвид поднял голову и вскочил:

– Кейт! Как хорошо, что ты приехала! И, не успела она слова сказать, объявил:

– Сейчас ты первая узнаешь потрясающую новость. Я женюсь.

Глава 15

Все началось с мелочи. Полтора месяца назад, в особенно суматошный день, Дэвиду передали, что Тим О'Нил, приятель одного из самых влиятельных клиентов «Крюгер-Брент» в Америке, приехал в Клипдрифт и просит Блэкуэлла принять его, и если представится возможность, пригласить на ужин. Дэвид был слишком занят, чтобы тратить время на туристов, но не желал обидеть партнера.

Конечно, Кейт не отказалась бы принять гостя, но они с Брэдом Роджерсом отправились в Америку. Выхода не было, и Дэвид, вздохнув, позвонил в отель, где остановился О'Нил, и пригласил его поужинать вместе.

– Со мной приехала дочь, – объяснил тот. – Если не возражаете, я возьму ее с собой.

Дэвиду совершенно не улыбалось провести вечер в компании с ребенком, но что поделаешь?

– Конечно, не возражаю, – вежливо ответил он. «Придется постараться уйти как можно раньше». Они встретились в обеденном зале «Гранд-отеля». Когда пришел Дэвид, О'Нил с дочерью уже сидели за столом. Сам О'Нил оказался красивым седоволосым американцем ирландского происхождения, лет сорока трех, а его дочь, Джозефина... Дэвид никогда в жизни не встречал женщины прекраснее, с такой великолепной фигурой, густыми светлыми волосами и огромными синими глазами. У него перехватило дыхание.

– Простите..., я..., простите, что опоздал. Неотложные дела, – пролепетал он.

Джозефину, очевидно, позабавило его смущение.

– Это, должно быть, так интересно – заниматься бизнесом, – с невинным видом заметила она. – Отец говорил, вы очень важная персона, мистер Блэкуэлл.

– Не совсем..., и, прошу, зовите меня Дэвид.

– Хорошее имя, – кивнула она, – и так подходит для сильного мужественного человека.

Задолго до окончания ужина Дэвид уверился, что кроме хорошенького личика Джозефина О'Нил обладала незаурядным умом, чувством юмора, и с ней было легко и просто говорить на любые темы. Он чувствовал, что и девушка искренне заинтересовалась новым знакомым: таких вопросов ему

никто раньше не задавал. Когда настала пора прощаться, Дэвид уже почти влюбился в нее.

– Где вы живете? – спросил он Тима.

– В Сан-Франциско.

– Когда думаете возвращаться? – осведомился, как бы между прочим, Дэвид.

– На следующей неделе.

– Если в Клипдрифте так много интересного, как вы обещали, – улыбнулась Джозефина, – попробую уговорить отца остаться еще ненадолго.

– Постараюсь, чтобы вам не пришлось скучать, – заверил Дэвид. – Не хотели бы вы посмотреть, как добывают алмазы?

– С удовольствием! – оживилась девушка. – Большое спасибо!

Раньше Дэвид сам показывал гостям алмазные копи, но уже давно доверил эту обязанность подчиненным. Теперь же он с удивлением услышал собственный голос.

– Сможете поехать завтра утром? На завтра у него была куча важных дел, но почему-то все казались теперь мелкими и незначительными.

Они спустились в самое сердце шахты, на двенадцать тысяч футов. Ствол был шириной

в шесть и длиной в двадцать футов и делился на четыре отсека: один для закачки воды, два – для подъема на поверхность голубой алмазосодержащей глины и еще один – для клетки, в которой спускали в забой шахтеров.

– Я всегда хотела знать, – начала Джозефина, – почему вес алмазов измеряется в каратах.

– Карат – это название семян сладкого рожка, – пояснил Дэвид, – которые весят двести миллиграммов, или одну целую одну сто сорок вторую унции каждое.

– Я просто потрясена, Дэвид, – вздохнула Джозефина, и тот невольно спросил себя, относятся ли слова девушки только к алмазам. Близость Джозефины опьяняла его. Каждый раз, встречаясь с ней взглядом, Дэвид чувствовал неизведанное до сих пор возбуждение.

– Вы еще не видели окрестностей Клипдрифта, – обратился он к гостям. – Если желаете, буду рад сопровождать вас. И прежде чем отец

успел открыть рот, Джозефина ответила:

– Спасибо. Это очень мило с вашей стороны. С этой минуты Дэвид не расставался с Тимом О'Нилом и его дочерью и с каждым днем все больше влюблялся. Никогда в жизни он не встречал столь очаровательной женщины.

Как– то вечером Дэвид зашел к гостям, чтобы пригласить их к ужину, но Тим, сославшись на усталость, остался в номере. Дэвиду с трудом удалось скрыть радость. Джозефина, кокетливо улыбнувшись, пообещала:

– Постараюсь, чтобы вы не скучали.

Дэвид повел ее в ресторан при только что открывшемся отеле. Он был переполнен, но Дэвида сразу узнали и усадили за столик. В углу трио музыкантов играло популярные мелодии. Дэвид пригласил Джозефину танцевать: через мгновение она оказалась в его объятиях, медленно покачиваясь в такт музыке, и словно сбылись волшебные грезы: Дэвид прижимал к себе это прекрасное тело, чувствуя, что и девушка не остается равнодушной.

– Джозефина, я влюблен в вас... Она приложила палец к его губам:

– Пожалуйста... Дэвид..., не нужно.

– Почему?

– Потому что я не могу выйти за вас замуж.

– Вы любите меня?...

Джозефина нежно улыбнулась, блеснув синими глазами:

– Я с ума схожу по тебе, дорогой, неужели не видишь?

– Тогда в чем дело?

– Я не смогу жить в Клиплрифте. Никогда. С ума сойду от тоски через месяц или сбегу.

– Может, все же попытаешься?

– Все это очень заманчиво, Дэвид, но я знаю, что произойдет. Если я выйду за тебя замуж и останусь тут, очень скоро превращусь в злобную истеричку, и мы кончим тем, что возненавидим друг друга. Лучше попрощаться сейчас и расстаться друзьями.

– Не желаю расставаться с тобой. Она взглянула ему в глаза, и Дэвид вновь ощутил жар ее тела.

– Дэвид, а ты никак не мог бы жить в Сан-Франциско? Идея казалась совершенно безумной:

– Но что я там буду делать?

– Подождем до утра. Я хочу, чтобы ты поговорил с отцом.

– Джозефина все рассказала мне, – начал Тим О'Нил. – Конечно, положение довольно затруднительное, но, по-моему, я нашел выход, если, конечно, вам интересно.

– Очень интересно, сэр.

О'Нил открыл коричневый кожаный портфель и вынул пачку синек:

Знаете ли вы что-нибудь о замороженных продуктах?

– Боюсь, ничего.

– В Соединенных Штатах впервые стали замораживать продукты в 1865 году. Главное решить проблему транспортировки так, чтобы брикеты не оттаяли. Сейчас выпускаются вагоны-рефрижераторы, но никто не додумался до изобретения грузовиков-рефрижераторов. Кроме меня.

О'Нил постучал пальцем по чертежам.

– Я только что получил патент. Поверьте, Дэвид, это произведет переворот в торговле пищевыми продуктами!

Боюсь, я мало что в этом понимаю, мистер О'Нил, – пожал плечами Дэвид.

– Неважно, мне не нужен эксперт, таких я могу найти хоть сотню! Необходим человек, который мог бы финансировать производство и управлять им. Поверьте, это не беспочвенные мечтания. Я беседовал со многими владельцами фабрик по изготовлению замороженных продуктов. Вы даже не представляете, какие это сулит прибыли!

Именно такого человека я ищу!

– Главная контора компании будет в Сан-Франциско, – добавила Джозефина.

Дэвид сидел молча, осмысливая услышанное – Так вы, говорите, получили патент?

– Совершенно верно. Все готово, можно начинать.

– Не возражаете, если я заберу эти чертежи и покажу кое-кому?

– Ну конечно же, делайте, как считаете нужным. Первое, что сделал Дэвид, – разузнал все, что мог, об О'Ниле. Оказалось, что тот пользуется прекрасной репутацией в Сан-Франциско, работал директором научно-исследовательского института при Беркли-колледже, и коллеги относятся к нему с неизменным уважением.

Дэвид не разбирался в производстве замороженных продуктов, но это его не остановило. Пообещав вернуться через пять дней и попросив Джозефину дождаться его, Дэвид отправился в Йоганнесбург, где

условился о встрече с Эдвардом Бродериком, владельцем самой большой фабрики по расфасовке мясных продуктов в Южной Африке, и показал ему чертежи:

– Я хотел бы знать ваше мнение по поводу этого изобретения. Оно чего-нибудь стоит?

– Я ни черта не понимаю, Дэвид, ни в замороженных продуктах, ни в грузовиках, но знаю людей, которые в этом разбираются. Приходите часа через три, постараюсь вам помочь.

Ровно в четыре Дэвид возвратился в контору Бродерика, чувствуя как взвинчен и сильно нервничает, видимо, потому, что сам не понимал, чего ждет от этого совещания.

Еще две недели назад Дэвид рассмеялся бы, предположи хоть кто-нибудь, что он может оставить «Крюгер-Брент Лимитед», ведь компания стала частью его самого. И подумать только, расстаться с любимым делом только для того, чтобы возглавить маленькую фабрику по изготовлению замороженных продуктов. Чистое безумие, если..., если бы не Джозефина О'Нил.

В кабинете кроме Эдварда Бродерика сидели еще двое.

– Это доктор Кроуфорд и мистер Кауфман, – представил гостей хозяин. – Познакомьтесь, мистер Дэвид Блэкуэлл. Мужчины пожали друг другу руки.

– Джентльмены, вы видели привезенные мной чертежи? – нетерпеливо спросил Дэвид.

– Конечно, мистер Блэкуэлл, – кивнул доктор Кроуфорд, – и даже успели с ними ознакомиться. Дэвид, глубоко вздохнув, прошептал:

– И что же?

– Насколько я понял, патентное ведомство Соединенных Штатов выдало патент на это изобретение?

– Совершенно верно.

– Так вот, мистер Блэкуэлл, владелец этого патента станет когда-нибудь очень богатым человеком.

Дэвид, обуреваемый противоречивыми эмоциями, медленно кивнул.

– Таковы все великие изобретения, – продолжал доктор, – они настолько просты, что удивляешься: как никто раньше до этого не додумался. Поверьте, дело беспроигрышное.

Дэвид окончательно растерялся. Он почти надеялся, что все устроится само собой. Окажись изобретение О'Нила ничего не стоящим, он мог бы еще раз попытаться убедить Джозефину, что жизнь в Южной Африке не так уж скучна. Теперь же приходилось принимать решение самому.

На обратном пути Дэвид не мог думать ни о чем другом. Если он согласится, придется уехать, заняться новым, незнакомым бизнесом.

По рождению Дэвид был американцем, но Америка была для него чужой неизвестной страной. Он занимал важную должность в одном из самых крупных, могущественных концернов мира и любил свою работу. Джейми и Маргарет Мак-Грегор были добры к нему. И Кейт... Дэвид знал ее еще ребенком, на его глазах она превратилась из упрямого, вечно грязного сорванца в прелестную молодую женщину. Вся жизнь девушки прошла перед его глазами..., словно переворачивались одна за другой страницы в альбоме с фотографиями: Кейт в четыре года, восемь, десять, четырнадцать лет, непредсказуемая, непокорная и в то же время такая нежная, легко уязвимая...

К тому времени, как поезд прибыл в Клипдрифт, Дэвид принял твердое решение: он не оставит «Крюгер-Брент Лимитед».

Приехав прямо в «Гранд-отель», Дэвид поднялся прямо в номер О'Нила. Дверь открыла Джозефина.

– Дэвид!

Он молча обнял ее, стал жадно целовать, чувствуя, как все теснее прижимается к нему молодое, горячее тело...

– О, Дэвид, я так тосковала! Больше не хочу разлучаться с тобой ни на час!

– Мы всегда будем вместе, – медленно сказал Дэвид. – Я уезжаю с тобой в Сан-Франциско...

Дэвид со все возрастающим беспокойством ожидал возвращения Кейт из Америки. Теперь, когда все стало ясным, ему не терпелось жениться на Джозефине, начать новую жизнь.

И вот Кейт наконец приехала, и Дэвид мог все рассказать – Я женюсь, – повторил он.

Рев в ушах девушки становился все оглушительнее, так что она почти ничего не могла расслышать и, почувствовав внезапную слабость, поспешно схватилась за стол, опасаясь упасть в обморок.

«Я хочу умереть, – повторяла она про себя. – Господи, дай мне умереть!»

Огромным, невероятным усилием воли девушке удалось выдавить улыбку:

– Расскажи мне о своей невесте, Дэвид. Она с какой-то гордостью отметила, как спокойно звучит ее голос:

– Кто она?

– Ее зовут Джозефина О'Нил. Приехала с отцом посмотреть

Клипдрифт. Думаю, вы подружитесь, Кейт. Джозефина прекрасная женщина.

– Должно быть, так, если ты полюбил ее. Дэвид колебался, не зная, с чего начать, но все же решился:

– И еще одно, Кейт. Я уезжаю. Нужно будет найти мне замену.

Мир, окружающий Кейт, рушился на глазах.

– Только потому, что ты женишься? Совсем не обязательно...

– Дело не в этом. Отец Джозефины открывает компанию в Сан-Франциско. Я ему нужен.

– Значит..., значит, ты собираешься жить в Сан-Франциско?

– Да. Брэд Роджерс вполне справится с моими обязанностями, а в помощь ему подберем команду менеджеров. Кейт..., поверь, не могу передать, как мне было трудно принять это решение.

– Конечно, Дэвид. Ты..., ты, должно быть, и в самом деле очень любишь ее. Когда познакомишь меня с невестой?

Дэвид улыбнулся, довольный, что Кейт, по всей видимости, не слишком огорчилась.

– Сегодня, если сможешь освободиться к ужину.

– Обязательно, Дэвид. Приглашаю всех ко мне. Только оставшись одна, Кейт смогла дать волю слезам. Все четверо собрались в столовой дома Мак-Грегоров. При одном взгляде на Джозефину у Кейт мучительно сжалось сердце... Неудивительно, что Дэвид влюбился! Ослепительная женщина. В присутствии Джозефины Кейт чувствовала себя уродливой и неуклюжей. А невеста Дэвида... Никогда Кейт не встречала столь очаровательной, грациозной девушки. И, как видно, влюблена в Дэвида. Проклятье!

За ужином Тим О'Нил рассказывал Кейт о своем проекте.

– По-моему, все это очень интересно, – кивнула девушка.

– Боюсь, это не «Крюгер-Брент Лимитед», мисс Мак-Грегор. Придется начать с малого, но, если Дэвид возьмется за дело, все будет хорошо.

– Дэвид не знает, что такое неудача! – согласилась Кейт. Весь вечер она испытывала невыразимые муки, как человек, внезапно попавший в катастрофу. В один миг потерять любимого человека, единственного, без которого не может обойтись компания! Она поддерживала беседу и даже ухитрилась выглядеть внешне спокойной, но позже так и не смогла вспомнить, что делала и о чем говорила. Знала только, что каждый раз, когда Джозефина и Дэвид глядели друг на друга или брались за руки, ей хотелось покончить с собой. По дороге в отель Джозефина сказала:

– Она влюблена в тебя, Дэвид.

– Кейт? – улыбнулся тот. – Ничего подобного. Мы просто друзья. Я знал ее с самого детства. По-моему, ты ей очень понравилась.

Джозефина загадочно улыбнулась. Мужчины – такие наивные создания!

На следующее утро Тим и Дэвид обсуждали дальнейшие действия.

– Мне потребуется два месяца, чтобы сдать дела, – объяснял Дэвид. – Я уже подумал, где взять деньги в кредит. Если обратиться в какую-нибудь большую компанию, они просто проглотят нас и выделят только малую долю. Бизнес перейдет в чужие руки. Думаю ограничиться самофинансированием. Для начала потребуется восемьдесят тысяч. Мои сбережения составляют сорок тысяч, значит, нужно достать еще сорок.

– У меня есть десять тысяч, – вставил О'Нил, – а брат одолжит еще пять.

– Значит, остается раздобыть еще двадцать пять тысяч. Попробуем занять в банке.

– Нужно немедленно ехать в Сан-Франциско, все подготовить, – согласился О'Нил.

Через два дня Джозефина с отцом возвратились в Америку. Кейт предложила им свой личный вагон, чтобы добраться до Кейптауна.

С отъездом Джозефины Дэвид так затосковал, что не мог дожждаться, пока вновь ее увидит.

Несколько недель прошли в хлопотах: Дэвид, Брэд и Кейт подбирали менеджеров в помощь Брэду. Составив список возможных кандидатур, они часами обсуждали каждую.

– Тейлор хороший инженер, но как администратор слаб...

– Что скажете о Симмонсе?

– Неплохо бы, но он еще не готов, – покачал головой Брэд. – Еще через пять лет посмотрим.

– А Питерсен?

– Не слишком заинтересован делами компании, – пожал плечами Дэвид, – больше думает о себе.

И, сказав это, ощутил укоры совести из-за того, что бросает Кейт.

Споры продолжались, и к концу месяца из всего списка осталось четыре фамилии. Все эти люди работали за границей, так что пришлось их вызывать и вести переговоры. Кейт успела увидеться с двумя и осталась очень довольна.

– Любой из них подойдет, – заверила она Брэда и Дэвида. Утром того дня, когда должен был появиться третий кандидат, бледный и расстроенный Дэвид вошел в кабинет Кейт:

– Надеюсь, меня еще не успели уволить? Взглянув на него, Кейт в тревоге вскочила:

– Что случилось, Дэвид?

– Я..., я...

Он рухнул в кресло:

– Произошло что-то странное.

Кейт в мгновение ока очутилась рядом с ним:

– Объясни, в чем дело?

– Только что получил письмо от Тима О'Нила. Он продал патент.

– Как это?!

– Вот так. Ему предложили двести тысяч и проценты с прибыли после организации производства. Какая-то чикагская компания по расфасовке мясных продуктов.

Дэвид горько вздохнул:

– Они передали, что место управляющего за мной. Тим сожалеет, что подвел меня, но от таких денег не отказываются. Кейт пристально поглядела на него:

– Джозефина? Что она думает? Наверное, злится на отца?

– Она тоже написала. Мы поженимся, как только я буду в Сан-Франциско.

– А ты не собираешься ехать?

– Конечно, нет! – взорвался Дэвид. – Раньше у меня было что предложить. Я бы работал день и ночь и расширил дело! Но им не терпелось поскорее получить эти проклятые деньги!

– Дэвид, ты несправедлив! Почему «они»? Может, это...

– О'Нил никогда бы не пошел на это без согласия дочери.

– Я..., даже не знаю, что сказать, Дэвид.

– Ничего не нужно говорить... Видимо, я чуть не сделал величайшую ошибку в жизни.

Кейт подошла к столу, взяла список кандидатов и медленно разорвала.

Дэвид с головой погрузился в работу, пытаясь забыть боль и разочарование. Он получил несколько писем от Джозефины О'Нил и, не распечатывая, сжигал. Но так и не смог забыть ее. Кейт не лезла с утешениями, без слов давая понять, что всегда будет рядом, если понадобится.

Полгода прошло с тех пор, как Дэвид порвал с невестой, и все это время он и Кейт почти не расставались – вместе работали, путешествовали, даже отдыхали. Кейт изо всех сил старалась ему угодить: придумывая сотни сюрпризов, одевалась как могла лучше и всячески избегала всего, что

могло растравить еще не зажившую рану... Но все было напрасно – Дэвид ничего не замечал. И Кейт наконец потеряла терпение.

Дэвид и Кейт приехали в Рио-де-Жанейро по делам. Они пообедали в отеле, а потом допоздна корпели над бумагами в номере Кейт.

Девушка успела переодеться в широкое кимоно и домашние туфли. Дэвид оставался в костюме. Закончив наконец работу, он потянулся и вздохнул:

– Ну вот, на сегодня все. Пойду-ка лучше спать.

– Ты не считаешь, что уже давно пора снять траур, Дэвид? – спокойно спросила Кейт. Тот удивленно вскинул голову:

– Траур?

– По Джозефине О'Нил.

– С ней все давно кончено.

– По тебе этого не скажешь!

– Чего ты от меня хочешь, Кейт? – резко спросил он. Кейт неожиданно разозлилась. Нельзя же быть таким слепым! Сколько лет ничего не видеть, не замечать!

– Чего я хочу? Хочу, чтобы ты поцеловал меня.

– Что?!

Черт возьми, Дэвид, я твой босс в конце концов! Она придвинулась совсем близко – Поцелуй меня...

Кейт прижалась губами к его губам, обняла и почувствовала, как напряглось его тело, словно Дэвид хотел отстраниться..., но вот руки его медленно-медленно обняли ее плечи и он поцеловал ее.

– Кейт...

– Я думала, ты никогда не согласишься, – прошептала девушка еле слышно.

Они поженились через шесть недель. Такой пышной свадьбы Клипдрифт еще не видел и никогда не увидит. Венчание происходило в самой большой церкви города, а потом счастливая чета давала прием в ратуше, куда были приглашены все жители. Блюда чередовались бесконечно, шампанское, виски и пиво лилось рекой, играл оркестр, и праздник продолжался до утра, а когда взошло солнце, Дэвид и Кейт незаметно ускользнули.

– Пойду домой и уложу вещи, – сказала Кейт. – Заезжай за мной через

час.

В бледном свете раннего утра Кейт вошла в огромный дом и поднялась в спальню. Подойдя к картине, висевшей на стене, она нажала скрытую в раме кнопку. Полотно скользнуло вбок, открыв стальной сейф. Кейт набрала комбинацию и, нажав ручку, вынула купчую на приобретение Кейт Мак-Грегор чикагской компании по расфасовке мясных продуктов «Три Стар». Вторым документом оказался контракт. Компания «Три Стар» заплатила некоему Тиму О'Нилу двести тысяч долларов за право реализации изобретения.

Поколебавшись немного, Кейт положила документы обратно в сейф и закрыла. Теперь Дэвид принадлежал ей. Он всегда принадлежал ей. И «Крюгер-Брент Лимитед». Вместе они создадут самую могущественную, самую большую компанию в мире.

Ведь и Джейми и Маргарет Мак-Грегор тоже мечтали об этом!

КНИГА ТРЕТЬЯ.
«КРЮГЕР-БРЕНТ ЛИМИТЕД». 1914-1945
ГОДЫ

Глава 16

Они были в библиотеке, где часто любил сидеть Джейми за стаканом бренди. Дэвид убеждал Кейт, что сейчас не время отправляться в свадебное путешествие.

– Нельзя бросать дела на произвол судьбы, Кейт.

– Ну конечно, мистер Блэкуэлл. Но кто позаботится обо мне?

Она свернулась калачиком на коленях Дэвида, так, что жар упругого молодого тела сквозь тонкое платье опалил его. Документы, которые пытался читать Дэвид, упали на пол. Кейт прижалась к мужу, медленно вращая бедрами, и он мгновенно забыл о бумагах.

Почувствовав это, Кейт поднялась, платье соскользнуло с плеч. Дэвид не сводил с нее глаз. Как прелестна эта женщина! Неужели он столько лет ничего не замечал?! Невероятно... Но Кейт уже раздевала его, и внезапное нетерпение охватило Дэвида. Обнаженные тела сплелись в объятиях. Пальцы Дэвида легко гладили ее плечи, шею, набухшую грудь. Кейт застонала; мужские руки ползли все ниже, пока не коснулись треугольника мягких волос, ощутили бархатистую нежность кожи...

– Возьми меня, Дэвид, – прошептала Кейт. Они оказались на толстом мягком ковре и она ощутила мощь придавившего ее к полу мужского тела.

Одним сильным толчком Дэвид оказался в ней: оба раскачивались в едином ритме, и огромная, накатывающаяся на берег волна подхватила Кейт и понесла все выше, выше..., понесла, разбилась на мельчайшие брызги, и ослепительное наслаждение, взорвавшись фейерверком, потрясло все существо женщины еще и еще, снова и снова.

«Я умерла и попала на небо...» – подумала Кейт.

Они объездили весь мир, побывали в Париже, Цюрихе и Нью-Йорке, не упуская из виду интересов компании, но всегда ухитряясь выкраивать время, чтобы остаться наедине, засиживались допоздна и не могли насытиться друг другом. Кейт стала для Дэвида настоящим источником счастья и радости. Она могла разбудить его посреди ночи, яростно сорвать с себя одежду и в безудержном порыве отдаться, словно языческая богиня, снизошедшая до простого смертного, а через несколько часов уже никто бы не узнал дикарку с распущенными волосами в этой строго причесанной женщине, участвующей в деловом совещании и удивляющей неожиданно смелыми предложениями даже опытных бизнесменов. Кейт обладала редким природным даром превращать в деньги все, к чему бы ни

прикасалась. Женщины редко поднимались на самую вершину карьеры в мире бизнеса, и терпеливо-снисходительное поначалу обращение мужчин-партнеров быстро сменялось осторожным уважением. Кейт получала огромное наслаждение от интриг, махинаций, хитросплетений игры. Дэвид с изумлением наблюдал, с какой легкостью ей удастся обойти гораздо более опытных соперников. Кейт обладала всеми задатками победителя, знала, чего хочет и как этого достичь. Сила и мощь – вот главное.

Они провели конец медового месяца, счастливейшего в их жизни, в Сидар Хилле.

Первые слухи о войне распространились 28 июня 1914 года. Кейт и Дэвид гостили в загородном поместье в Сассексе. В те времена этикет соблюдался гораздо строже. Мужчины одевались к завтраку, переодевались к ленчу, пятичасовому чаю и ужину.

– Господи, – жаловался Дэвид жене, – я чувствую себя каким-то павлином.

– Но зато очень красивым павлином, дорогой, – заверила Кейт. – Вот вернемся домой и можешь расхаживать голым по комнатам.

– Просто дожидаться не могу, – обнял ее Дэвид. За обедом кто-то объявил, что на Франца Фердинанда, наследника австро-венгерского трона, и его жену Софию было совершено покушение, и оба убиты.

Хозяин поместья, лорд Мейни, вздохнул:

– Плохи дела, если уже в женщин стреляют. Хотя вряд ли кто-то даст себе труд воевать за какую-то маленькую балканскую страну.

Разговор переключился на крикет.

Позже, в постели, Кейт спросила:

– Дэвид, ты думаешь, война начнется?

– Из-за какого-то второстепенного эрц-герцога? Ни за что.

Однако на этот раз он ошибся. Австро-Венгрия, подозревая, что виновниками заговора были сербы, объявила Сербии войну, и к октябрю пожар охватил чуть ли не весь мир.

Впервые в истории человечества применялись ужасные орудия уничтожения – аэропланы, подводные лодки и дирижабли.

В день, когда Германия вступила в войну, Кейт подошла к мужу.

– Нам предоставляется великолепная возможность, Дэвид.

– О чем ты говоришь? – нахмурился муж.

– Воюющим потребуются пушки и винтовки и...

– От нас они этого не получают, – твердо объявил Дэвид, – у нас достаточно денег, Кейт, ни к чему наживаться на людском горе.

– Мне кажется, ты преувеличиваешь. Кто-то ведь должен и оружие

производить...

– Пока я работаю в этой компании, мы этим заниматься не будем, Кейт. И довольно. Разговор окончен.

«Черта с два! – подумала Кейт. – Как Дэвид может быть таким глупеньким идеалистом?»

«Как она может так хладнокровно говорить о таком?! – подумал Дэвид. – Этот бизнес ожесточил ее...»

Впервые со дня свадьбы они спали в разных комнатах. Последующие дни были адом для обоих. Дэвид жалел о ссоре, но не знал, как разрушить внезапно выросшую стену, а Кейт, уверенная в собственной правоте, была слишком горда и упряма, чтобы подойти первой.

Президент Вудро Вильсон поклялся, что Соединенные Штаты не вступят в войну, но, когда германские подводные лодки начали торпедировать пассажирские суда, а повсюду широко распространялись слухи о зверствах немцев, от американцев все настойчивее требовали помочь союзникам. Дэвид давно уже обучился летать, и, когда во Франции из летчиков-американцев была сформирована эскадрилья «Лафайет», он пришел к Кейт:

– Я иду на фронт.

– Нет! – в ужасе отпрянула Кейт. – Это не твоя война!

– Я собираюсь сражаться за справедливость, – спокойно возразил Дэвид. – Соединенные Штаты не могут оставаться в стороне. Я должен помочь.

– Но тебе уже сорок шесть!

– Пока руки могут держать штурвал, ничего не потеряно. Кейт так и не смогла отговорить мужа. Они провели оставшиеся дни вдвоем, забыв о прошлых разногласиях, ведь только их любовь и имела значение, а остальное было неважно... Вечером, накануне отъезда во Францию, Дэвид сказал:

– Ты и Брэд Роджерс управитесь с делами не хуже меня, а может, и лучше.

– Но если с тобой что-нибудь случится?! Я этого не переживу.

Дэвид обнял жену:

– Ничего со мной не случится, Кейт. Вернусь к тебе с полным набором орденов.

На следующее утро Дэвид уехал.

Кейт тяжело переносила отсутствие мужа. Она так долго добивалась его, и вот теперь каждое мгновение ее жизни, каждую клеточку тела наполнял невыносимый страх: неужели возможно потерять Дэвида?! Муж всегда был с Кейт, она слышала его голос в речах незнакомого человека, внезапном смехе на тихой улице, случайно оброненной фразе, песне... Дэвид присутствовал повсюду.

Каждое полученное письмо Кейт читала и перечитывала, пока оно не превращалось в лохмотья. Дэвид писал, что здоров, и хотя у германцев больше самолетов, но вскоре все изменится, и Америка поможет союзникам. Он напишет, как только сможет. Он ее любит.

«Только бы с тобой ничего не случилось, милый, иначе я возненавижу тебя на всю жизнь...»

Кейт пыталась забыть одиночество и горе, с головой погружившись в работу. В самом начале войны лучшее вооружение было у Франции и Германии, но самая большая армия, российская, была очень плохо вооружена, а бездарные командиры губили людей сотнями.

– Им нужна помощь, – объявила Кейт Брэду Роджерсу, – нельзя воевать без танков и пушек.

– Кейт, – смутился Роджерс, – Дэвид не хотел...

– Дэвида здесь нет. Решать нам с тобой.

Но Брэд Роджерс знал, что последнее слово остается за Кейт.

Она же никак не могла понять, почему Дэвид так относится к производству вооружения, ведь союзникам нужно воевать, и Кейт чувствовала, что ее обязанность как патриотки – снабжать их оружием. Она провела переговоры с главами дружественных государств, и уже через год на фабриках «Крюгер-Брент Лимитед» выпускали пушки, танки, бомбы и патроны. Компания быстро становилась одним из самых могущественных консорциумов в мире. Увидев цифру годового дохода, Кейт сказала Брэду Роджерсу:

– Ну что? Будь Дэвид здесь, тоже понял бы, что ошибался.

В Южной Африке было беспокойно. Партийные лидеры поклялись поддерживать союзников и защитить страну от германского нашествия, но большая часть африканцев, белых, голландского

происхождения, не желали быть на стороне Великобритании – прошлое не так легко забывается.

Положение союзников в Европе вызывало опасения. Борьба на западном фронте зашла в тупик. Обе воюющие стороны засели в окопах, вырытых по всей Франции и Бельгии, и солдатам приходилось совсем

плохо. День и ночь они были вынуждены находиться в глубоких рвах, наполненных дождевой водой и грязью, где, никого не боясь, шныряли жирные крысы. Кейт благодарила Бога, что Дэвид сражается в воздухе.

6 апреля 1917 года президент Вильсон объявил войну Германии, и предсказание Дэвида сбылось: в Америке началась мобилизация.

Первый американский экспедиционный корпус под командованием генерала Джона Першинга высадился во Франции 26 июня 1917 года. У всех на устах были названия незнакомых мест и городов: Сен-Мишель, Шато-Тьерри, Мез-Аргонн, Верден... В войска союзников влились свежие силы, и 11 ноября 1918 года война наконец закончилась. Силы демократии взяли верх.

От Дэвида пришло письмо с сообщением о скором приезде. Когда военное судно пришвартовалось в Нью-Йоркской гавани, Кейт ждала мужа на причале. Они долго не двигались с места, глядя в глаза друг другу, но внезапно Кейт очутилась в его объятиях. Дэвид похудел, выглядел усталым, и, хотя в голове Кейт теснились сотни вопросов, она решила, что дела обождут.

– Мы едем в Сидар-Хилл-Хаус! Лучшего места для отдыха не придумать!

В ожидании приезда мужа Кейт заново обставила дом: заказала для гостиной двойные диваны, обитые старинной шелковой тканью, набитые пухом кресла и повесила над камином фламандский натюрморт с цветами.

Высокие стеклянные двери вели на охватывающую дом полукругом веранду.

С веранды открывался великолепный вид на гавань, а комнаты получились светлыми и просторными.

Кейт, весело щебеча, провела мужа по всему дому, но Дэвид казался странно-притихшим. Наконец Кейт спросила:

– Ну как тебе понравилась новая обстановка, дорогой?

– Великолепно, Кейт. А теперь давай присядем. Я хочу поговорить с тобой.

Сердце Кейт тревожно сжалось.

– Что-то произошло, Дэвид?

– Мы, как выяснилось, поставляем вооружение чуть не всему миру...

– Подожди, вот увидишь отчеты, – начала Кейт, – наша прибыль составила...

– Я говорю совсем о другом. Насколько помнится, доходы и раньше были неплохи. По-моему, мы оба решили, что фирма не будет работать на войну.

Кейт почувствовала нарастающий гнев, но изо всех сил старалась держать себя в руках.

– Это ты так решил, не я. Времена меняются, Дэвид, и мы должны меняться вместе с ними.

Пристально поглядев на жену, Дэвид спокойно спросил:

– А разве ты изменилась?

Этой ночью, лежа в постели, Кейт не переставала спрашивать себя: в ком же произошли перемены – в ней или Дэвиде. Стала ли она сильнее? А может, Дэвид с годами ослаб? Она вспомнила аргументы, которые тот приводил тогда, во время давнего спора. Аргументы идеалиста, беспочвенного мечтателя... В конце концов должен же кто-то снабжать оружием союзников, а кроме того, огромные доходы... Что случилось с деловым чутьем Дэвида? Она всегда считала мужа одним из самых умных людей, которых знала, но теперь..., чувствовала, что может управлять фирмой гораздо лучше.

Кейт так и не удалось уснуть.

Утром после завтрака она и Дэвид гуляли по саду.

– Здесь действительно чудесно, – сказал Дэвид. – Я так рад, что приехал сюда.

– Насчет нашего разговора вчера вечером...

– Неважно. Меня не было, а ты поступила так, как сочла нужным.

Кейт спросила себя, сделала бы она то же самое, будь муж рядом, но вслух ничего не сказала. Важнее всего то, что компания богатеет. Неужели бизнес для нее важнее семьи? И Кейт побоялась ответить на этот вопрос.

Глава 17

Последующие пять лет были годами процветания. Филиалы «Крюгер-Брент Лимитед» существовали почти во всех странах мира, а интересы консорциума больше не ограничивались, как в давние времена, алмазами и золотом. Последними приобретениями были страховая компания, издательство и миллионы акров лесных участков.

Как– то среди ночи Кейт разбудила мужа:

– Дорогой, давай переместим главную контору. Тот потряс головой, пытаясь прогнать сон:

– Ч-что?

– Нью-Йорк – вот деловой центр мира. Там и должна быть наша контора. Южная Африка слишком далека от всего. А кроме того, теперь у нас есть телефон и телеграф, и с любым отделением можно связаться за несколько минут.

– Странно, почему я раньше не подумал об этом, – пробормотал Дэвид и снова заснул.

Нью– Йорк казался Кейт волшебной неизведанной страной. Она и раньше, во время недолгих посещений, чувствовала напряженный ритм жизни города, но, только переехав сюда, ощутила себя в центре вселенной, словно земля здесь вращалась быстрее, а все двигалось с гораздо большей скоростью.

Кейт и Дэвид выбрали участок для нового административного здания, где вскоре закипело строительство. Еще один архитектор возводил на Пятой авеню дом в стиле французского ренессанса шестнадцатого века.

– В этом чертовом городе ужасно шумно, – жаловался Дэвид.

Он был прав. По всему Нью-Йорку раздавался грохот клепальных молотков – это росли на глазах высоченные небоскребы.

Нью– Йорк стал центром торговли, Меккой, куда стремились бизнесмены всего мира и где располагались главные конторы крупнейших концернов. На свете не было другого такого города, и Кейт любила его, хотя чувствовала, что муж раздражен и несчастен.

– Дэвид, пойми, здесь будущее. Город разрастается, и мы будем расти с ним вместе.

– Господи, Кейт, неужели тебе мало того, что уже есть? Что ты еще хочешь получить?

– Все! – не задумываясь ответила она.

Кейт не могла понять, почему Дэвид задал такой вопрос, ведь главное в игре – победить, стать первым, а этого можно добиться только опередив остальных. Все было так очевидно – как муж может не видеть этого?

Конечно, Дэвид хороший бизнесмен, но ему чего-то недостает... Голода, ненасытного желания покорить, стать сильнее и лучше всех. Отец ее, как и она сама, обладал этими качествами. Кейт не знала точно, когда именно это произошло, но в какой-то момент ее жизни компания стала господином, а она – покорным рабом, и неизвестно, кто кем владел в большей степени.

Когда Кейт попыталась объяснить Дэвиду все, что чувствует, тот только рассмеялся и сказал:

– Ты слишком много работаешь, дорогая!

Но про себя подумал, что она слишком похожа на отца, и, сам не зная почему, ощутил странное беспокойство.

Кейт же считала, что нет такого понятия «слишком много работы». Для нее не существовало большей радости, чем погрузиться в дела компании, только этим она жила. Каждый день приносил свои трудности и каждая проблема оставалась вызовом, головоломкой, которую нужно решить, новой игрой, где нужно стать победителем. И до сих пор никто не смог обойти Кейт. Такая жизнь превзошла самые смелые ожидания, и дело было не в деньгах или достигнутых успехах. Власть. Власть, когда ты держишь в руках судьбы сотен людей во всех уголках земли. Имея силу и власть, ты ни в ком не нуждаешься, и нет на свете оружия могущественнее!

Кейт приглашали на обед короли и королевы, президенты и премьер-министры, и все искали ее дружбы и расположения, ведь каждая вновь открытая фабрика компании «Крюгер-Брент Лимитед» приносила огромные выгоды государству.

А компания все росла, словно сказочный великан, ежечасно требующий пищи, новых и новых жертв, и ею нельзя было пренебречь. Кейт понимала: теперь она неразрывно срослась с гигантским организмом, стала его частью.

В марте, через год после переезда в Нью-Йорк, Кейт почувствовала себя плохо. Дэвид убедил ее обратиться к Джону Харли, молодому, но уже известному доктору. Кейт неохотно согласилась.

Джон Харли, двадцатилетний уроженец Бостона, худой, с серьезными глазами, почтительно поднялся навстречу пациентке.

– Предупреждаю, – объявила Кейт. – У меня нет времени на то, чтобы валяться в постели.

– Постараюсь иметь это в виду, миссис Блэкуэлл. А пока давайте все

же взглянем, что с вами.

Доктор Харли осмотрел ее, сделал анализы и сказал:

– По-моему, ничего серьезного. Дня через два получим результаты. Позвоните в среду.

Рано утром Кейт позвонила доктору Харли.

– Хорошие новости, миссис Блэкуэлл! – весело объявил тот. – У вас будет ребенок!

Этот момент стал одним из самых счастливых в жизни Кейт. Ей не терпелось все рассказать Дэвиду. Никогда еще она не видела мужа в таком волнении. Он подхватил Кейт на руки и прошептал:

– У нас будет девочка, похожая на тебя, как две капли воды!

А в глубине души понадеялся, что теперь, с рождением малыша, Кейт хоть немного забудет о делах, почувствует себя женщиной и матерью.

Кейт же была уверена: родится мальчик и в один прекрасный день станет главой «Крюгер-Брент».

Приближалось время родов, но Кейт по-прежнему приходила в офис каждый день, хотя уже не задерживалась допоздна.

– Бизнес подождет, отдыхай побольше, – советовал Дэвид, не понимая, что работа и была лучшим отдыхом для жены. Ребенок должен был появиться на свет в декабре.

– Постараюсь родить двадцать пятого, – обещала Дэвиду Кейт. – Он будет нашим рождественским подарком.

Лучшего Рождества у них еще не было! Она стала главой огромного концерна, вышла замуж за человека, которого любила, и родит ему ребенка. Так думала Кейт, совсем не замечая горькой иронии в том, что на первом месте в жизни ставит именно «Крюгер-Брент Лимитед»...

Она уже с трудом передвигалась, и ездить па работу становилось все тяжелее, но, когда Дэвид и Брэд Роджерс просили Кейт остаться дома, в ответ неизменно звучали:

– Мой мозг по-прежнему работает нормально.

За два месяца до родов Дэвид отправился в Южную Африку инспектировать рудники и должен был возвратиться в Нью-Йорк через неделю. Кейт, как всегда, сидела за письменным столом, когда в кабинет без доклада вошел Брэд. Взглянув на его мрачное лицо, Кейт охнула:

– Сделка с Шенноном сорвалась!

– Нет. Я... Кейт, мне только сейчас сообщили. Произошел несчастный случай. Взрыв на шахте. Сердце Кейт упало.

– Где? Как? Плохи дела? Кто-нибудь погиб? Брэд глубоко вздохнул:

– Шесть человек. Кейт, там... Дэвид был с ними. Ужасные слова,

казалось, заполнили комнату, эхом отдались от деревянных панелей, прокатились грохотом по коридорам, пока наконец не слились в ее ушах непрерывным воплем, стали каменным водопадом, засыпающим ее, и Кейт почувствовала, как затягивает водоворот, глубже, глубже, пока не стало сил дышать. И все вокруг стихло и почернело.

Ребенок родился через час, двумя месяцами раньше срока. Кейт назвала его Энтони Джеймс Блэкуэлл, в честь отца Дэвида.

«Я буду любить тебя, сынок, и за себя и за твоего погибшего отца», – поклялась она.

Месяц спустя новый особняк на Пятой авеню был окончательно отстроен, и Кейт с ребенком и штатом прислуги перебралась туда. Для того, чтобы обставить дом, понадобилось разорить два старинных итальянских замка.

Получился сказочный дворец, с итальянской резной ореховой мебелью шестнадцатого века, полами из розового мрамора, окаймленного оранжево-красными плитами; в библиотеке, отделанной дубовыми панелями, стоял великолепный камин восемнадцатого столетия, над которым висела картина Гольбейна. Были в доме и охотничья комната, содержащая коллекцию ружей Дэвида, и галерея, увешанная произведениями Рембрандта, Вермеера, Веласкеса и Беллини, большая зала, солярий, огромная столовая, детская и бесчисленное количество спален.

В великолепном саду стояли статуи Родена, Огюста Сен Годена и Майоля.

Это был поистине королевский дворец. И юный король в нем поселился. Больше Кейт ничего и делать не могла.

В 1928 году, когда Тони исполнилось четыре, Кейт отдала его в детский сад. Сын рос красивым серьезным мальчиком с материнскими серыми глазами и упрямым подбородком. Он ходил на уроки музыки, а с пяти лет учился в танцевальной школе. Мать и сын часто проводили лето в Сидар-Хилл-Хаус. Кейт купила восьмифунтовую моторную яхту «Корсар» и вместе с Тони часто плавала вдоль побережья Мэна. Тони обожал морские прогулки.

Но все– таки наибольшее наслаждение Кейт получала от работы. Было нечто сверхъестественное в компании, основанной Джейми Мак-Грегором, –она стала живым всепоглощающим организмом, страстью Кейт,

любовником, который никогда не погибнет холодным зимним днем и не оставит ее в одиночестве, будет жить вечно. Кейт позаботится об этом. И когда-нибудь все передаст сыну.

Жизнь текла бы размеренно и спокойно, не получай Кейт тревожные вести с родины. Она любила свою страну, но теперь расовые проблемы становились с каждым годом все острее, и Кейт была сильно обеспокоена. Политики разделились на два лагеря – узколобых расистов, стоящих за ужесточение сегрегации, и людей более широких взглядов, желающих улучшить положение негров. Премьер-министр Джеймс Герцог и Йан Смите образовали коалицию и объединили силы, чтобы провести закон о новых землях, согласно которому черные были вычеркнуты из списка избирателей и больше не имели права голосовать или владеть землей. Миллионы людей, принадлежащих к различным этическим меньшинствам, были низведены до положения животных – им отводились земли, не имеющие месторождений полезных ископаемых, подальше от портов и промышленных центров.

Кейт отправилась в Южную Африку на встречу с высокими правительственными чиновниками.

– Это бомба замедленного действия, – предупредила она. – Вы пытаетесь загнать в рабство восемь миллионов человек.

– Это не рабство, миссис Блэкуэлл, и делается для их же блага.

– Неужели? Может, поясните свою мысль?

– У каждой расы есть свои неповторимые качества. Смешавшись с белыми, черные утратят свою индивидуальность. Мы пытаемся сохранить чистоту крови.

– Идиотизм и бессмыслица! – фыркнула Кейт. – Южная Африка превратилась в расистский ад.

– Это не правда! Черные из всех стран добираются сюда, иногда проходят сотни миль, платят за поддельные визы по пятьдесят пять фунтов. Здесь им живется лучше, чем где бы то ни было.

– Тогда мне их очень жаль, – отрезала Кейт.

– Они всего-навсего примитивные дети, миссис Блэкуэлл. Поверьте, это и в самом деле для их блага.

Раздраженная Кейт покинула совещание, сильно обеспокоенная за судьбу страны. Ее, кроме того, тревожило, что будет с Бандой. Газеты много писали о нем, называя «человеком-невидимкой», и в этом прозвище звучало невольное восхищение. Бэнде удавалось скрыться от полиции, переодевшись то рабочим, то шофером, то швейцаром. Он организовал партизанский отряд, и в списке разыскиваемых преступников его имя

стояло первым. Газета «Кейп Тайме» расписывала, как ликующие демонстранты несли Бэнду на своих плечах по улицам негритянского поселка. Он ходил от деревни к деревне, собирая толпы восторженных почитателей, но каждый раз, когда полиция нападала на след, Бэнде удавалось ускользнуть. Говорили, что у него десятки телохранителей-друзей, последователей, учеников. Он никогда не ночует дважды в одном доме. Кейт знала, что ее друга ничто не остановит, кроме смерти. Она должна, должна была с ним увидеться.

Вызвав одного из старейших десятников-негров, которому полностью доверяла, Кейт спросила:

- Вильям, ты не можешь найти Бэнду?
- Только если он сам этого захочет.
- Попытайся! Мне очень нужно с ним встретиться.
- Попробую помочь вам, миссис Блэкуэлл.

На следующее утро десятник вновь появился в доме Кейт:

- Если вы свободны сегодня вечером, автомобиль будет ждать у дома. Она кивнула.

Кейт отвезли в маленькую деревню в семидесяти милях к северу от Йоганнесбурга. Водитель остановился перед маленьким каркасным домиком. Она вышла, Бэнда уже ждал ее. Он нисколько не изменился и выглядел точно так же, как и во время их последней встречи. И хотя много лет вел жизнь беглеца и изгнанника, казался спокойным и невозмутимым, а ведь ему было уже под шестьдесят.

Обняв Кейт, Бэнда с восхищением покачал головой:

- Ты с каждым днем становишься все прекраснее!
- Старею, – засмеялась Кейт. – Через несколько лет мне исполнится сорок!

– Время не властно над тобой, Кейт. Они вошли в кухню, и, пока Бэнда варил кофе, Кейт задумчиво спросила:

- Мне совсем не нравится то, что происходит, Бэнда. К чему это приведет?

– Будет еще хуже, – просто ответил Бэнда. – Правительство не позволит нам иметь права, а белые сожгли все мосты между ними и неграми, но когда-нибудь поймут, что совершили непоправимую ошибку. Теперь у нас свои герои, Кейт: Нехемья Таил, Моконе, Ричард Мсиманг. Белые считают нас скотом, годным только для черной работы.

– Не все белые так думают, – заверила Кейт. – У нас есть друзья, которые борются за то, чтобы положение изменилось. Когда-нибудь это произойдет, Бэнда, но понадобится время.

– Время, как песок в песочных часах, безостановочно льется тонкой струйкой.

– Бэнда, а где Нтаме и Мажена?

– Мои жена и сын скрываются, – печально вздохнул Бэнда. – Полиция по-прежнему меня разыскивает.

– Могу я чем-нибудь помочь? Нельзя же сидеть и выжидать! Деньги тебе нужны?

– Деньги всегда нужны.

– Завтра же все будет устроено. Что-нибудь еще?

– Молись. Молись за всех нас.

На следующий день Кейт возвратилась в Нью-Йорк.

Когда Тони достаточно подрос, чтобы путешествовать, Кейт начала брать его в деловые поездки. Он любил музеи и мог часами стоять, разглядывая картины и статуи мастеров, а дома делал копии висевших в галерее холстов, но был слишком застенчив и никогда не показывал свои работы матери.

Тони был послушным, милым, умным ребенком и доставлял Кейт много счастливых минут, а окружающих привлекали его робость и скромность. Кейт гордилась сыном. Он всегда был первым в классе. Много раз она спрашивала Тони:

– Ты ведь снова обставил их всех, дорогой, правда? И смеясь, страстно прижимала его к себе. А мальчик старался еще больше, лишь бы оправдать материнские ожидания.

В 1936 году, когда Тони исполнилось двенадцать, Кейт возвратилась из поездки на Ближний Восток. Она очень соскучилась по сыну и ей не терпелось его увидеть. Тони был дома. Кейт обняла его, поцеловала:

– С днем рождения, дорогой! Хорошо провел день?

– Д-да, м...мэм. В-великолепно.

Кейт отодвинулась и поглядела на сына. Странно, она никогда не замечала, что Тони заикается.

– Ты здоров, милый?

– К-конечно, м-мама, с-спасибо.

– Почему ты заикаешься? Последи за собой! Говори медленнее.

– Х-хорошо, м-мама.

Но ничего не помогало. Заикание Тони становилось все хуже. Кейт

решила поговорить с доктором Харли. Осмотрев мальчика, тот сказал:

– Тони совершенно здоров, Кейт. Физически. Может, он находится под каким-то психологическим давлением?

– Мой сын? Конечно, нет! Как вы можете предполагать подобное?

– Тони – чувствительный мальчик. Очень часто заикание – чисто физический признак психической неуравновешенности, неспособности примениться к окружающему миру.

– Вы не правы, Джон. Тони – первый ученик в классе по всем предметам, а в прошлом семестре он получил три награды: за достижения в спорте, живописи и успехи в учебе. Вряд ли это можно назвать неумением справиться с трудностями.

– Понятно, – кивнул доктор, пристально глядя на нее. – Что вы делаете, Кейт, когда Тони заикается?

– Говорю, чтобы следил за собой.

– Я бы посоветовал не заострять его внимания, это только ухудшит дело.

Кейт гневно вскинулась:

– Если у Тони, как вы намекаете, что-то неладное с психикой, то могу заверить, не по вине его матери. Я люблю сына, и Тони знает, что он для меня – самый лучший ребенок в мире!

Так вот почему Тони начал заикаться! Ни один мальчик не мог соответствовать столь высоким стандартам!

Доктор Харли еще раз просмотрел свои записи:

– Давайте-ка подумаем: Тони двенадцать?

– Да.

– Может, ему лучше уехать на время? В какую-нибудь частную школу?

Кейт молча глядела на доктора.

– Пусть поживет самостоятельно. Хотя бы пока не закончит высшую школу. В Швейцарии можно получить превосходное образование.

Швейцария! Сама мысль о том, чтобы отослать сына так далеко, была невыносима! Он слишком мал, не готов к такому, он...

Но доктор Харли не сводил с нее глаз.

– Я подумаю, – сказала она наконец.

Отменив заседание правления, Кейт приехала домой пораньше. Тони готовил уроки в своей комнате. Завидев мать, он улыбнулся.

– У м-меня с-с-сегодня од-дни п-пятерки, м-мама.

– Что скажешь, дорогой, если я предложу тебе поехать в Швейцарию и продолжить учебу там? Глаза Тони радостно загорелись:

– А м-можно?

Через полтора месяца Кейт посадила Тони на корабль. Он отправлялся в «Институт Ле Рози», в Ролле, маленьком городке на берегу Женевского озера. Кейт стояла на причале и смотрела вслед удалявшейся серой громаде лайнера, чувствуя, как сжимается от тоски сердце. Потом медленно повернулась и пошла к ожидавшему ее лимузину, чтобы ехать в офис.

Кейт нравилось работать с Брэдом Роджерсом. Он был на два года старше, ему уже исполнилось сорок шесть. За эти годы Кейт и Брэд стали хорошими друзьями, она любила его за преданность интересам компании.

Брэд оставался холостяком, но в женщинах у него недостатка не было. Правда, со временем Кейт поняла, что Брэд испытывает к ней нежные чувства: он не раз ронял двусмысленные намеки, но Кейт делала вид, что ничего не понимает, предпочитала, чтобы их отношения оставались деловыми, и только однажды изменила правилу.

Брэд, казалось, наконец встретил женщину, с которой решил связать судьбу: перестал ночевать дома, появлялся на утренних заседаниях уставший, измученный, не в силах сосредоточиться на делах. Кейт терпела, но когда прошел месяц, а поведение Брэда стало вызывать все большие опасения, решила принять меры: она хорошо помнила то время, когда Дэвид чуть было не оставил компанию из-за женщины. С Брэдом она такого не допустит.

Кейт хотела отправиться в Париж одна, чтобы вести переговоры о покупке экспортно-импортной компании, но в последнюю минуту передумала и попросила Брэда сопровождать ее.

В день приезда у них было назначено несколько деловых встреч, зато ужинать они отправились в «Гран Вефур», а потом Кейт пригласила Брэда в свой номер в отеле «Георг Пятый», просмотреть отчеты новой компании.

К его приходу она успела переодеться в прозрачный пеньюар.

– Я принес с собой все бумаги, – начал Брэд, – та что...

– Дела могут подождать, – тихо сказала Кейт, и странно-зазывные нотки в голосе заставили Брэда взглянуть на нее пристальнее.

– Я хотела остаться с тобой наедине, Брэд.

– Кейт...

Внезапно она оказалась в объятиях Брэда, прильнула к нему всем телом.

– Господи, – прошептал он, – я так долго хотел тебя.

– И я тебя, Брэд, – вздохнула она, и, взяв его за руку, повела в спальню.

Кейт была чувственной женщиной, но все сексуальные порывы были давно направлены в другое русло. Ей вполне хватало работы, а Брэд был необходим совсем по другим причинам.

Он бросил ее на постель, прижался всем телом; Кейт раздвинула ноги, ощутила, как он входит в нее, заполняя до отказа..., и ничего не почувствовала: ни наслаждения, ни отвращения.

– Кейт..., я столько лет люблю тебя...

Брэд вдавливал ее все глубже в матрац, двигаясь в древнем как мир ритме, но мысли Кейт были далеко...

«Черт бы их драл, слишком много запрашивают за компанию! И не уступят, знают ведь, что она мне нужна!»

Брэд, задышавшись, шептал нежные слова.

«Может, отказаться продолжать переговоры, пока сами не прибегут? А если нет? Смею ли я так рисковать?»

Брэд извивался все лихорадочнее, Кейт ответила встречным толчком, резче шевельнула бедрами.

«Нет. Они легко могут найти другого покупателя. Лучше заплатить, сколько просят. Возмещу разницу, когда продам один из их филиалов».

Брэд застонал в пароксизме наслаждения, и Кейт задвигалась быстрее, доводя его до оргазма.

«Скажу, что согласна на их условия». Послышался долгий прерывистый вздох. Брэд пробормотал:

– О Господи, Кейт, какое чудо! Тебе было хорошо, дорогая?

– Как в раю.

Она провела в объятиях Брэда всю ночь, размышляя, прикидывая, пока тот спал. Утром, когда Брэд проснулся, Кейт, запинаясь, пробормотала:

– Брэд, насчет той женщины, с которой ты встречаешься...

– Боже, неужели ты ревнуешь?! – счастливо рассмеялся он. – Забудь. Считай, там все кончено. Обещаю с ней не видеться. Вообще.

Кейт никогда больше не позволяла Брэду прикоснуться к себе, а когда он умолял объяснить, в чем дело, сказала:

– Ты даже не представляешь, как я хочу тебя, Брэд, но боюсь, тогда мы больше не сможем работать вместе. Придется пожертвовать нашей любовью ради дела.

И Брэд был вынужден довольствоваться этим.

Сфера влияния «Крюгер-Брент» все расширялась, и Кейт основала благотворительные фонды, на средства которых содержались колледжи, церкви и школы. Она продолжала делать новые приобретения для своей

картинной галереи: холсты Рафаэля, Тициана, Тинторетто, Эль Греко, Рубенса, Караваджо и Ван-Дейка.

Коллекция Блэкуэллов, по слухам, была одной из самых ценных в мире. Именно «по слухам», потому что никому, кроме приглашенных в дом гостей, не позволялось ее видеть. Кейт не позволяла фотографировать картины, журналистам вход тоже воспрещался, и хозяйка ни для кого не делала исключения. Личная жизнь семьи Блэкуэлл тоже была тайной за семью печатями – ни слугам, ни персоналу компании не позволялось и словом упомянуть о том, что происходит в доме. Конечно, избавиться от слухов и сплетен было невозможно – ведь Кейт Блэкуэлл для всех представляла ставшую в тупик загадку: каждый хотел больше узнать об одной из самых богатых и могущественных в мире женщин. Но все старания были напрасны: тайна оставалась нераскрытой.

Кейт позвонила директрисе швейцарской школы, чтобы узнать, как живет Тони.

– Он очень хорошо учится, миссис Блэкуэлл. Превосходные способности.

– Я спрашиваю не об этом. Хотела... Кейт поколебалась, как бы не желая признавать, что и в семействе Блэкуэлл может быть не все ладно.

– Он по-прежнему заикается?

– Не понимаю, о чем вы, мадам. Тони прекрасно говорит. Кейт едва сдержала облегченный вздох. Она так и думала: это временное, необъяснимая слабость, и пройдет само собой.

Вот и верь докторам!

Через месяц Тони приехал на каникулы. Кейт встречала сына в аэропорту. Он повзрослел, прекрасно выглядел, и Кейт почувствовала гордость за мальчика.

– Здравствуй, родной. Ну как поживаешь?

– П-прекрасно, м-мамочка. А т-ты?

Тони не терпелось поскорее увидеть картины, купленные матерью за время его отсутствия. Его потрясли холсты старых мастеров и восхитили работы французских импрессионистов:

Моне, Ренуара, Мане и Мориса.

Новый волшебный мир открылся Тони. Он купил краски, мольберт и начал работу, но,

искренне считая, что рисует ужасно, отказывался показывать кому-либо свои рисунки. Разве можно сравнивать эту жалкую мазню с непревзойденными шедеврами!

Как– то Кейт пообещала сыну:

– Когда-нибудь все эти картины будут принадлежать тебе, дорогой!

При одной мысли об этом тринадцатилетнему мальчику стало неловко. Мать сама не понимала, что говорит: ведь в действительности картины не могут по-настоящему быть его собственностью: он ничего не сделал, чтобы их заработать.

В Тони росла яростная решимость найти свое место в жизни, стать достойным человеком! К жизни вдали от матери он относился двояко: она была необычной женщиной – всегда в центре событий, отдает приказы, заключает немыслимые сделки, показывает сыну новые волшебные страны, знакомит с интересными людьми. Мать была личностью незаурядной, и Тони необычайно этим гордился, считая, что в мире нет другой такой, и одновременно чувствовал себя виноватым, потому что заикался только в ее присутствии.

Кейт даже не представляла, как благоговеет перед ней сын, пока он не спросил как-то:

– М-мама, эт-то п-правда, ч-что т-ты п-правишь м-миром?

– Ну конечно, нет, – рассмеялась она, – что за глупый вопрос.

– Все мои д-друзья в школе т-только об этом и г-говорят. Т-ты и в-вправду н-нечто!

– Совершенно верно, – кивнула Кейт. – Я твоя мать. Больше всего на свете Тони хотелось угодить Кейт. Он знал, как много значит для нее компания, как надеется она на то, что когда-нибудь бразды правления перейдут в его руки, и сердце мальчика сжималось от жалости оттого, что материнским мечтам не суждено сбыться. Тони не намеревался растрачивать свою жизнь на бесконечные сделки. Но, когда он пытался объяснить это матери, та только улыбалась:

– Чепуха, Тони, ты еще слишком молод и сам не понимаешь, кем хочешь стать.

И Тони снова начинал заикаться. Но желание стать художником все крепло. Неужели это возможно: запечатлеть красоту на холсте так, чтобы спустя столетия люди могли любоваться ей! Он хотел уехать за границу, учиться в Париже, но сказать об этом прямо не осмеливался. С матерью о таких вещах нужно говорить очень осторожно.

Они прекрасно проводили время вдвоем. Кейт была владелицей огромных поместий, домов на Палм Бич и в Южной Каролине, конного

завода в Кентукки, и пока Тони был на каникулах, они успели все объездить, побывали на скачках в Нью-порте, а когда оставались в Нью-Йорке, обедали и ужинали в лучших ресторанах.

Кейт за последнее время увлеклась скачками, и ее конюшня считалась одной из лучших в мире. Когда бежала ее лошадь, она брала сына с собой на ипподром. Они сидели в своей ложе, и Тони с изумлением наблюдал, как мать надрывается до хрипоты, подбадривая наездников. Он знал, что волнение не имеет ничего общего с деньгами.

– Главное победить, Тони. Запомни это. Главное – быть первым.

Они часто бывали в Дарк Харбор: летом плавали на яхте, ходили на прогулки, посещали картинные галереи, зимой катались на коньках, санках, ходили на лыжах, по вечерам сидели в библиотеке у огромного камина, и Кейт рассказывала сыну старые семейные предания о Джейми Мак-Грегоре, Бэнде, о приданом, которое дала мадам Эгнес бабушке Тони. Такой прекрасной семьей следовало гордиться, чтить память предков.

– Когда-нибудь «Крюгер-Брент Лимитед» станет твоей, Тони. Будешь руководить ею и...

– Н-но я н-не х-хочу этого, мама. Н-не интересуют м-меня ни власть, ни б-бизнес.

– Ты, дурак набитый! – взорвалась Кейт. – Что ты знаешь о власти или о бизнесе! Думаешь, я ношусь по всему миру, сея зло? Мучаю людей? Считаешь «Крюгер-Брент» чем-то вроде безжалостной денежной машины, которая давит всех, кто попадет на пути? Так вот, позволь мне кое-что объяснить, сынок. Я, конечно, не Господь Бог, но что-то вроде. Мы спасаем жизни сотням тысяч людей. Когда в заброшенной нищей стране открываются фабрики, сразу появляются деньги на постройку школ, церквей и библиотек, а их дети получают еду, одежду и крышу над головой.

Она тяжело дышала, все еще вне себя от гнева.

– Мы строим заводы там, где люди голодают и не имеют работы, и только благодаря этому у них начинается новая, обеспеченная жизнь. Мы становимся их спасителями. И чтобы я больше никогда не слышала, как ты с презрением отзываешься о власти и большом бизнесе.

– П-прости, м-мама, – только и смог пробормотать Тони.

Но про себя упрямо повторил:

«Все равно стану художником».

Когда сыну исполнилось пятнадцать, Кейт предложила ему провести летние каникулы в Южной Африке, ведь он никогда еще там не был.

– Я сейчас не смогу ехать с тобой, Тони, слишком много дел, но увидишь, тебе там понравится. Я обо всем распоряжусь.

– Н-но..., м-мне х-хотелось бы провести каникулы в Дарк Харбор, м-мама.

– Успеешь на следующее лето, – твердо сказала Кейт, – а сейчас я бы хотела, чтобы ты увидел Йоганнесбург.

Кейт все подробно объяснила управляющему конторой в Йоганнесбурге, и они вместе составили маршрут. Каждый день был расписан по часам, но цель была одна: сделать эту поездку как можно более захватывающей для Тони, заставить мальчика понять – его будущее может быть связано только с компанией.

Кейт велела ежедневно докладывать о том, как ведет себя сын. Его возили на золотые прииски, он провел два дня на алмазных копях, осмотрел заводы «Крюгер-Брент Лимитед» и отправился на сафари в Кению.

За несколько дней до окончания каникул Кейт позвонила в Йоганнесбург управляющему:

– Ну как там Тони?

– Великолепно, миссис Блэкуэлл. Только сегодня утром спрашивал, нельзя ли отложить отъезд.

– Прекрасно! – обрадовалась Кейт. – Благодарю вас. Наконец Тони вылетел в Англию, а оттуда в Америку. Кейт прервала важное совещание, чтобы встретить сына в новом аэропорту Ла Гуардия. При виде матери лицо Тони осветилось счастливой улыбкой.

– Хорошо провел время, дорогой?

– Южная Африка – ф-фантастическая страна, м-мама. Знаешь, я д-даже л-летал в Намибскую пустыню, где д-дедушка украл алмазы у п-прадеда, в-ван дер Мерва!

– Он их не крал, – поправила Кейт, – просто взял то, что по праву ему принадлежало.

– Н-ну да, – ухмыльнулся Тони. – Так или иначе, я т-там был. Морского тумана не видел, зато ос-стальное в-все по-с-ста-рому – охрана, собаки, п-провода. И об-бразцов мне не дали! – шутливо пожаловался он.

Кейт весело засмеялась:

– Зачем тебе образцы, дорогой, все это когда-нибудь и так будет твоим.

– П-попробуй им объяснить! И с-слушать не желают. Кейт обняла сына:

– Тебе там было хорошо?

Ничто не могло доставить ей большего счастья: наконец Тони начал понимать, каково его жизненное предназначение.

– Знаешь, что мне больше всего понравилось?

– Что же? – ласково улыбнулась Кейт.

– К-краски. Необыкновенные цвета. Я нарисовал там кучу п-пейзажей. Так не хотелось уезжать. Т-только и мечтаю вернуться т-туда и писать картины.

– Картины?

Кейт изо всех сил старалась казаться заинтересованной.

– Похоже, у тебя великолепное хобби, сынок.

– Нет. Э-т-то вовсе не хобби, мама. Х-хочу с-стать художником. Я очень много думал об этом и с-собираюсь в П-париж, учиться. К-кажется, к-какие-то способности у меня есть.

Кейт вся сжалась:

– Но ты же не желаешь провести всю жизнь за мольбертом.

– Именно, м-мама. Б-больше я н-ни о чем не м-мечтаю.

И Кейт поняла, что проиграла.

«Он имеет право жить, как считает нужным, – думала она. – Могу ли я позволить сыну совершить та кую ужасную ошибку?!»

Но судьба все решила за них. В Европе началась война.

– Я хочу, чтобы ты поступил в Уортонскую школу коммерции и финансов, – объявила Кейт сыну. – Через два года, если не изменишь решения стать художником, я не буду возражать. Учись.

Кейт была уверена, что к тому времени Тони передумает. Немыслимо, чтобы ее сын выбрал подобное занятие, ведь ему предназначено возглавлять один из крупнейших концернов мира. В конце концов в его жилах течет кровь Мак-Грегоров.

Для Кейт Блэкуэлл вторая мировая война стала всего-навсего средством еще больше разбогатеть. Заводы «Крюгер-Брент Лимитед» работали круглосуточно, выпуская пушки и снаряды, патроны и мины.

Кейт Блэкуэлл была уверена, что Соединенные Штаты недолго останутся нейтральными. Президент Франклин Делано Рузвельт провозгласил, что его страна всегда останется оплотом демократии, 11 марта 1941 года представил конгрессу законопроект о ленд-лизе.

Но плавание через Атлантический океан стало почти невозможным: немецкие торпедные катера и подводные лодки безжалостно атаковали и топили суда союзников, нападавая стаями, точно волки.

Ничто уже не могло остановить ужасающую, крушившую все на своем пути гигантскую военную колесницу, созданную Гитлером, разорвавшим Версальский договор. В понятие людей вошло новое слово – блицкриг. Германия молниеносным ударом захватила Польшу, Бельгию, Нидерланды, раздавила Данию, Норвегию, Люксембург и, наконец, Францию.

Когда Кейт узнала, что евреи, работавшие на конфискованных нацистами заводах «Крюгер-Брент», арестованы и брошены в концлагеря, она решила немедленно принять меры и бросилась к телефону. На следующей неделе Кейт вылетела в Швейцарию. В номере цюрихского отеля уже лежала записка от полковника Бринкмана с просьбой о встрече. Бринкман был раньше управляющим берлинским филиалом «Крюгер-Брент Лимитед». Когда нацисты отобрали фабрику, Бринкману дали чин полковника и оставили на прежней должности.

Полковник, худой, педантичного вида человек с тщательно начесанными на лысину остатками волос, появился в отеле ровно через час.

– Счастлив видеть вас в добром здравии, фрау Блэкуэлл! Имею к вам поручение от моего правительства и уполномочен заверить, что, как только мы выиграем войну, конфискованные фабрики будут немедленно возвращены законному владельцу. Германия станет невиданной в мире военной и промышленной сверхдержавой, и ей понадобится сотрудничество таких людей, как вы.

– Что, если Германия проиграет войну? Полковник Бринкман позволил себе чуть заметно улыбнуться:

– Мы оба знаем, что этого просто не может быть, фрау Блэкуэлл. Соединенные Штаты ведут мудрую политику и не вмешиваются в дела Европы. Надеюсь, так будет и впредь.

– Понимаю, полковник, – кивнула Кейт, – но до меня дошли слухи о том, что евреев посылают в концлагеря и там уничтожают. Это правда?

– Британская пропаганда, уверяю вас. Если даже евреев и вправду отправляют в трудовые лагеря, слово офицера, с ними достаточно справедливо обращаются!

Справедливо? Что кроется за словами полковника? Именно это Кейт и собиралась узнать.

На следующий день она встретила с преуспевающим немецким коммерсантом Отто Бюллером, сидящим мужчиной лет пятидесяти, с умным запоминающимся лицом и глазами человека, много пережившего на своем веку.

Они вошли в маленькое привокзальное кафе, уселись за столик в дальнем углу.

– Мне сказали, – тихо начала Кейт, – что вы возглавляете подпольную организацию, помогающую переправлять евреев в нейтральные страны. Так ли это?

– Конечно, нет, миссис Блэкуэлл! Это означало бы предать Третий

Рейх!

– Я слышала также, что вы нуждаетесь в деньгах на добрые дела, – добавила Кейт.

Бюллер нервно оглядел маленький зал, не решаясь довериться этой женщине – опасность подстерегала его каждую минуту, день и ночь, во сне и наяву.

– Я надеялась стать вашим союзником, – осторожно сказала Кейт. – У «Крюгер-Брент» много филиалов в нейтральных странах, и, если кто-нибудь доставит туда беженцев, я позабочусь, чтобы они не остались без работы.

Герр Бюллер долго молча прихлебывал горький кофе и наконец сказал:

– Мне ничего об этом не известно. Политика в наши дни – дело опасное. Но если вы желаете заняться благотворительностью, не согласитесь ли помочь моему дяде? Он живет в Англии и страдает от ужасной неизлечимой болезни, а визиты доктора недешево обходятся! Очень недешево!

– В какую именно сумму?

– Пятьдесят тысяч долларов в месяц. Нужно, чтобы деньги на его лечение сначала были помещены в лондонский банк, а потом переводились в швейцарский.

– Это проще простого.

– Дядя будет вам вечно благодарен.

Через два месяца в нейтральные страны начал прибывать тоненький, но непрерывный ручеек еврейских беженцев. Все получали работу на фабриках «Крюгер-Брент Лимитед».

Два года спустя Тони бросил школу.

– Я п-пытался мама, – объяснил он Кейт. – Я п-правда пытался, но н-ничего не изменилось. Я х-хочу быть х-художни-ком. К-как т-только война кончится, еду в П-Париж.

Каждое слово падало на душу Кейт словно удар тяжелого молота.

– Я з-знаю, т-ты б-будешь разочарована, но я д-должен жить с-собственной ж-жизнью. По-м-моему, я с-смогу с-стать х-хорошим художником, н-настоящим. Т-ты должна д-дать мне ш-шанс. И меня приняли в ч-чикагскую академию художеств.

Кейт не знала, что сказать. Как объяснить сыну, что он зря

растрчивает себя, бросает на ветер великолепное будущее?

– Когда ты хочешь уехать? – наконец удалось ей выговорить.

– Регистрация начинается пятнадцатого.

– Какое сегодня число?

– Шестое декабря.

В воскресенье, седьмого декабря 1941 года, эскадрильи японских бомбардировщиков и истребителей совершили налет на Пирл-Харбор. На следующий день Америка вступила в войну. Тони пошел добровольцем в морскую пехоту. Его отправили в Куантико, штат Вирджиния, где он окончил офицерское училище, а оттуда – на южное побережье Тихого океана.

Кейт постоянно ощущала, что стоит на краю пропасти, и, хотя дни были заполнены до отказа миллионами дел и проблем, где-то в дальнем уголке мозга непрерывно билась одна мысль: вот сейчас, сейчас она получит ужасное известие, что Тони ранен или убит.

Дела на японском фронте обстояли хуже некуда. Японские бомбардировщики атаковали американские базы на островах Гуам, Мидуэй и Уэйк. В феврале 1942 года неприятель занял Сингапур, а потом почти сразу – острова Новая Британия, Новая Ирландия и Соломоновы острова.

Генерал Дуглас Макартур был вынужден оставить Филиппины. Зловещие тени сгущались над миром. Кейт жила в постоянном страхе, что Тони попадет в плен – из уст в уста переходили ужасные слухи о пытках, которым подвергались военнопленные. Здесь были бессильны и власть и деньги – оставалось только молиться. Каждое письмо от сына подогревало слабый огонек надежды, подтверждало, что, по крайней мере, несколько недель назад сын был еще жив.

"Здесь никто ничего не знает, – писал Тони. – Держатся ли еще русские? Японцы очень жестокий народ, но к ним питаешь невольное уважение. Японский солдат не боится смерти..."

...Что происходит в Штатах? Правда ли, что рабочие бастуют, требуют повысить жалованье?...

...Торпедные катера творят здесь настоящие чудеса. Эти мальчики – просто герои...

...У тебя прекрасные связи, мама. Пошли нам несколько сотен «Ф-4-У» – новых истребителей. Скучаю по тебе..."

7 августа 1942 года союзные войска начали первые наступательные действия на Тихом океане. Десант морской пехоты захватил один из Соломоновых островов, Гуадалканал, и вскоре все острова, занятые японцами, были освобождены.

Нацисты в Европе были разбиты наголову. 6 июня 1944 года объединенные американско-английские войска высадились в Нормандии, и 8 мая 1945 года Германия капитулировала.

6 августа 1945 года американцы сбросили на Хиросиму первую атомную бомбу, а через три дня вторая бомба уничтожила Нагасаки.

14 августа Япония последовала примеру Германии. Долгая кровавая война наконец закончилась.

Тони возвратился домой три месяца спустя. Он и Кейт сидели на террасе Сидар-Хилл-Хаус, любуясь видом белых парусов на голубой глади залива.

«Война изменила его», – думала Кейт.

Сын повзрослел, отрастил усики, а загар ему очень шел. Правда, вокруг глаз теснились морщинки, которых раньше не было. Кейт надеялась, что за годы, проведенные вдали от дома, Тони понял: его будущее связано с «Крюгер-Брент Лимитед».

– Чем ты собираешься заняться, сынок? – спросила она.

– Тем, чем и собирался, когда мне так грубо помешали, мама, – улыбнулся Тони, – отправиться в Париж.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.
ТОНИ. 1946-1950 ГОДЫ

Глава 18

Тони и раньше бывал в Париже, но на этот раз все было по-другому. Город света был запачкан нацистской оккупацией;

Париж спасло от полного разрушения только то, что он был объявлен открытым городом. Люди вынесли немало страданий, и хотя немцы успели ограбить Лувр, но не испортили облик древней столицы. Кроме того, на этот раз Тони чувствовал себя не туристом. Он мог жить в пентхаузе Кейт на авеню Маршала Фоша, уцелевшем после оккупации, но вместо этого снял квартиру без мебели в старом доме Гран Монпарнас, состоящую из столовой с камином, маленькой спальни и крохотной кухоньки без холодильника. Между спальней и кухней была втиснута ванная комната со старомодной ванной на ножках в виде львиных лап, потрескавшимся биде и испорченным туалетом с сломанным сиденьем.

Когда квартирная хозяйка начала извиняться, Тони остановил ее:

– Не беспокойтесь, все прекрасно.

Он провел все воскресенье на блошином рынке, а понедельник и вторник в лавках старьевщиков на левом берегу, и к среде купил почти всю необходимую мебель: диван-кровать, выщербленный стол, два огромных мягких кресла, старый, покрытый прихотливой резьбой гардероб, лампы, шаткий кухонный столик и два стула. Тони подумал, что мать ужаснулась бы такому убожеству. Конечно, он мог позволить себе обставить квартиру дорогими вещами, но это означало, что он будет только играть роль молодого американского художника, приехавшего в Париж, а Тони хотел стать настоящим художником.

Теперь нужно было найти хорошую художественную школу. Самой престижной считалась Парижская школа изящных искусств, но студентом мог стать далеко не каждый, тем более американец. Однако Тони, почти не надеясь, все же подал туда документы. Он должен, должен был доказать матери, что принял правильное решение. Он представил комиссии три картины и ждал решения целый месяц. Наконец консьержка подала ему письмо с грифом школы. Тони предлагалось явиться в следующий понедельник, и в назначенное время он уже стоял перед большим каменным двухэтажным зданием. Тони проводили к директору школы, мэтру Жессану, мужчине огромного роста, но почти совсем без шеи, резкими чертами лица и тоненькими бледными ниточками губ.

– Работы у вас любительские, – сказал он Тони, – но в них есть нечто.

Учтите, комиссия решила принять вас не за то, что есть в ваших картинах, а скорее за то, что в них угадывалось. Понимаете?

– Не совсем, мэтр.

– Когда-нибудь поймете. Я решил записать вас в класс мэтра Канталя. Он будет вашим наставником все пять лет – если, конечно, сможете выдержать такой срок.

«Выдержу», – поклялся себе Тони.

Мэтр Канталь оказался человеком крошечного роста, с темно-кариими глазками, носом-картофелиной и толстыми губами. Совершенно лысую голову венчал фиолетовый берет.

– Американцы – варвары, дилетанты! – приветствовал он Тони. – С чего это вы решили сюда приехать?

– Учиться, мэтр.

Мэтр Канталь ехидно фыркнул. В классе было двадцать пять студентов, по большей части французов. По всей комнате были расставлены мольберты. Тони выбрал стоявший ближе к окну, выходившему на дешевое бистро.

На столах и этажерках теснились гипсовые слепки различных частей человеческого тела, скопированных с греческих статуй. Тони огляделся в поисках натурщицы, но никого не увидел.

– Начинайте, – велел мэтр Канталь.

– Простите, – сказал Тони. – Я... Я не принес краски.

– Они вам не понадобятся. Весь первый год будете учиться правильно рисовать.

Мэтр показал на слепки.

– Вот то, что нужно передать на бумаге. И не обольщайтесь, если задание покажется слишком легким. Предупреждаю: еще до конца года больше половины из вас будут исключены за неуспеваемость. На первом курсе мы изучаем анатомию, на втором те, кто сдаст экзамен, конечно, начнут писать маслом живую натуру, на третьем, и смею уверить, вас останется немного, постарайтесь усвоить мой стиль и, без сомнения, улучшить его, ну а четвертый и пятый курсы посвятите поискам собственной манеры, новых способов самовыражения. Ну а теперь за работу.

Студенты взялись за карандаши.

Мэтр медленно обходил комнату, останавливался перед каждым мольбертом, делал замечания, критиковал, объяснял. Подойдя к Тони, он коротко сказал:

– Нет! Не пойдет! Я вижу контуры руки, а нужно передать то, что

внутри – мускулы, кости, связки. Хочу знать, течет ли под кожей кровь. Знаете, как этого добиться?

– Да, мэтр. Нужно подумать, увидеть, почувствовать, а уж потом рисовать.

После занятий Тони обычно шел домой и продолжал работу, делая короткие перерывы только на сон и еду. Занятие любимым делом давало ему никогда ранее не известное ощущение свободы, простое сознание того, что он сидит за мольбертом с кистью в руке сколько хочет, заставляло почувствовать себя равным богам – можно создавать целые миры вот этой рукой, изобразить дерево, цветок, человека, вселенную! Одна мысль об этом пьянила. Тони ощущал, что рожден для того, чтобы служить искусству.

В редкие часы досуга он бродил по улицам Парижа, открывал для себя волшебный город, теперь уже его собственный, родной, где создавалась истинная красота. На самом деле существовало два Парижа, разделенных Сеной на левый и правый берег, совершенно разных, непохожих. Правый берег принадлежал богатым, левый – студентам, художникам, старающимся выжить в ежедневной борьбе за место под солнцем; старые кварталы – Монпарнас, бульвар Распай, Сен-Жермен-де-Пре – стали настоящим домом для Тони. Он часами просиживал с однокурсниками в маленьких кафе, обмениваясь новостями:

– Говорят, директор музея Гуггенхайма сейчас в Париже, покупает все, что на глаза попадается.

– Передай, пусть меня подождет! Все студенты читали одни и те же журналы, передавая их из рук в руки: такие издания недешево обходились.

Тони выучил французский еще в Швейцарии и без труда подружился с остальными студентами.

Ни один человек не знал, из какой Тони семьи; он был принят как свой, как равный. Бедные начинающие художники собирались в дешевых кафе и бистро, никто из них ни разу не переступал порога дорогих ресторанов.

Париж 1946 года был прибежищем величайших художников мира. Тони несколько раз встречал Пабло Пикассо, а однажды даже видел Марка Шагала, огромного, жизнерадостного человека с беспорядочной гривой седящих волос. Он сидел за столиком в кафе, погруженный в беседу с друзьями.

– Нам повезло, – прошептал друг Тони, – он очень редко приезжает в Париж. Живет в Венсе, на побережье Средиземного моря.

Макс Эрнст часто заходил в монпарнасские уличные кафе, а

блестящий Альберто Джакометти бродил по узким улочкам. Тони заметил что скульптор почему-то очень похож на собственные произведения – такой же высокий, худой, угловатый.

Но самым волнующим моментом в жизни Тони стала встреча с Браком. Художник был сердечен и приветлив, но Тони от смущения не мог слова вымолвить.

Будущие гении посещали маленькие картинные галереи, принимающие на комиссию работы неизвестных художников, рассматривали работы соперников, сплетничали о неудачах собратьев по искусству.

Квартира Тони произвела ужасающее впечатление на Кейт, когда та впервые приехала навестить сына. Она предусмотрительно воздержалась от замечаний, поражаясь про себя, как может ее мальчик, воспитанный в роскоши, жить в этой грязной развалюхе! Но вслух сказала только:

– Очаровательно, Тони. Только не вижу холодильника. Где ты держишь еду?

– За п-подоконником.

Кейт подошла к окну, открыла, вынула из жестяного ящика яблоко.

– Надеюсь, это не для твоего натюрморта?

– Н-нет, мама, – засмеялся Тони. Кейт с аппетитом надкусила:

– Ну а теперь, – объявила она, – расскажи, как идут занятия.

– П-пока не о чем г-говорить, – признался Тони. – В эт-том г-году мы т-только изучаем рисунк.

– Тебе нравится мэтр Канталь?

– Он просто в-великолепен. Г-главное в другом – н-нрав-люсь ли я ему. К-ко второму к-курсу останется т-только т-треть с-студентов.

Кейт ни разу не заговорила с сыном о компании. Мэтр Канталь был не из тех, кто расточает похвалы. Самым радостным днем для Тони был тот, когда он слышал от преподавателя:

– Видел я и хуже! Или:

– Уже почти заметно то, что под кожей...

В конце года Тони оказался в числе восьми человек, переведенных на второй курс. В честь столь знаменательного события студенты отправились в ночной клуб на Монмартре, перепились и провели ночь с молодыми англичанками, приехавшими посмотреть Париж.

На втором году занятий Тони начал писать маслом живую натуру, чувствуя себя так, будто вырвался наконец из детского сада. Наконец после стольких часов, проведенных за изучением анатомии, он ощущал, что знает каждый мускул, нерв, кость в человеческом теле. Теперь же, когда в руке

была кисть, а на постаменте стоял натурщик, Тони начал творить. Даже мэтр Канталь был удивлен.

– Умеете чувствовать, – ворчливо признал он. – Теперь нужно поработать над техникой.

В школе постоянно работали десять – двенадцать натурщиков: чаще других мэтр Канталь вызывал Карлоса, неимущего студента медицинского факультета, Аннет, маленькую полногрудую брюнетку с огненно-рыжим треугольником внизу живота и спиной, испещренной застарелыми шрамами от фурункулов, и Доминик Массэ, красивую молодую блондинку с тонкими чертами лица и темно-зелеными глазами.

Доминик позировала для многих известных художников и была всеобщей любимицей. Каждый день после занятий толпа мужчин окружала ее, умоляя о свидании. Но девушка оставалась непреклонной.

– Никогда не путаю бизнес с удовольствием. А кроме того, – насмеялась она, – это было бы несправедливо. Вы уже видели все, что я могу предложить. Откуда я знаю, что у вас под одеждой?

И, лукаво улыбаясь, остроумно отвечала на непристойные шутки. Но никогда не встречалась со студентами вне школы.

Как– то к вечеру, когда все уже ушли и только Тони задержался, доканчивая портрет Доминик, девушка, неожиданно оказавшись за его спиной, заметила:

– У меня нос слишком длинный.

– О, простите, сейчас исправлю, – встрепнулся Тони.

– Нет-нет. Не на картине. Мой собственный нос слишком длинный.

– Боюсь, – улыбнулся Тони, – с этим я ничего не могу поделать.

– Француз сказал бы: «У тебя прехорошенький носик, дорогая!»

– Мне нравится ваш нос, хотя я и не француз.

– Это и видно. Вы никогда не пытались назначить мне свидание.

Интересно, почему.

– Не..., не знаю, – защищался застигнутый врасплох Тони. – Наверное, потому, что за вами и так все ухаживают, а вы ни с кем не встречаетесь.

– Каждая женщина с кем-нибудь встречается, – улыбнулась Доминик. – Спокойной ночи.

И, помахав рукой, исчезла.

Тони заметил, что всякий раз, когда он оставался допоздна, Доминик не спеша одевалась, подходила ближе и наблюдала, как он рисует.

– Ты очень талантлив, – объявила она как-то. – Станешь великим художником!

– Спасибо, Доминик. Надеюсь, ты права.

– Живопись много значит для тебя, так ведь?

– Так.

– Не хочет ли будущий гений пригласить меня пообедать? И, заметив удивленные глаза Тони, добавила:

– Не беспокойся, я не ем много, нужно беречь фигуру.

– Конечно, – засмеялся Тони, – с большим удовольствием.

Они отправились в дешевое бистро, где долго беседовали о художниках и картинах. Тони зачарованно слушал рассказы Доминик об известных художниках, у которых она работала. За кофе с молоком

девушка объявила:

– Должна сказать, что ты рисуешь не хуже их. Тони необыкновенно польстило такое сравнение, но вслух он пробормотал только:

– Мне еще много нужно работать.

Они вышли из кафе, медленно побрели по тротуару.

– Не собираешься пригласить меня посмотреть, как живешь?

– Если хочешь. Боюсь, не очень-то роскошно. Оглядев крохотную неубранную квартирку, она покачала головой:

– Ты прав. Совсем не роскошно. Прислуги, конечно, нет?

– Приходит раз в неделю, убирать.

– Выгони ее. Развела грязь! А подружка есть?

– Нет.

Она внимательно посмотрела на Тони.

– Ты не голубой?

– Нет.

– Прекрасно. Ужасно жаль, если такой мужчина пропадает впустую!

Найди мне ведро и мыло.

Доминик трудилась, пока не отскребла все углы, и квартирка заблестела.

– Ну вот, – распрямилась она, – сойдет пока. О Господи, на кого я похожа! Срочно мыться!

Войдя в тесную ванную, девушка открыла кран.

– Как ты здесь умещаешься? – удивилась она.

– Поднимаю ноги выше. Доминик засмеялась:

– Хотела бы я на это посмотреть!

Через четверть часа Доминик вновь появилась, розовая, необсохшая, в полотенце, небрежно завязанном узлом на талии, светлые кудряшки обрамляли нежное личико. У нее была прекрасная фигура: полные груди, узкая талия, длинные стройные ноги. До этого дня Тони совсем не замечал в ней женщину. Доминик была для него всего лишь обнаженной натурой,

моделью для картин. И только теперь все изменилось. Тони ощутил неудержимое желание.

– Хочешь меня? – спросила не сводившая с него глаз Доминик.

– Очень.

Она медленно развязала узел.

– Тогда покажи мне...

Тони в жизни не встречал таких женщин. Доминик давала все, ничего не требуя взамен. Почти каждый вечер она готовила ужин, а когда они шли куда-нибудь, выбирала самые дешевые бистро или кафе.

– Ты должен экономить, – наставляла она. – Даже хорошему художнику очень трудно пробиться, а ты так талантлив, дорогой.

На рассвете они часто отправлялись на знаменитый парижский рынок поесть лукового супа, часами бродили по музеям и укромным местам, куда не заглядывали туристы, таким, как кладбище Пер-Лашез, место последнего приюта Оскара Уайлда, Фредерика Шопена, Оноре де Бальзака и Марселя Пруста, облазили катакомбы и провели восхитительную неделю полного безделья на спускавшейся вниз по течению Сены барже, владельцем которой оказался приятель Доминик.

Девушка была неисчерпаемым источником радости для Тони. Она обладала неистощимым чувством юмора и всегда находила способ рассеять его плохое настроение, утешить и развеселить. Казалось, она была знакома со всеми, и часто водила Тони на вечеринки, где он встречал многих выдающихся людей того времени: поэта Поля Элюара, Андре Бретона, директора знаменитой «Галереи МЭ».

Много раз Доминик повторяла Тони, что он будет великим художником, завоеует мировую славу. Если ему хотелось рисовать по ночам, Доминик с готовностью позировала, хотя завтра должна была целый день работать. Тони считал, что ему невероятно повезло. В первый раз он был уверен, что любим бескорыстно, искренне, не за деньги. Тони не смел признаться Доминик в том, что он наследник огромного состояния, боясь, что тогда она изменится, станет холодной и расчетливой – их любовь будет омрачена. Не смог противиться искушению и подарил ей на день рождения манто из русской рыси.

– Ничего не видела прекраснее! – охнула Доминик, кутаясь в пышный мех.

– Не-ве-ро-ят-но! – запела она, закружилась, присела и неожиданно замерла:

– Откуда ты его взял? Тони, оно же ужасно дорогое! Но он был готов к допросу:

– Краденое. Купил у какого-то типа недалеко от музея Родена. Тому не терпелось от него избавиться. Заплатил чуть дороже, чем стоит обыкновенное драповое пальто в «О'Прентан».

Доминик на мгновение уставилась на Тони, но тут же разразилась хохотом:

– Я буду носить это манто, даже если мы оба попадем в тюрьму.

И, бросившись на шею Тони, заплакала.

– О, милый, ты такой дурачок! Родной, любимый, смешной дурачок!

Тони решил, что ради такого стоило солгать. Как-то ночью Доминик предложила переехать к ней. Она неплохо зарабатывала и могла позволить себе снять большую современную квартиру на улице Претр Сен-Северин.

– Тебе нельзя жить в такой дыре, Тони. Здесь просто ужасно. Перебирайся ко мне, и за жилье платить не нужно. Я буду тебе стирать, готовить и...

– Нет, Доминик, спасибо, не могу.

– Но почему?

Как ей объяснить?! Раньше, в самом начале, Тони мог бы сказать Доминик, что богат, но сейчас... Слишком поздно. Решит, что он все время смеялся над ней.

– Не хочу жить за твой счет, – выдавил наконец Тони. – Я и так тебе многим обязан.

– Тогда я отказываюсь от своей квартиры и переезжаю сюда. Хочу быть рядом с тобой.

На следующий день она перевезла свои вещи к Тони и так начались самые счастливые дни в его жизни. Они существовали как на седьмом небе: по субботам уезжали за город, останавливались в маленьких гостиницах. Тони расставлял мольберт и рисовал пейзажи.

Доминик обычно приносила корзинку с заранее приготовленным завтраком. Они ели, долго отдыхали, наслаждаясь безлюдьем и тишиной, а потом, сплетясь в объятиях, падали в высокую траву. Тони никогда еще не было так хорошо. Он делал поразительные успехи. Даже мэтр Канталь, показав как-то студентам одну из работ Тони, сказал:

– Взгляните на это тело. Оно дышит. Тони с трудом дождался, пока они с Доминик останутся наедине:

– Вот видишь! Это потому, что каждую ночь я держу модель в своих объятиях!

Доминик весело засмеялась, но тут же вновь стала серьезной.

– Тони, думаю, тебе совсем ни к чему еще три года учиться! Ты уже законченный художник. Все в школе знают это, даже Канталь.

Но Тони опасался, что так и останется заурядностью, одним из многих, а его работы затеряются в потоке безликих картин, каждый год выставляемых в витринах и галереях. Сама мысль об этом была невыносима.

«Самое главное – выиграть, Тони. Стать победителем. Помни об этом!»

Иногда, закончив работу, Тони был вне себя от счастья и почти не сомневался в том, что обладает талантом, но бывали дни, когда, глядя на полотно, думал:

«Какая жалкая любительская мазня!»

Но, чувствуя постоянную поддержку Доминик, он обретал все большую уверенность в себе. К этому времени у него накопилось уже почти две дюжины готовых работ: пейзажи, натюрморты, портрет лежащей под деревом обнаженной Доминик: солнечные лучи сплелись прихотливым узором на безупречном теле. На заднем плане виднелись небрежно брошенные мужской пиджак и рубашка, и зритель понимал, что женщина застыла в ожидании возлюбленного.

Увидев впервые картину, Доминик воскликнула:

– Ты должен выставить свои работы!

– Это безумие, Доминик! Я еще не готов.

– Ошибаешься, дорогой! Я знаю, что права. Придя домой на следующий день, он застал гостя, Антона Герга, худого мужчину с огромным животом и зеленоватыми глазами навывкате. Он оказался владельцем и директором «Галери Герг», скромного выставочного зала на улице Дофин. По всей комнате были расставлены картины Тони.

– Что здесь происходит? – спросил хозяин.

– Происходит то, месье! – закричал Герг, – что я считаю ваши работы просто шедеврами!...

И, хлопнув Тони по плечу, добавил:

– Буду счастлив выставить их в моей галерее. Тони нерешительно взглянул на Доминик; лицо девушки сияло.

– Я..., я не знаю, что сказать.

– Вы уже все высказали, месье. Этими полотнами, – ответил Герг.

Тони и Доминик полночи провели в спорах.

– Это совсем еще любительские картины. Критики меня уничтожат!

– Не говори так, любимый! Поверь, они превосходны! Да и галерея совсем маленькая. Туда мало кто приходит. Ни о чем не беспокойся! Месье Герг ни за что не предложил бы выставить полотна, если бы не верил в тебя. Он, как и я, считает, что ты будешь великим художником.

– Ну хорошо, – сдался наконец Тони. – Кто знает, а вдруг даже удастся продать что-нибудь!

– Вам телеграмма, месье, – окликнула консьержка. Тони развернул листок.

«Прилетаю Париж субботу. Жду к ужину. Целую. Мама». Первое, что пришло в голову Тони, когда он увидел входящую в студию мать, было:

– «Какая все-таки красивая женщина!»

Кейт было уже за пятьдесят, но черные волосы, прошитые серебряными прядями, не были выкрашены, а вся она излучала жизненную силу и энергию. Тони как-то спросил мать, почему та не вышла замуж во второй раз, она тихо ответила:

– В моей жизни было только двое мужчин – твой отец и ты.

И вот сын и мать снова были вместе после долгой разлуки.

– Т-так х-хорошо снова увидеть т-тебя, м-мама, – пробормотал Тони.

– Сынок, ты великолепно выглядишь! И бороду отрастил! – засмеялась Кейт, потрепав Тони за волосы. – Похож на молодого Эйба Линкольна! Кстати, тут у тебя стало гораздо чище! Слава Богу, наконец-то догадался нанять хорошую прислугу. Совсем другое дело!

Кейт подошла к мольберту, на котором стояла незаконченная картина и долго смотрела на полотно. Тони нервно переминался с ноги на ногу, ожидая, что скажет мать.

– Это великолепно, Тони. Просто великолепно, – тихо прошептала она наконец, не пытаясь скрыть, как горда за сына. Она прекрасно разбиралась в живописи и была потрясена его талантом.

– Покажи остальные, – попросила мать.

Целых два часа они вместе рассматривали картины. Кейт подробно, без всякого снисхождения обсуждала каждую. Она пыталась, чтобы сын жил по ее указке, и проиграла, но Тони восхищался мужеством, с которым мать приняла поражение.

– Постараюсь организовать выставку, – пообещала Кейт. – Я знаю нескольких посредников...

– Спасибо, м-мама, н-не с-стоит; в с-ледующую п-пятни-цу – в-вернисаж.

Кейт бросилась Тони на шею:

– Потрясающе! В какой галерее?

– «Галери Герг».
– Никогда о ней не слыхала!
– М-маленький зал, но, боюсь, я еще не г-готов к настоящим показам.
Кейт показала на портрет Доминик:
– Ошибаешься, Тони. Думаю, эта...
– Хочу тебя, как сумасшедшая, дорогой! Раздевайся поскорее!
Но тут Доминик увидела Кейт.
– О черт! Простите. Не..., знала, что ты не один, Тони! Последовало неловкое молчание.
– Доминик, это моя м-мать. М-мама, познакомься, это Доминик Массо. Женщины безмолвно, изучающе глядели друг на друга.
– Здравствуйте, миссис Блэкуэлл.
– Только сейчас восхищалась вашим портретом, – обронила Кейт многозначительно.

Все опять умолкли, не зная, как загладить неловкость.
– Тони уже сказал вам о выставке, миссис Блэкуэлл?
– Да, это просто великолепно!
– Т-ты с-сможешь остаться, м-мама?
– Все отдала бы, только посмотреть, но послезавтра в Йоганнесбурге собирается совет директоров, и мне обязательно нужно там быть. Знай я заранее, обязательно перенесла бы совещание на другой день.
– Н-ничего, – кивнул Тони. – Я понимаю.

Он сильно нервничал: вдруг матери придет в голову сказать при Доминик еще что-нибудь о компании или пожаловаться на странное пристрастие сына к нищенскому существованию, но та целиком была поглощена картинами.

– Очень важно, чтобы выставку посетили нужные люди.
– Кого вы имеете в виду, миссис Блэкуэлл?
– Те, кто создает общественное мнение. Критики. Скажем, Андре д'Юссо.

Андре д'Юссо был одним из самых почитаемых во Франции художественных критиков, свирепым львом, охраняющим храм искусства, и всего одна статья могла навеки уничтожить или возвеличить художника. Д'Юссо приглашали на все вернисажи, но он посещал лишь немногие, самые известные галереи. Владельцы выставочных залов и художники трепетали в ожидании его рецензий. Д'Юссо был, кроме того, известен своим остроумием, и его словечки и меткие характеристики мгновенно распространялись по всему Парижу. Никого не ненавидели так, как Андре д'Юссо, но и уважением он пользовался огромным. И бешеные нападки и

уничтожающие остроты прощались ему за безошибочные суждения, за тонкое художественное чутье.

– М-мама в своем репертуаре! – объяснил Тони Доминик. – Андре д'Юссо не ходит в т-такие галереи, мама.

– О, Тони, он должен прийти! Если он захочет, завтра сделает тебя знаменитостью!

– Или уничтожит.

– Неужели ты так не уверен в себе? – воскликнула Кейт.

– Ну конечно уверен, – ответила Доминик, – только вряд ли месье д'Юссо захочет посетить выставку.

– Я могла бы попробовать найти друзей, которые его знают. Глаза Доминик зажглись:

– Это было бы просто потрясающе! Милый, представляешь, что будет, если он все-таки придет?

– От меня отвернутся друзья и публика.

– Серьезно, Тони, я знаю его вкус и что ему нравится. Вот увидишь, он будет в восторге от твоих работ.

– Я ничего не буду делать без твоего согласия, Тони, – вмешалась Кейт.

– Он согласится, обязательно согласится, миссис Блэкуэлл. Тони глубоко вздохнул:

– Я уж-жасно т-трушу, но какого черта! Давайте попробуем.

– Сейчас подумаю, что можно сделать. Кейт долго-долго смотрела на незаконченную картину, потом повернулась к Тони. В глазах застыла непонятная печаль.

– Сынок, завтра я улетаю. Не можем мы сегодня вместе поужинать?

– К-конечно м-мама. М-мы свободны.

Кейт повернулась к Доминик и вежливо предложила:

– Куда хотите пойти? К «Максиму» или...

– М-мы знаем в-великолепное маленькое к-кафе неподалеку отсюда, м-мам, – поспешно вмешался Тони.

Они отправились в бистро на Пляс Виктуар. Там неплохо кормили, а вино вообще было превосходным. Женщины, казалось, ладили, и Тони ужасно гордился обеими.

Для него это был лучший вечер в жизни: рядом два самых любимых существа, мать и девушка, на которой он собирается жениться.

На следующее утро Кейт позвонила из аэропорта:

– Я поговорила кое с кем, определенного ответа не получила. Но как бы то ни было, дорогой, я тобой горжусь. Твои работы великолепны, сынок. Я тебя очень люблю.

– И я т-тебя, мама.

Картины Тони, наспех развешанные в небольшом зале «Галери Герг», были готовы к показу чуть не в последнюю минуту перед началом вернисажа. На мраморной доске буфета было расставлено несколько тарелок с ломтиками сыра и печеньем и бутылка шабли. Но пока еще в галерее находились только Антон Герг, Тони, Доминик и молодая помощница Герга, трудившаяся над последней картиной.

Антон Герг глянул на часы:

– Приглашения посланы на семь часов. Публика вот-вот появится.

Тони все время уговаривал себя не волноваться. «Какое тут волнение, – думал он. Я – просто умираю от страха!»

– Что если никто не придет? – спросил он вслух. – То есть вообще напрочь, ни одна собака не покажется? Доминик, улыбнувшись, погладила его по щеке:

– Значит, сами съедим весь сыр и выпьем вино! Но Тони беспокоился зря. Зрители приходили. Сначала по одному, потом целыми группами. Месье Герг стоял у двери, радостно приветствуя каждого. Тони мрачно заметил про себя, что на покупателей они не похожи, и мысленно разделил публику на три категории: художники и студенты, посещавшие каждую выставку, чтобы быть в курсе дел, агенты по продаже картин, тоже бывавшие на всех вернисажах, чтобы потом распространять уничтожающие сплетни о начинающих художниках, и толпа псевдолюбителей искусства, состоящая в основном из гомосексуалистов и лесбиянок, почти все время отирающихся в мире богемы. Он решил было, что вряд ли удастся продать хоть одну работу, но тут заметил, что месье Герг делает ему знаки.

– Не хочу я ни с кем здесь говорить, – прошептал Тони стоявшей рядом Доминик. – Они пришли, чтобы вдоволь поиздеваться надо мной.

– Глупости. Просто хотят познакомиться. Иди и постарайся понравиться, Тони. Покажи, что умеешь быть милым и очаровательным.

И Тони старался. Он пожимал руки, улыбался, бормотал вежливые фразы в ответ на комплименты. Но были ли эти похвалы искренними? За много лет в аристократических кругах уже выработались особые выражения, в которых было принято оценивать работы неизвестных художников:

– У вас так развито чувство прекрасного...

– Никогда не видел такой манеры...

– Вот эта картина – нечто особенное!...

– Моей душе близок такой стиль...

– Лучше нарисовать просто нельзя...

Народу все прибывало. Интересно, что привлекает их: картины или возможность выпить вина за чужой счет? Пока еще ничего не было продано, но тарелки и бутылки почти опустели.

– Терпение, – прошептал Герг. – Им нравится. Просто сначала они притворяются безразличными, но потом всегда возвращаются. Вот увидишь, скоро спросят о цене, а когда захлопнут наживку – р-раз! И рыбка на крючке.

– Можно подумать, я здесь на рыбалке! – пожаловался Тони Доминик.

Но тут вновь подошел месье Герг.

– Одна продана! – взволнованно объявил он, – Нормандский пейзаж! Пятьсот франков!

Эту минуту Тони запомнил на всю жизнь! Кто-то купил его работу! Кому-то она так понравилась, что он не пожалел денег и теперь повесит картину в доме или офисе, будет смотреть на нее, показывать друзьям. Маленький кусочек бессмертия... Все равно что прожить не одну жизнь, находиться одновременно в нескольких местах. Известный художник жил в сотнях домов и зданий, доставляя радость сотням, тысячам людей.

Тони на мгновение почувствовал себя равным Леонардо да Винчи, Микеланджело и Рембрандту. Он больше не дилетант, он стал профессионалом. Кто-то заплатил деньги за его труд.

Доминик, с блестящими от возбуждения глазами, пробиралась через толпу:

– Только что продана еще одна, Тони.

– Какая?

– Натюрморт с цветами.

В маленькой галерее, заполненной людьми, стоял гул голосов, слышалось звяканье стаканов, стук блюд. Неожиданно стало тихо. Глаза присутствующих были прикованы к двери. На пороге стоял Андре д'Юссо, высокий, немолодой мужчина с характерным львиным лицом и гривой белоснежных волос, в развевающемся плаще с капюшоном и широкополой шляпе; позади теснилась обычная свита прихлебателей. Толпа почтительно расступилась. Здесь каждый знал, кто такой д'Юссо. Доминик, стиснув руку Тони, прошептала:

– Он пришел! Он здесь!

Месье Герг никогда еще не удостоивался подобной чести и вне себя от восторга кланялся, расшаркивался перед великим человеком, не зная, как угодить.

– Месье д'Юссо! Какая радость! Счастлив, что почтили своим

присутствием! Могу ли я предложить вам вина или сыра? – бормотал он, проклиная себя за то, что поспешил купить хорошее вино.

– Спасибо! – ответил критик. – Я пришел только, чтобы насытить зрение! Скажите, кто автор этих полотен?

Тони был так ошеломлен, что не мог сдвинуться с места. Доминик вытолкнула его вперед.

– Вот он, – представил месье Герг. – Месье д'Юссо, это Тони Блэкуэлл. Тони наконец удалось обрести голос:

– Зд-дравствуйте, сэр. Я..., спасибо, что пришли. Андре д'Юссо слегка поклонился и направился к развешанным на стенах картинам. Люди вежливо уступали ему дорогу. Критик не торопился, долго и внимательно разглядывал каждое полотно, потом переходил к следующему. Тони безуспешно пытался понять по лицу, о чем тот думает: д'Юссо ни разу не улыбнулся и не поморщился. Особенно много времени он провел перед портретом обнаженной Доминик. Обойдя зал и не пропустив ни одной картины, критик вновь направился к мокрому от страха и волнения Тони.

– Я рад, что пришел, – только и обронил он. Через несколько минут после ухода знаменитости все картины были распроданы. Родился новый великий художник, и все хотели первыми получить его работы.

– Никогда ничего подобного не видел! – воскликнул месье Герг. – Андре д'Юссо посетил мою галерею. Мою галерею! Весь Париж завтра узнает об этом! Нужно отпраздновать такое событие. Шампанского!

Позже, ночью, Тони и Доминик отметили знаменательное событие на свой лад. Доминик уютно свернулась калачиком в объятиях любовника:

– Я и раньше спала с художниками, но не с такими знаменитыми. Герг прав, завтра весь Париж узнает о тебе. Так и вышло.

На рассвете Тони и Доминик наскоро оделись и побежали купить первый выпуск утренней газеты, только что поступившей в киоск. Тони выхватил газету из рук продавца, отыскал раздел, посвященный искусству, нашел рецензию Андре д'Юссо и, сам того не замечая, начал читать вслух:

«Выставка молодого американского художника Энтони Блэкуэлла открылась вчера вечером в „Галери Герг“ и стала одним из источников жизненного опыта для вашего покорного слуги. Я видел много выставок талантливых художников и совсем забыл, как выглядят по-настоящему бездарные работы. И вот вчера мне довольно бесцеремонно напомнили...»

Лицо Тони посерело.

– Пожалуйста, не читай дальше, – умоляюще прошептала Доминик, пытаясь вырвать у Тони газету.

– Отпусти! – рванулся он. – «Сначала я подумал, что это розыгрыш.

Невозможно поверить, что у кого-то хватило наглости выставить любительскую мазню и посметь назвать это искусством. Я тщетно искал хотя бы крохотные проблески таланта. Увы, напрасно. Владельцу галереи нужно было вместо картин повесить художника. Настоятельно советую сбившемуся с пути истинного мистеру Блэкуэллу вернуться к своему обычному занятию, насколько я понимаю, из него вышел бы неплохой маляр».

– Невозможно поверить, – прошептала Доминик, – невероятно. Неужели он так ничего не увидел? Ублюдок!

Она беспомощно разрыдалась.

Тони почувствовал невыносимую тяжесть в груди и начал задыхаться.

– Он все увидел. И все понимает, Доминик. Все. От этого еще больнее. Господи! Каким же я был дураком! Он повернулся и, слепо спотыкаясь, пошел прочь.

– Куда ты, Тони?

– Не знаю.

Он долго бродил по холодным окутанным туманом улицам, не замечая катившихся по лицу слез. Через несколько часов все прочтут уничтожающую рецензию и он станет объектом издевательств. Но хуже всего то, что он так долго обманывал себя, искренне веря, что станет настоящим художником. Андре д'Юссо по крайней мере спас его от ужасной ошибки. Память для последующих поколений! Дерьмо!

Тони забрел в ближайший бар и начал осушать рюмку за рюмкой, пытаясь как можно скорее допиться до бесчувствия, и вернулся домой только через сутки, грязный и измученный. Доминик, вне себя от беспокойства, распахнула дверь:

– Где ты был, Тони? Мать несколько раз звонила. Она места себе не находит.

– Ты прочла ей статью?

– Да, она настояла. Я...

Зазвонил телефон. Доминик, испуганно взглянув на Тони, взяла трубку:

– Алло? Да, миссис Блэкуэлл. Только что вошел.

И протянула трубку Тони. Тот, колебавшись, поднес ее к уху.

– Здравствуй, м-мама.

– Тони, дорогой, послушай, – грустно сказала мать, – я могу заставить его напечатать опровержение. Я...

– М-мама, – устало оборвал Тони, – это не сделка и не переговоры о покупке очередной фабрики. Критик выразил собственное мнение. И

считает, что меня нужно бы повесить за такую живопись.

– Дорогой, как тяжело, что тебе причинили такую боль! Я просто не вынесу.

Она задохнулась, не в силах продолжать.

– Н-ничего, м-мама. Я п-позволил себе п-поразвлечься. З-значит, из м-моей м-маленькой прихоти н-ничего не в-вышло. Д'Юссо, конечно, сволочь, н-но он л-лучший к-критик в м-мире, черт бы его в-взял! З-зато не п-позволил м-мне с-совершить ужасную ошибку.

– Тони, как бы я хотела найти слова...

– Д'Юссо в-все уже с-сказал. Л-лучше узнать сейчас, ч-чем п-потратить еще десять лет в-впустую. Я сейчас ж-же уезжаю из этого г-города.

– Подожди меня, милый. Я завтра вылечу из Йоганнесбурга, и мы вместе вернемся в Нью-Йорк.

– Хорошо, – вздохнул Тони, положил трубку и обернулся к девушке:

– Прости, Доминик. Не повезло тебе со мной.

Девушка ничего не ответила, лишь с невыразимой печалью смотрела на Тони.

На следующий день Кейт, сидя в парижском офисе «Крюгер-Брент», выписывала чек. Мужчина, сидевший в кресле напротив, вздохнул:

– Какая жалость. У вашего сына большой талант, миссис Блэкуэлл. Он смог бы стать великим художником. Кейт холодно взглянула на собеседника:

– Месье д'Юссо, в мире существуют десятки тысяч художников. Мой сын никогда не будет одним из таких. Она протянула чек:

– Вы выполнили то, что обещали, теперь моя очередь. Отныне «Крюгер-Брент Лимитед» – спонсор художественных музеев в Йоганнесбурге, Лондоне и Нью-Йорке, и вам доверят выбирать картины, за соответствующие комиссионные, конечно.

После ухода д'Юссо Кейт еще долго сидела за столом, обхватив голову руками. Она так любила сына! Если когда-нибудь тот узнает... Она понимала, чем рискует. Но нельзя же отойти в сторону и позволить Тони зря растратить жизнь! Чего бы ей ни стоило, но сына нужно защитить. И компанию «Крюгер-Брент»!

Кейт наконец поднялась, ощущая невыносимую усталость. Пора ехать за Тони. Она поможет сыну справиться с ударом, чтобы он смог продолжать дело, для которого был рожден.

Управлять компанией.

Глава 19

Все два года, прошедшие с того дня, Тони чувствовал себя так, будто зажат в шестерни огромного станка и бежит в никуда, совершая однообразные движения, словно белка в колесе. Все знали, что он единственный наследник огромного концерна, поглотившего бумагоделательные фабрики, авиакомпанию, банки, заводы, больницы. Тони усвоил, что его фамилия – ключ, открывающий любую дверь, служащий пропуском в те круги общества и закрытые клубы, где ни деньги, ни влияние не имеют значения. Тони принимали везде, но он повсюду чувствовал себя чужаком, ничем не заслужившим подобную честь, тенью своего великого деда, и воображал, что их постоянно сравнивают и выводы явно не в пользу внука. Но ведь это несправедливо, не Тони виноват в том, что ему не пришлось ползти через минные поля, скрываться от охранников и отбиваться от акул. Старые сказки и семейные предания не имели с ним ничего общего. Все это давно прошло, принадлежит прошлому веку, иному времени, другому месту, и героические деяния, совершенные никогда не виденным человеком, Тони не трогали.

Он работал в два раза больше, чем остальные служащие «Крюгер-Брент», немилосердно изводил себя, пытаясь избавиться от разрывающих душу воспоминаний. Письма к Доминик возвращались невскрытыми. Тони позвонил мэтру Канталю, но тот ответил, что Доминик больше не работает в школе. Она исчезла. Тони усердно трудился и неплохо справлялся со своими обязанностями, выполнял работу методично и скрупулезно. Если он и ощущал глубокую опустошенность, то внешне никак не показывал этого. Никому. Даже Кейт. Она получала еженедельные доклады о Тони и была очень довольна, а как-то даже заметила Брэду Роджерсу, что у сына природные способности бизнесмена.

Долгие часы, проводимые Тони за работой, служили для нее доказательством его любви к делу.

Вспоминая о том, как сын чуть было не выбросил на ветер свое будущее, Кейт вздрагивала и который раз благословляла небо за то, что ей удалось его спасти.

В 1948 году к власти в Южной Африке пришла националистическая партия. Петля сегрегации захлестнула страну. Свобода передвижения строго ограничивалась, членов семей разлучали по воле правительства.

Каждый цветной обязан был иметь при себе удостоверение личности, служащее не только пропуском: это был спасательный круг, свидетельство о рождении, разрешение на работу, квитанция об уплате налогов, документ, контролирующий всю его жизнь. Мятежи и восстания вспыхивали во всех уголках страны, а полиция безжалостно их

подавляла. Кейт ежедневно читала в газетах тревожные известия; в заметках часто встречалось имя Бэнды. Несмотря на возраст, он по-прежнему стоял во главе подпольного движения.

«Конечно, он будет бороться за свой народ, – думала Кейт. – Ведь это Бэнда...»

Кейт отпраздновала пятьдесят шестой день рождения скромно, без лишнего шума, вместе с Тони. Она глядела на него, красивого двадцатичетырехлетнего мужчину, и не верила, неужели это ее сын? Не может быть! Она еще так молода!

Но тут Тони поднял бокал:

– За мою м-мать, с-самую н-необыкновенную ж-женщину в м-мире! С д-днем рожденья!

– Нужно говорить «за мою старенькую мать», – поправила Кейт.

Скоро, уже скоро она уйдет на покой, но ее место займет сын. Единственный сын!

По настоянию Кейт Тони переехал в особняк на Пятой авеню.

– Этот проклятый замок слишком велик для меня одной, здесь просто можно заблудиться, – убеждала она сына. – Все восточное крыло в твоём распоряжении, никто не помешает.

Тони, не находя в себе сил затевать бесконечные споры, согласился.

Каждое утро мать и сын завтракали вместе: за столом говорили только о "Крюгер-Брент Лимитедо. Тони не переставал удивляться страстной любви матери к безликому, бездушному существу, аморфному скоплению зданий, машин и бухгалтерских отчетов. В чем кроется волшебство очарования? В мире столько неоткрытых тайн, неведомых стран, невиданных чудес. К чему растрачивать впустую жизнь, накапливая горы золота и громоздя поверх новые и новые, становясь все могущественнее, сильнее, обретая все большую власть? Тони не понимал мать, но любил и пытался оправдать ее ожидания.

Полет из Рима в Нью-Йорк на самолете компании «Пан-Америкен»

проходил без особых событий. Тони предпочел «Пан-Америкен» остальным авиакомпаниям и теперь, удостоверившись, что все в порядке, взял из портфеля последние отчеты иностранных филиалов «Крюгер-Брент Лимитед» и углубился в работу, отказавшись от обеда и не обращая внимания на предлагавших сигареты и напитки стюардесс.

Женщина средних лет, сидевшая рядом, рассматривала журнал мод. Когда она перевернула страницу, Тони случайно поднял глаза и застыл, узнав в модели, демонстрировавшей бальное платье, Доминик. Никакого сомнения – это она: знакомые изящные черты лица, высокие скулы, роскошные белокурые волосы, темно-зеленые глаза. Сердце Тони учащенно забилося.

– Извините, – обратился он к соседке, – не можете ли вы одолжить мне этот журнал?

На следующее утро он позвонил в магазин одежды и, узнав название рекламного агентства, обратился туда:

– Я пытаюсь найти одну из ваших моделей. Не могли бы вы...

– Минутку, пожалуйста. Послышался мужской голос.

– Чем могу помочь?

– Я увидел фото в последнем выпуске «Вог». Девушка в вечернем платье из магазина «Ротмен». Вы рекламируете их изделия?

– Да.

– Я бы хотел знать номер телефона вашего агентства моделей.

– Это «Карлтон Блессинг Эдженси», – объяснил мужчина и назвал номер.

Через минуту Тони уже разговаривал с секретарем агентства.

– Я пытаюсь разыскать одну из ваших манекенщиц, – объяснил он. – Доминик Массо.

– Извините, но нам запрещено давать какую-либо информацию личного характера.

Раздались короткие гудки.

Тони долго сидел, уставившись на трубку. Должен же быть выход! И он отправился к Брэду Роджерсу.

– Привет, Тони. Кофе?

– Нет, спасибо. Брэд, ты слышал когда-нибудь о «Карлтон Блессинг Эдженси»?

– Естественно. Оно принадлежит нам.

– Что?!

– Одному из филиалов «Крюгер-Брент».

– Когда мы его купили?

– Года два назад. Примерно в то время, когда ты начал работать. А в чем дело?

– Пытаюсь найти одну из моделей. Старая знакомая.

– Никаких проблем. Сейчас позвоню и...

– Не стоит, я сам. Спасибо, Брэд.

Нетерпеливое ожидание охватило Тони.

В этот же день он поехал в агентство и назвал секретарю свое имя. Его немедленно проводили в кабинет директора, мистера Тилтона.

– Какая честь для нас, мистер Блэкуэлл! Надеюсь, ничего непредвиденного не произошло? Наши прибыли за последний квартал...

– Абсолютно ничего. Я бы хотел видеть одну из ваших моделей. Доминик Массо.

– Это одна из лучших! – просиял Тилтон. – У вашей матушки верный глаз!

Тони подумал, что ослышался:

– Простите, не понял.

– Миссис Блэкуэлл лично рекомендовала мисс Массо. Это было одним из условий нашей сделки с «Крюгер-Брент Лимитед». Контракт хранится в архиве, и если желаете...

– Нет, – покачал головой Тони, не в силах осознать, что происходит. Почему мать?...

– Могу я получить адрес Доминик?

– Конечно, мистер Блэкуэлл. Сегодня съемки в Вермонте, но завтра днем она должна возвратиться.

Тони долго ожидал у здания, где жила Доминик. Наконец у тротуара остановился черный автомобиль, из которого вышла она в сопровождении широкоплечего мускулистого мужчины спортивного вида с чемоданом в руках. Увидев Тони, Доминик остановилась как вкопанная.

– Тони! Бог мой! Что... Что ты здесь делаешь?

– Мне нужно поговорить с тобой.

– Как-нибудь в другой раз, приятель, – вмешался спортсмен. – У нас много дел.

– Скажи своему дружку, чтобы убирался, – не глядя на него, велел Тони.

– Эй! Какого дьявола ты о себе воображаешь?

– Уйди, пожалуйста, Бен, – умоляюще прошептала Доминик. – Я тебе позвоню вечером.

Поколебавшись, тот пожал плечами:

– Ладно!

Окинув Тони неприязненным взглядом, он сел в машину и рывком включил сцепление.

– Нам лучше подняться наверх, – вздохнула Доминик. Квартира оказалась большой, расположенной в двух уровнях, с белыми коврами и современной мебелью. Такая должна немало стоить!

– Видно, дела у тебя неплохи, – заметил Тони.

– Да. Повезло, – согласилась Доминик, нервно теребя воротник блузки. – Хочешь чего-нибудь выпить?

– Нет, спасибо. Я пытался найти тебя, когда уехал из Парижа.

– Я тоже уехала.

– В Америку?

– Да.

– Как тебе удалось попасть в это агентство?

– По объявлению в газете, – глухо пробормотала она.

– Когда ты впервые увидела мать, Доминик?

– Я..., в твоей квартире, в Париже. Помнишь? Мы...

– Хватит игр, – прошипел Тони, чувствуя, как из глубины души поднимается бешеная нерассуждающая ярость. – Я в жизни не ударил женщину, но если услышу еще хоть одно слово лжи, учти, обещаю, твое лицо еще долго никому не захочется сфотографировать!

Доминик попыталась что-то ответить, но замолчала, испугавшись выражения в глазах Тони.

– Еще раз спрашиваю, где ты впервые встретила мою мать?

– Когда тебя приняли в Школу изящных искусств, – без колебаний ответила Доминик. – Твоя мать устроила меня туда натурщицей.

Тони ощутил подступающую к горлу тошноту, но заставил себя продолжать:

– Чтобы свести тебя со мной?

– Да. Я...

– Значит, она платила за то, что ты стала моей любовницей, притворилась, что любишь меня?

– Да. После войны..., это было ужасно. Я осталась без гроша. Неужели не понимаешь? Но, поверь, Тони, ты совсем не был мне безразличен...

– Отвечай на вопросы! – процедил Тони.

Доминик тряслась от страха. Такой злобы она еще никогда не видела. Перед ней стоял незнакомец, человек, способный на любое насилие.

– Зачем ей это понадобилось?

– Хотела, чтобы за тобой было кому присматривать. Он вспомнил о нежности, о ласках Доминик, купленных и оплаченных деньгами матери, и

скорчился от стыда. Все это время он был марионеткой в руках Кейт, послушной, доверчивой куклой; Она плевать на него хотела, для нее он был не сыном, а наследным принцем, преемником, следующим главой компании. Вот что было главным для матери – «Крюгер-Брент Лимитед»!

В последний раз поглядев в глаза Доминик, Тони повернулся и, спотыкаясь, побрел к выходу. Девушка смотрела ему вслед, не вытирая катившихся по щекам слез.

– Я не лгала, Тони, когда говорила, что люблю. Поверь... – шептала она. Но Тони уже не слушал.

Кейт работала в библиотеке, когда в комнату ввалился пьяный до бесчувствия Тони.

– Я г-говорил с Д-домипик, – заикаясь, объявил он. – Вы, д-должно быть, з-здорово повеселились з-за моей с-спиной.

– Тони! – встревоженно вскинулась Кейт.

– С эт-той минуты п-прошу не в-вмешиваться в мою л-лич-ную жизнь! Понятно?

И, хватаясь за стены, поковылял к двери.

Кейт, охваченная ужасным предчувствием, ошеломленно молчала.

Глава 20

На следующий день Тони снял квартиру в Гринвич-Вилледж. С матерью он старался встречаться только в конторе. Время от времени Кейт пыталась помириться с сыном; тот оставался холоден и равнодушен.

Сердце Кейт разрывалось от боли, но она была уверена в собственной правоте, в том, что сделала все для блага сына. Точно так, как когда-то для Дэвида. Нельзя было позволить им бросить компанию. Тони был единственным существом в мире, которое она любила, и видя, как сын все больше замыкается в себе, отгораживается от окружающего мира, Кейт невыносимо страдала. У Тони не было друзей. Некогда веселый и жизнерадостный, он стал сдержанным и холодным, воздвиг между собой и остальными невидимый барьер, через который невозможно было проникнуть. И Кейт поняла: сыну необходимо жениться, иметь детей, продолжателей рода. Ему нужно помочь.

В кабинет Кейт вошел Брэд Роджерс.

– Боюсь, у нас неприятности, Кейт.

– Что случилось?

На стол легла телеграмма:

«Южноафриканский парламент объявил Совет представителей туземского населения и коммунистическую партию вне закона».

– Господи! – охнула она.

Это означало, что не только коммунист, но любой человек, не согласный с правительством, будет немедленно арестован и признан виновным.

– Они пытаются таким образом покончить с сопротивлением цветных раз и навсегда, – продолжала Кейт. – Если... Но тут на пороге появилась секретарша:

– На проводе Йоганнесбург. Мистер Пирс звонит.

Мистер Пирс был управляющим йоганнесбургского отделения фирмы. Кейт взяла трубку.

– Здравствуйте, Джонни. Как поживаете?

– Хорошо, Кейт. У меня кое-какие новости, и я думаю, вам лучше об

этом знать.

– В чем дело?

– Только сейчас мне доложили, что полиции удалось схватить Бэнду.

Следующим же рейсом Кейт вылетела в Йоганнесбург, предварительно уведомив о случившемся адвокатов компании. Даже мощь и престиж «Крюгер-Брент Лимитед» могли оказаться бесполезными. Бэнда был объявлен государственным преступником, и Кейт дрожала при одной мысли о том, какой приговор ему грозит. Но она по крайней мере сможет увидаться, поговорить, предложить свою поддержку.

Прямо из аэропорта Кейт отправилась в офис, а оттуда позвонила директору тюрьмы.

– Он в одиночке, миссис Блэкуэлл, и свидания запрещены. Однако в вашем случае возможно сделать исключение.

На следующее утро Кейт приехала в йоганнесбургскую тюрьму. Бэнда был скован по рукам и ногам; их разделяла стеклянная перегородка. Кейт заметила, что друг совсем поседел. Она думала увидеть отчаяние, вызов..., но Бэнда, заметив ее, широко улыбнулся и сказал:

– Так и знал, что ты приедешь. Совсем как твой отец, не можешь, чтобы не впутаться в неприятности.

– Кто бы говорил! – отпарировала Кейт. – Черт возьми! Как вытащить тебя отсюда?

– В гробу. Иначе они меня не выпустят.

– У меня куча опытных адвокатов, которые...

– И не думай, Кейт. Меня наконец упрятали в тюрьму и теперь отыграются: но я смоюсь, вот увидишь.

– О чем ты говоришь?

– Не люблю клеток. Никогда не любил. Еще не построили такую, что меня удержит!

– Бэнда, – умоляюще попросила Кейт, – не пытайся бежать. Пожалуйста. Тебя убьют.

– Черта с два! Вспомни, кто перед тобой! Человек, победивший акул, минные поля и сторожевых псов! Глаза его озарились мягким светом.

– Знаешь, Кейт? Иногда я думаю, что те дни были самыми счастливыми в моей жизни.

Когда Кейт назавтра пришла в тюрьму, начальник сказал:

– Извините, миссис Блэкуэлл, его пришлось перевести, по соображениям безопасности.

– Куда именно?

– Не имею права сказать.

На следующее утро Кейт первым делом развернула газету. Огромные черные буквы заголовка бросились в глаза:

«Лидер мятежников убит при попытке бежать». Через час она ворвалась в кабинет начальника.

– Застрелен при побеге, миссис Блэкуэлл. Это все. «Ошибаешься, – подумала Кейт, – далеко не все. Бэнда погиб, но значит ли это, что его мечта о свободе умерла с ним вместе?»

Через два дня, распорядившись о похоронах, Кейт возвратилась в Нью-Йорк. Из иллюминатора самолета она бросила последний взгляд на землю, которую так любила, эту красную плодородную богатую почву, в недрах которой таились несметные сокровища. Страна, избранная Богом, щедро одарившим ее. Но проклятие, которое лежало на Южной Африке... Глубокая печаль сжала сердце Кейт. Никогда больше не возвратится она сюда. Никогда.

Одной из обязанностей Брэда Роджерса было управлять делами отдела перспективного прогнозирования «Крюгер-Брент Лимитед». Никто лучше, чем он, не мог определить, какие предприятия нужно приобрести и какие сделки заключить, чтобы получить наибольшую прибыль.

Как– то в начале мая Брэд зашел в кабинет Кейт Блэкуэлл.

– Нашел кое-что интересное, Кейт, – объявил он, выкладывая на стол две папки. – Вот. Две компании. Если удастся присоединить любую, считай, это крупный выигрыш.

– Спасибо, Брэд. Сегодня же все просмотрю. Вечером, поужинав в одиночестве, Кейт внимательно прочла секретные отчеты Брэда по обеим компаниям: «Уайатт Ойл энд Тул» и «Интернэшнл Текнолоджи», длинные, подробные, причем оба кончались одинаково: аббревиатурой «НЗП», что означало «не заинтересованы в продаже». По-видимому, придется приложить немало усилий, чтобы их купить, но дело того стоило.

Владельцы обеих фирм, сильные, независимые богатые люди, не желали делиться ни с кем. О том, чтобы просто захватить компании, не могло быть и речи. Кейт явно бросали вызов, а она так давно уже не вступала в открытую борьбу. Чем больше думала Кейт о представившейся возможности, тем заманчивее казалось попытаться завладеть хотя бы одной из фирм. Владелец «Уайатт Ойл энд Тул», техасец Чарли Уайатт, занимался бурением нефтяных скважин, производством бурильного оборудования и

сдавал в аренду перспективные нефтяные участки. Несомненно, приобретение такой компании принесет большой доход «Крюгер-Брент Лимитед».

Кейт перелистала второй отчет. «Интернэшнл Текнолоджи» принадлежала немцу, графу Фредерику Хоффману. Он начал дело с маленького сталелитейного завода в Эссене, и с годами компания разрослась в большой концерн, включающий судостроительные, нефтеперерабатывающие заводы, флотилию нефтеналивных танкеров и фабрику по изготовлению компьютеров.

Даже такой гигант, как «Крюгер-Брент Лимитед», могла поглотить всего одну из этих фирм, но только Кейт знала какую.

Три буквы «НЗП» в конце каждого отчета?!

– Посмотрим, – решила она.

На следующее утро Кейт послала за Брэдом Роджерсом.

– Интересно, как это тебе удалось раздобыть секретные балансовые отчеты? – усмехнулась она. – Расскажи подробнее о Чарли Уайатте и Фредерике Хоффмане.

Брэд хорошо подготовился к допросу.

– Чарли Уайатт родился в Дамаске. Шумный, жизнерадостный, правит своей империей железной рукой, дьявольски умен. Начал с нуля, напал на нефтяное месторождение, выгодно вложил полученные деньги, теперь владеет чуть не половиной Техаса.

– Сколько ему?

– Сорок семь.

– Дети?

– Дочь, двадцати пяти лет. Насколько я слышал, ослепительно красива.

– Замужем?

– Разведена.

– Фредерик Хоффман?

– Года на два моложе Уайатта. Граф – потомок старинной немецкой аристократической семьи, ведущей род со средневековья. Вдовец. Унаследовал от отца маленький сталелитейный завод и смог превратить его в большой концерн. Одним из первых занялся компьютерами. Владелец множества патентов на микропроцессоры. Каждый раз, когда мы покупаем компьютер, граф Хоффман получает прибыль.

– Дети?

– Дочь, двадцать три года.

– Красива?

– Не удалось узнать, – извинился Брэд Роджерс. – У этой семьи очень

узкий круг знакомых. И, поколебавшись, добавил:

– Мы скорее всего зря тратим на это время. Я встречался в банке кое с кем из руководства обеих компаний. Ни Уайатт, ни Хоффман совершенно не заинтересованы ни в продаже, ни в слиянии, ни в организации совместного предприятия. Сам видел финансовую отчетность. Они еще не спятили, чтобы добровольно терять независимость.

И снова Кейт почувствовала неодолимое желание ответить на брошенный вызов.

Президент Соединенных Штатов пригласил Кейт в Вашингтон на конференцию ведущих промышленников мира по оказанию помощи слаборазвитым странам. Кейт сняла трубку, и через два дня Чарли Уайатт и граф Фредерик Хоффман тоже получили приглашение.

Кейт заранее составила себе представление о владельцах обеих фирм и, как оказалось, почти не ошиблась. Она никогда еще не встречала застенчивых техасцев, и Чарли Уайатт не был исключением. Мужчина огромного роста, громкоголосый, с широченными плечами, телом располневшего игрока в футбол и круглым красивым лицом, он старался произвести впечатление простака и рубахи-парня, но Кейт было трудно обмануть. Чарли Уайатт разбогател не волей случая.

Кейт редко встречала столь блестящий ум и твердый характер. Ей достаточно было поговорить с ним десять минут, чтобы понять: этого человека нельзя заставить делать что-либо насильно. Никто не может уговорить, убедить его угрозами, лестью или шантажом продать компанию. Но Кейт обнаружила его слабое место и затаилась.

Граф Фредерик Хоффман был полной противоположностью Уайатту – худощавый, красивый, с аристократическим лицом и мягкими каштановыми волосами, чуть тронутыми сединой на висках. Неизменно вежливый, с манерами хорошо воспитанного человека. Но под внешностью любезного галантного аристократа крылись, как чувствовала Кейт, стальная воля и нестигаемое упорство.

Конференция в Вашингтоне продолжалась три дня. На совещаниях председательствовал вице-президент, а президент приехал с кратким визитом.

Кейт Блэкуэлл произвела на собравшихся огромное впечатление: трудно было поверить, что эта красивая обаятельная женщина стояла во главе огромной корпорации, которую помогла создать; мужчины наперебой ухаживали за ней. На это Кейт и рассчитывала.

Когда ей удалось наконец остаться с Чарли Уайаттом наедине, Кейт, как бы между прочим, спросила:

- Вы здесь с семьей, мистер Уайатт?
- С дочерью. Ей нужно кое-что купить.
- Ах, в самом деле! Как мило!

Собеседнику и в голову не пришло, что Кейт была известна каждая мелочь, вплоть до того, какое платье выбрала вчера в магазине его дочь!

– В пятницу я даю обед для узкого круга. У меня дом в Дарк Харбор. Буду очень рада видеть вас с дочерью. Уайатт, не колеблясь, ответил:

– Много слышал о вашем поместье, миссис Блэкуэлл, и давно хотел увидеть.

– Прекрасно, – улыбнулась Кейт. – Сейчас распоряжусь, чтобы вас доставили моим личным самолетом.

Через десять минут Кейт уже беседовала с Фредериком Хоффманом.

– Вы здесь один или с женой, мистер Хоффман? – осведомилась она.

– Несколько лет назад овдовел, – вздохнул Хоффман. – Я приехал с дочерью.

Кейт знала, что они остановились в отеле «Хэй-Эдамс».

– Я решила дать обед и хотела бы пригласить вас с дочерью на уик-энд в Дарк Харбор.

– Мне, к сожалению, нужно возвратиться в Германию, – покачал головой Хоффман, но, еще раз оглядев Кейт, неожиданно улыбнулся:

– Думаю, еще день-два не составит особой разницы.

– Вот и хорошо. Мой самолет к вашим услугам. Каждые два месяца Кейт приглашала гостей в поместье на Дарк Харбор, куда съезжались самые талантливые и влиятельные люди со всего света, и никто не скучал на таких вечерах. Но на этот раз Кейт задумала нечто особенное. Главной задачей было уговорить Тони приехать. Весь последний год он редко бывал в Дарк Харбор, а если и появлялся, то на полчаса, не больше, и тут же уезжал.

Теперь же от его прихода зависело все.

Когда Кейт упомянула о гостях, Тони коротко объявил:

– Н-не могу. В п-понедельник нужно л-лететь в К-канаду, а у м-меня еще к-куча дел.

– Это очень важно, – объяснила Кейт. – Чарли Уайатт и граф Хоффман тоже приглашены. Они...

– Я знаю, кто они, – прервал Тони. – Брэд Роджерс рассказал. Но, по моему, дело безнадежное.

– Я все-таки хочу попытаться.

– К-какую компанию ты выбрала? – спросил он.

– «Уайатт Ойл энд Тул». Наши прибыли могут увеличиться на

пятнадцать процентов, если не больше. Когда арабские страны поймут, что держат мир за горло, они образуют картель, и цены на нефть подскочат до небес. За нее будут платить золотом, вот увидишь!

– А как насчет «Интернэшнл Текнолоджи»?

– Неплохая фирма, – пожала плечами Кейт, – но с «Уайатт Ойл» не сравнить. Великолепная сделка. Поэтому ты мне понадобишься завтра, Тони. Канада может подождать.

Тони не терпел приемы, ненавидел бесконечные утомительные разговоры, хвастливых мужчин и хищных женщин. Но дело есть дело.

– Хорошо, – согласился он.

Наконец– то все устроилось так, как желала Кейт.

Отец и дочь Уайатты долетели самолетом компании до Мейна, а оттуда – переправились на пароме в Дарк Харбор, где уже ожидал лимузин. Кейт встречала гостей у входа. Брэд Роджерс говорил правду: Люси, дочь Чарли, и в самом деле была поразительно красива: высокая, черноволосая, с карими глазами, в которых переливались золотистые искорки, и почти классически совершенными чертами лица. Узкое блестящее платье, как перчатка, облегло великолепную фигуру. Брэд узнал, что два года назад Люси развелась с мужем, богатым итальянским плеybоем.

Кейт представила ее Тони, пристально глядя на сына, ожидая его реакции. Ничего. Он вежливо приветствовал гостей и повел их в бар, где уже трудился бармен.

– Какая прелестная комната, – воскликнула Люси неожиданно мелодичным, нежным голосом, без малейшего техасского акцента. – Вы много времени проводите здесь, Тони?

– Нет.

Подождав, не скажет ли он что-нибудь еще, Люси вновь поинтересовалась:

– Выросли в Дарк Харбор?

– Частично, – бросил Тони.

Подоспевшая Кейт вмешалась в разговор, стараясь сгладить неприятное впечатление от поведения сына.

– Тони провел здесь много счастливых минут, но теперь бедняжка так занят, что нечасто может приезжать сюда, чтобы немного отдохнуть, верно, Тони?

Сын, холодно взглянув на нее, покачал головой:

– Н-нет. С-собственно говоря, м-мне нужно быть в Канаде...

– Но он отложил поездку, чтобы познакомиться с вами, – закончила за него Кейт.

– Очень рад, сынок! – широко улыбнулся Чарли Уайатт. – Много слышал о тебе. Не хочешь сменить место работы? Для тебя в моей компании место всегда найдется!

– Думаю, в-вряд ли м-моя мать одобрит т-такое решение, мистер Уайатт.

Тот снова расплылся в улыбке:

– Понимаю. Замечательная женщина ваша мать! Видели бы, как все в Белом доме перед ней на задних лапках ходили! Всех мужчин приручила...

Он хотел сказать еще что-то, но в этот момент в комнату вошли Фредерик Хоффман и его дочь, Мэрией, бледная копия отца, с такими же аристократическими чертами лица и гордой осанкой. Длинные светлые волосы ниспадали на плечи. На Мэриен было кремовое шифоновое платье, и рядом с Люси Уайатт она казалась невидной и угловатой.

– Позвольте представить мою дочь Мэрией, – сказал граф Хоффман. – Простите за опоздание. Самолет задержался в аэропорту Ла Гуардия.

– Какая неприятность! – воскликнула Кейт, хотя Тони отлично знал: именно она велела отложить вылет, чтобы Уайатты успели приехать раньше Хоффманов.

– Мы только собирались выпить в честь гостей! Что бы вы хотели?

– Скотч, пожалуйста, – ответил граф Хоффман. Кейт обернулась к Мэрией:

– А вам, дорогая?

– Ничего, благодарю вас.

Начали съезжаться остальные гости, и Тони переходил от одних к другим, прекрасно играя роль гостеприимного хозяина. Никто, кроме Кейт, и заподозрить не мог, как мало он интересуется подобными торжествами.

Дело даже не в том, что Тони смертельно скучал – он просто старался отгородиться от всего происходящего и совершенно потерял вкус к общению с людьми. Именно это и беспокоило Кейт.

В просторной столовой были накрыты два стола. Кейт усадила Мэрией Хоффман между председателем Верховного суда и сенатором за один стол, а Люси Уайатт – справа от Тони, за другой. Все мужчины в комнате, и женатые и холостые, не сводили с Люси глаз. Кейт напряженно прислушивалась к попыткам девушки вовлечь Тони в разговор. Очевидно, он ей понравился. Кейт улыбнулась про себя. Неплохое начало!

На следующее утро, в субботу, за завтраком, Чарли Уайатт сказал Кейт:

– Хорошая у вас яхта, миссис Блэкуэлл. Можно позавидовать. Мы в Техасе не очень-то этим увлекаемся. Вечная спешка, знаете ли. Чаше

летаем самолетами.

Он оглушительно расхохотался и добавил:

– Хотя неплохо бы прокатиться. Иногда полезно и ноги промочить!

– А я хотела показать вам сегодня наш остров, – улыбнулась Кейт. – Яхта может и до завтра подождать. Чарли Уайатт, задумчиво поглядев на нее, кивнул:

– Вы очень добры, миссис Блэкуэлл. Спасибо. Тони, исподтишка наблюдавший за ними, ничего не сказал. Первый ход был сделан, но знали об этом Чарли Уайатт? Возможно, нет. Он, конечно, неглупый человек, но никогда не встречал такого противника, как Кейт. Кейт обратилась к Тони и Люси:

– Такая прекрасная погода! Почему бы вам не покататься на ялике?

– О, мне бы очень хотелось! – воскликнула Люси, прежде чем Тони успел открыть рот.

– П-простите, – резко ответил он. – Мне д-должны звонить из-за границы.

И почувствовал неодобрительный взгляд матери.

– Я сегодня еще не видела вашего отца, – сухо сказала она Мэрией Хоффман.

– Он очень рано встает. Отправился бродить по острову.

– Я слыхала, вы увлекаетесь верховой ездой. У нас здесь прекрасная конюшня.

– Спасибо, миссис Блэкуэлл. Я просто погуляю, если не возражаете.

– Конечно, нет.

И Кейт вновь обернулась к Тони:

– Может, все-таки передумаешь? Мисс Уайатт расстроилась.

В голосе звучали металлические нотки.

– Н-не могу.

Для Тони это была хоть маленькая, но победа. Он вовсе не желал сдаваться. Больше не позволит матери обманывать себя. Однажды она уже использовала его как пешку в шахматной игре, и теперь Тони прекрасно видел все ее хитрости. Кейт желала заполучить «Уайатт Ойл энд Тул». Чарли Уайатт не собирался продавать фирму или брать компаньонов. Но у каждого человека свои слабости, и Кейт нащупала уязвимое место Чарли – его дочь. Если Люси выйдет замуж за Тони, объединение компаний в той или иной форме неизбежно. Тони взглянул на мать, пытаясь скрыть, как презирает ее уловки. Кейт знает, как расставлять ловушки: Люси не только красива, но умна и обаятельна. Но такая же марионетка в руках Кейт, какой был когда-то сам Тони. Он не желал участвовать в этой грязной игре, и

ничто на свете не могло заставить его обратить внимание на Люси. Это сражение между ним и матерью он выиграет!

После завтрака Кейт подошла к сыну:

– Тони, пока ждешь звонка, почему бы тебе не показать мисс Уайатт, какой у нас сад?

Отказаться было бы прямой грубостью.

– Хорошо, – процедил Тони.

Он постарается поскорее отделаться от Люси.

– Чарли, вас не интересуют редкие книги? – обратилась Кейт к Уайатту. – У меня очень неплохая коллекция.

– Меня интересует все, что вы желаете показать, – галантно ответил техасец.

Кейт рассмеялась, почти небрежно обернулась к Мэрией.

– А вы, дорогая, не будете скучать?

– Нет, благодарю, миссис Блэкуэлл. Пожалуйста, не беспокойтесь.

– Не буду, – пообещала Кейт.

И Тони знал, что мать говорит искренне, Мэрией была ей не нужна, поэтому можно не обращать на девушку внимания. Конечно, мать была достаточно любезна и улыбочива, но Тони чувствовал это неодолимое стремление идти по трупам к заветной цели, сметая все на пути, и ненавидел ее за это.

– Вы готовы, Тони? – кокетливо улыбнулась Люси. Они направились к двери. Тони услышал театральный шепот матери:

– Не правда ли, прекрасная пара!

Тони и Люси пошли через большой ухоженный сад к причалу, где был пришвартован «Корсар». В воздухе разливался резкий аромат цветов, красочным ковром покрывающих каждую пядь земли.

– Здесь у вас просто рай, – заметила Люси.

– Да.

– В Техасе таких цветов нет.

– Нет?

– Тут так тихо и спокойно.

– Да.

Люси резко остановилась, повернулась лицом к Тони и гневно взглянула ему в глаза.

– Я чем-то обидел вас? – удивился он.

– Вы не желаете со мной разговаривать, а это, по-моему, оскорбительно. Отделяетесь междометиями, такое впечатление, будто я..., я гоняюсь за вами.

– А разве нет?

– Конечно, да. – неожиданно засмеялась она. – Если бы только я могла научить вас разговаривать, думаю, между нами вполне могло что-то быть.

Тони широко улыбнулся.

– О чем вы думаете? – спросила Люси.

– Ни о чем.

Тони представил, как разъярится мать, когда узнает, что проиграла.

Кейт повела Чарли Уайатта в большую, отделанную дубовыми панелями библиотеку, где на полках стояли первые издания Оливера Голдсмита, Лоренса Стерна, Тобиаса Смолетта и Джона Донна. Чарли Уайатт медленно пошел вдоль стен, пожирая глазами бесценные сокровища. Наконец он остановился перед роскошно переплетенным изданием «Эндимиона» Джона Китса.

– Это издание Роузберга? – воскликнул он. Кейт удивленно взглянула на собеседника.

– Да. Существуют только два экземпляра.

– У меня второй, – кивнул Уайатт.

– Как это я не догадалась! – засмеялась Кейт. – Уж эти мне «простые техасские парни»! Даже меня одурачили!

– Неужели? – ухмыльнулся Уайатт. – Значит, не потерял еще сноровки!

– Где вы учились?

– Колорадское горное училище, потом Оксфорд. Удалось получить стипендию Родса.

Он задумчиво поглядел на Кейт:

– Кстати, как мне сказали, приглашение в Белый дом прислали именно по вашей рекомендации.

– Просто упомянула ваше имя, – пожала плечами Кейт. – Они с большой радостью пригласили вас.

– Чрезвычайно благородно с вашей стороны, Кейт. А теперь, пока мы одни и никто не помешает, может, объясните все-таки, что у вас на уме?

Тони работал у себя в кабинете, маленькой комнате на первом этаже. Услышав стук открывающейся двери, он поднял глаза. На пороге стояла Мэрией Хоффман. Не успел Тони открыть рот, чтобы дать знать о своем присутствии, как услышал удивленный возглас. Девушка разглядывала картины на стене – работы Тони, те немногие, что он привез из Парижа и

повесил в единственной комнате, которую считал своей в этом доме. Он хотел было помешать Мэрией, но не успел; та медленно пошла вдоль стен, переходя от полотна к полотну.

– Престо невероятно, – пробормотала она.

Тони внезапно разозлился. Не настолько уж плохи его картины! Он невольно дернулся, кресло скрипнуло. Мэрией обернулась и наконец заметила его.

– Ох, простите. Не думала, что тут кто-то есть. Тони поднялся.

– Все в порядке, – почти грубо бросил он, хотя не терпел, когда в его святилище входили посторонние. – Ищете что-то?

– Нет..., просто бродила по дому. Ваша коллекция картин достойна любого музея.

– Кроме этих! – вырвалось у Тони.

Мэрией была явно сбита с толку враждебностью в голосе молодого человека и вновь молча повернулась к картинам. Присмотревшись внимательнее, она заметила подпись.

– Так это вы нарисовали?

– Сожалею, что вам они так не понравились.

– Да они великолепны! Она подошла ближе:

– Не понимаю! Если вы такое умеете, почему занимаетесь еще чем-то?! Поверьте, я считаю вас прекрасным художником! Это правда. Не просто хорошим, а великим мастером!

Тони, не слушая, схватился за спинку кресла, желая только одного: чтобы девушка поскорее ушла.

– Я тоже хотела стать художником, – продолжала Мэриен. – Проучилась год у Оскара Кокошки, но бросила, потому что поняла: бесполезно, никогда мне не подняться выше среднего уровня. А вы учились в Париже?

Хоть бы она оставила его в покое!

– Да.

– И не захотели продолжать? Уехали?

– Да.

– Какая жалость! Неужели...

– Вот вы где?

Оба испуганно обернулись. В дверях стояла Кейт. Оглядев каждого по очереди, она подошла к Мэрией:

– Я повсюду вас ищу. Ваш отец упомянул, что вам нравятся орхидеи. Не хотите ли посмотреть наши оранжереи?

– Спасибо, – пробормотала Мэриен. – Я в общем-то... Кейт, не

слушая, обернулась к сыну и резко спросила:

– Тони, не считаешь, что нужно уделить внимание и другим гостям?

Потом взяла Мэриен за руку и увела из комнаты. Тони все время казалось, что перед его глазами разворачивается невероятно увлекательный сценарий. Он зачарованно наблюдал, с каким искусством управляет мать людьми словно марионетками. Ни одного лишнего движения. Сначала подстроила так, чтобы Уайатты прибыли раньше Хоффманов. За обедом сажала Люси рядом с Тони. Каждый день о чем-то совещалась с Чарли Уайаттом. Все уловки были шиты белыми нитками, но потому только, как был вынужден признать Тони, что он слишком хорошо знал мать, ее непреклонную волю и страсть к интригам. Конечно, Люси Уайатт была прелестной девушкой и могла бы любому стать хорошей женой. Любому. Но не ему. Только не с такой покровительницей, как Кейт Блэкуэлл, его мать, жестокая, расчетливая стерва, и пока Тони помнит об этом, ее махинации ему не страшны. Интересно, каким будет следующий ход?

Долго Тони ждать не пришлось. Они пили коктейли, сидя на террасе.

– Мистер Уайатт был так добр, что пригласил нас погостить у себя на ранчо! – объявила Кейт Тони. – Как мило, не правда ли?

Лицо ее сияло от радости:

– Никогда не была на настоящем техасском ранчо! «Крюгер-Брент» уже давно владел ранчо в Техасе, вероятно, раза в два больше поместья Уайатта.

– Вы ведь приедете, Тони? – вмешался Чарли.

– Пожалуйста, соглашайтесь, – присоединилась Люси. Они явно объединились. Тони почувствовал, что ему бросают вызов, и решил его принять.

– Б-буду р-рад.

– Как хорошо!

Лицо Люси осветила улыбка, Кейт облегченно вздохнула. Но Тони лишь мрачно подумал, что, если Люси собирается затащить его в постель, зря тратит время. Рана, причиненная матерью и Доминик, была еще свежа, обман поселил в сердце Тони глубокое недоверие к женщинам. Все его отношения с ними сводились теперь к редким посещениям высокооплачиваемых девушек по вызову – они, по крайней мере, не притворяются, что любят. Требовали от Тони только денег и сразу, не жеманясь, называли цену. Клиент платил за то, что они предлагали, и получал свое сполна. Ни сложностей, ни слез, ни проблем.

Люси Уайатт ожидал не очень приятный сюрприз.

В воскресенье с утра пораньше Тони отправился в бассейн. Мэрией

Хоффман была уже в воде. Белый купальник красиво облегал изящную стройную фигуру. Тони постоял немного, наблюдая, как Мэрией уверенными взмахами рук рассекает воду. Увидев его, девушка подплыла поближе:

- Доброе утро!
- Здравствуйте. Вы хорошо плаваете.
- Люблю спорт, совсем как отец, – улыбнулась Мэрией, выходя из бассейна.

Тони подал девушке полотенце, глядя, как та без излишнего кокетства вытирает мокрые волосы.

- Вы уже позавтракали? – спросил он.
- Нет. Сомневаюсь, чтобы повара так рано вставали.
- Ведь это все равно, что отель! Обслуживание круглосуточное.
- Прекрасно! – улыбнулась Мэрией.
- Где вы живете?
- По большей части в Мюнхене. У нас старый замок, недалеко от города.

- А выросли тоже в Мюнхене?
- Это длинная история, – вздохнула Мэриен. – Во время войны меня отослали в швейцарскую школу, потом поступила в Оксфорд, училась в Сорбонне, несколько лет жила в Лондоне. Вот и все. – Она взглянула ему прямо в глаза:

- А где были вы?
- О, в Нью-Йорке, Мэне, Швейцарии, Южной Африке, несколько лет сражался на Тихом океане, потом Париж...

Он резко оборвал себя, словно испугавшись, что и так слишком много сказал.

- Простите, что вмешиваюсь не в свое дело, но не могу понять, почему вы бросили живопись?

- Не имеет значения! – коротко бросил Тони. – Лучше пойдем завтракать.

Они ели вдвоем на террасе, выходявшей на сверкающую гладь залива. Тони с удивлением обнаружил, что с Мэриен легко говорить обо всем. В ней проглядывалась странная смесь чуть чопорного достоинства и мягкости, почему-то привлекавшая его. Она не флиртowała, не трещала без умолку и, казалось, искренне интересовалась им и его делами. Тони почувствовал, что ему нравится эта спокойная, неглупая девушка, но не мог отделаться от мысли, что скорее всего увлечение его подогревается именно желанием сделать назло матери.

– Когда вы возвращаетесь в Германию?

– На следующей неделе, – ответила Мэриен. – Я выхожу замуж.

Слова девушки застали Тони врасплох, – Вот как, – пробормотал он. – Поздравляю. Кто счастливый жених?

– Он доктор. Мы друг друга с детства знаем. Почему она так сказала? Разве это столь важно? И Тони неожиданно для себя, спросил:

– Не хотели бы поужинать со мной в Нью-Йорке? Мэриен долго смотрела на него, как бы затрудняясь ответить:

– Буду очень рада, – кивнула она наконец.

– Договорились! – широко улыбнулся Тони.

Они поужинали в маленьком приморском ресторанчике на Лонг-Айленд. Тони хотел остаться с Мэриен наедине, подальше от глаз матери. И хотя их встреча ничем не напоминала любовное свидание, Тони понимал: если мать узнает об этом, обязательно найдет способ отравить радость. Все, происходящее между ним и Мэриен, было глубоко личным, и Тони не желал, чтобы прекрасный вечер был испорчен. Он давно забыл, что может так весело смеяться, беззаботно шутить, радоваться жизни, хорошо чувствовать себя в обществе женщины. " – Когда возвращаетесь домой в Германию?

– На следующей неделе. Выхожу замуж..."

Всю неделю Тони встречался с Мэриен. Он отменил поездку в Канаду, сам не понимая, почему, хотя думал, что, возможно, просто хочет сделать назло матери, отомстить за обман и интриги. Но если с самого начала это было правдой, то теперь...

С каждым днем Мэриен все больше притягивала его. Тони нравились честность и открытость девушки – качества, которые он уже давно отчаялся найти в людях.

Мэриен почти не бывала в Нью-Йорке, поэтому Тони показывал ей город. Они взбирались на Статую Свободы, поднимались на крышу Эмпайр-Стейт-билдинг, обедали в Чайнатауне, провели целый день в музее искусств Метрополитен и полдня в галерее «Фрик». Оказалось, у них одинаковые вкусы, и хотя оба, по молчаливому согласию, избегали говорить о личном, взаимное притяжение ощущалось без слов. Часы летели незаметно, и наконец настала пятница, день, когда Тони нужно было отправиться на ранчо Уайаттов.

– Когда ты летишь домой?

– В понедельник утром.

В голосе Мэриен не было радости.

Вечером Тони вылетел в Хьюстон. Он мог бы воспользоваться одним

из самолетов компании, но не желал даже случайно оказаться наедине с матерью – она стала для него всего-навсего партнером по бизнесу – умным, сильным, хитрым и опасным.

В аэропорту Хьюстона Тони ожидал «роллс-ройс» с водителем, одетым в джинсы и яркую сорочку.

– Большинство гостей предпочитает лететь прямо до ранчо, – объяснил он Тони. – Там у мистера Уайатта большая посадочная полоса, а оттуда до ворот ехать почти час, да еще полчаса до большого дома.

Тони подумал, что шофер преувеличивает, но ошибся. Ранчо Уайатт больше походило на город. Въехав в ворота, они свернули на асфальтированную дорожку, миновали электростанцию, амбары, загоны, гостевые бунгало и домики для прислуги, и наконец очутились перед громадным одноэтажным зданием, показавшимся Тони гнетуще-уродливым.

Кейт уже приехала и сидела вместе с хозяином на террасе, выходящей на плавательный бассейн размером с небольшое озеро. Они были так погружены в беседу, что даже не заметили Тони, но тут Уайатт поднял глаза и мгновенно замолчал. Тони почувствовал, что речь идет о нем.

– А вот и он! Благополучно добрался, Тони?

– Д-да, с-спасибо.

– Люси надеялась, что ты сможешь прилететь раньше, – вставила Кейт.

– Н-неужели?

Чарли хлопнул Тони по плечу:

– Мы устраиваем праздник на открытом воздухе в честь вашего приезда. Будем жарить мясо на вертелах! Скоро гости соберутся!

– В-вы очень добры, – кивнул Тони.

Если они собираются зарезать жирного тельца ради возвращения блудного сына, придется им остаться голодными!

Появилась Люси в белой рубашке и облегающих поношенных джинсах. Даже Тони был вынужден признать, что никогда не видел девушки прекраснее.

– Тони! Я уже думала, ты не приедешь!

– П-прости, что опоздал. М-много дел.

– Неважно, – улыбнулась Люси, – главное, что ты здесь. Куда хочешь пойти?

– А что ты можешь предложить? Люси взглянула ему в глаза.

– Все, что хочешь, – тихо ответила она. Кейт и Чарли с умилением взирали на молодую пару. Даже по техасским стандартам приготовления к празднику велись с большим размахом. Двести человек гостей прибыли на

ранчо личными самолетами, в «мерседесах» или «роллс-ройсах». На противоположных концах огромного поля играли два оркестра. Официанты разносили шампанское, виски, пиво и лимонад, четыре повара жарили на огне туши быков, баранов, бифштексы, цыплят и уток, готовили мексиканские блюда, варили омаров, крабов и кукурузные початки. На столах были расставлены блюда с печеным картофелем, мясом, горошком в стручках, салатами, горячими домашними лепешками и кукурузным хлебом с медом и джемом. На отдельных столиках сервировали десерт – только что испеченные пироги, торты, пудинги и с дюжину сортов приготовленного тут же мороженого.

Тони никогда не думал, что можно просто так, ради прихоти выбросить на ветер столько денег. В этом, наверное, и была разница между старыми и новыми состояниями. Прежде говорили: «Если разбогател, не показывай этого». Теперь же: «Если удалось поймать удачу за хвост, выставляй ее напоказ, чтобы все завидовали!»

Происходящее казалось Тони не правдоподобным. Женщины в облегающих платьях с откровенным декольте, в сверкающих драгоценностях, мужчины, дружески хлопающие приятелей по спине, громко окликающие знакомых. Несколько раз он чуть не сбил с ног официантов, нагруженных подносами, и подумал, что неизвестно, кого здесь больше: гостей или слуг. Краем уха он улавливал обрывки разговоров:

– Приперся из самого Нью-Йорка продать свой товар, а я ему: «Извините, мистер, зря время тратите. Не на того напали»...

– С этими трепачами держи ухо востро! Языком мелет, а у самого ни гроша за душой!... Рядом появилась Люси:

– Ты ничего не ешь. Надеюсь, все в порядке, Тони?

– Аб-бсолютно. Великолепный праздник!

– Это еще не все, приятель, – широко улыбнулась девушка. – Погоди, что скажешь, когда увидишь фейерверк!

– Фейерверк?

– Ну да.

Она сжала руку Тони.

– Жаль, что здесь такая толкучка. Папочке очень уж хотелось произвести впечатление на твою мать. Завтра все разъедутся.

«И меня не будет», – мрачно подумал Тони. Он сделал ошибку, приняв приглашение. Если матери так нужна эта компания, пусть придумает другой способ ее заполучить. Он поискал глазами Кейт. Та, окруженная толпой восторженных слушателей, о чем-то оживленно говорила. Она была

прекрасна и выглядела лет на десять моложе своих шестидесяти. Ни морщинки на лице, ни грамма лишнего жира благодаря ежедневной зарядке и массажу. Мать относилась к себе так же беспощадно, как и к другим, и Тони, хоть и против воли, не мог ею не восхищаться. Постороннему наблюдателю могло показаться, что Кейт веселится от души. Она болтала с гостями, улыбалась, шутила. Только сын знал, как она все это ненавидит, но вынуждена притворяться, чтобы добиться желанной цели. Он вспомнил о Мэрией, о том, с каким отвращением она взирала бы на эту бессмысленную оргию, и сердце сжалось от боли:

«Я выхожу замуж за доктора. Мы друг друга с детства знаем».

Через полчаса, когда Люси вновь попыталась разыскать Тони, тот был уже на пути в Нью-Йорк.

Он позвонил Мэрией из аэропорта.

– Я хочу тебя видеть.

– Да, Тони, – без колебаний согласилась девушка.

Тони так и не смог забыть о Мэрией. Он так долго обходился без друзей, что не сознавал, насколько одинок. И вот теперь, в разлуке с Мэрией, ощутил, как многого лишен. Быть вместе – означало вновь обрести утраченные нежность, радость жизни, навсегда забыть об уродливых, преследующих его призраках. Одна назойливая мысль терзала Тони – потеряв Мэриен, он потеряет себя. Только она одна, единственная, была нужна ему.

Когда Мэриен переступила порог его квартиры, в Тони проснулся, казалось, навеки умерший голод, и, глядя на нее, он увидел в глазах желание такое же сильное, и не было слов, чтобы описать случившееся чудо.

Она оказалась в его объятиях; обоих подхватил девятый вал нахлынувших чувств и поднял высоко-высоко, завертел, закружил, обволок и понес куда-то задыхающихся, счастливых, не сознающих ни времени, ни пространства, затерянных в невероятном наслаждении, потрясенных чарующим волшебством. Позже, когда они, обессиленные, но так и не разжавшие рук, лежали в полутьме, Тони еле слышно прошептал:

– Выйдешь за меня замуж, Мэриен?

Обхватив его лицо руками, девушка взглянула Тони в глаза:

– Ты уверен? – нежно спросила она. – Это не так просто, дорогой.

– Твоя помолвка?

– Нет. Я ее разорву. Дело в твоей матери.

– Какое отношение она имеет?...

– Нет, позволь мне объяснить, Тони. Кейт хочет, чтобы ты женился на

Люси Уайатт.

- Это она так считает. Тони снова обнял Мэриен.
- У меня своя жизнь.
- Она меня возненавидит, Тони, а я этого не хочу.
- А знаешь, чего хочу я? – улыбнулся Тони. И чудо совершилось
ВНОВЬ.

Только через двое суток Кейт Блэкуэлл узнала, что случилось с сыном.

Он исчез с ранчо Уайаттов без всяких объяснений или извинений: Чарли Уайатт оскорбился, а Люси была вне себя от ярости. Кейт пришлось извиняться, наспех придумывать причины столь поспешного отъезда. В эту же ночь она вылетела в Нью-Йорк и, переступив порог дома, сразу же бросилась к телефону. В квартире Тони никто не отвечал. То же самое было и на следующий день.

Наконец, когда Кейт не знала что и делать, раздался звонок. Еще не успев поднять трубку, она поняла, кто это.

- Тони, с тобой все в порядке?
- Д-да, мама.
- Ты где?
- В свадебном путешествии. Вчера мы с Мэрией Хоффман поженились.

Последовало долгое, долгое молчание.

- Ты м-меня слышишь?
- Да, конечно.
- М-могла бы по к-крайней м-мере п-поздравить, п-поже-лать счастья, или как там обычно говорится, – с горькой насмешкой продолжал он.
- Да. Да, конечно. Желаю тебе большого счастья, сын.
- Спасибо, м-мать.

Послышались короткие гудки. Кейт положила трубку, нажала кнопку селектора.

- Зайди, пожалуйста, Брэд.

Когда Брэд Роджерс вошел в кабинет, Кейт объявила.

- Только сейчас звонил Тони. Брэд взглянул на лицо Кейт и охнул:
- Господи! Неужели тебе наконец удалось?!
- Не мне, а Тони, – улыбнулась Кейт. – Считай, империя Хоффмана в наших руках. Брэд рухнул в кресло:

– Просто невероятно! Я ведь знаю, какой Тони упрямец! Как ты смогла уговорить его жениться на Мэрией Хоффман?

– Очень просто, – вздохнула Кейт. – Делала вид, что пытаюсь сосватать ему другую.

Все было продумано до мелочей. Мэрией будет прекрасной женой для Тони и вернет ему утраченную радость жизни.

Несколько лет назад Люси перенесла операцию. Ей удалили матку. У Чарли Уайатта никогда не будет внуков, Мэрией родит Тони наследников.

Глава 21

Через полгода после свадьбы компания Хоффмана влилась в «Крюгер-Брент Лимитед». Контракты были подписаны в Мюнхене, в знак уважения к Фредерику Хоффману, который оставался главой немецкого отделения. Тони поражала покорность, с которой мать приняла его женитьбу. Она не любила проигрывать, но все же сердечно встретила Мэрией, когда новобрачные возвратились из свадебного путешествия, и объявила Тони, что она очень рада видеть сына счастливым. Больше всего Тони смущало то, что она казалась совершенно искренней. Такая быстрая смена настроения казалась подозрительной, не в характере матери. Тони решил, что, возможно, не так хорошо знает ее, как представлял. Брак оказался очень удачным. Мэрией помогла Тони вновь стать самим собой, и все, особенно Кейт, заметили, как он изменился.

Жена сопровождала Тони во всех деловых поездках. Они вместе играли, смеялись, им никогда не было скучно вдвоем. И Кейт с гордостью думала, что сделала все для счастья сына.

Именно Мэрией удалось перекинуть мост через пропасть, разделившую мать и сына. Когда они вернулись домой после медового месяца, Мэрией сказала как-то:

– Я хочу пригласить твою мать к обеду.

– Нет. Ты не знаешь ее, Мэрией. Это...

– Но я как раз и хочу поближе узнать ее, – настаивала Мэриен. – Пожалуйста, Тони.

Тони была невыносима мысль об этом, но в конце концов он сдался и приготовился весь вечер выслушивать ехидные намеки, но ошибся. Кейт была трогательно счастлива наконец-то увидеться с сыном и его женой. Она в свою очередь пригласила их к ужину на следующей неделе, и постепенно такие встречи вошли в привычку.

Кейт и Мэриен стали друзьями: часто звонили друг другу, еженедельно завтракали вместе.

Как-то они условились встретиться в ресторане, но в ту же минуту, как появилась Мэрией, Кейт почувствовала неладное.

– Двойной виски, пожалуйста, – попросила Мэрией официанта, – со льдом.

Обычно она не пила ничего, кроме вина.

– Что случилось, Мэриен?

– Я была у доктора Харли. Внезапной тревогой укололо сердце:
– Заболела? Тебе плохо?
– Нет, все в порядке. Только... И, захлебываясь от волнения, выложила все. Это началось несколько дней назад. Мэриен почувствовала себя неважно и записалась на прием к Джону Харли.

– Выглядите неплохо, – улыбнулся доктор. – Сколько вам лет, миссис Блэкуэлл?

– Двадцать три.

– У кого-нибудь в семье сердечные заболевания?

– Нет.

Он что– то записал в карточке.

– Рак?

– Нет.

– Ваши родители живы?

– Отец. Мать погибла в катастрофе.

– Болели свинкой?

– Нет.

– Корью?

– Да. В десять лет.

– Коклюшем?

– Нет.

– Оперировались?

– Гланды. В девять.

– Больше никогда не лежали в больнице?

– Нет..., то есть да, однажды. Недолго.

– С каким диагнозом?

– В школе я играла в женской хоккейной команде и как-то во время матча потеряла сознание. Очнулась в госпитале, но пробыла там только два дня.

– Вас ударили мячом или сбили с ног?

– Нет. Просто упала в обморок.

– Сколько вам тогда было?

– Шестнадцать. Доктор сказал, что это, возможно, связано с подростковым расстройством функций желез. Джон Харли резко выпрямился:

– Чувствовали ли вы, когда очнулись, слабость в какой-либо половине тела?

Мэриен на секунду задумалась:

– Собственно говоря, да: справа, но через несколько дней все прошло. Раньше ничего подобного не было.

– Головные боли? Нечеткость зрения? Пелена перед глазами?

– Да, но это тоже продолжалось недолго. Вы думаете, я чем-то больна? – забеспокоилась Мэриен.

– Пока не уверен. Нужно сделать анализы, обследоваться, хотя бы для того, чтобы убедиться, все ли в порядке.

– Какое обследование?

– Скажем, ангиография головного мозга. Пока волноваться нет причин. Сейчас все и сделаем.

Через три дня Мэриен позвонила медсестра и попросила прийти. Джон Харли ожидал ее в кабинете.

– Ну что ж, теперь все ясно.

– Что-то неладно?

– Не совсем. Ангиограмма показала, что у вас был небольшой удар, инсульт. В медицине это называется микроаневризмой и очень часто бывает у женщин, особенно в подростковом возрасте. В мозге лопнул крошечный сосуд, и произошло небольшое кровотечение. Давление вызвало головные боли и временное ухудшение зрения. К счастью, такие вещи проходят сами по себе.

Мэриен внимательно слушала, стараясь не поддаваться панике.

– Что... Что все это означает? Может случиться снова?

– Наверяд ли, – улыбнулся он, – разве что вы собираетесь снова играть в хоккей. Этого, пожалуй, делать не стоит, а в остальном можете жить обычной жизнью.

– Мы с Тони любим верховую езду и теннис. Это?...

– Главное, никаких перегрузок, и разрешаю все – от тенниса до секса.

– Слава Богу, – облегченно вздохнула Мэриен и уже поднялась, чтобы уйти, но доктор остановил ее:

– Еще одна вещь, миссис Блэкуэлл. Если вы и Тони хотите иметь детей, я бы посоветовал лучше усыновить ребенка. Мэриен замерла:

– Вы сказали, что со мной ничего серьезного!

– Совершенно верно. Беда в том, что беременность сильно увеличивает сосудистое давление, особенно начиная с шести недель, и при таком неприятном явлении, как аневризма, степень риска чрезвычайно высока, а последствия непредсказуемы. Исход может быть летальным.

Поверьте, в наше время процедура усыновления крайне несложна. Я мог бы договориться...

Но Мэрией уже не слушала. В ушах звучал голос Тони:

«Я хочу ребенка. Малышку..., чтобы как две капли воды походила на тебя...»

– ...Я больше просто не могла это выносить, – продолжала рассказывать Мэрией. – Выбежала из кабинета и еле добралась сюда.

Кейт сверхъестественным усилием воли постаралась не показать, какой сокрушительный удар нанесла ей невестка. Но выход должен найтись. Обязательно найдется.

Ей все же удалось выдавить ободряющую улыбку:

– Господи! А я уже испугалась, что услышу что-нибудь действительно ужасное.

– Но, Кейт, Тони и я так хотели иметь ребенка!

– Мэрией, доктор Харли – паникер. С тобой случился какой-то пустяк, да еще много лет назад, а Харли пытается сделать из мухи слона. Ты ведь знаешь этих докторов!

Она взяла Мэрией за руку:

– Ты ведь хорошо себя чувствуешь, дорогая?

– Все было прекрасно до того, как...

– Ну вот. Ведь у тебя потом никаких приступов не было?

– Нет.

– Потому что все прошло. Он сам сказал, такие вещи сами собой излечиваются.

– Но доктор говорил, что есть опасность...

– Мэрией, – вздохнула Кейт, – каждый раз, когда женщина собирается рожать, она многим рискует. Жизнь полна неожиданностей, и самое важное – решить, в каких именно случаях стоит рисковать, не так ли?

– Да.

Мэрией долго сидела молча и наконец, что-то решив, поднялась:

– Вы правы. Давайте ничего не скажем Тони, а то он расстроится. Сохраним все в секрете.

– Хорошо, раз ты так хочешь, – согласилась Кейт, подумав, с каким удовольствием придушила бы Джона Харли за то, чтобы до смерти перепугал невестку.

Через три месяца Мэрией забеременела. Тони был в восторге, Кейт тихо торжествовала. Доктор Харли пришел в ужас.

– Я немедленно договорюсь об аборте, – сказал он Мэрией.

– Нет, доктор Харли, я прекрасно себя чувствую и буду рожать.

Когда Мэрией рассказала Кейт о визите к доктору, та ворвалась в его кабинет:

– Как вы смеете предлагать моей невестке сделать аборт?!

– Кейт, я говорил ей, что если она доносит младенца, то может погибнуть при родах.

– Может?! Незачем попусту волновать ее, если не знаете точно. Все будет в порядке!

Восемь месяцев спустя, ночью, у Мэрией начались схватки. Тони проснулся от стога и начал поспешно одеваться.

– Не беспокойся, милая, я сейчас же отвезу тебя в больницу. Боли становились непереносимыми.

– Пожалуйста, скорее.

Мэрией спросила себя, не стоит ли рассказать Тони об опасениях доктора Харли. Нет, Кейт верно говорила – решать должна только сама женщина. Жизнь так прекрасна, и Господь Бог не допустит, чтобы с Мэрией случилось несчастье.

Когда они добрались до больницы, все уже было готово. Тони отправился в приемную. Мэрией отвезли в смотровую. Доктор Мэтсон, акушер, измерил у нее кровяное давление, нахмурился, снова измерил и велел сестре:

– Везите в операционную. Немедленно! Тони стоял у сигаретного автомата в больничном коридоре, когда услышал сзади чей-то голос:

– Ну и ну! Неужели наш Рембрандт? Давненько не виделись!

Обернувшись, Тони узнал мужчину, который был с Доминик в день их последней встречи. Как она назвала его? Бен. Мужчина с открытой неприязнью уставился на Тони. Ревность? Что Доминик ему наговорила? Но тут появилась сама Доминик:

– Сестра сказала, Мишлен в реанимации. Мы придем... Заметив Тони, она остановилась:

– Тони! Что ты здесь делаешь?

– Жена рождает.

– Твоя мамочка и это устроила? – съехидничал мужчина.

– Что вы мелете?!

– Доминик сказала, что ты и шагу без мамы не делаешь, сынок!

– Бен! Немедленно прекрати!

– Почему? Разве это не так? Ведь ты сама говорила?! Тони повернулся к Доминик:

– О чем он говорит?!

– Глупости, – поспешно ответила она. – Бен, пойдем отсюда!

Но Бен еще не свел счеты с врагом:

– Хотел бы я иметь такую мамочку, приятель! Хочешь красивую бабенку для постельных утех – тебе ее покупают, пожелал выставку в Париже – подносят на блюде. Решишь...

– Вы с ума сошли!

– Неужели? Доминик, он что, не знал?

– Чего я не знал? – вскинулся Тони.

– Ничего, не обращай внимания.

– Он говорит, что парижскую выставку устроила мать. Это ложь!

И тут Тони заметил выражение лица девушки:

– Это ложь?!

– Нет, – нерешительно пробормотала Доминик.

– Значит, она заплатила Гергу..., за...

– Тони, но картины ему действительно нравились.

– Скажи ему о критике! – подначивал Бен.

– Хватит, Бен!

Доминик пошла было к выходу, но Тони успел схватить ее за руку:

– Подожди! Начала, так договаривай до конца! Это мать пригласила его?

– Да, – шепотом призналась Доминик.

– Но он сказал, что я бездарен.

Доминик, не в силах перенести боль в глазах Тони, отвернулась.

– Это не правда. Андре д'Юссо сказал твоей матери, что ты можешь стать великим художником.

Тони был не в силах осмыслить происходящее:

– Мать заплатила д'Юссо за то, чтобы он меня уничтожил?

– Она считала, что делает это для твоего же блага. Ужасная правда потрясла Тони. Неужели она все время лгала? Управляла им, не давала жить как хочется? А д'Юссо! Неподкупный критик, человек обширных знаний и безупречного вкуса, продался?! Невероятно. Но Кейт, конечно, знает, сколько стоит каждый. Уайлд, должно быть, имел в виду Кейт, когда сказал, что некоторые знают цену всему, но не имеют представления об истинных ценностях. Жертвовать всем во имя компании! Компания и Кейт Блэкуэлл – единственное целое. Тони, спотыкаясь, побрел, сам не зная куда.

А в операционной врачи отчаянно боролись за жизнь Мэриен. Давление было угрожающе низким, сердце еле билось. Ей перелили кровь, поставили кислородную палатку. Но все было напрасно, Мэрией впала в бессознательное состояние, вызванное мозговым кровоотечением, когда

появился на свет первый ребенок, и умерла через три минуты после рождения второго.

Кто– то окликнул Тони:

– Мистер Блэкуэлл!

Он поднял голову. Рядом стоял доктор Мэтсон.

– У вас две прекрасных здоровых дочурки, мистер Блэкуэлл!

Но Тони уже заметил, что доктор отводит глаза.

– Мэрией..., как она..., с ней ведь все в порядке?

– Мне очень жаль, – глубоко вздохнул доктор. – Мы сделали все, что могли. Она умерла, на...

– Что?! – вскрикнул Тони и, схватив Мэтсона за лацканы, начал трясти. – Лжешь! Она жива!

– Мистер Блэкуэлл...

– Где она? Я хочу ее видеть!

– Сейчас туда нельзя, ее готовят...

– Это ты убил ее, негодяй! – завопил Тони. – Ты убил! Руки его сомкнулись на горле доктора. Подбежавшие практиканты с трудом оторвали его от несчастного Мэтсона.

– Успокойтесь, мистер Блэкуэлл! Тони боролся, как помешанный.

– Я хочу видеть свою жену!

Заметив происходящее, поспешно подошел доктор Харли:

– Отпустите, – велел он. – Оставьте нас наедине. Доктор Мэтсон и практиканты ушли. Тони неудержимо рыдал.

– Джон, они уб-били Мэрией. З-зарезали ее...

– Она умерла, Тони, и мне ужасно жаль. Но никто не убивал Мэрией. Я с самого начала предупреждал, что этим может кончиться.

Наступило долгое молчание. Наконец Тони удалось что-то понять.

– О чем вы говорите?!

– Разве Мэрией не сказала вам? А Кейт? Тоже промолчала? Тони непонимающе уставился на него:

– Мать? О чем вы?

– Она назвала меня паникером и посоветовала Мэрией не обращать внимания и родить ребенка. Мне очень жаль, Тони. Я видел близнецов. Красивые девочки. Не хочешь...

Но Тони уже исчез.

Дворецкий Кейт открыл дверь:

– Доброе утро, мистер Блэкуэлл.

– Доброе утро.

Дворецкий, окинув взглядом растрепанного небритого Тони,

попятился:

– Что-то случилось, сэр?

– Все в порядке. Не принесете кофе, Лестер?

– Сейчас, сэр.

Тони посмотрел вслед дворецкому.

«Сейчас!» – приказал холодный голос в мозгу, управляющий теперь всеми его поступками.

– Да, сейчас!

Тони повернулся и направился в охотничью комнату. Подошел к стеклянному шкафу с коллекцией оружия и долго смотрел на блестящие смертоносные игрушки.

«Открой шкаф, Тони».

Он повиновался. Повернул ключ, вынул револьвер из стойки, повернул барабан, чтобы убедиться, на месте ли патроны.

«Она сейчас наверху, Тони».

Тони подошел к лестнице. Он понял: не мать виновата в том, что несет зло людям. Дьявол овладел ею, и он, ее сын, должен найти исцеление. Компания украла у матери душу, и Кейт не признавала, что делает. Она и компания слились в единое целое, и когда он убьет мать, компания тоже погибнет.

Он подкрался к спальне Кейт.

«Открой дверь!» – велел голос.

Тони открыл дверь. Кейт, стоявшая перед зеркалом, обернулась.

– Тони! Что с...

Он тщательно прицелился и нажал курок.

Глава 22

Право первородства – закон о наследовании старшим ребенком фамильного титула или поместья известен с давних пор. До сих пор при родах в королевских династиях присутствует специальный назначенный придворный, чтобы в случае рождения близнецов никто бы не смог оспорить права наследования. Помня это, доктор Мэтсон сразу же записал в карточке, какая из девочек родилась первой.

Все в один голос твердили, что никогда еще не видели таких красивых детей. Здоровые, крепкие, веселые малыши. Больничные сестры то и дело забежали в детскую под различными предлогами, только чтобы еще раз взглянуть на них. Конечно, женщин большей частью привлекали сплетни и слухи, ходившие о семье Блэкуэлл. Мать умерла при родах. Отец исчез, и говорили, что он пытался убить Кейт Блэкуэлл, но никто не мог подтвердить, так ли это. Газеты молчали, если не считать короткой заметки о том, что у Тони Блэкуэлла произошел нервный срыв из-за смерти жены и его пришлось поместить в больницу. Когда репортеры пытались расспросить доктора Харли, тот отделался коротким:

– Без комментариев!

Последние несколько дней были для него сплошным кошмаром. До последнего часа доктор Харли будет помнить, что увидел, когда, примчавшись на вызов что-то невнятно бормочущего дворецкого, ворвался в спальню Кейт. Она лежала на полу без сознания, кровь из ран в груди и шее лилась на белый ковер. Тони, распахнув дверцы шкафов, методично резал ножницами платья матери на мелкие куски.

Доктор Харли только взглянул на Кейт и, подбежав к телефону, вызвал скорую помощь. Опустился на колени, попытался найти пульс и наконец ощутил слабые, чуть слышные толчки. Лицо ее посинело: наступил шок. Доктор быстро сделал инъекцию адреналина и бикарбоната натрия.

– Что случилось? – спросил он.

По лицу дворецкого градом катился пот:

– Н-не знаю. Мистер Блэкуэлл попросил принести ему кофе. Я был на кухне, как вдруг услышал выстрелы. Побежал наверх и увидел миссис Блэкуэлл на полу. А мистер Блэкуэлл стоял над ней и повторял: «Тебе больше не будет больно, мама. Зло исчезло. Я его убил». А потом подошел к шкафу и начал резать ее одежду.

Доктор Харли повернулся к Тони:

– Что ты делаешь?

Тот злобно лязгнул ножницами:

– Помогаю матери. Уничтожаю компанию. Ведь это компания убила Мэрией, вы знаете!

И продолжал сосредоточенно расправляться с костюмами.

Подоспевшая машина «скорой» умчала Кейт в реанимационную маленькой частной больницы, владельцем которой была «Крюгер-Брент Лимитед». Пока длилась операция по удалению пуль, ей четыре раза переливали кровь.

Трое санитаров с трудом скрутили Тони и впихнули его в другую машину; он успокоился только после сделанного доктором укола. Врач «скорой» вызвал полицию, и доктору пришлось попросить Брэда Роджерса объяснить с ними. Харли так и не понял, как Роджерсу удалось добиться того, чтобы в прессу не просочились слухи.

Доктор отправился в больницу к Кейт.

– Где мой сын? – прошептала она, увидев Джона.

– О нем позаботились, Кейт. Все в порядке.

Тони отправили в частный санаторий в Коннектикуте.

– Джон, почему он пытался убить меня? Почему? – с невыносимой мукой вырвалось у Кейт.

– Считает вас виновной в смерти Мэрией.

– Но это безумие! Джон Харли ничего не ответил. «Он считает вас виновной в смерти Мэрией»... Долго еще после ухода доктора Кейт мысленно спорила с ним. Это не правда, не правда. Она любила Мэрией, потому что та дала Тони счастье. Все, что я делала, было только для тебя, сынок, все мои мечты только о тебе. Как ты мог не понять этого? Сын ненавидел ее до того, что пытался убить. Душу Кейт разрывала такая боль, что не хотелось жить. Но нужно держаться. Она всегда поступала правильно. Это остальные ошибаются. Тони – слабак. Все они слабаки. Ее отец не вынес смерти сына. Одиночество убило мать. Но она, Кейт, не такая. Она справится со всеми невзгодами. Выживет. Перетерпит. И компания по-прежнему будет процветать.

КНИГА ПЯТАЯ.
ИВ И АЛЕКСАНДРА. 1950-1975 ГОДЫ

Глава 23

Кейт медленно выздоравливала. Она приехала в Дарк Харбор и там проводила целые дни, веря в целительную силу морской воды и солнца.

Тони перевели в частную психиатрическую лечебницу, где он мог получить самый лучший медицинский уход. Кейт вызвала психиатров из Парижа, Вены и Берлина, но приговор был окончательным: ее сын навсегда останется параноиком и шизофреником, одержимым манией убийства.

– Он не реагирует на медикаменты и лечение, буйствует. Приходится ограничивать его свободу.

– Как это, ограничивать? – переспросила Кейт.

– Он в палате, обитой войлоком, и большую часть времени мы вынуждены держать его в смиренной рубашке.

– Это необходимо?

– Иначе, миссис Блэкуэлл, он убьет каждого, кто подойдет. Кейт прикрыла глаза от боли. Они говорили не о ее добром милом мальчике. Этот незнакомец, одержимый, опасный маньяк – ее Тони?

– Неужели ничего нельзя сделать?

– Он неумняем. Приходится держать его на наркотиках, но как только действие ослабевает, он вновь впадает в буйство. Нельзя бесконечно продолжать подобное лечение.

Кейт внезапно выпрямилась во весь рост:

– Что вы предлагаете, доктор?

– В подобных случаях удаление небольшой части мозга дает поразительные результаты. Кейт судорожно сглотнула:

– Лоботомия?

– Совершенно верно. Ваш сын сможет нормально функционировать во всех отношениях, за исключением того, что не будет испытывать сильных отрицательных эмоций...

Кейт, похолодев, молча выслушала до конца. Герр Моррис, молодой доктор из клиники Меннингера, нарушил неловкое молчание:

– Я знаю, это, должно быть, очень трудно для вас, миссис Блэкуэлл. Может, вы хотите обдумать...

– Если нет другого способа прекратить его мучения, – сказала Кейт, – делайте операцию.

Фредерик Хоффман решил забрать внушек в Германию и специально прилетел за ними из Мюнхена. Кейт показалось, что со дня смерти Мэрией он постарел на двадцать лет. Ей было жаль Хоффмана, но отдать детей Тони?!

– Им нужна женская забота, Фредерик. Мэрией сама пожелала бы, чтобы они воспитывались здесь. Вы можете приезжать в любое время и навещать их.

В конце концов ей удалось уговорить Фредерика.

Близнецов перевезли в дом Кейт, где одна из комнат была отведена под детскую. Кейт лично беседовала со всеми кандидатками и наконец нашла гувернантку, молодую француженку Соланж Дюна.

Старшую называли Ив, младшую Александрой. Они были неразличимо похожи, словно зеркальное отражение друг друга. Кейт не переставала поражаться чуду, созданному Мэрией и Тони. Малышки были сообразительны, хорошо развивались, хотя Ив с первых недель казалась взрослее Александры, первая начала ползать, говорить и ходить. Александра быстро следовала примеру сестры, но всегда была второй. Она обожала Ив и старалась во всем ей подражать.

Кейт старалась как можно больше времени проводить с девочками: в их обществе она молодела. И она снова позволила себе помечтать.

«Когда–нибудь, в один прекрасный день, я состарюсь и захочу уйти на покой...»

Кейт торжественно отпраздновала первый день рождения малышей. Каждой испекли свой торт, они получили десятки подарков от друзей дома, служащих компании и прислуги. Не успела Кейт оглянуться, как девочкам исполнилось два года. Трудно поверить, как быстро растут дети! С каждым днем все больше проявлялись различия в их характере: Ив была сильнее, отчаянней Александры. Робкая, застенчивая Александра старалась во всем подражать сестре. Кейт часто благословляла судьбу за то, что потерявшие родителей внушки могут по крайней мере быть опорой и поддержкой друг другу.

Вечером, накануне того дня, когда девочкам исполнилось пять лет, Ив попыталась убить Александру.

В Библии сказано:

«...Сыновья в утробе ее стали биться... Господь сказал ей: два племени во чреве твоём и два различных народа произойдут из утробы твоей. Один народ сделается сильнее другого и больший будет служить меньшему...».

Но Ив не имела ни малейшего желания служить младшей сестре. Ив

ненавидела Александру с тех пор, как помнила себя. Она впадала в молчаливую ярость, когда кто-то брал сестру на руки, ласкал или дарил подарки. Ив чувствовала себя обманутой, обойденной. Она хотела получить все – любовь и прекрасные вещи, окружавшие ее, и не выносила Александру за то, что та похожа на нее, одевается точно так же, крадет часть внимания бабушки, принадлежащую только ей. Даже день рождения был один на двоих. Александра обожала Ив, а та презирала ее за это. Александра была щедра, благородна, всегда готова поделиться игрушками или куклами, что наполняло Ив еще большим отвращением. Она ни в чем не испытывала недостатка, но требовала еще и еще, желала заполучить все, принадлежащее Александре. По вечерам девочки под бдительным оком Соланж Дюна обязательно произносили вслух молитву, но Ив всегда добавляла еще одну, про себя, умоляя Бога насмерть сразить Александру. Время шло, а желание Ив не исполнялось.

И тогда она решила, что сама позаботится обо всем. До дня рождения оставалось совсем немного, но Ив была невыносима мысль о том, что придется снова делить с сестрой праздник. Александра крадет ее друзей, ее подарки? Значит, нужно поскорее убить сестру.

Накануне дня рождения Ив лежала в постели, сгорая от возбуждения. Дождавшись, пока все уснули, она подошла к Александре.

– Алекс, – прошептала она, – давай спустимся в кухню, посмотрим именинные торты.

– Но все спят, – пробормотала Александра, не открывая глаз.

– Мы никого не разбудим.

– Мадемуазель Дюна это не понравится. Почему не подождать до утра?

– Потому что я хочу посмотреть сейчас. Идешь со мной или нет?

Александра потрясла головой, чтобы прогнать остатки сна. Ей совсем не хотелось вылезать из теплой кровати, спускаться вниз, но как обидеть сестру?

– Хорошо, пойдем, – согласилась она, надевая шлепанцы. На обеих девочках были розовые нейлоновые ночные сорочки.

– Тише, – велела Ив. – Не шуми.

– Не буду, – пообещала Александра.

Они на цыпочках вышли из спальни, направились по длинному коридору мимо спальни мадемуазель Дюна, вниз по крутым ступенькам задней лестницы, ведущей в кухню, огромную комнату с двумя большими газовыми плитами, шестью печами, тремя холодильниками и гигантской морозильной камерой.

Ив отыскала в холодильнике два именинных торта, испеченных поварихой миссис Тайлер. На одном надпись: «С днем рождения, Александра», на другом – «С днем рождения, Ив».

«На следующий год, – радостно подумала Ив, – будет всего один торт».

Вынув торт Александры, она положила его на большую колоду для рубки мяса в центре кухни, открыла ящик стола и вынула пачку разноцветных свечей.

– Что ты делаешь? – удивилась Алесандра.

– Хочу посмотреть, как он выглядит с зажженными свечами, – объяснила Ив, начиная втыкать свечи в глазурь.

– Не нужно, Ив. Ты испортишь торт. Миссис Тайлер рассердится.

Ив выдвинула другой ящик и достала две большие коробки кухонных спичек.

– Пойдем, поможешь мне.

– Я хочу спать.

– Ладно! – разозлилась Ив. – Беги в спальню, трусливая мышь! Я сама справлюсь. Александра поколебалась:

– Что я должна делать? Ив вручила ей коробку:

– Зажги свечки!

Александра боялась огня. Обеих девочек без конца предупреждали, чтобы те не смели играть со спичками, рассказывали ужасные истории о непослушных детях. Но она не хотела идти наперекор Ив и покорно начала зажигать свечи. Ив зорко наблюдала за сестрой.

– Глупенькая, нужно было начинать с противоположной стороны! – воскликнула она.

Александра, стоя спиной к Ив, нагнулась над тортом, чтобы дотянуться до оставшихся свечек. Та быстро зажгла спичку и поднесла к коробке. Спички взорвались. Ив тут же уронила их у ног Александры так, что длинную сорочку мгновенно охватило огнем. Александра не сразу поняла, что произошло, и только почувствовав ужасную боль в ногах, опустила глаза и закричала:

– Помогите! Помогите!

Ив, как зачарованная, уставилась на пылающую ткань, пораженная неожиданным успехом своего плана. Окаменевшая от ужаса Александра приросла к полу.

– Не двигайся! – велела Ив. – Сейчас принесу ведро с водой!

И с колотящимся от боязливой надежды сердцем побежала в буфетную.

Александра осталась в живых благодаря фильму ужасов. Миссис Тайлер, повариху

Блэкуэллов, пригласил в кино сержант полиции, с которым она время от времени проводила несколько приятных часов в постели. Но именно в этот день на экране без конца мелькали изувеченные тела и трупы: миссис Тайлер наконец не выдержала и, не досмотрев, как бандит обезглавливает жертву, поднялась:

– Для тебя все это, должно быть, привычно, Ричард, но с меня довольно.

Сержант Ричард Доуэрти неохотно последовал за дамой. Парочка оказалась у особняка Блэкуэллов на час раньше, чем предполагала, и когда миссис Тайлер открыла дверь черного хода, они услышали вопли Александры и помчались на кухню. К счастью, ни миссис Тайлер, ни сержант не растерялись. Доуэрти бросился к девочке, сорвал с нее пылающую рубашку. Ноги и бедра были обожжены, но огонь не успел коснуться волос и верхней части тела. Александра, потеряв сознание, упала. Миссис Тайлер вылила на горящий пол кувшин воды.

– Вызови «скорую», – велел сержант. – Миссис Блэкуэлл дома?

– Должно быть, наверху, спит.

Разбуди Миссис Тайлер только успела позвонить в «скорую», как из буфетной донесся крик: Ив, истерически рыдая, вбежала с кастрюлей воды.

– Александра умерла? – вопила она. – Где Александра? Миссис Тайлер, утешая, обняла девочку.

– Нет, дорогая. С ней все в порядке. Скоро выздоровеет!

– Это я виновата, – всхлипывала Ив. – Она хотела зажечь свечи на торте. Нельзя было ей позволять. Миссис Тайлер погладила Ив по спине:

– Не плачь, милая. Ты здесь ни при чем.

– Я с-случайно уронила с-спички, и Алекс загорелась. Это было ужасно!

Сержант Доуэрти взглянул на Ив и сочувственно вздохнул:

– Бедный ребенок!

– У Александры ожоги второй степени на ногах и спине, – сказал Кейт доктор Харли, – но она поправится. Лекарства у нас великолепные. Какое счастье, что они вовремя подоспели! Могла произойти ужасная трагедия.

– Знаю, – кивнула Кейт.

Она видела ожоги Александры и до сих пор не могла прийти в себя. Но, поколебавшись минуту, все же сказала:

– Джон, знаете, меня больше беспокоит Ив.

– Она тоже обожглась?

– Нет, физически Ив здорова, но бедная девочка винит себя за то, что случилось. У нее каждую ночь кошмары! Приходится сидеть с ней, пока не уснет. Боюсь нанести ей еще большую душевную травму. Ив так чувствительна!

– Дети очень быстро забывают подобные вещи, Кейт. Если возникнут какие-нибудь проблемы, дайте знать, я порекомендую хорошего детского врача.

– Спасибо, – с облегчением сказала Кейт.

Ив и вправду была ужасно расстроена. Праздник отменили. Опять все из-за Александры!

Сестра быстро поправлялась, шрамов не осталось. Чувство вины совершенно не мучило Ив, ведь Кейт заверила ее:

– Несчастный случай с каждым может случиться, дорогая. Нельзя же себя винить.

Ив не знала, что такое угрызения совести. Принесло же не вовремя миссис Тайлер! Испортила такой прекрасный план!

Санаторий, где постоянно жил Тони, находился в прекрасной лесной местности, в Коннектикуте. Кейт ездила туда каждый месяц. Лоботомия дала превосходные результаты – Тони больше не буйствовал, никого не пытался убить. Он узнавал Кейт, всегда вежливо спрашивал о дочерях, но никогда не выражал желания их увидеть. Он вообще ничем не интересовался, хотя казалось, был полностью доволен жизнью. Не счастлив. Именно доволен. Но хотел ли он чего-нибудь?

Кейт спросила как-то мистера Бергера, заведующего лечебницей:

– Неужели Тони целый день ничем не занят?

– Ну что вы, миссис Блэкуэлл. Он часами рисует. Ее сын, у ног которого мог лежать весь мир, сидит и тупо мажет красками холст. Кейт изо всех сил старалась не думать о бессмысленно растраченной жизни Тони, навсегда потухшем разуме.

– Что он рисует?

Мистер Бергер смущенно кашлянул:

– Невозможно понять, миссис Блэкуэлл.

Глава 24

Последующие два года Кейт провела в непрестанной тревоге за Александру. С ней беспрерывно что-то случалось. Неприятности сыпались как из мешка. Девочки проводили летние каникулы в поместье Блэкуэллов на Багамеких островах, и там Александра едва не утонула, когда играла в бассейне с Ив; к счастью, садовник подоспел вовремя. Год спустя, когда обе сестры отправились на прогулку в горы, Александра умудрилась поскользнуться у самого обрыва и спаслась только потому, что ухватила за куст, росший на крутом склоне.

– Прошу тебя, последи за сестрой, – велела Кейт Ив. – Она не то что ты, вечно попадает в беду.

– Знаю, – серьезно кивнула Ив. – Я ее не оставлю, бабушка.

Кейт любила обеих внучек, но по-разному. Им было уже семь, обе необыкновенно красивы, с длинными мягкими светлыми волосами, точеными личиками и глазами Мак-Грегоров. Похожие как две капли воды, но такие разные! Кротость Александры напоминала Кейт о Тони, Ив же больше походила на нее – такая же сильная, упорная, уверенная в себе.

В школу их возили на семейном «роллс-ройсе». Александра всегда смущалась, что одноклассники увидят автомобиль и шофера; Ив была на седьмом небе.

Кейт еженедельно давала девочкам деньги на карманные расходы, но требовала, чтобы те записывали, на что их потратили. Ив, как правило, оставалась без гроша и постоянно брала займы у Александры, подделывая цифры в расходной книге, чтобы бабушка не узнала. Но Кейт, как всегда, все было известно, и она едва сдерживала улыбку. Всего семь лет и такой способный бухгалтер.

Сначала Кейт втайне мечтала, что Тони когда-нибудь поправится, покинет лечебницу и вновь станет работать в «Крюгер-Брент». Но время шло, а мечты так и оставались мечтами. Ей тактично дали понять, что, хотя Тони разрешат приезжать ненадолго (всегда в сопровождении санитаря), он никогда не сможет вести жизнь нормального человека.

Шел 1962 год; компания процветала и расширялась: необходимость в способных руководителях все росла. Кейт отпраздновала свое семидесятилетие. Волосы ее совершенно поседели, хотя фигура и осанка оставались прежними. Но Кейт сознавала: уже недалек тот день, когда придется уйти на покой. Необходимо быть готовой. Нужно сохранить

компанию – опору благополучия семьи. Брэд Роджерс – прекрасный работник. Значит, придется ждать, пока близнецы не подрастут настолько, что смогут взять в руки бразды правления. Кейт вспомнила слова Сесиля Родса:

«Так мало сделано – так много еще предстоит сделать».

Девочкам было уже двенадцать: еще немного и станут совсем взрослыми. Кейт всегда старалась проводить с внучками как можно больше времени, но теперь уделяла им особое внимание: предстояло принять важное решение.

На Пасху они все вместе вылетели самолетом компании в Дарк Харбор. Девочки успели побывать почти во всех семейных поместьях, кроме йоганнесбургского, но Дарк Харбор оставался самым любимым местом, где можно на свободе побегать, поплавать, покататься на водных лыжах. Ив попросила разрешения пригласить, как обычно, несколько подруг, но на этот раз Кейт не согласилась. Бабушка, эта таинственная властная женщина, от которой зависело все, и перед которой трепетали слуги и подчиненные, пожелала провести эти дни только с внучками.

Девочки поняли, что должно произойти нечто важное: бабушка не отходила от них, брала на прогулки, на пляж, кататься верхом и на яхте.

Сестры по-прежнему были похожи как две капли воды, но Кейт больше интересовали различия в их характере. Сидя на веранде и наблюдая, как внучки играют в теннис, она сделала окончательные выводы. Ив была прирожденным лидером, Александра навсегда останется ведомой; Ив упорствует в достижении цели, Александра – более гибкая, послушная, Ив – природная спортсменка, с Александрой по-прежнему вечно что-то случается. Только на днях, когда девочки катались на небольшой парусной шлюпке, а Ив была у руля, ветер внезапно изменил направление, парус развернулся; Александра, не успев уклониться, получила удар по голове, свалилась за борт и едва не утонула. Команда другой лодки, случайно оказавшейся поблизости, помогла Ив вытащить сестру. Кейт все задавалась вопросом: неужели Александра такая, потому что родилась на три минуты позже? Но теперь причины уже неважны. Кейт наконец приняла решение. Больше нет сомнений: она ставит свои деньги на Ив, и сумма достаточно велика – десять миллиардов долларов. Нужно найти ей подходящего мужа, а когда Кейт отойдет от дел, Ив будет управлять «Крюгер-Брент». Что касается Александры, она сможет спокойно жить, наслаждаясь богатством и занимаясь делами многочисленных благотворительных фондов и учреждений, основанных Кейт. Да-да, это именно то, что нужно Александре. Такая добрая милая девочка!

Первым шагом в осуществлении планов Кейт было найти для Ив подходящую школу. Она выбрала «Брайаркрест», превосходное учебное заведение в Южной Каролине.

– Обе мои внучки – прекрасные девочки, – сообщила Кейт миссис Чендлер, директрисе, – но вы увидите, что Ив сообразительнее. Она очень способна, и я хочу надеяться, что вы уделите ей как можно больше внимания.

– Всем нашим ученикам уделяется одинаковое внимание, миссис Блэкуэлл. Но вы упомянули только Ив. Как насчет Александры?

– Александра? Милый ребенок! Двумя уничижительными словами расправившись со второй внучкой, Кейт поднялась:

– Я буду постоянно справляться об их успехах. И директриса каким-то странным образом поняла: она только что получила предостережение. Обе девочки были в восторге от новой школы, особенно Ив. Она наслаждалась свободой, возможностью уехать из дома, подальше от строгого надзора бабушки и наставлений Соланж Дюна. Режим в «Брайаркрест» был строгим, но Ив это не беспокоило, она давно уже привыкла обходить самые жесткие правила. Единственное, что раздражало, – присутствие Александры. Услыхав, что их отправляют в школу, она умоляюще попросила:

– Можно я поеду одна? Ну, пожалуйста, бабушка.

– Нет, дорогая, – ответила Кейт. – Думаю, лучше, если Александра будет с тобой.

– Как скажешь, бабушка, – скрывая поднявшуюся злобу, согласилась Ив.

В присутствии Кейт она всегда старалась быть вежливой и любящей девочкой, прекрасно зная, на чьей стороне сила. Отец – психопат, запертый в лечебнице, мать умерла. Все деньги в руках у бабки. Ив знала, что они богаты, хотя не имела представления, сколько денег у семьи. Достаточно, чтобы купить все прекрасные вещи, которые она хотела. Ив так любила наряды и драгоценности. Только одно препятствие стояло на пути: Александра.

Одним из самых любимых занятий близнецов было ежеутреннее посещение класса верховой езды. У большинства девочек были собственные лошади, и Кейт ко дню рождения подарила внучкам двух кобылок. Джером Дэвис, берейтор, терпеливо обучал близнецов всем премудростям верховой езды и скачек с препятствиями. Некоторые из его прежних учеников выигрывали золотые медали на соревнованиях мирового класса, а Джером мог безошибочно распознать прирожденного наездника.

Новенькая, Ив Блэкуэлл, была именно такой. Она не задумывалась о том, что делает, нужно ли натянуть поводья или привстать в седле. Ив словно сливалась со своей лошадью, и когда прекрасное животное взвивалось над барьером, золотые волосы девочки полоскались по ветру, словно блестящий флаг. Зрелище было поистине великолепным. Глядя на нее, Дэвис восхищенно думал, что уж эту ничто в мире не остановит.

Томми, молодому груму, больше нравилась Александра. Мистер Дэвис наблюдал, как Александра в ожидании своей очереди седлает коня. Сестры носили на рукавах ленточки разного цвета, чтобы их было легче различить. Ив помогала Александре затянуть подпругу, Томми возился с другой лошадью. В это время Дэвиса позвали к телефону, поэтому никто не мог сказать, что же произошло на самом деле.

Насколько понял Джером Дэвис из рассказанного, Александра села на лошадь, объехала манеж и приготовилась к первому прыжку, но конь неожиданно начал брыкаться, встал на дыбы, и Александра, падая, ударилась о стену и потеряла сознание, только по чистой случайности не получив удар копытом в голову. Томми донес Александру до лазарета, где школьный доктор нашел у девочки небольшое сотрясение мозга.

– Сломанных костей нет, ничего серьезного, – об явил он. – К завтрашнему утру все будет в порядке, снова сможет скакать на лошади.

– Но она чуть не погибла! – завопила Ив.

Она отказалась отходить от сестры. Миссис Чендлер подумала, что подобную Привязанность редко можно встретить в наши дни. Поистине трогательное зрелище!

Когда мистер Дэвис зашел в загон, чтобы расседлать лошадь Александры, он заметил на попоне пятна крови. Подняв ее, берейтор обнаружил большой кусок металла от пивной банки с рваными краями, глубоко вонзившимися в спину животного под давлением седла. Он тут же доложил обо всем миссис Чендлер, которая немедленно велела расследовать, как могло такое случиться. Допросили всех девочек, бывших тогда в манеже.

– Я уверена, – заявила миссис Чендлер, – тот, кто совершил это, думал всего-навсего пошутить. Но последствия могли быть крайне серьезными. Я желаю знать имя виновного.

Когда никто не сознался, директриса начала вызывать каждого в кабинет, но девочки утверждали, что ничего не видели. Когда настала очередь Ив, она повела себя как-то странно.

– Ты не знаешь, кто мог это сделать? – спросила миссис Чендлер.

Ив опустила глаза.

– Я бы предпочла не говорить об этом, – пробормотала она.
– Так, значит, ты все-таки заметила что-то?
– Пожалуйста, миссис Чендлер...
– Ив, Александра могла быть серьезно ранена. Девочку, которая сделала такое, нужно наказать.
– Девочки не виноваты.
– Что ты хочешь сказать?
– Это был Томми.
– Грум?
– Да, мэм. Я его видела. Просто думала, что он затягивает подпругу. Уверена, Томми не хотел ничего дурного. Александра вечно им помыкает. Может, решил ее проучить? О, миссис Чендлер, зачем вы заставили меня все рассказать?! Теперь из-за меня Томми попадет в беду!

Несчастливая девочка была, казалось, на грани истерики. Миссис Чендлер встала и, обойдя вокруг стола, прижала к себе Ив.

– Ничего, все в порядке. Ив, ты верно поступила. Не думай больше об этом, иди в свою комнату.

На следующее утро, когда девочки вновь пришли на манеж, их встретил новый грум.

Через несколько дней в школе произошла еще одна неприятность. Нескольких девочек поймали за курением марихуаны, и одна из них обвинила Ив в том, что именно она доставляет наркотик в школу и продает. Ив гневно отрицала это. Миссис Чендлер обыскала комнату девочек и нашла спрятанную в шкафчике Александры марихуану.

– Все равно не верю, что она это сделала, – стояла на своем Ив. – Кто-то ей подложил марихуану. Я это точно знаю.

Директриса обо всем сообщила Кейт, и та долго восхищалась преданностью Ив сестре. Настоящая Мак-Грегор!

В день, когда девочкам исполнилось пятнадцать, Кейт дала в их честь роскошный бал. Пора уже вывозить Ив в свет, пусть молодые люди познакомятся с внучкой! Именно поэтому всем юношам из хороших семей в округе были посланы приглашения.

Почти все они находились в том возрасте, когда девочками еще не интересуются, но Кейт лично проследила за тем, чтобы молодые люди перезнакомились и подружились. Может, именно один из этих мальчиков окажется когда-нибудь мужем Ив и поможет обеспечить будущее «Крюгер-Брент Лимитед».

Александра не нравились шумные сборища, но, не желая огорчать бабушку, она была вынуждена притворяться, что веселится. Ив же,

наоборот, обожала вечеринки. Она любила наряжаться, наслаждалась знаками внимания поклонников. Александра предпочитала чтение и занятия живописью. Она часами разглядывала висевшие в Дарк Харбор картины отца, жалея о том, что совсем не знала его до болезни. Отец появлялся в доме всегда в сопровождении санитаря, но достучаться до него было невозможно: Александра видела перед собой вежливого приветливого незнакомца, всегда готового угодить, но которому нечего было сказать дочерям. Дедушка Фредерик Хоффман жил в Германии, но был тяжело болен, и близнецы редко его видели.

На второй год пребывания в школе Ив забеременела. Несколько недель девочка плохо себя чувствовала и даже пропускала занятия по утрам. Узнав, что Ив часто тошнит, наставница послала ее в лазарет на обследование, после чего доктор сразу же вызвал миссис Чендлер.

– Ив беременна! – объявил он.

– Но..., вы ошибаетесь! Как это могло случиться?

– Как всегда случается в подобных случаях, – мягко объяснил доктор.

– Но она еще совсем ребенок!

– Этот ребенок скоро будет матерью, только и всего! Ив храбро отказалась отвечать, несмотря на все допросы.

– Никого не хочу впутывать в эту историю! – повторяла она.

Именно такого ответа и ожидала миссис Чендлер от Ив.

– Ив, дорогая, ты должна сказать, как это произошло! Наконец Ив не выдержала и разразилась слезами:

– Меня изнасиловали, – всхлипывала она. Потрясенная миссис Чендлер прижала девочку к себе и потребовала:

– Кто он?!

– Мистер Паркинсон.

Учитель английского языка.

Не стой перед ней Ив, честность которой была общеизвестна, миссис Чендлер никогда бы не поверила. Джозеф Паркинсон, тихий, спокойный человек, женатый, с тремя детьми, работал в школе уже восемь лет и был последним, кого могла заподозрить миссис Чендлер. Она вызвала Паркинсона в кабинет и, едва взглянув на учителя, поняла: Ив сказала правду. Он сел на край стула; лицо нервно передергивалось.

– Знаете, почему я послала за вами, мистер Паркинсон?

– Д-думаю, да.

– Это касается Ив.

– Да. Я..., так и предполагал.

– Она говорит, вы ее изнасиловали.

Паркинсон ошеломленно уставился на директрису.

– Изнасиловал?! Господи! Если кого и изнасиловали, так это меня! – вскочил он, даже не замечая, что употребляет неверные обороты.

– Да понимаете вы, о чем говорите? – с отвращением спросила миссис Чендлер. – Ребенок...

– Какой она ребенок?! – злобно возопил учитель. – Это дьявол!

Он вытер катившийся по лбу пот:

– Весь семестр сидела на первой парте, с задранной до колен юбкой, а после занятий приставала с кучей бессмысленных вопросов и терлась об меня, как кошка. Я и не собирался принимать ее всерьез. Но месяца полтора назад девочка пришла ко мне домой, когда жены и детей не было и...

Голос его оборвался:

– О Иисусе! Я не смог устоять!

И Паркинсон разразился рыданиями.

Ив привели в кабинет. Она держалась спокойно, невозмутимо. Взглянула мистеру Паркинсону в глаза, и тот, не выдержав, отвернулся первым. В кабинете сидели миссис Чендлер, ее заместительницы и шеф полиции маленького городка, где располагалась школа.

Шеф полиции мягко спросил:

– Ив, ты не хочешь рассказать, что случилось?

– Да, сэр, – не повышая голоса, ответила Ив. – Мистер Паркинсон сказал, что хочет поговорить о моем сочинении. Попросил прийти к нему в воскресенье днем. Потом предложил кое-что показать в спальне, и я пошла с ним наверх. Он бросил меня на постель и...

– Это ложь! – завопил Паркинсон. – Все было совсем не так! Вовсе не так!

Пришлось послать за Кейт и все ей объяснить. Решено было в общих интересах замять дело. Мистера Паркинсона уволили и дали сорок восемь часов на то, чтобы покинуть штат. Кейт договорилась, что Ив сделает аборт в частной клинике. Потом без излишнего шума выкупила закладные школы у местного банка и лишила директрису права собственности за просроченные долги. Узнав об этом, Ив вздохнула:

– Мне очень жаль, бабушка. Это и вправду была хорошая школа.

Через несколько недель, когда Ив оправилась после операции, девочек послали в «Институт Фервуд», швейцарскую школу, недалеко от Лозанны.

Глава 25

Но ничто не могло загасить бушующее в Ив жестокое пламя. И дело тут было не в ненасытной потребности новых сексуальных приключений: жажда жить, познать все на свете – вот что владело девушкой. Жизнь сама стала ее любовником; нужно было успеть захватить, что можно, пока до старости еще далеко, пока она молода и прекрасна. Ив ревновала к каждому: шла на балет и ненавидела балерину за то, что не она, Ив, танцует на сцене, не ей аплодирует публика. Она хотела быть ученым, певицей, хирургом, пилотом, актрисой, стремилась сделать все, и лучше остальных, лучше, чем кто-либо на свете. Ив нужно было сразу все, и ждать она не желала.

Недалеко от школы было военное училище. К тому времени, как Ив исполнилось семнадцать, почти все студенты и большая часть преподавателей успели переспать с ней. Она флиртowała с каждым без разбору и никому не отказывала, но на этот раз позаботилась о необходимых мерах предосторожности, потому что не собиралась еще раз попасть в неприятную историю. Она получала огромное наслаждение от секса, но не столько от самого акта, сколько от власти над мужчинами, которую он давал. Ив злорадно торжествовала, замечая умоляющие взгляды мальчиков и мужчин, желавших только одного – затащить ее в постель и овладеть. Девушке нравилось дразнить молодых людей, доводить их до невменяемого состояния, выслушивать лживые клятвы, на которые те не скупились, лишь бы добиться своего. Но больше всего Ив наслаждалась собственным могуществом. Она могла сделать с мужчинами все – возбудить в них неутолимый голод всего одним поцелуем и уничтожить словом. Ив в них не нуждалась, наоборот, они нуждались в ней. Она полностью завладела своими любовниками, и это чувство вседозволенности опьяняло. Поговорив с человеком всего несколько минут, Ив уже знала все его слабости и достоинства. Она давно уже решила: мужчины дураки, глупцы, ничтожества, все до одного.

Ив была красива, умна, да к тому же наследница огромного состояния и поэтому не испытывала недостатка в предложениях руки и сердца, но оставалась совершенно равнодушной. Ее привлекали только те мальчики, которые нравились Александре.

На танцах, которые устраивались в школе по субботам, Александра встретила симпатичного молодого студента француза Рене Малло. Он не

отличался красотой, но был неглуп и чувствителен; Александра подумала, что никогда не встречала такого интересного собеседника. Они договорились встретиться в городе на следующую субботу, в семь часов.

Вечером, ложась спать, Александра рассказала Ив о новом приятеле:

– Он не похож на других мальчишек. Такой милый и застенчивый. Мы идем в театр в следующую субботу.

– Видно, влюбилась, правда, сестричка? – поддразнила Ив. Александра вспыхнула:

– Я только что познакомилась с ним, но кажется... В общем, сама знаешь.

Ив плюхнулась на постель, подложив руки под голову.

– Нет, не знаю. Расскажи, он пытался затащить тебя в постель?

– Ив! Он совсем не такой! Я же говорила!... Он..., очень скромный.

– Ну и ну! Да ты и вправду влюбилась?

– Вовсе нет! Лучше бы я тебе ничего не рассказывала!

– А я рада, что рассказала! – искренне призналась Ив. Когда Александра в следующую субботу пришла к театру, Рене не было. Она прождала на углу больше часа, не обращая внимания на взгляды прохожих, чувствуя себя последней идиоткой. Наконец, поужинав одна в плохом кафе, возвратилась в школу, жалкая и несчастная. Ив в комнате не было. Александра читала, пока не раздался звонок, означающий, что пора спать, потом выключила свет. Только около двух часов ночи она услышала осторожные шаги сестры.

– Я уже начала беспокоиться, – прошептала Александра.

– Встретила старых знакомых и задержалась. Ну как прошел вечер? Надеюсь, все было хорошо?

– Просто ужасно. Он, должно быть, и не вспомнил о свидании.

– Какой кошмар! – посочувствовала Ив. – Тебе пора бы усвоить – мужчинам доверять нельзя!

– А вдруг с ним что-нибудь случилось, как по-твоему?

– Нет, Алекс. Наверное, нашел девушку, которая ему нравится больше.

Александра вздохнула. Скорее всего, Ив права. Девушка вовсе не удивилась – она совсем не создавала, насколько красива, обаятельна и мила. Всю свою жизнь Ив затмевала Александру. Та обожала Ив, ей казалось вполне естественным, что мужчин так влечет к сестре. Александра создавала превосходство Ив, но ей и в голову не приходило, как умело сестра позаботилась о том, чтобы поддерживать это чувство и создать подобное впечатление у окружающих еще с тех пор, когда обе были детьми.

С тех пор таких неудавшихся свиданий было много. Нравившиеся Александре мальчики, казалось, отвечали ей тем же, но потом она никогда больше их не видела. Как-то в воскресенье она неожиданно встретила Рене на улице. Почти подбежав к девушке, он спросил:

– Что случилось? Ты обещала позвонить мне.

– Позвонить? О чем ты?

Внезапно нахмурившись, Рене отступил.

– Ив?...

– Нет, Александра. Лицо юноши вспыхнуло.

– Я..., простите, мне нужно идти.

И он поспешно отошел, оставив недоумевающую Александру ошеломленно глядеть ему вслед.

Вечером, когда она рассказала сестре об этом случае, та пожала плечами:

– Он, по всей видимости, немного не в себе! Хорошо, что ты от него избавилась, Алекс!

Несмотря на то, что Ив считала себя знатоком мужской психологии, об одной из слабости она все-таки не подозревала, и это чуть было не кончилось плохо. С незапамятных времен мужчины привыкли хвастать своими победами, и курсанты военного училища тоже не стали исключением. Они могли часами обсуждать достоинства Ив Блэкуэлл:

– Она меня до того довела, я просто двинуться не мог!

– Сто очков вперед любой шлюхе даст!

– Такой у меня еще не было...

– Черт возьми, просто тигрица в постели!

Поскольку чуть не все курсанты и многие преподаватели превозносили сексуальное искусство Ив, по школе вскоре поползли слухи. Один из наставников училища пересказал сплетню преподавательнице «Институт Фервуд», а та, в свою очередь, все передала директрисе миссис Коллинз. Та предприняла негласное расследование, в результате чего вызвала Ив для беседы с глазу на глаз.

– Думаю, для репутации этой школы будет лучше, если вы немедленно уедете.

Ив так ошеломленно уставилась на миссис Коллинз, словно та внезапно потеряла рассудок.

– Никак не пойму, о чем это вы говорите?

– О том печальном факте, что вы, как выяснилось, успели обслужить чуть не все военное училище. Остальные, по-видимому, выстроились в очередь, с нетерпением дожидаясь, пока их примут.

– За всю свою жизнь не слышала такой бессовестной лжи! – дрожащим от негодования голосом всхлипнула Ив. – Не думайте, что я буду молчать! Сейчас же напишу бабушке! Когда она узнает...

– Не трудитесь, – перебила директриса. – Я предпочла бы не позорить школу, но, если вы немедленно не согласитесь уехать, я пошлю вашей бабушке перечень всех молодых людей, вступивших с вами в связь!

– Я бы хотела прочитать его!

Миссис Коллинз молча вручила Ив длинный список. Та внимательно прочла, отметив, что в нем пропущено не меньше семи имен, и долго сидела в раздумье.

Наконец она подняла глаза и высокомерно объявила:

– Это явный заговор против моей семьи! Меня пытаются очернить, зная, как огорчится бабушка! Лучше уж уехать, чем допустить такое!

– Очень мудрое решение, – сухо заметила миссис Коллинз. – Утром водитель довезет вас до аэропорта. Я пошлю телеграмму вашей бабушке. Можете идти.

Ив повернулась, пошла к выходу, но остановилась, будто пораженная внезапной мыслью:

– А моя сестра?

– Александра может остаться.

Возвратившись к себе после занятий, Александра увидела, что Ив складывает вещи:

– Что ты делаешь?

– Еду домой.

– Домой? В середине семестра? Ив пожала плечами:

– Алекс, неужели ты не понимаешь, что мы здесь только попусту время тратим и ничему не учимся, только время убиваем!

– Неужели ты в самом деле так считаешь, Ив? – удивилась Александра.

– Весь год я только об этом и думаю! Не будь тебя, давно бы уже бросила эту проклятую школу! Но тебе здесь так нравится.

– Да, но...

– Прости, Алекс, больше мне не вынести. Хочу домой, в Нью-Йорк. Соскучилась ужасно.

– Ты сказала миссис Коллинз?

– Только сейчас.

– И как она к этому отнеслась?

– А ты как считаешь? Разозлилась, конечно. Боится, что во всем обвинят ее и школу. Умоляла меня остаться. Александра присела на край

кровати:

- Не знаю, что сказать.
- Можешь ничего не говорить. Тебя это не касается.
- Конечно, касается! Если тебе здесь плохо... Она внезапно замолчала.
- Знаешь, ты права. Пустая трата времени. Кому нужно знать латинские спряжения?!

– Верно. Или учить про чертова Ганнибала или его братца?!
Александра подошла к шкафу, вынула чемодан.

– Я не собиралась просить тебя уехать со мной, Алекс, – улыбнулась Ив, – но очень рада, что мы едем вместе. Александра сжала руку сестры:

– Я тоже. Ив.

– Вот что. – небрежно предложила та, – пока я укладываюсь, позвони бабушке и скажи, что мы завтра прилетаем. Объясни, что жить здесь просто невыносимо! Сделаешь?

– Конечно... Только... – нерешительно добавила Александра, – ей это не понравится.

– Не волнуйся! – заверила Ив. – Я знаю, как обходиться со старушкой!

Александра несколько в этом не сомневалась. Ив всегда могла добиться от бабушки всего. Но разве мог кто-нибудь в чем-либо отказать Ив?!

Она безропотно пошла к телефону.

У Кейт Блэкуэлл было много друзей, врагов и деловых партнеров в высших светских, финансовых и политических кругах, и за последние месяцы до нее доходили тревожные слухи. Сначала она считала это происками завистников и недоброжелателей, но сплетни не утихали: Ив слишком часто встречалась с курсантами военного училища. Ив сделала аборт. Ив считают распущенной аморальной девицей.

Поэтому Кейт облегченно вздохнула, услышав, что внушки возвращаются домой. Теперь можно выяснить источник пустых измышлений.

В день приезда девушек Кейт осталась дома. Она тут же увела Ив в гостиную.

– Мне передавали весьма неприятные истории, – начала она, – и я хочу знать, почему тебя исключили из школы. Глаза ее неотрывно следили за выражением лица внушки.

- Нас не исключили, – оправдывалась Ив, – мы с Алекс решили уехать.
- Из-за неприятностей с мальчиками?
- Пожалуйста, бабушка, – попросила Ив, – не нужно об этом.
- Боюсь, придется все-таки тебе объясниться, что ты наделала?

– Это не я. Это Алекс... Ив внезапно замолчала.

– Алекс? Говори! – настаивала Кейт.

– Не ругай ее, – поспешно ответила Ив. – Она не хотела ничего плохого, я уверена. Просто любит выдавать себя за меня, как в детстве. Я и не знала, что так далеко зайдет, но тут девочки начали сплетничать. Вроде..., она..., встречается с разными мальчиками и...

Ив в замешательстве опустила голову.

– Выдает себя за тебя? – ошеломленно пробормотала Кейт. – Но почему ты это не прекратила?!

– Я пыталась, – подавленно всхлипнула Ив, – но она сказала, что убьет себя. Ох, бабушка, я думаю, Алекс..., как бы это сказать..., немного...

Она замолчала было, но усилием воли заставила себя продолжать:

– ...Нестабильна. Если вы попытаетесь заговорить с ней об этом, боюсь, она может сделать с собой все, что угодно!

В залитых слезами глазах девушки застыла невыразимая мука. У Кейт сжалось сердце при виде несчастного личика внучки.

– Ив, не нужно. Не плачь, дорогая! Я ничего не скажу Александре, все останется между нами.

– Мне так не хотелось, чтобы вы узнали и расстроились, – заплакала Ив. – Не нужно было признаваться!

Позже, за чаем, Кейт задумчиво изучала Александру. Просто невозможно поверить, чтобы под такой красивой внешностью скрывалась столь испорченная натура! Плохо уже то, что она непозволительно вела себя с мальчиками. Но пытаться свалить всю вину на сестру! Кейт была возмущена до глубины души.

Все два последних года, что девушки проучились в школе мисс Портер, Ив старалась принимать необходимые предосторожности. Урок пошел на пользу – ни за что нельзя ставить под угрозу будущее. Важнее всего хорошие отношения с бабушкой. Старушка долго не протянет – ей уже семьдесят девять, и Ив намеревалась любыми средствами стать ее наследницей. Единственной наследницей.

Когда девушкам исполнился двадцать один год, Кейт взяла их в Париж и заказала обеим гардероб у Коко Шанель, а потом дала в их честь праздничный обед.

В ресторане Ив и Александра познакомились с графом Альфредом Морье, интересным мужчиной лет сорока пяти, с седеющими волосами и тренированным телом спортсмена, и его женой Вивьен, милой, приветливой женщиной с безупречной репутацией.

Ив не обратила бы особого внимания на супружескую чету, если бы не

случайно подслушанный отрывок разговора.

– Завидую вам и Альфреду, – сказала графине приятельница. – Самая счастливая пара из всех, кого я знаю. Сколько лет вы женаты? Двадцать пять?

– В следующем месяце будет двадцать шесть, – ответил за жену Альфред. – И я, должно быть, единственный в истории француз, который ни разу не изменил жене!

Все, кроме Ив, засмеялись. В продолжение всего обеда она изучала графа Морье и Вивьен, но так и не смогла понять, что нашел граф в этой стареющей даме с морщинистой шеей. Должно быть, Альфреду просто не попадались настоящие женщины, зря он хвастается своей верностью! Ив решила принять вызов.

На следующий день она позвонила графу Морье в офис:

– Это Ив Блэкуэлл. Вы, должно быть, не помните меня, но...

– Как можно забыть вас, детка! Одна из красавиц-внучек Кейт Блэкуэлл.

– Вы мне льстите, граф. Прошу прощения за беспокойство, но мне сказали, что вы хорошо разбираетесь в винах. Я хочу устроить обед в честь бабушки, так, чтобы это было для нее сюрпризом.

Она смущенно засмеялась:

– Представляете, мы сразу решили, какие подавать блюда, а вот насчет вин... Не будете ли вы так добры объяснить мне?

– С удовольствием, – немедленно ответил Морье. – Все зависит от меню. Если вы начинаете с рыбы, тогда легкое шабли...

– О, боюсь, мне ни за что не запомнить. Не могли бы вы уделить мне несколько минут? Мы могли бы пообедать вместе?

– Чего не сделаешь ради старых друзей! Придется выкроить время.

– Значит, договорились?

Ив медленно положила трубку. Этот ленч граф запомнит на всю оставшуюся жизнь!

Они встретились в «Лассере». Минут десять Ив слушала монотонное перечисление марок вин и наконец, устав терпеть, объявила:

– Я влюблена в вас, Альфред!

Граф, ошеломленно замолчав, уставился на девушку:

– Прошу прощения?

– Я сказала, что влюбилась в вас.

Граф поднес к губам бокал, одобрительно кивнул:

– Прекрасное вино.

Похлопал Ив по руке и улыбнулся:

– Все хорошие друзья должны любить друг друга.

– Я не о такой любви говорю, Альфред.

И граф, взглянув в глаза Ив, отчетливо понял, что та имеет в виду. Такое открытие отнюдь его не обрадовало. Девушке всего двадцать один год, а он уже немолодой человек и любит жену. Просто невероятно, что только может взбрести в голову современным девицам! Сидя напротив Ив, слушая, что она говорит, граф чувствовал себя крайне неловко, особенно потому, что редко встречал таких красивых, очаровательных женщин.

Идя на свидание, Ив надела бежевую юбку в складку и зеленый свитер из мягкой шерсти, красиво очерчивающий контуры полной упругой груди. На ней явно не было лифчика, и граф отчетливо видел бугорки сосков, натягивающие тонкую ткань. Альфред смотрел в невинное молодое лицо и никак не мог найти подходящих слов.

– Но вы..., ведь вы даже не знаете меня.

– Я мечтала о вас еще с тех пор, как была маленькой. Воображала рыцаря в блестящих латах, высокого, красивого и...

– Боюсь, мои доспехи немного заржавели. Я...

– Пожалуйста, не нужно смеяться надо мной, – умоляюще прошептала Ив. – Когда я встретила вас вчера, не в силах была отвести глаз, не могла ни о чем думать, не спала всю ночь. Все мои мысли только о вас.

Ив почти не лгала. Она и в самом деле всю ночь обдумывала свой план.

– Просто не знаю, что вам сказать, Ив. Я счастлив в браке. Я...

– Боже, как я завидую вашей жене! Самая счастливая в мире женщина. Хотела бы я знать, понимает ли она это, Альфред.

– Конечно, понимает. Я все время ей об этом твержу. Он нервно улыбнулся, не зная, как сменить тему разговора и поскорее уйти.

– Но смогла ли она оценить вас по-настоящему? Представляет ли, насколько вы чувствительны? Заботится о вашем счастье? Я бы все сделала для вас.

Граф окончательно смутился.

– Вы очень красивая молодая женщина, – начал он, – и когда-нибудь обязательно встретите своего рыцаря, в блестящих доспехах, не старых и ржавых – и тогда...

– Я уже нашла и хочу отдать ему всю себя. Морье поспешно огляделся, испугавшись, что кто-нибудь услышит:

– Ив! Умоляю, тише!

Девушка наклонилась над столом.

– Больше я ни о чем не прошу и сохраню память о нашей встрече на

всю жизнь.

– Невозможно! – твердо заявил граф. – Вы ставите меня в крайне неловкое положение. Молодые дамы не должны делать подобных предложений незнакомым людям.

Глаза Ив медленно наполнились слезами.

– Так вот что вы думаете обо мне! Считаете, что я со всеми без разбору... В моей жизни был только один мужчина. Мы были помолвлены.

Прозрачные капли медленно катились по лицу...

– Такой добрый, нежный и любящий. И погиб в горах. Упал в пропасть. На моих глазах. Это было ужасно.

Граф Морье сочувственно сжал пальцы девушки:

– Мне очень жаль.

– Вы так похожи на него! Когда я увидела вас, показалось, будто Билл возвратился! Подарите мне всего один час! Больше мы никогда не увидимся. Пожалуйста, Альфред. Пожалуйста!

Граф долго смотрел на Ив, взвешивая все «за» и «против».

В конце концов он француз, а какой француз откажет красивой девушке?!

Они провели несколько часов в маленьком отеле на улице Сент-Анн, и хотя граф Морье, как все нормальные мужчины, имел определенный сексуальный опыт, он никогда не обладал подобной женщиной. В постели Ив была ураганом, обольстительницей, дьяволом, умела и была готова на все. К концу свидания граф Морье чувствовал себя совершенно измотанным.

Одеваясь, Ив спросила:

– Когда я снова увижу тебя, дорогой?

– Я тебе позвоню, – ответил Морье.

Он не намеревался больше встречаться с этой женщиной. В ней чувствовалось нечто темное, пугающее, словно под сверкающей красотой скрывалось олицетворенное зло. Знакомство с ней могло плохо кончиться, а граф не желал ставить под удар свою семейную жизнь.

Все бы на этом и кончилось, но, когда Ив и Морье выходили из отеля, их заметила Элайша Вандерлейк, работавшая в прошлом году вместе с Кейт Блэкуэлл в благотворительном комитете. Миссис Вандерлейк прилагала все усилия, чтобы подняться на самую верхнюю ступеньку в обществе, а лестница была крутой и отнюдь не усыпанной розами. И вот наконец судьба послала ей неожиданный дар. Миссис Вандерлейк видела в газетах фотографии графа Морье и его жены, а также близнецов Блэкуэлл, и хотя не была твердо уверена в том, какую именно из сестер видела,

значения это не имело. Миссис Вандерлейк хорошо понимала, в чем заключается ее долг. Отыскав записную книжку, она набрала номер Кейт Блэкуэлл. К телефону подошел дворецкий:

– Что угодно, мадам?

– Я бы хотела поговорить с миссис Блэкуэлл.

– Могу я спросить, кто звонит?

– Миссис Вандерлейк. Скажите, по личному делу. Это срочно.

Через минуту трубку взяла Кейт:

– Кто это?

– Здравствуйте, миссис Блэкуэлл. Я Элайша Вандерлейк. Год назад мы вместе работали в комитете...

– Если вы насчет пожертвований, обратитесь...

– Нет-нет, – поспешно перебила миссис Вандерлейк. – Я звоню совсем по другому делу. Речь идет о вашей внучке. Кейт Блэкуэлл, конечно, пригласит ее к чаю и там они по болтают, как женщина с женщиной. Эта встреча будет началом истинной дружбы.

– Говорите! – резко велела миссис Блэкуэлл. Элайша предпочла бы не обсуждать подобные вещи по телефону, но неприязненный тон Кейт не оставил ей иного выбора.

– Считаю своей обязанностью рассказать, что видела вашу внучку выходящей из отеля под руку с графом Морье. Очевидно, они заранее условились о встрече.

– Трудно в это поверить, – ледяным голосом отрезала Кейт. – Которая из них?

Миссис Вандерлейк нерешительно засмеялась:

– Я..., не знаю. Их так трудно различить. По-моему, еще никому не удавалось, не так ли? Это...

– Благодарю за информацию.

И Кейт повесила трубку. Постояла несколько минут, осмысливая услышанное. Только вчера они вместе обедали. Кейт знала Альфреда Морье вот уже пятнадцать лет, но все, что ей сейчас сказали, было настолько не похоже на него. Немыслимо! Однако мужчины так легко поддаются соблазну! Если Александра поставила себе целью заманить Альфреда в постель...

Кейт подняла трубку и сказала телефонистке:

– Я хочу заказать разговор со Швейцарией. «Институт Фервуд» в Лозанне.

Ив вернулась домой довольно поздно, покрасневшая, в прекрасном настроении, не только из-за того, что граф Морье был так уж хорош в

постели, но еще и потому, что удалось одержать над ним победу. Если так легко удалось завоевать его, значит, не устоит ни один! Весь мир будет у ее ног!

Войдя в библиотеку, она увидела Кейт.

– Здравствуй, бабушка! Хорошо провела день? Кейт встала, не сводя глаз с очаровательной молодой девушки:

– Боюсь, не слишком. А ты?

– Ходила по магазинам, но так ничего и не приглянулось. Ты купила мне все, что только можно пожелать. Ты всегда...

– Закрой дверь, Ив.

Что– то в голосе Кейт заставило Ив поежиться, но она послушно закрыла массивную дубовую дверь.

– Садись.

– Что-нибудь случилось, бабушка?

– Сейчас ты мне расскажешь, что именно случилось. Правда, сначала я хотела пригласить Альфреда Морье, но решила не подвергать ни его, ни себя подобному унижению.

Мысли бешено заметались в мозгу Ив. Это невозможно! Ни один человек не мог узнать о ней и графе Морье так быстро. Они расстались всего час назад!

– Н-не понимаю, о чем ты...

– Тогда не будем ходить вокруг да около. Сегодня днем ты переспала с графом Морье. Слезы брызнули из глаз Ив:

– Я..., я надеялась, ты никогда не узнаешь, что он сделал со мной, ведь это твой друг.

Видимым усилием воли она заставила себя говорить спокойнее:

– Это было ужасно! Он позвонил, пригласил меня на ленч, потом подпоил..., я была совсем пьяна, и...

– Заткнись! – приказала Кейт, словно хлыстом ударила, и с отвращением оглядела внучку. – Ты мне омерзительна!

В ожидании разговора с Ив Кейт провела один из самых мучительных часов в жизни: она наконец поняла, что в действительности представляет собой внучка, любимая, будущая наследница, на которую возлагалось столько надежд! В ушах снова и снова звучали слова директрисы:

– Миссис Блэкуэлл, молодые женщины часто влюбляются и если при этом не бросают вызов общественной морали, это в конце концов их дело. Я предпочитаю не вмешиваться. Но Ив не делала никакой тайны из всех своих многочисленных случайных связей, так что пришлось, оберегая репутацию школы, просить ее...

А Ив взвалила всю вину на Александру. Только сейчас Кейт вспомнила все несчастные случаи, происходившие с Александрой. Только чудом удалось девушке не погибнуть.

Пожар, когда она чуть не сгорела. Падение с обрыва. Ив сидела за рулем лодки, когда Александру столкнуло в воду развернувшимся парусом и она чуть не утонула.

Вот Ив во всех деталях рассказывает, как учитель английского изнасиловал ее:

«Мистер Паркинсон сказал, что хочет обсудить мое сочинение, и попросил прийти к нему в воскресенье днем. Он был один в доме. Предложил кое-что показать мне в спальне. Я поднялась с ним наверх. Он бросил меня на постель...»

Кейт вспомнила неприятную историю с «Брайарквест». Ив обвинили в том, что та продает марихуану. Но она все свалила на Александру. Она не осуждала сестру, наоборот, защищала. В уме ей не откажешь. Злодейка, играющая роль невинной жертвы!

И теперь Кейт не могла отвести взгляда от прекрасного чудовища с ангельским личиком. Это ей в будущем предстояло стать главой «Крюгер-Брент Лимитед»! Для нее Кейт жила и дышала!

Решение было бесповоротным.

– Ты немедленно покинешь этот дом. Я не желаю никогда больше видеть тебя! Ив побелела как мел.

– Ты шлюха. Это я могла бы еще пережить. Но кроме того ты еще хитра, коварна, способна на любую подлость и патологическая лгунья. Этого я не допущу.

События разворачивались слишком быстро. Ив не успевала ничего предпринять. В отчаянии она схватилась за последнюю соломинку:

– Бабушка, если Александра что-то наговорила на меня...

– Александра ничего не знает. Я только что говорила с миссис Коллинз.

– И это все?! – с нарочитым облегчением спросила Ив. – Миссис Коллинз ненавидит меня, потому что...

Кейт неожиданно почувствовала безмерную усталость:

– Ничего не выйдет, Ив. Я тебе больше не верю. Все кончено. За адвокатом уже послано. Я лишаю тебя наследства.

Ив поняла, что все пропало. Последний страшный удар обрушился на нее.

– Ты не можешь сделать это! Как я буду жить?

– Тебе будет выдаваться ежемесячное содержание. С сегодняшнего дня

ни ты, ни твоя жизнь меня не интересуют! – жестко ответила Кейт. – Делай, что хочешь. Только учти: если я услышу или прочту в газетах какую-нибудь скандальную историю, связанную с тобой, если имя Блэкуэллов будет опорочено, больше ни гроша не получишь. Тебе ясно?

Ив взглянула бабушке в глаза и поняла – возврата к старому не будет. Мольбы о прощении замерли на губах.

Кейт потеряла глаза и прерывисто вздохнула:

– Вряд ли мои слова что-нибудь значат для тебя, но поверь: сегодня мне было тяжело, как никогда в жизни.

И повернувшись, гордо выпрямилась и вышла из комнаты.

Кент долго сидела в темной спальне, спрашивая себя: почему все ее планы потерпели крах. Если бы Дэвид не погиб и Тони знал своего отца... Если бы Тони не захотел стать художником... Если... Такое короткое слово. Такое безнадежное. Будущее – всего-навсего глина, из которой можно день за днем лепить жизнь, но прошлое – незыблемая скала, нерушимая твердыня. Все, кого она любила, предали ее. Тони. Мэрией. Ив.

Как верно сказал Сартр:

«Ад – это все остальные люди». Неужели боль так и останется с ней навсегда? Но если сердце Кейт разрывалось от тоски и боли, Ив была вне себя от ярости. Только потому, что она пару часов развлекалась с кем-то в постели, бабка повела себя так, будто Ив совершила тяжкое преступление. Стерва старомодная! Отстала на сто лет! Нет, не старомодная. Просто выжила из ума. Вот именно, выжила! Ив найдет хорошего адвоката и опротестует смехотворное завещание в суде. Отец и бабка – два психопата. «Крюгер-Брент» – ее компания, только ее! Сколько раз бабка говорила, что когда-нибудь все будет принадлежать ей. А сестрица! Все это время нашептывала бабке один Бог знает какие гадости! Подкапывалась под Ив! Решила, что может захватить все себе! И самое ужасное – теперь наверняка получит наследство. То, что случилось сегодня, уже само по себе достаточно плохо, но сама мысль о том, что Александра взяла верх, была непереносимой. Нельзя позволить, чтобы это произошло! Нужно найти способ остановить сестру!

Ив закрыла чемодан и отправилась на поиски Александры Та читала, сидя в саду.

– Алекс, я решила вернуться в Нью-Йорк. Александра удивленно взглянула на Ив:

– Сейчас? Но бабушка на следующей неделе хочет отправиться в круиз к побережью Далмации. Ты...

– Кому оно нужно, это побережье? Я все обдумала. Хочу пожить

отдельно, – улыбнулась Ив. – Я уже взрослая. Найду маленькую очаровательную квартирку и, если будешь хорошо себя вести, разрешу время от времени ночевать там.

«Именно так и нужно, – подумала Ив. – Не дать ей понять, как я ее ненавижу».

Александра озабоченно нахмурилась:

– А бабушка знает?

– Я сегодня сказала. Конечно, ей все это страшно не понравилось, но она поняла и согласилась. Я решила найти работу, но бабушка и слушать не хочет. Настаивает на том, что будет за все платить.

– Хочешь, я поеду с тобой? – спросила сестра. Проклятая двуличная сука! Сначала выставила Ив из дома, теперь притворяется, что желает уйти вместе с ней. Ну нет, так просто от крошки Ив не избавиться! Она им еще покажет! Найдет квартирку, наймет самого дорогого декоратора, чтобы ее обставил, и получит полную свободу делать все, что пожелает. Сможет приглашать к себе мужчин, проводить с ними ночи. Впервые в жизни не будет чувствовать постоянный неустанный надзор! Великолепно! Именно этого ей и не хватало.

Но Александра грустно глядела на Ив, только сейчас осознав, как тяжела разлука с сестрой. Никогда еще они не расставались, а теперь... Неужели придется всегда быть одной?

– Но мы будем часто видеться, Ив?

– Конечно, – пообещала та. – Гораздо чаще, чем ты думаешь!

Глава 26

Возвратившись в Нью-Йорк, Ив, как велела бабушка, остановилась в маленьком отеле. Через час позвонил Брэд Роджерс:

– Я говорил с Кейт. Очевидно, между вами возникли какие-то проблемы.

– Вовсе нет, – засмеялась Ив. – Небольшая семейная... Она была уже готова пуститься в пространные объяснения, но тут же поняла, что лгать опасно. Теперь необходимо быть осторожной. Раньше Ив никогда не думала о деньгах. Они просто были, столько, сколько требовалось. Теперь неотвязная мысль сверлила мозг: какую сумму ей ведено выдавать? Впервые в жизни Ив испугалась.

– Она сказала, что составила новое завещание? – спросил Брэд.

– Да, что-то упоминала об этом.

Ив была полна решимости не выказывать страха и сомнений.

– Думаю, нам лучше поговорить с глазу на глаз. Как насчет понедельника? В три часа?

– Хорошо, Брэд.

– Приезжайте ко мне в офис.

– Обязательно.

Ровно без пяти три Ив вошла в здание «Крюгер-Брент Лимитед». Охранник-лифтер и служащие почтительно приветствовали Ив. По всей видимости, никто не знал о том, что произошло. Через несколько минут Ив уже сидела в кабинете Роджерса.

Брэд был поражен, когда Кейт позвонила и сообщила, что лишает Ив наследства. Он хорошо знал, как любит Кейт внучку, какое будущее готовит для нее. Брэд не мог понять, что произошло. Ну что ж, это его не касается. Если Кейт захочет, сама расскажет. Его дело – выполнять приказы хозяйки.

Взглянув на красивую молодую женщину, Брэд на мгновение почувствовал жалость. Кейт была ненамного старше, когда они познакомились, да и он тоже. А теперь прошли годы, и он, седой, старый дурень, все еще надеется, что Кейт Блэкуэлл поймет: есть на земле человек, любящий ее искренне и глубоко.

Брэд покачал головой, отгоняя воспоминания:

– Вы должны подписать кое-какие документы, – сказал он Ив. – Прочтите, пожалуйста.

– Ни к чему.

– Ив, важно, чтобы вы поняли: согласно завещанию вашей бабушки, вы вступите во владение траст-фондом в пять миллионов долларов. Управляет фондом Кейт. Деньги могут быть вам выплачены по ее усмотрению, в возрасте от двадцати одного до тридцати пяти лет.

Он откашлялся:

– Кейт посчитала необходимым, чтобы фонд перешел в ваше распоряжение в тридцать пять лет. Это было хуже пощечины.

– Начиная с сегодняшнего числа вы еженедельно будете получать двести пятьдесят долларов.

Невозможно! Немыслимо! Любое приличное платье больше стоит! На двести пятьдесят долларов ей не прожить. И все только для того, чтобы унижить ее! Этот подонок, скорее всего, уже знает, что случилось. Сидит, ухмыляется, доволен, что видит, как ей плохо! Больше всего на свете Ив хотелось схватить со стола тяжелое бронзовое пресс-папье и разбить ему голову. Она уже почти слышала треск ломающихся костей.

Брэд продолжал монотонно перечислять все условия:

– Вам не позволено открывать кредитные счета на имя Блэкуэлл в магазинах. За все покупки вы должны платить наличными.

Кошмар продолжался, и проснуться не было возможности.

– Далее. В случае возникновения каких-либо сплетен, связанных с вашим именем, порочащих заметок в журналах или газетах, местных или зарубежных, выплату денег немедленно приостановят. Вам понятно?

– Да, – еле слышно прошептала Ив.

– Жизнь вашей бабушки застрахована на пять миллионов долларов. Вы и ваша сестра должны были получить эту сумму. Но сегодня утром ваш страховой полис аннулирован. Через год, если Кейт останется довольна вашим поведением, недельное пособие будет удвоено.

Брэд немного поколебался, но все же добавил:

– И еще одно, последнее условие. «Старуха желает распять меня публично!»

– Я слушаю.

Брэд Роджерс смущенно опустил глаза:

– Ваша бабушка не желает больше видеть вас. Ив. Никогда. «Ну что ж, а я хочу еще раз встретиться с тобой, старая стерва! Стоять и смотреть, как ты подышаешь, корчась в муках!» Голос Брэда проник сквозь пелену, заставшую мозг Ив:

– Если возникнут проблемы, позвоните мне. Она требует, чтобы вы больше не приходили в это здание и не навещали ни одно из фамильных поместий.

Он пытался возразить Кейт, уговорить не поступать так жестоко с Ив.
– Господи, Кейт, она твоя внучка, твоя плоть и кровь. Ты обходишься с ней, как с прокаженной.

– Она и есть прокаженная.

И спор на этом закончился. Теперь Брэд неловко бормотал:

– Ну вот, я думаю, мы все обсудили. У вас есть какие-нибудь вопросы, Ив?

– Нет, – так и не придя в себя от потрясения, прошептала Ив.

– Тогда подпишите, пожалуйста, эти бумаги. Через десять минут Ив вновь оказалась на улице. В сумочке лежал чек на двести пятьдесят долларов.

На следующее утро Ив позвонила агенту по продаже недвижимости и начала искать квартиру. В мечтах она уже представляла уютный пентхаус, окна которого выходят на Центральный парк: комнаты обтянуты белой тканью, современная мебель и терраса, где можно принимать гостей. Но реальность вновь нанесла сокрушительный удар. Оказалось, на доход в двести пятьдесят долларов снять пентхаус на Парк Авеню невозможно. Денег хватило только на однокомнатную квартирку-студию в Литл Итали, с диваном-кроватью, закутком с полками, гордо именуемым агентом «библиотека», маленькой кухонькой и крохотной ванной с потрескавшимся кафелем.

– Это..., лучшее, что у вас есть? – ужаснулась Ив.

– Нет, – сообщил агент. – Имеется еще городской двадцатикомнатный особняк на Саттон Плейс. Всего полмиллиона долларов, включая текущий ремонт.

«Ублюдок», – стиснув зубы, подумала Ив.

Но что такое настоящее отчаяние, она узнала только когда перебралась в новое жилище. Это была настоящая тюрьма. Гардеробная Ив в нью-йоркском доме была больше всей квартиры! Она подумала об Александре, в распоряжении которой теперь целый особняк на Пятой авеню. Боже, почему Александра не сгорела тогда! Все было бы по-другому! Погибни она, и Ив осталась бы единственной наследницей! Тогда бабка не осмелилась бы лишить Ив наследства!

Но если Кейт Блэкуэлл думает, что Ив намеревается так легко расстаться с богатством и деньгами, сильно ошибается! Плохо знает свою внучку! Ив не собирается жить на эти жалкие гроши. В банке на ее имя лежит пять миллионов, а злобная старуха боится расстаться с каждым центом. Должен найтись способ заполучить эти деньги. И она отыщет этот способ.

Решение нашлось на следующий день.

– Чем могу служить, мисс Блэкуэлл? – почтительно спросил Олвин Сигрэм. И действительно, он был готов сделать для нее почти все. Какая счастливая случайность привела сюда эту молодую женщину? Если «Крюгер-Брент Лимитед» откроет счет в этом банке, его карьера обеспечена.

– Существует траст-фонд на мое имя, – объяснила Ив. – Всего пять миллионов долларов. Но по условиям учредителя фонда я должна получить эти деньги только в тридцать пять лет.

Она очаровательно улыбнулась:

– Это такой долгий срок, не правда ли?

– Еще бы, в таком юном возрасте, – кивнул банкир. – Вам девятнадцать?

– Двадцать один.

– И, с позволения сказать, редко встретишь такую красивую девушку.

Ив скромно опустила глаза:

– Спасибо, мистер Сигрэм.

Уговорить этого идиота оказалось даже проще, чем она думала!

Сигрэм почувствовал, что между ним и девушкой явно возникла взаимная приязнь. Должно быть, он и в самом деле ей нравится!

– Чем же все-таки могу служить вам? – повторил Сигрэм.

– Я только хотела узнать, можно ли получить часть денег вперед? Скажем, занять под

залог? Тогда фонд будет служить чем-то вроде обеспечения. Видите ли, сейчас деньги мне нужны больше, чем потом. Я обручена. Мой жених – инженер-строитель, работает в Израиле и вернется в Америку только через три года.

Олвин Сигрэм не знал, как выразить свое сочувствие:

– Поверьте, я вас прекрасно понимаю!

Сердце его бешено забилося. Конечно, можно пойти ей навстречу. Выдача денег под траст-фонды – вполне обычная практика. К тому же, если он поможет этой девице, она порекомендует банк и другим членам семейства Блэкуэллов, и он, Сигрэм, позаботится, чтобы им угодить! А потом его уже не остановить! Назначат членом правления банка, а может, когда-нибудь, и председателем. И все это благодаря очаровательной блондинке, которая сидит в кресле напротив.

– Никаких проблем! – заверил Олвин Сигрэм. – Простая банковская операция. Всю сумму мы, конечно, выдать не в состоянии, но вы можете получить сразу миллион. Вас это устроит?

– Вполне, – кивнула Ив, пытаясь скрыть радость. Сигрэм взял ручку:
– Прекрасно. Прошу вас подробно объяснить, где именно лежат ваши деньги?
– Свяжитесь, пожалуйста, с Брэдом Роджерсом в «Крюгер-Брент». Он даст вам все необходимые сведения.
– Сейчас же позвоню. Ив поднялась:
– Это займет много времени?
– День-два, не больше. Я сам за всем прослежу. Девушка протянула изящную тонкую руку:
– Спасибо, вы очень добры.
Не успела Ив выйти из кабинета, как Олвин Сигрэм поднял трубку:
– Соедините меня с Брэдом Роджерсом из «Крюгер-Брент Лимитед».
Одно упоминание названия компании вызвало дрожь восторга у вице-президента.

Через два дня Ив возвратилась в банк. Ее сразу проводили в кабинет Олвина Сигрэма. Тот больше не улыбался:

– Боюсь, что ничем не смогу помочь вам, мисс Блэкуэлл. Ив не могла поверить тому, что слышит:

– Не понимаю... Вы сказали, это совсем несложно. Вы говорили...

– Извините. Я не был осведомлен обо всех деталях. Он живо припомнил беседу с Брэдом Роджерсом:

– Действительно, есть такой фонд на имя Ив Блэкуэлл. Пять миллионов долларов. Ваш банк, конечно, может ссудить ей любую сумму, однако считаю своим долгом предупредить, что Кейт Блэкуэлл посчитает подобные действия враждебными и направленными лично против нее.

Брэд Роджерс не потрудился объяснить, каковы могут быть последствия. У «Крюгер-Брент» влиятельные друзья повсюду. И если эти самые друзья начнут закрывать счета в «Нэшнл Юнион Бэнк», с карьерой Олвина Сигрэма будет покончено навсегда.

– Очень сожалею, – повторил он, – но ничего не могу сделать.

Ив едва сдерживалась. Нельзя, чтобы этот человек понял, какой удар только что нанес ей.

– Извините, что доставила вам столько хлопот. В Нью-Йорке есть и другие банки. Прощайте!

– Мисс Блэкуэлл, – покачал головой Олвин Сигрэм, – поверьте, во всем мире не найдется банка, который ссудит вам хотя бы пенни под этот траст.

Александра никак не могла понять, что случилось. Раньше бабушка не скрывала, что Ив – ее любимица, и всячески давала это понять, и неожиданно, только за одну ночь, все переменялось. Она знала: между Кейт и сестрой произошло нечто ужасное, но ей никто ничего не объяснил. Когда же Александра попыталась заговорить об этом с бабушкой, та коротко ответила:

– Предпочитаю не обсуждать эту тему. Ив сама выбрала, как ей жить. От сестры тоже ничего нельзя было добиться.

Теперь Кейт проводила много времени с Александрой. Внучка стала частью ее существования, а не просто милой, но неинтересной девочкой, как было раньше. Александра была в полном недоумении: бабушка вела себя так, будто впервые ее заметила. Девушку не покидала странная мысль – будто ее постоянно взвешивают и оценивают.

А Кейт и в самом деле впервые увидела внучку в истинном свете.

Один раз она жестоко обманулась и теперь не спешила составить мнение об Александре. Лишняя осторожность не мешает. Теперь она проводила с внучкой каждую свободную минуту – спрашивала, допытывалась, прислушивалась и наконец удовлетворилась.

Узнать Александру оказалось не так-то легко – девушка не привыкла раскрывать свои чувства, была гораздо сдержанней Ив. Острый живой ум в сочетании с порядочностью и красотой делали Александру еще более достойной любви и привязанности. Она все время получала бесчисленные приглашения на вечеринки, обеды, в театр, но теперь Кейт решала, куда может пойти внучка – Александре был необходим муж, не просто приличный юноша из хорошей семьи, а человек, способный помочь в управлении компанией, продолжить династию Мак-Грегоров-Блэкуэллов.

Конечно, Кейт ничего не говорила Александре. Успеется, когда она найдет внучке подходящего мужчину. Иногда, ночью, когда сон все не приходил, Кейт думала об Ив.

Дела у Ив шли превосходно! Ссора с бабушкой настолько выбила ее из колеи, что девушка на миг даже забыла о своем главном оружии – красоте. Она неизменно, словно магнитом, притягивала мужчин. На первой же

вечеринке Ив дала номер телефона шестерым ухажерам, причем четверо из них женаты – и весь следующий день отвечала на звонки. С этой минуты Ив поняла, что о деньгах беспокоиться не стоит. Ее буквально осыпали подарками – драгоценностями, косметикой, и, что всего важнее, просто давали деньги.

– Я только что заказала новое платье, а деньги получить не успела, надеюсь, ты сможешь помочь, милый?

И, конечно, «милый» с готовностью приходил на помощь.

Ив показывалась на людях только с холостыми мужчинами – скандала она боялась. Женатых поклонников Ив развлекала в своей квартире. Нельзя допустить, чтобы ее имя попало в газеты – о деньгах Ив не заботилась, но была убеждена – в один прекрасный день бабка еще придет умолять ее вернуться. Кейт Блэкуэлл нужна наследница, способная управлять «Крюгер-Брент», а сестра годится только, чтобы угождать мужу!

Но как– то, листая иллюстрированный журнал, Ив увидела фото Александры, танцующей с привлекательным мужчиной, и неожиданно поняла: если сестра выйдет замуж и родит сына, все пропало. Наследство ускользнет из рук, а на всех планах можно поставить крест.

Ив долго смотрела на фото. Весь прошлый год Александра звонила ей, просила пообедать или поужинать вместе, но та всегда находила предлоги, чтобы отказаться. Теперь же Ив решила, что настало время поговорить с сестрой и пригласить ее к себе.

Александра никогда не была у Ив, и та уже приготовилась выслушивать соболезнования. Но Александра сказала только:

– Какой уютный уголок, Ив! Очаровательная квартирка!

– Мне подходит, – улыбалась Ив. – Я всегда хотела что-то в этом роде – знаешь, интимное.

Она накупила достаточно драгоценностей и дорогих картин и могла бы переехать в хорошую квартиру, но Кейт непременно узнала бы и потребовала сказать, откуда взялись деньги. Теперь девизом Ив стали слова «благоразумие и осторожность».

– Как бабушка? – спросила она.

– Все в порядке.

Александра чуть поколебалась:

– Ив, не знаю, что произошло, но ты ведь знаешь, если нужна моя помощь, я... Ив вздохнула:

– Она тебе не сказала?

– Нет. Не желает даже слышать об этом.

– Я ее не виню. Бедняжку, должно быть, терзают угрызения совести.

Понимаешь, я встретила чудесного человека, и мы собирались пожениться. Бабушка узнала, что мы живем, как муж и жена, выгнала меня из дому. Ты ведь знаешь, Алекс, какие у нее устаревшие понятия.

Лицо Александры вытянулось.

– Но это ужасно. Вы должны пойти к бабушке, все объяснить. Она, конечно...

– Он погиб в авиакатастрофе...

– Ох, Ив! Почему ты мне раньше не сказала?!

– Мне было так стыдно признаться, даже тебе! Ив сжала руку сестры:

– А ты ведь знаешь, я всегда обо всем тебе рассказываю.

– Позволь, я поговорю с бабушкой, – умоляюще сказала Александра, – объясню ей все.

– Нет! Какая-то гордость у меня еще осталась. Обещай, что никогда не сделаешь этого!. Никогда!

– Но я уверена, что бабушка...

– Обещай!

– Хорошо, – сдалась Александра.

– Поверь, мне здесь очень хорошо. Можно приходить и уходить, когда вздумается, делать все, что захочется!

Александра глядела на сестру и думала, как ей не хватало Ив все это время.

Ив обняла ее и начала, как бы шутя, допытываться:

– Ну хватит обо мне! Расскажи-ка лучше, как твои дела. Встретила наконец волшебного принца? Готова держать пари, что да!

– Нет.

Ив исподтишка рассматривала сестру. Как они похожи! Просто зеркальное отражение ее самой, отражение, которое Ив намеревалась уничтожить. Кажется, это так же просто, как разбить зеркало!

– Еще найдешь, дорогая!

– Я не спешу. Решила, что пора самой зарабатывать себе на жизнь. Бабушка разрешила. На следующей неделе иду к директору рекламного агентства, поговорить насчет работы.

Они позавтракали в маленьком кафе недалеко от дома Ив. Ив настояла на том, чтобы заплатить по счету. Она ничего не хотела от сестры.

Расставаясь с Ив, Александра нерешительно предложила:

– Может, тебе нужны деньги?

– Не будь глупенькой, дорогая! У меня их больше, чем достаточно.

– Но все-таки, если вдруг понадобится, – настаивала Александра, – я поделюсь всем, что имею.

Ив взглянула в глаза сестры и улыбнулась:

– Знаю, Алекс. Но я и вправду ни в чем не нуждаюсь. Зачем ей жалкие крохи! Ив намеревалась захватить весь пирог для одной себя. Вопрос был только в том, как этого добиться.

Как– то в квартире Ив раздался телефонный звонок. Звонила Нита Людвиг, девушка, с которой Ив училась в школе в Швейцарии.

– Приезжай в Нассау на уик-энд, Ив! У меня собираются старые друзья. Без тебя праздник не праздник! Ужасно хочется увидеться.

Ив сообразила, что на вечеринке всегда можно встретить интересных мужчин. Надоело видеть одни и те же лица!

– Если обещаешь, что будет весело, – согласилась она, – конечно, приеду.

Днем она заложила изумрудный браслет, полученный от влюбленного по уши президента страховой компании, обремененного женой и тремя детьми, купила в дорогом магазине несколько летних платьев, заказала билет в Нассау и на следующее утро покинула Нью-Йорк.

Людвиги владели огромным поместьем на побережье. Каждая из тридцати комнат главного здания была больше всей квартиры Ив. Горничная в униформе проводила ее в отведенную комнату и, пока Ив умывалась, распаковала чемодан. Переодевшись, девушка спустилась вниз.

В гостиной уже находилось шестнадцать человек, совсем разных – толстых и тонких, высоких и низкорослых, красивых и не очень. Но у всех было одно преимущество – деньги. Нита Людвиг твердо верила в мудрость «свой своему поневоле брат» и искренне считала, что богачам ни к чему общаться с людьми среднего класса. Ее приятели чувствовали и мыслили одинаково, говорили на понятном друг другу языке, потому что учились в одних и тех же престижных пансионах и колледжах, жили в богатых поместьях, владели роскошными яхтами, самолетами, все как один страдали от налоговой полиции правительства.

Какой– то репортер приклеил этим молодым людям прозвище «золотая молодежь» -кличку, которую они высмеивали публично, но которой втайне гордились.

Они были элитой, избранными, живущими в ином, сказочном мире. Пусть плебеи верят, что не все можно купить за деньги! Богатство дало его счастливым обладателям все – красоту и любовь, роскошь и даже место в

раю. И вот теперь Ив лишена всего из-за каприза узколобой старухи! Но ничего, она свое возьмет! И скоро!

Ив вошла в гостиную, и разговоры мгновенно смолкли. Даже в этой комнате, где было много прелестных женщин, красоту ее сразу же заметили и оценили. Нита познакомила ее с гостями, которых Ив раньше не встречала. Девушка была очаровательна, приветлива, мила, но при этом опытным глазом изучала каждого мужчину, прикидывая, от кого можно получить больше всего. И хотя те, кто постарше, были уже женаты, это только облегчало задачу.

К ней подошел лысый человек в клетчатых брюках и гавайской рубашке:

– Готов побиться об заклад, вам уже надоели люди, которые твердят, как вы красивы, золотко.

Ив вознаградила его милой улыбкой:

– Я никогда не устаю от комплиментов, мистер...

– Питерсен. Зовите меня Дэнном. Право, вы могли бы стать звездой Голливуда!

– Боюсь, у меня не хватит способностей.

– Клянусь, у вас еще множество других талантов. Ив загадочно улыбнулась:

– Никогда нельзя узнать, пока не попробуешь, не так ли, Дэн?

Дэн облизал губы:

– Вы здесь одна?

– Да.

– Моя яхта стоит у пристани. Может, мы сумеем улизнуть и отправиться в маленькое путешествие? Вдвоем!

– Звучит заманчиво, – кивнула Ив.

– Не понимаю, почему мы раньше не встречались! – ухмыльнулся Дэн. – Я уже сто лет знаком с Кейт Блэкуэлл.

Только огромным усилием воли удалось удержать на губах улыбку.

– Бабушка просто чудо, – выдавила она. – Думаю, нам пора присоединиться к остальным.

– Конечно, солнышко, – подмигнул Дэн. – До завтра! Но с этого момента ему никак не удавалось застать девушку наедине. За ленчем Ив избегала его, а после взяла один из стоявших в гараже автомобилей и уехала в город. Миновав Блэкберд, где гордо вышагивали розовые фламинго, она остановилась на причале, долго наблюдала, как возвратившиеся рыбацьи лодки разгружают улов – гигантских черепах, огромных омаров, тропических рыб и блестящие цветные морские

раковины, которые будут отполированы, а позже проданы туристам.

Море было спокойным, синяя вода сверкала тысячами мелких алмазов. На другой стороне бухты темнели очертания побережья Пэредайз Айленд.

От берега отходила моторная лодка; суденышко набирало скорость, и внезапно за кормой ясно обрисовалась высокая фигура. Зрелище было поразительным. Мужчина, казалось, висел на металлическом стержне, прикрепленном к синему парусу; стройное мускулистое тело напряглось и выгнулось навстречу ветру. Ив зачарованно наблюдала, как лодка мчится к пристани. У самого причала она резко повернула, Ив на мгновение увидела смуглое красивое лицо, и тут же все исчезло.

Несколько часов спустя он вошел в гостиную Ниты Людвиг.

Ив чувствовала, что именно она усилием воли вызвала сюда незнакомца. Вблизи он оказался еще красивее – очень высокий, широкоплечий, с точеным лицом, черными глазами и тренированным телом спортсмена, улыбка открывала ровные белые зубы.

– Это Джордж Меллис.

– Ив Блэкуэлл.

– Господи, да вам нужно находиться в Лувре! – воскликнул Меллис глубоким, чуть хрипловатым голосом с едва заметным акцентом.

– Пойдем, дорогой, – скомандовала Нита. – Сейчас познакомлю тебя с остальными гостями. Меллис небрежно отмахнулся:

– Не беспокойся, я уже встретил всех, кого хотел. Нита задумчиво оглядела парочку.

– Понятно. Ну что ж, если понадобится, позовите, – кивнула она и отошла.

– По-моему, вы не очень-то были вежливы с ней, – заметила Ив.

– Я больше не отвечаю за все, что делаю и говорю, – усмехнулся Меллис. – Любовь пришла так внезапно! Ив засмеялась.

– Нет-нет, поверьте, я не лгу! Никогда, никого не встречал прекраснее!

– Я то же самое подумала о вас.

Впервые Ив не интересовало, есть ли у этого человека деньги. Дело было не только во внешности. Девушку неодолимо привлекал некий магнетизм, ощущение силы, исходившее от Джорджа. Ни один мужчина не действовал на нее подобным образом – Кто вы? – спросила Ив.

– Нита же сказала: Джордж Меллис.

– Кто вы? – повторила она.

– А, понимаю. Какой я в действительности? Боюсь разочаровать вас. Я грек. Семья выращивает оливки и многое другое.

Значит, он из этих Меллисов? Консервы и продукты с яркой маркой

можно отыскать в любой бакалейной лавке и супермаркете!

– Вы женаты?

– А вы всегда так откровенны? – ухмыльнулся Меллис.

– Нет.

– Я не женат.

Ив неожиданно почувствовала себя счастливой. Одна мысль билась в мозгу, одно желание терзало душу – завладеть этим человеком, принадлежать ему.

– Почему вы опоздали к ужину?

– Хотите правду?

– Конечно.

– Это очень личное. Ив молча выжидала.

– Пытался удержать молодую леди от самоубийства, сказал Меллис так спокойно, будто занимался этим каждый день.

– И как, удалась ваша миссия?

– Пока да. Надеюсь, вы не из таких.

– Нет, и смею думать, вы тоже. Джордж Меллис громко расхохотался:

– Я люблю вас! Я в самом деле люблю вас!

Он сжал ладонь Ив; по телу девушки пробежала дрожь. Джордж весь вечер не отходил от Ив, казался целиком поглощенным девушкой, совершенно не обращал внимания на окружающих.

Тонкие смуглые руки с длинными пальцами находились в непрерывном движении – пододвигали Ив бокал, зажигали сигарету, украдкой гладили по плечу. От его близости кровь кипела в жилах девушки; она не могла дождаться, когда останется наедине с Джорджем.

После полуночи, когда гости начали расходиться, Меллис тихо спросил:

– Где твоя спальня?

– Северное крыло, в конце коридора.

Он молча кивнул: глаза, обрамленные длинными пушистыми ресницами, впились в ее лицо.

Ив разделась, приняла ванну и надела прозрачный черный, льнущий к телу пеньюар. Наконец в дверь еле слышно постучали. Она поспешно повернула ручку. На пороге стоял Джордж Меллис. При виде Ив глаза его зажглись восхищением.

– Милая, рядом с тобой Венера Милосская просто ведьма!

– У меня перед ней преимущество, – прошептала Ив. – Обе руки целы.

Положив ладони на плечи Джорджа, она притянула его к себе. Губы их встретились, словно что-то взорвалось у Ив внутри; она почувствовала, как

язык Джорджа скользнул в ее рот.

– О Господи, – простонала Ив.

Джордж сорвал пиджак, в мгновение освободился от одежды, оставшись обнаженным, словно ожившая статуя греческого бога. И он хотел ее!

– Скорее! – задыхаясь пробормотала Ив. – Возьми меня! Сгорая от желания, она бросилась на постель.

– Повернись, – скомандовал он. – Встань на четвереньки! Дай мне свой зад!

Ив непонимающе подняла голову:

– Я... Я не...

Тут он ударил ее по лицу.

Ив ошеломлено уставилась на Джорджа.

– Повернись, я сказал!

– Нет!

Он вновь размахнулся; в глазах девушки все поплыло.

– Пожалуйста, не надо.

Тяжелая пощечина оглушила Ив; она почувствовала, как сильные руки поднимают ее, переворачивают, ставят на колени.

– Ради Бога! – вырвалось у Ив. – Уходите! Я закричу! Ребро ладони с силой опустилось на шею; Ив поняла, что сейчас потеряет сознание, и, словно сквозь дымную пелену, ощутила, как Джордж подтянул ее бедра еще выше, раздвинул ягодицы, прижался всем телом и одним мощным толчком врезался в нее. Внезапная невыносимая боль пронзила Ив. Девушка уже раскрыла рот, чтобы позвать на помощь, но, представив, что он может сделать с ней, умоляюще пробормотала:

– Пожалуйста, пожалуйста, я не могу вынести этого. Она попыталась вырваться, но он цепко держал ее за бедра, неумоимо насилуя, разрывая внутренности невероятно огромным пенисом, словно палач, наслаждающийся страданиями жертвы.

– О Боже, нет, – прошептала Ив. – Прекратите, прекратите это.

Но Джордж продолжал двигаться все быстрее, вталкиваясь глубже, и последнее, что запомнила Ив, – хриплый стон-рычание, вырвавшийся у него и, казалось, взорвавшийся в ее ушах.

Когда она пришла в сознание и открыла глаза, Джордж Мел-лис, уже одетый, сидел в кресле, куря сигарету. Подойдя к постели, он погладил Ив по голове.

Девушка вся сжалась от прикосновения этой изящной руки.

– Как ты себя чувствуешь, дорогая? Ив попыталась сесть, но не

смогла. Боль была такая, словно ее разорвали на две половины.

– Ты, проклятое животное! – в изнеможении охнула она.

– Я был так нежен, – рассмеялся Джордж. Ив в ужасе взглянула на него.

– Поверь, – ухмыльнулся он, – иногда я могу быть довольно грубым!

И снова погладил ее по волосам:

– Но я и в самом деле влюблен, поэтому не хотел причинить тебе боль.

Подожди немного, скоро привыкнешь.

Попади Ив сейчас под руку какое-нибудь оружие, она бы не задумываясь убила Джорджа.

– Ты маньяк! Душевнобольной!

Но тут она заметила странный блеск в глазах Меллиса и сжатые кулаки, похолодев от ужаса, поняла: перед ней стоял безумец.

– Я не хотела, – поспешно пролепетала Ив. – Просто..., просто никогда не испытывала такого раньше. Пожалуйста, не надо, я так устала. Пожалуйста...

Джордж Меллис долго в упор смотрел на Ив, и наконец, расслабившись, кивнул, поднялся и подошел к туалетному столику, где лежали драгоценности Ив – платиновый браслет и дорогое бриллиантовое кольцо. Поднял кольцо, внимательно осмотрел и сунул в карман:

– Сохраню на память!

Ив испуганно молчала, зная, чем все может кончиться.

– Спокойной ночи, дорогая!

Вернувшись к постели, Джордж нагнулся и нежно поцеловал ее в губы.

Дождавшись, пока он уйдет. Ив сползла на пол. Тело мучительно ныло. Каждый шаг давался с огромным трудом, но только запершись на все замки, она почувствовала себя в безопасности. Ив не была уверена, сможет ли добраться до ванны, поэтому мешком свалилась на кровать, пережидая, пока утихнет боль. Она в жизни не поверила бы, что может испытать подобную ярость. Меллис изнасиловал ее жестоко, извращенно. Можно только гадать, что он сделал с той девушкой, которая хотела покончить с собой.

Когда Ив наконец дотащилась до ванной и взглянула в зеркало, она не поверила глазам. Лицо залито сине-багровым синяком, на месте глаз узкие щелочки. Наполнив ванну горячей водой, она забилась туда, как раненое животное, надеясь, что от тепла боль немного утихнет. Только когда вода почти остыла, Ив осторожно выбралась и сделала несколько нерешительных шагов. Чуть полегче, но ненамного. Остаток ночи девушка

провела без сна, боясь, что Меллис возвратится.

Наутро Ив заметила кровавые пятна на простыне и поклялась, что он заплатит за ее унижение и позор. Тяжело ступая, она возвратилась в ванную и вновь легла в горячую воду. Лицо распухло еще больше, а синяки потемнели. Пришлось наложить ледяной компресс. Она лежала в ванне, думая о Джордже Меллисе. Было в его поведении нечто странное, не имевшее ничего общего с садизмом. И тут Ив внезапно вспомнила. Колье! Почему он взял колье?

Два часа спустя Ив вышла в столовую к завтраку. Правда, есть ей не хотелось, но нужно было срочно поговорить с Нитой Людвиг.

– Господи! Что с твоим лицом? – охнула Нита. Ив криво улыбнулась:

– Такая глупость! Пошла ночью в туалет и не позаботилась включить свет. Представляешь, наткнулась в темноте на дверь, чуть голову не разбила.

– Может, вызвать доктора?

– Не стоит, – отказалась Ив. – Всего-навсего маленький синяк.

Она огляделась:

– А где Джордж Меллис?

– На корте. Он первоклассный теннисист. Просил передать, что увидит тебя за ленчем. По-моему, ты в самом деле ему нравишься.

– Расскажи мне о Джордже, – небрежно попросила Ив. – Откуда он?

– Джордж? Из семьи тех самых Меллисов. Старший сын, безумно богат. Работает в Нью-Йорке. Брокерская фирма «Хансен и Хансен».

– Почему не в семейном бизнесе?

– Наверное, ненавидит оливки. Правда, с таким состоянием можно вообще не работать. Скорее всего, хочет чем-то заполнить дни.

Усмехнувшись, Нита добавила:

– Ночи у него, я думаю, расписаны вперед на два года!

– Разве?

– Дорогая, все девушки только и мечтают заполучить Мел-лиса. Стоит ему пальцем пошевелить, и они наперебой спешат стянуть трусики! Каждая воображает себя будущей миссис Меллис. Честно говоря, не будь мой муж так чертовски ревнив, я бы сама не прочь попробовать. Какое великолепное животное, правда?

– Великолепное, – согласилась Ив. Джордж Меллис появился на террасе, где в одиночестве сидела Ив, и та, против воли, сжалась от страха.

– Доброе утро, Ив. Как ты себя чувствуешь? – с искренним беспокойством спросил он, осторожно прикоснувшись к распухшей щеке. – Дорогая, как ты красива сегодня.

Пододвинув стул, Джордж уселся напротив Ив, глядя на переливающуюся голубую гладь залива.

– Видела ли ты когда-нибудь нечто более прекрасное? Он вел себя так, будто ничего не произошло. Ив слушала, что говорит Джордж Меллис, снова ощущая притягательную силу этого человека. Даже после пережитого кошмара она чувствовала это. Просто невероятно. Выглядит, как греческий бог. Такие изображения стоят в музее. Но он..., его место в психиатрической лечебнице.

– Мне придется сегодня же вернуться в Нью-Йорк, – объяснил Меллис. – Куда тебе позвонить?

– Я только что переехала, – поспешно ответила Ив. – Телефон пока не включили. Оставь свой номер.

– Обязательно, любимая, – улыбнулся Меллис. – Тебе ведь было хорошо вчера ночью?

Ив была не в силах поверить ушам.

– Я многому могу научить тебя. Ив, – прошептал он. Ив еще раз мысленно поклялась, что Джордж в свою очередь получит урок. Вернувшись домой, она сразу же позвонила Дороти Холлистер. В таком городе, как Нью-Йорк, где бесчисленное множество ненасытных представителей прессы выискивают все подробности о жизни сильных мира сего, Дороти была неистощимым источником информации. Когда-то она была замужем за человеком, занимающим заметное место в обществе, и когда он бросил Дороти из-за двадцатилетней секретарши, р заеденной жене пришлось волей-неволей зарабатывать себе на жизнь. Она нашла занятие, лучше всего соответствующее ее способностям, – стала репортером светской хроники.

Дороти хорошо знала среду, в которой вращалась столько лет, и, поскольку люди доверяли ей и ничего не утаивали, всегда была в курсе всех событий.

Именно Дороти, и никто иной, могла рассказать правду о Джордже Меллисе. Ив пригласила ее на ленч в «Ла Пиремид». Дороти, тяжеловесная женщина с чувственным лицом, крашеными рыжими волосами, громким хриплым голосом и резким смехом, увешанная бижутерией, как витрина галантерейной лавченки, тяжело плюхнулась на стул.

Сделав заказ, Ив, как бы между делом, сказала:

– На прошлой неделе я была на Багамах. Как там хорошо!

– Знаю, – кивнула Дороти Холлистер. – У меня есть список гостей Ниты Людвиг. Весело было? Ив пожала плечами:

– Повидалась со старыми знакомыми. Встретила интересного

человека. Как его звали... Она задумчиво наморщила лоб:

– Джордж – как его... Миллер, по-моему. Грек. Дороти Холлистер громко, на всю комнату, захохотала:

– Меллис, милочка. Джордж Меллис.

– Совершенно верно, Меллис. Ты его знаешь?

– Видела несколько раз. Потрясающий мужчина. У меня просто слюнки текли!

– Что тебе о нем известно, Дороти?

Дороти огляделась, наклонилась поближе к Ив.

– Никто этого не знает, так что не распространяйся, хорошо?

Джордж – паршивая овца в семье Меллисов. Они ведь все ужасно богаты. Джордж должен был стать во главе семейного дела, но он то и дело попадал в неприятные истории с девочками, мальчишками и даже козами. Пришлось вмешаться полиции, и наконец отцу и братьям так все это надоело, что они избавились от него и постарались убрать из страны.

Ив внимательно слушала, стараясь не пропустить ни слова.

– Оставили бедняжку без единой драхмы, и теперь ему приходится зарабатывать на жизнь. Так вот почему он украл кольцо!

– Конечно, о деньгах Джордж не беспокоится. Еще бы, с такой внешностью! Женится на богатой наследнице. Интересуешься, милочка?

– Не очень, – покачала головой Ив.

На самом деле она была более чем заинтересована. Возможно, Джордж Меллис именно то, что ей так нужно. Ключ к сундуку с золотом.

На следующее утро Ив позвонила в брокерскую фирму, где работал Меллис. Он сразу же узнал ее голос:

– Я чуть с ума не сошел, пока дождался твоего звонка, Ив. Мы сегодня ужинаем и...

– Нет. Ленч завтра.

Джордж удивленно замолчал и, колебавшись, согласился:

– Хорошо. У меня, правда, встреча с клиентом, но могу отложить.

Ив ни на секунду не поверила, что клиент Джорджа – мужчина.

– Приходи ко мне, – предложила она и продиктовала адрес. – В половине первого.

– Обязательно!

В голосе Меллиса слышались самодовольные нотки. Он не подозревал, какой сюрприз его ожидает.

Джордж опоздал на полчаса, но Ив уже поняла, что в его привычках вести себя подобным образом. Это не было намеренной грубостью, просто безразличием к людям, глубоким убеждением, что все обязаны ждать его,

угождать, служить, пресмыкаться. При такой внешности и безмерном обаянии весь мир лежал у его ног. Мешало одно: Джордж не имел денег. Именно в этом было его уязвимое место.

Войдя в комнату, он огляделся, оценивая обстановку:

– Очень мило.

И направился к Ив, протягивая руки.

– Я думал о тебе каждую минуту. Но она уклонилась от объятий:

– Подожди. Мне нужно кое-что сказать тебе, Джордж. Черные глаза подозрительно сощурились.

– Поговорим потом.

– Нет сейчас, – медленно, отчетливо произнося каждое слово, начала Ив:

– Если еще раз попытаешься проделать со мной нечто подобное, я тебя убью.

Губы Джорджа скривились в полуулыбке:

– Это что, шутка?

– Ошибаешься. Вполне серьезно. У меня к тебе деловое предложение.

Джордж недоуменно поднял брови:

. – Ты позвала меня сюда, чтобы обсуждать дела?

– Да. Не знаю, сколько ты зарабатываешь на том, что заговариваешь зубы глупым старухам и уговариваешь скупать акции и облигации, но уверена, не весьма много.

– Ты что, с ума сошла? – прошипел Джордж, едва сдерживаясь. – Моя семья...

– Твоя семья богата, у тебя – ни гроша. Моя семья купается в золоте, а мне жить не на что. Мы с тобой в одной дырявой лодке, дорогой. Только я знаю способ превратить ее в яхту.

Она замолчала, наблюдая, как злоба сменилась любопытством.

– О чем ты толкуешь?

– Все очень просто. Меня лишили наследства. Огромного. Все достанется моей сестре Александре.

– Какое отношение это имеет ко мне?

– Женись на ней и деньги будут твоими. Нашими.

– Сожалею, но я никогда не был создан для брачных уз.

– Видишь ли, – заверила Ив, – дело в том, что семейная жизнь продлится недолго. С моей сестрицей почему-то все время происходят несчастные случаи!

Глава 27

Рекламное агентство «Беркли и Мэтьюз» считалось жемчужиной в короне агентств, украшающих Мэдисон Авеню. Доходы фирмы превышали совместные прибыли двух конкурентов, в основном благодаря тому, что главными клиентами «Беркли и Мэтьюз» были «Крюгер-Брент Лимитед» и ее многочисленные филиалы. Над заказами «Крюгер-Брент» трудилось более семидесяти пяти служащих, составителей рекламных объявлений, фотографов, граверов, художников и специалистов по работе с прессой. Неудивительно, что, когда Кейт Блэкуэлл позвонила Аарону Беркли и спросила, не может ли он найти место для ее внучки Александры, тот немедленно заявил, что сделает все возможное. Пожелай Кейт, он, возможно, назначил бы Александру президентом агентства. Но та объяснила, что внучка хочет стать составителем рекламных объявлений, и Беркли заверил, что у него как раз есть вакансия и Александра может начать, когда пожелает.

В следующий понедельник Александра вышла на работу. Очень немногие рекламные агентства с Мэдисон Авеню действительно находятся на этой улице, однако фирма «Беркли и Мэтьюз» все же владела большим современным зданием на углу Мэдисон и Пятьдесят седьмой улицы. Агентство занимало восемь этажей и сдавало остальные в аренду. Чтобы не платить лишних денег, Аарон Беркли и его партнер Норман Мэтьюз решили, что Александра Блэкуэлл заменит молодую составительницу рекламных объявлений, принятую на работу всего полгода назад. Новость мгновенно распространилась по всем этажам. Когда служащие узнали, что хорошего работника уволили в угоду выгодному клиенту, негодованию не было предела. Никто в глаза не видел Александру, но все были уверены, что богатую стерву, скорее всего, прислали шпионить и доносить начальству.

Когда девушка пришла на работу, ее тут же проводили в большой кабинет Аарона Беркли. Оба компаньона уже были там и почтительно приветствовали Александру. Мужчины были совершенно не похожи друг на друга: Беркли, – высокий, худой, с гривой седых волос, Мэтьюз – маленький, кругленький и совершенно лысый. Блестящие специалисты рекламного дела, они в повседневной жизни были совершенными самодурами, обращающимися со своими служащими, как с последними рабами, а те сносили подобное отношение только потому, что человека,

который мог работать в фирме «Беркли и Мэтьюз», без слов принимали в любое рекламное агентство мира. Лучшую школу трудно было найти.

В кабинете находился также Льюкас Пинкертон, вице-президент фирмы, вечно улыбающийся человек с подобострастными манерами и холодными глазами. Пинкертон был моложе старших партнеров, но возмещал разницу в возрасте еще большей жестокостью по отношению к подчиненным.

Аарон Беркли усадил Александру в самое удобное кресло:

– Может, принести чаю, мисс Блэкуэлл? Или кофе?

– Спасибо, я не хочу пить.

– Итак, вы решили стать составителем рекламных объявлений.

– Я очень благодарна вам за то, что предоставили мне такую возможность, мистер Беркли. Конечно, мне еще многому нужно учиться, но постараюсь работать как можно больше.

– В этом нет необходимости, – поспешно заверил Норман Мэтьюз, но тут же, опомнившись, кивнул:

– То есть... Нашему делу нельзя быстро научиться. Не стоит торопиться, времени сколько угодно.

– Уверен, вам здесь будет хорошо, – добавил Аарон Беркли. – У нас работают лучшие люди во всем рекламном бизнесе.

Ровно через час Александра решила, что ее сослуживцы, возможно, блестящие работники, но далеко не самые дружелюбные. Льюкас Пинкертон лично провел ее по этажам и познакомил с коллегами, но девушку повсюду ждал ледяной прием. Люди коротко здоровались и тут же отходили. Александра чувствовала общую неприязнь, но не могла понять ее причины. Пинкертон проводил Александру в конференц-зал, где стелился сизый туман табачного дыма. У стены стоял стеклянный шкаф, где были выставлены награды, полученные фирмой за лучшую рекламу.

Вокруг большого стола сидели женщина и двое мужчин, куривших одну сигарету за другой. Женщина, маленькая и рыхлая, с волосами цвета ржавчины, что-то объясняла собеседникам, довольно молодым людям, бледным и чем-то встревоженным.

– Вот ваши коллеги, – представил Пинкертон, – творческая группа, с которой вы будете работать. Элис Коппел, Вэнс Барнс и Марти Бергаймер. А это мисс Блэкуэлл.

Все трое уставились на Александру.

– Ну, что ж, оставляю вас, познакомьтесь поближе! – объявил Пинкертон и обратился к Вэнсу Барнсу:

– Надеюсь, реклама новых духов к завтрашнему дню будет у меня на

столе! Проследите, чтобы у мисс Блэкуэлл было все необходимое.

И с этими словами повернулся и направился к двери.

– А что вам необходимо? – вежливо осведомился Барнс. Вопрос застал Александру врасплох.

– Я..., в общем, хочу только изучить рекламное дело.

– Вы попали именно туда, куда нужно! – мило улыбнулась Элис Коппел. – Мы просто умираем от желания поиграть в учителей.

– Заткнись! – прошипел Марти.

– Я чем-то обидела вас? – недоуменно спросила Александра.

– Ничем, мисс Блэкуэлл, – быстро ответил Марти. – Просто дел много. Сейчас проводится рекламная кампания новых духов, но пока ни мистер Беркли, ни мистер Мэтьюз не в восторге от того, что мы предлагаем.

– Постараюсь не очень мешать, – пообещала Александра.

– Вот и прекрасно! – вставила Элис Коппел.

Остаток дня прошел не лучше. Лица служащих были мрачны: одну из них уволили из-за избалованной стервы, и нужно было во что бы то ни стало отплатить ей.

К вечеру в маленький кабинет, где сидела Александра, зашли Беркли и Мэтьюз, чтобы убедиться, все ли в порядке. Их приход не остался незамеченным остальными служащими.

Все в агентстве звали друг друга по имени. Только к Александре обращались «мисс Блэкуэлл».

– Александра, – поправляла она.

– Да-да, конечно!

И снова звали ее только по фамилии.

Александра горела желанием учиться, чтобы помочь коллегам. Она посещала все совещания, где составители рекламных объявлений обменивались идеями, наблюдала за работой дизайнеров, слушала, как Льюкас Пинкертон двумя уничтожающими фразами расправляется с принесенным на его суд текстом. Александра считала его злобным мстительным человеком и жалела составителей объявлений, вынужденных его терпеть. Она переходила с этажа на этаж, заглядывала на совещания начальников отделений, интересовалась, как проходят встречи с клиентами, фотосеансы, какие намечаются новые направления, молчала, слушала и училась. В конце первой недели девушка чувствовала себя так, словно пробыла здесь несколько месяцев. Каждый вечер Александра возвращалась домой, еле волоча ноги, не столько от физической усталости, сколько от напряженной атмосферы, создаваемой, казалось, исключительно ее присутствием.

Когда Кейт спрашивала, как идут дела, Александра неизменно отвечала:

- Прекрасно, бабушка. Очень интересная работа.
- Уверена, ты справишься, Алекс. И помни, если возникнут какие-то проблемы, обратиться к мистеру Беркли или мистеру Мэтьюзу.

Именно этого Александра и не собиралась делать. В следующий понедельник она явилась на работу с твердым намерением сломать стену отчуждения, непонятно почему возникшую между ней и остальными сослуживцами.

Ежедневно утром и после обеда все делали перерыв, пили кофе и обменивались новостями:

– ...Слышали, что случилось в «Нэшнл Мидис»? Какой-то кретин решил объявить на весь мир, что год у них был успешным, и велел напечатать финансовый отчет в «Нью-Йорк Тайме» красной краской. Все подумали, что «Нэшнл» обанкротилась!

– ...Помните рекламу авиакомпании «Бесплатные билеты для жен бизнесменов»? Все шло прекрасно, пока представитель фирмы не разослал благодарственные письма женщинам, и тут одна за другой посыпались жалобы: дамы желали знать, с кем летали их мужья. Они...

Вошла Александра, и разговор мгновенно оборвался.

– Принести вам кофе, мисс Блэкуэлл?

– Спасибо, сама возьму.

Пока Александра наливала кофе из автомата, ни один человек не раскрыл рта. Как только она вышла, беседа возобновилась.

– Знаете, в какую лужу села «Ньюз Соуп»? Их модель с ангельским личиком оказалась порнозвездой... В полдень Александра подошла к Элис Коппел:

- Если вы свободны, можно бы пойти пообедать вместе.
- Простите, у меня свидание. Александра взглянула на Вэнса Барнса.
- У меня тоже.
- А я страшно занят, – добавил Марти.

Александра так расстроилась, что не смогла есть. С ней обращались, как с отверженной, и неудивительно, что в конце концов она разозлилась. Но сдаваться не собиралась. Нужно найти способ покончить с этим, дать понять, что, несмотря на богатство и имя Блэкуэлл, она такая же, как они. Александра сидела на совещаниях, слушала, как Беркли и Пинкертон хамят подчиненным, которые виноваты только в том, что честно пытались выполнить порученное дело, и искренне сочувствовала беднякам, но те вовсе не нуждались в ее сочувствии и в ней самой.

Через три дня Александра вновь отважилась подойти к Элис Коппел:

– Здесь недалеко есть потрясающий итальянский ресторанчик.

– Не выношу итальянской кухни. Александра обернулась к Вэнсу.

– Я на диете.

– А вы, Марти?

– Я собираюсь в китайский ресторан.

Кровь бросилась в лицо девушки. Боятся, как бы их не увидели вместе с ней? Ну и черт с ними! Она сделала все, что могла, из кожи лезла, чтобы подружиться с этими людьми, и каждый раз получала по носу. Зря она вообще пришла сюда. Придется найти другую работу, в такой компании, которая не имела бы отношения к бабушке. В конце концов она уволится. Но прежде такое сотворит, что они век будут помнить!

В четверг в час дня, когда все, кроме телефонистки на коммутаторе, отправились обедать, Александра осталась. Она еще раньше заметила, что в кабинетах администрации стояли переговорные устройства, так что, если кто-то хотел вызвать подчиненного, достаточно было только нажать кнопку, под которой помещалась карточка с соответствующей фамилией.

Александра поочередно проскользнула в опустевшие кабинеты Беркли, Мэтьюза и Пинкертона, и целый час усердно трудилась, меняя местами карточки.

Вернувшись с обеда, Льюкас Пинкертон нажал клавишу, под которой стояло имя старшего составителя рекламных объявлений, и пролаял:

– Подними свой зад, лодырь, и давай живо сюда! Последовало ошеломленное мычание, затем послышался голос Нормана Мэтьюза:

– Что вы сказали?

Пинкертон в ужасе уставился на селектор:

– Мистер Мэтьюз, это вы?...

– Вот именно, черт бы вас взял. Поднимите-ка лучше свою грязную задницу и марш ко мне! Немедленно!

Чуть позже один из авторов тоже нажал клавишу и приказал:

– Возьми у меня объявление и отнеси вниз, да побыстрее!

– Вы что там, спятили?! – заревел Аарон Беркли. И тут начался настоящий ад. Только к концу дня удалось исправить все, что натворила Александра, и это были лучшие часы в жизни служащих «Беркли и Мэтьюз» с тех пор, как они начали работать в этой фирме. При каждом новом скандале все только что не плясали от радости. Начальству то и дело звонили, требуя сбегать за сигаретами, принести кофе и даже починить сломанный туалет.

Беркли, Мэтьюз и Пинкертон перевернули все вверх дном, пытаясь

отыскать злоумышленника, но никто ничего не знал.

Только один человек мог бы выдать Александру – Фрэд, телефонистка на коммутаторе, но она ненавидела хозяев еще больше, чем девушку, поэтому тоже объяснила, что не видела ни души.

Только ночью, лежа в постели с Вэнсом Барнсом, она рассказала о случившемся. Вэнс даже подскочил:

– Девчонка Блэкуэлл?! Будь я проклят!! Когда Александра наутро вошла в кабинет, там уже сидела вся троица. Они молча уставились на девушку.

– Что-то случилось? – встревожилась Александра.

– Нет-нет, Алекс, – поспешно заверила Элис Коппел. – Мы с мальчиками подумали, что неплохо бы нам вместе пообедать. Тут рядом потрясающий ресторанчик...

Глава 28

С самого детства Ив Блэкуэлл сознавала, что обладает странным могуществом – умением всего добиваться от людей. Прежде это было всего-навсего игрой, но теперь будущее зависит от успеха задуманного дела.

С ней поступили жестоко, выбросили из дома, лишили принадлежащего по праву огромного наследства. А все мстительная старуха и завистливая сестрица. Ничего, они еще заплатят за все, что сделали с Ив, и сама мысль об этом доставляла наслаждение, близкое к оргазму. Их судьбы теперь в ее руках!

Ив долго и тщательно составляла план, не упуская ни малейшей подробности. Самым трудным оказалось уговорить Джорджа Меллиса.

– Черт возьми, это слишком опасно. Мне только тюрьмы не доставало! Я и так могу заполучить любые деньги, если понадобится!

– Как? – презрительно бросила Ив. – Обслужишь сотню старых скучающих баб? Желаете провести подобным образом остаток жизни? Что будет, когда ты потолстеешь, а под глазами появятся мешки? Нет, Джордж, такой возможности тебе больше не представится! Лучше слушайся меня, и мы станем владельцами самого огромного концерна в мире.

– Откуда ты знаешь, что все удастся?

– Потому что никто лучше меня не знает моих милых родственников! Поверь, мы не можем не выиграть!

Ив говорила с уверенностью, которой на самом деле не чувствовала. Она знала, что сможет сыграть предназначенную ей роль, но боялась за Меллиса. На него нельзя было положиться, и кроме того. Ив беспокоили его садистские наклонности. Права на ошибку они не имели. Один неверный шаг – и все пропало!

– Решайся, – повторила Ив. – Ты со мной или нет? Джордж долго изучал девушку, потом кивнул:

– С тобой.

Придвинувшись ближе, погладил плечи Ив.

– Хочу с тобой..., и в тебе, – хрипло прошептал он.

Ив почувствовала, как по телу прошла дрожь возбуждения:

– Хорошо, – кивнула она, – только на этот раз все будет по-моему.

Они оказались в постели. Ив против собственной воли залюбовалась загорелым мускулистым телом Меллиса. Он был самым великолепным

животным, виденным ею когда-либо. И самым опасным. Но это только добавляло остроты в серую повседневную жизнь. Правда, теперь в руках у Ив было надежное средство для укрощения Меллиса. Она нежно покусывала его, целовала, ласкала, медленно спускаясь все ниже, поглаживая, возбуждая легкими прикосновениями.

– Возьми меня, – прошептала она.

– Повернись на живот!

– Нет! Сделаешь, как хочу!

– Но я ничего не почувствую!

– Знаю! Ты, конечно, предпочел бы мальчишку с тугим задом, не так ли, милый? Только я женщина! Иди ко мне. Джордж с силой придавил Ив к постели, раздвинул ей ноги.

– Но я так не могу, Ив, я не кончу, – пробормотал он.

– Мне все равно, солнышко, – засмеялась она, – главное, чтобы мне было хорошо!

Бедра Ив задрожали, встречая каждый толчок; она закрыла глаза, ощущая, как Джордж все глубже и глубже проникает в нее. Оргазм следовал за оргазмом. Ив наслаждалась еще больше, чувствуя растущее раздражение любовника. Джорджу так хотелось причинить ей боль, издеваться, заставить кричать, молить о пощаде, но он не осмеливался.

– Еще! – приказывала Ив.

И Джордж, тяжело дыша, почти расплющил ее тело своим, ни на секунду не прекращая двигаться, пока Ив не застонала от наслаждения.

– Ах-х-х, вот оно..., хватит..., не могу больше... Джордж отодвинулся и лег на бок, сжал ее груди:

– Теперь моя очередь...

– Одевайся! – резко приказала она.

Дрожа от ярости, Джордж поднялся. Ив продолжала лежать, наблюдая, как тот натягивает брюки; на губах девушки играла сдержанная улыбка:

– Ты был послушным мальчиком, Джордж, и заслужил награду. Отдаю тебе Александру. В полное распоряжение.

Для Александры жизнь переменилась всего за одну ночь. Пятница должна была стать последним днем в «Беркли и Мэтьюз», а стала самым счастливым за все время работы здесь. Александра превратилась из отверженной в героиню. Слух о ее проделке мгновенно распространился по

всей Мэдисон Авеню.

– Ты стала живой легендой, – ухмыльнулся Вэнс.

Теперь она наконец была своей.

Александре очень нравилась работа, особенно творческие совещания, которые она посещала каждое утро. Хотя девушка знала, что не этим хотела бы заниматься всю жизнь, никак не могла решить, что же ей все-таки в действительности нужно. Многие мужчины хотели бы жениться на Александре, и несколько раз она чуть было не согласилась, но что-то удерживало. Наверное, все еще не нашла настоящую любовь.

Утром позвонила Ив и пригласила Александру к обеду:

– Только что открылся новый французский ресторан. Говорят, там прекрасно кормят.

Александра очень обрадовалась звонку сестры. Ее беспокоила судьба Ив. Александра звонила Ив два-три раза в неделю, но та была слишком занята, чтобы встретиться с ней. И теперь, хотя Александра уже договорилась пойти обедать с друзьями, она поспешно сказала:

– Конечно, Ив, я приеду.

Ресторан оказался дорогим и модным, в баре толпились посетители, ожидавшие, пока освободятся места в зале. Ив пришлось воспользоваться именем бабушки, чтобы заказать столик заранее. Это еще больше обозлило девушку, и она поклялась, что когда-нибудь вся эта публика еще будет умолять ее пообедать в их паршивом заведении.

Когда пришла Александра, Ив уже сидела за столом. Наблюдая, как сестра, сопровождаемая метрдотелем, идет по проходу, Ив испытала странное ощущение, будто видит себя самое.

Поцеловав Александру в щеку, она восхищенно воскликнула:

– Выглядишь просто великолепно, Алекс! Должно быть, работа пошла тебе на пользу.

В ожидании официанта с заказанными блюдами они рассказали друг другу обо всем, что произошло за время разлуки, но если Александре нечего было скрывать, Ив, естественно, постаралась избежать некоторых щекотливых подробностей. Весело щебеча о пустяках, она подняла глаза. Рядом стоял Джордж Меллис, недоумевающе глядя на обеих сестер. Ив неожиданно поняла, что он не может их различить.

– Джордж! – воскликнула она.

– Ив! – облегченно выдохнул он.

– Какой приятный сюрприз! Как ты здесь оказался? Кстати познакомься. Это моя сестра, Александра. Алекс, разреши представить тебе Джорджа Меллиса.

Джордж взял руку Александры:

– Очень рад!

Ив говорила что они с сестрой близнецы, но такого сходства он не ожидал.

Александра, как зачарованная, не сводила глаз с Меллиса.

– Пообедаешь с нами? – предложила Ив.

– Боюсь, не смогу. И так опаздываю. У меня деловое свидание. Как-нибудь в другой раз. Он взглянул на Александру:

– Надеюсь, скоро увидимся?

Сестры смотрели вслед удаляющемуся Джорджу.

– Господи, – прошептала Александра. – Кто это? Откуда?

– Приятель Ниты Людвиг. Я познакомилась с ним у нее на вечеринке.

– Может, я спятила, но скажи, он и в самом деле так великолепен? Сногшибательное зрелище!

– Не мой тип мужчины, – засмеялась Ив. – Но, насколько я знаю, женщины и в самом деле находят его привлекательным.

– Еще бы! Он женат?

– Холост. Хотя, сама понимаешь, в невестах недостатка нет. Джордж очень богат. Бог дал ему все: внешность, деньги, ум, происхождение.

Ив засмеялась и намеренно сменила тему разговора. Когда она попросила счет, официант, поклонившись, объяснил, что все оплачено мистером Меллисом.

Александра не могла заставить себя не думать о Джордже. В понедельник утром позвонила Ив:

– Ну что ж, дорогая, кажется, ты попала в десятку! Джордж Меллис только что попросил у меня номер твоего телефона. Ничего, если я ему скажу?

Александра с удивлением обнаружила, что улыбается:

– Ты и вправду не интересуешься им?

– Я же говорила, Алекс, это не мой тип мужчин!

– Тогда я, конечно, не возражаю. Дай ему мой телефон. Они еще немного поболтали и распрощались. Ив повесила трубку и оглядела распростертого на постели обнаженного Джорджа.

– Дама согласилась.

– Когда звонить?

– Я тебе скажу.

Александра попыталась забыть, что Джордж Меллис собирается позвонить, но чем больше старалась выбросить его из головы, тем чаще вспоминала. Девушке никогда особенно не нравились красивые мужчины, она считала их самовлюбленными павлинами.

Но Джордж Меллис казался совсем другим. Он неотразимо притягивал Александру. От одного прикосновения руки Джорджа в душе девушки шевельнулось какое-то странное чувство.

– Ты просто с ума сошла! – сказала она себе. – Видела человека две минуты и невесть что вообразила?!

Прошла неделя. Но Меллис так и не дал о себе знать. Нетерпеливое ожидание сменилось раздражением, а потом и гневом. Не хочет? Ну и черт с ним. Значит, успел еще кого-нибудь найти! Прекрасно обойдемся и без него!

Но когда еще через неделю раздался телефонный звонок и Александра услышала глубокий хриловатый голос, злость улетучилась, как по волшебству.

– Это Джордж Меллис. Мы как-то встречались в ресторане. Ив сказала, что вы не рассердитесь, если я позвоню.

– Да, она упоминала о вас, – небрежно ответила Александра. – Кстати, спасибо, что заплатили по счету. – Я бы рад подарить вам весь мир! Александра радостно засмеялась.

– Я хотел спросить, не согласитесь ли как-нибудь поужинать со мной?

– Я..., да..., конечно. Спасибо!

– Великолечно! Откажись вы, и я бы покончил с собой!

– Пожалуйста, не надо, – попросила Александра. – Ненавижу ужинать в одиночестве!

– И я тоже. Кстати, на Мальберри Стрит есть маленький ресторанчик, «У Матун».

– «У Матун»! Это мой любимый ресторан.

– Вы его знаете? – удивленно спросил Джордж.

– Еще бы!

Джордж, ухмыльнувшись, подмигнул Ив. Это она просветила его насчет всего, что касалось сестры. Когда Меллис наконец повесил трубку, Ив вздохнула.

«Началось», – подумала она.

Александр надолго запомнился тот вечер. За час до прихода Джорджа посыльный принес дюжину розовых воздушных шаров с прикрепленной к ним орхидеей. Девушка очень боялась, что воображение завело ее слишком далеко, но при одном взгляде на Джорджа все сомнения рассеялись. Она вновь почувствовала странный магнетизм, властно влекущий ее к этому человеку. Выпив по бокалу вина, они поехали в ресторан.

– Посмотрите меню, – спросил Джордж, – или я закажу за вас?

Александр захотелось сделать Джорджу приятное.

– Пожалуйста, выберите, что вам нравится. Джордж попросил принести любимые блюда Александры, и девушка с благодарным удивлением подумала, что он читает ее мысли.

Они поужинали фаршированными артишоками, телятиной «матун» – гордостью ресторана, «ангельским власами» – тончайшей вермишелью и салатом, который Джордж с уверенной небрежностью перемешал сам тут же, на столике.

– Вам нравится готовить? – спросила Александра.

– Одно из моих низменных пристрастий. Мать научила. Она была великолепной поварихой.

– Очень любите свою семью, Джордж?

Он улыбнулся, и Александра подумала, что никогда не встречала человека привлекательнее.

– Я грек, – просто ответил Меллис, – и у моих родителей еще три брата и две сестры. Мы очень близки. Он грустно улыбнулся:

– Труднее всего было расстаться с ними. Отец и братья умоляли меня остаться. У нас большая фирма, и они считали, что без меня не обойтись.

– Почему же вы уехали?

– Может, я покажусь вам дураком, но предпочитаю сам всего добиться. Мне всегда трудно принимать подарки от кого бы то ни было, а компания «Меллис» перешла к отцу от деда. Нет, не хочу зависеть ни от кого. Даже от отца. Пусть братья получают мою долю.

Как Александра восхищалась его словами!

– А кроме того, – тихо добавил Джордж, – останься я в Греции, никогда бы не встретил вас.

Александра почувствовала, что краснеет.

– Вы никогда не были женаты?

– Нет, но раз в день обязательно делаю предложение, – шутливо объявил он, и, внезапно перестав улыбаться, наклонился ближе к Александре. – Вы, наверное, подумаете, что я все еще живу в прошлом

веке, но, если женюсь, это будет один раз и на всю жизнь. Мне нужна только одна женщина, предназначенная самой судьбой.

– Как замечательно, – пробормотала Александра.

– А вы? – спросил в свою очередь Меллис. – Никогда не были влюблены?

– Нет.

– Не повезло кому-то, – посочувствовал он. – Зато повезло...

В эту минуту появился официант с десертом. Александра умирала от желания услышать, что хотел сказать Джордж, но боялась спросить. Никогда и ни с кем не чувствовала она себя так легко и просто.

Джордж Меллис, казалось, искренне интересовался всем, что с ней связано, и Александра, сама того не ожидая, рассказывала о своем детстве, жизни, воспоминаниях, бережно хранившихся в памяти.

Меллис всегда гордился тонким пониманием женской психологии и знал, что красивые женщины обычно крайне не уверены в себе. Мужчины обращали внимание только на внешность, обращаясь с ними как с прекрасными игрушками, не замечая ни ума, ни характера. Джордж, напротив, никогда не подчеркивал, как восхищается красотой женщины, а давал понять, что важнее всего ее чувства, разум и душа, что с ней одной готов разделить жизнь и мечты. Это казалось Александре чем-то необычным и новым, прежде не испытанным. Она рассказала Меллису о Кейт и об Ив.

– Ваша сестра с вами не живет?

– Нет..., она... Ив решила снять свою квартиру. Девушка не могла понять, почему Джордж равнодушен к Ив, но тем не менее очень радовалась этому обстоятельству. Пока они сидели в ресторане, Александра то и дело ловила взгляды женщин, обращенные на Джорджа, но тот ни разу не посмотрел ни на кого, кроме нее. За кофе он сказал:

– Не знаю, любите ли вы джаз, но на площади Святого Марка есть такой клуб, «Файв Спот»...

– Где играет Сесил Тейлор!

– Вы там были? – изумился Джордж.

– Часто! Я его просто обожаю. Невероятно, у нас совершенно одинаковые вкусы!

– Должно быть, чудеса все же случаются, – тихо ответил Джордж.

Они слушали блестящую игру Сесила Тейлора, джазового пианиста, потрясающего публику великолепной игрой, потом отправились в бар на Бликер-Стрит, где посетители пили, ели жареную кукурузу, играли в дартс, слушали музыку. Александра наблюдала, как Джордж согласился на

партию игры в дартс с одним из завсегдатаев. Тот неплохо играл, но с самого начала у него не было ни малейшего шанса. Джордж метал дротики с мрачной, почти пугающей сосредоточенностью, словно для него выигрыш означал вопрос жизни или смерти.

И Александра подумала, что этот человек привык побеждать.

В два часа ночи они ушли из бара, но ей совсем не хотелось, чтобы этот вечер кончился.

Джордж сидел рядом с Александрой во взятом напрокат «роллс-ройсе» и молча смотрел на нее. Сходство между обеими сестрами было невероятным. Неужели и тело такое же, как у Ив? Он представил Александру в постели, извивающуюся, кричащую от боли.

– О чем вы думаете? – спросила она.

Он отвел глаза, чтобы девушка не смогла прочесть его МЫСЛИ.

– Вы будете смеяться.

– Нет, ни за что, обещаю.

– Я бы вас не осудил... Видите ли, меня считают кем-то вроде плейбоя. Ну, знаете – праздная жизнь, вечеринки, все такое.

– Да...

В темных глазах появилось умоляющее выражение:

– Думаю, вы единственная женщина, которая могла бы изменить все это. Навсегда.

Александра почувствовала, как забилось сердце:

– Я... Не знаю, что сказать.

– Пожалуйста, не отвечайте.

Губы его были совсем близко, и Александра ждала поцелуя. Но Джордж не двигался. Ив предупредила его, что спешить нельзя. Ошибки в таких делах опасны. Особенно в первый вечер, иначе он может стать одним из длинной очереди поклонников, умирающих от желания завладеть Александрой и ее состоянием. Пусть сама сделает первый шаг!

Поэтому Меллис всю дорогу просто держал девушку за руку; наконец автомобиль остановился у особняка Блэкуэллов. Джордж проводил Александру к дому. На прощанье она сказала:

– Поверьте, мне никогда еще не было так хорошо. Спасибо вам.

– Я будто перенесся в волшебную страну, – прошептал Меллис.

Улыбка Александры, казалось, осветила всю улицу.

– Спокойной ночи, Джордж, – еле слышно сказала она и скрылась за дверью.

Через четверть часа в ее комнате раздался звонок. – Знаете, что я сейчас сделал? Поговорил с отцом. Рассказал о необыкновенной женщине,

с которой провел вечер. Спокойной ночи, милая!

Джордж повесил трубку и ехидно ухмыльнулся. После свадьбы он обязательно позвонит родным и скажет, чтобы катились ко всем чертям. Пусть идут в задницу, он в них больше не нуждается!

Глава 29

Джордж Меллис не позвонил ни на следующий день, ни через неделю. Каждый раз, услышав звонок, Александра бежала к телефону и разочарованно вздыхала. Она не могла понять, что случилось.

"... Думаю, вы единственная, кто может изменить все это. Навсегда.

...Я только что говорил с матерью и отцом. Рассказал о необыкновенной женщине, с которой провел вечер..."

В чем же причина? Почему он молчит?

Может, она чем-то оскорбила его? Или наоборот, понравилась настолько, что Джордж побоялся влюбиться и решил никогда больше не встречаться с ней? Нет, должно быть, решил, что такие женщины его не привлекают. А если Джордж попал в катастрофу и теперь лежит, беспомощный, раненый, в какой-нибудь больнице? Вдруг его уже нет в живых?

Когда Александра почувствовала, что больше не в силах вынести, она позвонила Ив и заставила себя болтать целую минуту о пустяках, прежде чем, наконец, выпалила:

– Ив, ты случайно не слыхала, где сейчас Джордж Меллис?

– Да нет. Я думала, он собирается пригласить тебя к ужину.

– Мы были в ресторане. На прошлой неделе.

– И с тех пор ты о нем не слыхала?

– Нет.

– Наверное, занят.

«Настолько занят, что даже не может позвонить?!»

Александра вздохнула, но вслух сказала только:

– Возможно.

– Забудь о Меллисе, дорогая. Лучше я тебя познакомлю с одним канадцем. Потрясающий мужчина. Владелец авиаинии, а кроме того...

Повесив трубку, Ив, улыбаясь, откинулась на спинку кресла. Хотела бы она, чтобы бабка узнала, какой великолепный план смогла придумать внука!

– Эй, какая муха тебя укусила? – спросила Элис Коппел.

– Извини, – пробормотала Александра.

Все утро она кричала на сослуживцев. Вот уже две недели от Джорджа Меллиса не было ни слуху ни духу, и Александра не находила себе места, злилась не столько на него, сколько на себя, потому что не могла забыть этого человека. Меллис ничем не был ей обязан, а она ведет себя так, будто он обещал жениться. Господи Боже, что это с ней? Любая женщина была бы счастлива стать его женой, зачем ему нужна такая, как Александра?!

Даже бабушка заметила, какой раздражительной стала внучка за последнее время.

– Что с тобой, детка? Замучили работой?

– Нет, бабушка. Просто..., последнее время плохо сплю. Когда Александра все же засыпала, ей снились эротические сны, она и Джордж, на постели, сплелись в объятиях... Черт бы его побрал! Как жаль, что Ив вообще познакомила ее с Меллисом.

На следующее утро Александру позвали к телефону.

– Алекс? Это Джордж Меллис.

Будто она не знала, кому принадлежит этот глубокий голос!

– Алекс! Это вы?

– Да, Джордж.

Смешанные чувства переполняли девушку, она не знала, то ли плакать, то ли смеяться. Какой бездушный эгоистичный тип! Ей все равно, увидит ли она его еще когда-нибудь!

– Я должен был позвонить вам раньше, – извинился он, – но только что возвратился из Афин.

Сердце Александры сразу смягчилось.

– Вы были в Афинах?

– Да. Помните наш вечер? Александра помнила. Все помнила.

– На следующее утро позвонил Стив, мой брат, и сказал, что у отца сердечный приступ.

– Ох, Джордж!

Какой же она чувствовала себя виноватой перед Джорджем за все те гадости, которые о нем думала!

– Надеюсь, вашему отцу стало легче?

– Да, слава Богу! Но я чувствовал себя так, будто разрываюсь на части. Он умолял меня возвратиться в Грецию и стать во главе семейного бизнеса.

Александра затаила дыхание:

– И вы согласились?

– Нет.

Она облегченно вздохнула.

– Я знаю, мое место здесь. Не было ни дня, ни часа, ни минуты, чтобы я не думал о вас! Когда я вас увижу?

– Сейчас! Немедленно... Давайте поужинаем вместе.

Меллис чуть не назвал еще один из любимых ресторанов Александры, но вовремя сдержался:

– С удовольствием. Куда мы пойдем?

– Все равно. Может, останемся дома?

– Не стоит.

Он еще не был готов к встрече с Кейт. Она – главное препятствие к осуществлению его планов!

– Заеду за вами к восьми, – сказал Джордж вслух. Александра повесила трубку, расцеловала Элис Коппел, Вэнса Барнса и Марти Бергаймера.

– Я к парикмахеру! Увидимся завтра! Они молча смотрели вслед девушке.

– Это мужчина, – кивнула Элис.

Они поужинали в «Максуэллз Плам». Метрдотель провел их мимо битком набитого бара наверх, в обеденный зал, и усадил за лучший столик.

– Вы хоть немного думали обо мне все это время? – спросил Джордж.

– Да.

Александра чувствовала, что может быть полностью откровенной с этим человеком, таким чувствительным, таким уязвимым:

– Когда вы не позвонили, я подумала: случилось что-то ужасное. Мне было так плохо..., думала, еще одного дня я не выдержу.

«Молодец Ив», – подумал Джордж.

Это Ив настаивала, чтобы он ушел в подполье и звонил только с ее разрешения.

Джордж впервые за все время чувствовал, что план может удался. До сих пор, он не придавал происходящему особого значения, иногда только забавляясь мыслью о том, как неплохо было бы завладеть состоянием Блэкуэллов, но всерьез никогда не верил, что все получится. Для него это было всего-навсего игрой, которую он и Ив вели вместе. Но теперь, глядя в полные немого обожания глаза Александры, Джордж понял, что игры кончены. Александра принадлежала ему. Первый шаг сделан. На пути встретится много опасностей, но с помощью Ив он преодолеет их.

«Мы повязаны этим делом, Джордж, и, когда настанет час, все разделим поровну».

Но Меллис не признавал партнерства. Когда он получит все, чего добивался, и когда избавится от Александры, настанет время разделаться с Ив. Мысль об этом доставляла огромное наслаждение.

– Вы улыбаетесь, – сказала Александра.

Он сжал ее ладони сильными теплыми пальцами:

– Я подумал, как хорошо, что мы снова вместе. И можем повсюду бывать вдвоем.

Сунув руку в карман, он вытащил длинную узкую коробку.

– Я привез вам кое-что из Греции.

– О, Джордж...

– Откройте, Алекс.

Внутри оказалось бриллиантовое кольцо тончайшей работы.

– Какое красивое! – прошептала Александра. Именно это ожерелье Меллис взял тогда у Ив. Та заверила, что Джордж вполне может подарить кольцо Александре – она никогда его раньше не видела.

– Это слишком дорогой подарок, честное слово.

– Вовсе нет. Мне будет приятно увидеть его на вас.

– Я... – дрожащим голосом начала девушка. – Я..., спасибо.

– Вы ничего не ели, – покачал головой Джордж.

– Я не голодна.

Меллис снова увидел ее глаза и испытал знакомое чувство всемогущества. Как часто он встречал это выражение на лицах женщин – прекрасных и уродливых, бедных и богатых. Джордж использовал их, любым способом получая что-то от бедняжек, имевших несчастье встретиться на его пути. Но эта даст ему больше всех остальных.

Джордж Меллис по праву гордился своей квартирой – обставленной строго, с большим вкусом, на деньги любовниц и любовников, пытающихся купить хотя бы на время его благосклонность. Правда, им всегда это удавалось, но ненадолго.

– Как здесь хорошо! – воскликнула Александра. Меллис подошел к ней, медленно повернул к себе, так что в тускло освещенной комнате заискрились огоньки бриллиантового кольца на шее девушки.

– Тебе идет, дорогая.

И он поцеловал девушку, сначала нежно, потом все с большей страстью. Александра, едва не теряя сознание, даже не поняла, как они очутились в спальне, большой комнате, отделанной в синих тонах, в центре которой стояла огромная кровать.

Джордж снова обнял девушку и почувствовал, что она дрожит.

– Что с тобой, радость моя?

– Немного нервничаю, – призналась Александра. Она с ужасом думала, что вот сейчас этот человек разочаруется, поняв, какое неопытное создание стоит перед ним, но, собрав последние остатки мужества, стала расстегивать платье.

– Позволь мне, – прошептал Джордж.

Он начал раздевать белокурую красавицу, повторяя про себя наставления Ив:

«Держи себя в руках. Если причинишь Александре боль, если она поймет, какое ты грязное животное, можешь распроститься с деньгами. Понимаешь? Оставь свои мерзкие привычки для шлюх и продажных мальчиков!»

И Джордж, помня об опасности, продолжал осторожно раздевать Александру, не сводя глаз с обнаженной девушки. Тело точно такое же, как у Ив, – прекрасное, с нежной кожей, изящными изгибами стройной фигуры. Меллис горел от желания сжать ее, ударить так, чтобы на алебастровой белизне появились уродливые синяки, кровоподтеки, заставить кричать от боли, душить, кусать...

«...Попробуй только дать себе волю, и больше ты ее не увидишь».

Он сорвал с себя одежду, привлек Александру близко-близко. Они долго стояли молча, глядя друг другу в глаза; наконец Джордж, подхватив Александру на руки, медленно опустил на постель и начал целовать, едва прикасаясь губами, потом все с большим пылом, язык и пальцы ласкали, гладили, ощущали каждую складку, каждую впадину ее тела, пока девушка, не в силах больше вынести сладкую боль-муку, умоляюще прошептала:

– О, пожалуйста! Сейчас! Сейчас!

И Джордж, закрыв глаза, стараясь ни о чем не думать, овладел ею; только теперь Александра познала невероятное, ни с чем не сравнимое, жгучее наслаждение. Позже, гораздо позже, лежа в объятиях любовника, она вздохнула:

– Милый, какое счастье ты мне подарил! Тебе тоже было хорошо?

– Конечно, родная, – солгал Джордж.

Она вновь прижалась к нему и заплакала, сама не зная отчего, чувствуя только, что благодарна за доставленные счастье и радость.

– Не надо, успокойся, ведь все хорошо, – тихо сказал Меллис, глядя ее по голове.

На этот раз он сказал правду.

Ив гордилась бы своим учеником.

Все влюбленные обычно ссорятся, обижаются, ревнуют друг друга, все, но только не Джордж и Александра. Меллис, во всем следуя наставлениям Ив, предупреждал каждое желание Александры, знал каждую мелочь о ее страхах, мечтах, фантазиях, друзьях и врагах и всегда был рядом, готовый дать все, в чем она нуждалась, умел заставить ее смеяться и плакать. Александра любила Меллиса, отдалась ему вся, целиком, душой и телом, но у Джорджа их отношения, особенно в постели, вызывали лишь злость и раздражение.

Слушая гортанные животные вскрики, издаваемые Александрой в минуты любви, Джордж задыхался от возбуждения. Как ему хотелось насиловать ее, бить, заставить рыдать, умолять о пощаде – только так он сможет получить удовлетворение. Но Джордж знал – тогда все пропало. Злоба его росла. Чем больше времени они проводили в постели, тем больше Меллис ненавидел и презирал Александру.

Конечно, были такие места, где Меллис мог получить все, что желал, но приходилось принимать меры предосторожности. Лишь поздно ночью осмеливался он посещать бары для одиночек, дискотеки и клубы гомосексуалистов, знакомился с одинокими вдовами, ищущими развлечений, мальчишками-"голубыми", жадными до любви, и проститутками обоего пола, готовыми на все за деньги.

Меллис водил их в убогие отели Вестсайда, Бауэри и Гринвич-вилледж, но никогда не возвращался дважды в одно и то же место, правда, вряд ли его там встретили бы с радостью: партнеров этого красавца обычно находили в бессознательном состоянии, избитыми до полусмерти, а иногда и покрытых сигаретными ожогами.

Джордж не терпел мазохистов. Они наслаждались болью, которую он причинял, и это не доставляло никакого удовлетворения. Нет, Меллису было необходимо слышать вопли этих тварей, молящих о пощаде и милосердии. Точно так же поступал его собственный отец, когда Джордж был еще совсем мальчишкой. Он избивал сына за малейшие провинности, так что тот потом часами лежал в бреду.

Когда отец застал восьмилетнего Джорджа с соседским парнишкой, совершенно голых, он бил сына до тех пор, пока у того не полилась кровь из носа и ушей. Желая навсегда отучить сына грешить, отец прижал зажженную сигару к пенису Джорджа. Рана зарубцевалась, но шрам

глубоко в душе продолжал гноиться.

Меллис унаследовал буйный необузданный характер своих греческих предков, и сама мысль о том, что придется кому-либо подчиняться, была непереносимой. Он мирился с постоянными издевательствами Ив Блэкуэлл только потому, что нуждался в ней. Но когда он наконец доберется до состояния старухи, вволю натешится над Ив, пока та не начнет молить о смерти, как избавлении. Какая удача, что Джордж с ней встретился! Для него. Ей-то явно не повезло.

Александра не переставала поражаться: откуда Джордж знает, какие цветы послать, какие пластинки купить, какие книги ей понравятся. Когда он вел ее в музей, их восхищали одни и те же картины. Трудно поверить, что у двух разных людей вкусы могут быть столь одинаковы! Она не могла найти в Джордже Меллисе ни единого недостатка. Само совершенство! И теперь девушка мечтала лишь о том дне, когда наконец познакомит его с Кейт. Но Джордж всегда находил предлог, чтобы избежать встречи с бабушкой.

– Почему, дорогой? Вот увидишь, она тебе понравится. А кроме того, я хочу похвастаться тобой.

– Уверен, Кейт потрясающая женщина, – весело согласился Джордж, – но, боюсь, она решит, что я тебе не подхожу.

– Чепуха, – вскинулась тронутая его скромностью Александра. – Бабушка будет от тебя в восторге!

– Подожди, – попросил Джордж, – вот соберусь с духом, тогда знакомь.

Сначала Меллис решил все обсудить с Ив. Подумав, она кивнула:

– Ладно. Все равно рано или поздно придется пережить это. Но смотри, держи ухо востро, не зевай! Она стерва, но умна как бес. Не дай Бог тебе расслабиться хоть на секунду! Если она заподозрит, что ты гонишься за деньгами, вырежет у тебя сердце и скормит его собакам.

– Зачем она нам? – удивился Меллис.

– Потому что, если из-за тебя Александра рассорится с Кейт, считай, всему конец.

Александра никогда еще так не волновалась. Они должны были впервые ужинать вместе с Кейт, и девушка молилась, чтобы все было хорошо. Больше всего на свете она желала, чтобы бабушка и Джордж понравились друг другу и Кейт увидела, какой чудесный человек Джордж, а Джордж оценил бабушку по достоинству.

Кейт никогда не видела внучку такой счастливой. Александра была знакома со многими прекрасными молодыми людьми, умными, богатыми,

но ей никто не нравился. И теперь Кейт намеревалась узнать все об избраннике внучки, человеке, который смог влюбить ее в себя.

Старая женщина видела на своем веку не одного охотника за приданым, считала, что может распознать их с первого взгляда, и совершенно не собиралась отдавать Александру подобному типу, но очень хотела познакомиться с Джорджем Меллисом. Кейт чувствовала, что он пытается уклониться от встречи, и ей необходимо было понять, в чем причина.

Послышался звонок, и вскоре в гостиную вошла Александра, держа за руку высокого незнакомца с классически прекрасным лицом.

– Бабушка, это Джордж Меллис.

– Наконец-то! – воскликнула Кейт. – Я уже начала думать, что вы меня избегаете, мистер Меллис.

– Наоборот, миссис Блэкуэлл, вы даже не представляете, как я ждал этой минуты.

Он уже хотел добавить:

«Вы еще красивее, чем говорила Алекс», – но вовремя сдержался.

«Осторожнее. Никаких комплиментов, Джордж. Лесть действует на старуху, как красная тряпка на быка».

Вошедший дворецкий налил вино в бокалы и незаметно исчез.

– Садитесь, пожалуйста, мистер Меллис.

– Спасибо.

Александра уселась рядом с Джорджем, с беспокойством глядя на бабушку.

– Насколько я понимаю, вы за последнее время часто встречаетесь с моей внучкой.

– Совершенно верно.

Светло–серые глаза Кейт впились в собеседника.

– Александра упомянула, что вы работаете в брокерской фирме.

– Да.

– Откровенно говоря, мне кажется странным, мистер Меллис, что вы предпочитаете быть наемным служащим, вместо того, чтобы управлять собственным процветающим семейным бизнесом.

– Бабушка, ведь я объяснила...

– Я бы хотела выслушать самого мистера Меллиса, Александра!

«...Будь вежливым, но, ради Бога, не пресмыкайся перед ней. И не позволяй себя унижать. Если она почувствует хоть малейший признак слабости, просто уничтожит тебя».

– Миссис Блэкуэлл, я не привык с кем-либо обсуждать свою личную

жизнь.

Джордж поколебался, делая вид, что пытается принять решение:

– Однако, учитывая обстоятельства, полагаю... Взглянув Кейт в глаза, он кивнул:

– Я очень независимый человек. И не желаю ничьих подачек. Если бы я лично основал компанию «Меллис», несомненно, сам бы ею управлял. Но фирма принадлежала еще моему деду, а отец добился, что она стала приносить прибыли. Я там не нужен. У меня три брата, которые вполне способны заменить отца. Предпочитаю работать на других, пока не смогу создать что-то заново, такое, чем мог бы гордиться.

Кейт медленно кивнула. Не такого человека ожидала она встретить. Джордж не походил на плейбоя, охотника за деньгами, одного из десятков тех, что осаждали внучку в надежде захватить состояние Блэкуэллов. Этот совсем иной. Но все же что-то было в нем странное, тревожащее, пока непонятное Кейт. Слишком уж совершенен?

– Я слышала, вы из очень богатой семьи?

«Она должна поверить, что у вас денег куча и ты безумно влюблен в Алекс. Пустит в ход все свое обаяние. Держи себя в руках, и мы выиграем».

– Конечно, без денег трудно обойтись, миссис Блэкуэлл. Но существует множество вещей, интересующих меня гораздо больше.

Кейт успела выяснить точную цифру стоимости фирмы Меллисов. Согласно отчету, сумма превышала тридцать миллионов долларов.

– У вас хорошие отношения с родственниками, мистер Меллис?

Лицо Джорджа просияло:

– Наверное, даже слишком хорошие. – Он позволил себе улыбнуться. – В нашей семье, миссис Блэкуэлл, принято говорить: «Когда один из нас порежет палец, у остальных идет кровь». Мы никогда не теряли связи друг с другом.

На самом деле Джордж вот уже три года и словом не перемолвился ни с кем из родных.

– Мне очень нравятся такие семьи, – одобительно кивнула Кейт и взглянула на внучку.

Та не сводила с Джорджа обожающих глаз. На крохотное мгновение эта пара напомнила Кейт о ней самой и Дэвиде, счастливых, влюбленных. Как давно все было... Но годы не стерли воспоминаний о самых лучших днях в ее жизни.

В комнату вошел Лестер:

– Ужинать подано, мадам.

Разговор за столом был менее напряженным, хотя Кейт продолжала

выпытывать у Джорджа подробности его жизни. Но Ив хорошо подготовила Меллиса, и, когда старая дама задала самый главный вопрос, любит ли тот детей, он вспомнил слова любовницы:

«Она отчаянно хочет правнука. Мальчика, чтобы передать ему компанию. Больше ни о чем не мечтает».

Джордж удивленно поднял брови:

– Детей? Но что это за семья, где нет детей? Боюсь, что после свадьбы у моей бедной жены совсем не будет времени. В Греции достоинство мужчины измеряется количеством сыновей, которые могли бы продолжить род.

Кейт решила, что Меллис вполне искренен, но все же излишняя осторожность не помешает. Придется попросить Брэда Роджерса проверить, каковы финансовые обстоятельства Мел-лиса.

Перед сном Александра позвонила Ив. Та еще раньше знала, что Джордж Меллис должен был за ужином познакомиться с Кейт. Она попросила сестру позвонить сразу же после ухода Джорджа и все рассказать.

– По-моему, он очень понравился бабушке, – призналась Александра.

Ив удовлетворенно улыбнулась:

– Что она сказала?

– Задала Джорджу кучу вопросов. Но он был совершенно спокоен.

«Значит, сумел взять себя в руки!»

– Ну что ж! Значит, вы, влюбленные голуби, собираетесь пожениться?

– Я... Он еще не сделал предложения. Ив, но, думаю, собирается, – счастливо прошептала Александра.

– А бабушка дает разрешение?

– Уверена! Она собирается проверить, есть ли у Джорджа состояние, но это, конечно, не имеет значения. Сердце Ив, казалось, остановилось.

– Ты же знаешь, бабушка всего боится, – продолжала сестра.

– Да, – медленно протянула Ив, – знаю. Все кончено. Если, конечно, не найти выхода и как можно быстрее.

– Держи меня в курсе дел, – попросила она.

– Обязательно. Спокойной ночи.

Ив тут же нажала рычаг и перезвонила Джорджу. Того еще не было дома. Она продолжала звонить каждые десять минут и, когда Меллис наконец взял трубку, спросила:

– Ты можешь дня на два достать миллион долларов?

– Слушай, мне не до глупостей! Что за бред ты несешь?

– Кейт приказала проверить, есть ли у тебя деньги.

– Она знает, что моя семья богата. Она...
– Я говорю не о твоей семье, а о тебе лично. О тебе. Предупреждала же, она не дура.

На другом конце провода долго молчали.

– Где же я могу добыть миллион?

– У меня есть идея! – объявила Ив. На следующее утро, приехав в офис, Кейт велела помощнику:

– Попросите Брэда Роджерса проверить, каково состояние финансов Джорджа Меллиса? Он работает в фирме «Хансен и Хансен».

– Мистера Роджерса нет в городе, миссис Блэкуэлл. Приедет завтра. Это дело может подождать, или...

– Ничего страшного. Завтра так завтра.

В это время на другом конце Уолл Стрит, в офисе брокерской фирмы «Хансен и Хансен», сидел Меллис, ломая голову над тем, как осуществить задуманное. Вокруг двадцать пять служащих, работавших в главной конторе фирмы, – брокеры, аналитики, экономисты, операторы, представители клиентов, трудились не покладая рук. Все, кроме Джорджа Меллиса. Пораженный паническим страхом, он неподвижно сидел за столом. Если план провалится, он проведет много лет в тюрьме. В случае успеха весь мир будет у ног Джорджа.

– Слушай, ты не собираешься отвечать? – спросил подошедший сослуживец.

Джордж осознал, что телефон на столе разрывается. Давно? Сколько он просидел вот так? Что, если его поведение возбудит подозрения окружающих?

Джордж с извиняющейся улыбкой схватил трубку:

– Слушаю. Меллис у телефона.

Все утро пришлось провести, продавая и покупая ценные бумаги, но одна мысль неотрывно билась в мозгу: удастся ли украсть миллион долларов? Ив заверила его, что нет ничего проще: главное одолжить их где-нибудь. Всего на одну ночь, а утром деньги можно возвратить, и никто ничего не узнает.

Каждая брокерская фирма имела акций и облигаций на миллионы долларов. Все это богатство хранилось в специальных сейфах, чтобы клиентам было проще купить или продать ценную бумагу. На некоторых акционерных сертификатах стояло имя владельца, но подавляющее большинство было просто обозначено кодовыми номерами КИЦБ – комиссии по идентификации ценных бумаг. Каждому владельцу присваивался свой номер. Приобрести такие сертификаты было

невозможно, но Джордж и не собирался выкладывать наличные. Намерения его были совсем иными.

В фирме «Хансен и Хансен» акции хранились в специальном огромном сейфе на седьмом этаже, в запретной зоне, охраняемой вооруженным полисменом, причем массивная металлическая решетка открывалась только с помощью кодированной "ластиковой" карточки. Такого пропуска у Меллиса не было. Но Джордж точно знал, у кого можно его достать.

Элен Тэтчер, вдова лет сорока двух, с приятным лицом и неплохой фигурой, превосходно умела готовить. После двадцати трех лет семейной жизни она тяжело переживала кончину мужа. Вдове был необходим мужчина, который мог бы позаботиться о ней. Но беда в том, что почти все женщины, служившие в фирме, были моложе и привлекательнее. Никто не ухаживал за Элен.

Она работала в бухгалтерии, этажом выше офиса Джорджа Меллиса. С первой встречи Элен решила, что Меллис будет прекрасным мужем для нее. Несколько раз приглашала на обед, намекая, что кроме великолепно приготовленных блюд готова угостить еще кое-чем, хотя Джордж всегда находил предлог отказаться. Но в это утро, подняв трубку, вдова услышала ласковый, чуть хрипловатый голос:

- Элен? Это Джордж.
- Что-нибудь случилось?
- У меня небольшой сюрприз для вас. Можете зайти в мой офис?
- Сейчас?
- Да.
- Боюсь, у меня много...
- О, если вы заняты, я могу подождать. Ничего страшного.
- Нет, нет. Я..., иду.

Телефон на столе Джорджа снова зазвонил. Он предпочел не поднимать трубку и, схватив стопку документов, направился к лифту. Оглянувшись по сторонам и убедившись, что никто не следит за ним, прошел мимо и поднялся по черной лестнице на этаж выше. Потом проверил, действительно ли Элен нет в кабинете и спокойно вошел, будто по делу. Если его поймут..., Но Джордж не желал и думать об этом. Он открыл средний ящик стола, где, как ему было известно, Элен хранила пропуск. Карточка лежала на месте. Джордж сунул ее в карман и поспешил к себе. Элен уже ждала его.

- Простите, – извинился Джордж, – меня вызвали по делу.
- Ничего, я понимаю. Так какой же сюрприз меня ожидает?

– Одна маленькая птичка прочирикала, что сегодня ваш день рождения. Приглашаю вас на ленч.

Он внимательно следил за выражением лица Элен. Вдова явно разрывалась между желанием сказать правду и воспользоваться счастливым случаем и пообедать с ним.

– Очень..., очень мило с вашей стороны, – пробормотала она наконец. – С радостью принимаю ваше предложение.

– Прекрасно! Встречаемся «У Тони» в час дня. Он мог назначить свидание и по телефону, но Элен Тэтчер была слишком взволнована, чтобы задавать вопросы.

Как только она вышла, Джордж развил бурную деятельность. Поднявшись на лифте на седьмой этаж, он направился к охраннику, стоявшему перед наглухо закрытой металлической решеткой. Джордж вставил в отверстие пластиковую карточку; дверь бесшумно отошла. Он уже переступил порог, но тут услышал голос охранника:

– По-моему, я вас раньше не видел. Сердце Джорджа тревожно забилось, но он постарался улыбнуться:

– Вы правы. Обычно я этим не занимаюсь, но один клиент неожиданно пожелал увидеть свои акционерные сертификаты, так что придется с ними возиться. Надеюсь, это не займет весь день. Чертовски капризный тип!

Охранник сочувственно улыбнулся:

– Желаю удачи!

Джордж вошел в огромное бетонное хранилище и открыл стальные ящики. Внутри лежали сотни акционерных сертификатов, представляющих акции всех компаний на нью-йоркских и американских фондовых биржах. На каждом сертификате было указано количество акций – от одной до ста тысяч. Джордж быстро, привычно просматривал плотные листочки. Выбрав сертификаты ведущих компаний, всего на миллион долларов, он сунул бумаги во внутренний карман пиджака, закрыл ящик и направился к выходу.

– Быстро управились, – заметил охранник. Джордж покачал головой:

– Компьютер выдал неверные сведения. Придется прийти утром.

– Проклятые машины! – вздохнул охранник. – Вот увидите, доведут нас до разорения.

Только возвратившись в кабинет, Джордж почувствовал, что сорочка насквозь промокла от пота. Но пока все шло, как задумано. Он набрал номер Александры:

– Дорогая! Я хочу поговорить с твоей бабушкой. Сегодня же. Мне нужно сказать вам нечто очень важное.

Ровно в час дня Джордж зашел в офис Элен и положил на место карточку. Вдова в это время ждала его в ресторане. Он отчаянно желал сохранить пропуск у себя, ведь завтра утром снова нужно идти в хранилище, но знал, что каждую несданную вечером карточку компьютер наутро аннулирует.

В десять минут второго Джордж уже сидел за столом рядом с Элен и, взяв ее за руку, нежно сказал:

– Нам нужно чаще видеться. Вы свободны завтра? Я бы хотел снова пригласить вас на ленч.

– Конечно, Джордж, – просияла вдова.

Когда Меллис ушел вечером из конторы, в кармане у него лежали сертификаты общей стоимостью в миллион долларов.

Ровно в семь Джордж подъехал к дому Блэкуэллов; дворецкий немедленно проводил его в библиотеку, где уже ожидали Кейт и Александра.

– Добрый вечер, – поздоровался Меллис, – надеюсь, я не слишком помешал? Просто хотел поговорить с вами обеими. Миссис Блэкуэлл, знаю, что могу показаться отсталым и старо модным, но я хотел бы попросить у вас руки вашей внучки. Я люблю Александру и уверен, что она тоже любит меня. Мы будем счастливы только если вы благословите нас.

Сунув руку в карман, Джордж вытащил стопку сертификатов и бросил перед Кейт:

– В качестве свадебного подарка я хочу преподнести ей миллион долларов. Ваши деньги нам не понадобятся. Только благословение.

Кейт, взглянув на рассыпанные по столу документы, успела прочесть названия самых процветающих компаний. Александра с сияющими глазами бросилась к Джорджу:

– О, дорогой!

Потом повернулась к Кейт, безмолвно умоляя о согласии.

– Бабушка!

Кейт посмотрела на счастливую молодую пару и на какой-то краткий миг позавидовала им. Отказать было невозможно.

– Будьте счастливы, – сказала она. Джордж, широко улыбаясь, шагнул к Кейт:

– Можно?

И, нагнувшись, поцеловал ее в щеку.

Следующие два часа они оживленно обсуждали приготовления к свадьбе.

– Не хочу никаких церемоний, бабушка, – заявила Александра. – Нам

это совсем не обязательно, правда?

– Согласен, – кивнул Джордж. – Главное, что мы любим друг друга.

В конце концов было решено, что Джордж и Александра без излишнего шума зарегистрируют брак у судьи.

– Ваш отец собирается приехать? – осведомилась Кейт.

– Его насильно не удержишь, – рассмеялся Джордж. – Все приедут – отец, три брата и две сестры.

– Буду рада познакомиться с новыми родственниками.

– Вы обязательно полюбите их, я знаю. Джордж обожающе взглянул на Александру. Кейт очень тронули события сегодняшнего вечера. Она радовалась за внучку – наконец-то Александра нашла человека, который так ее любит. И Кейт решила сказать Брэду, чтобы тот не проводил проверку.

Перед уходом Джордж, оставшись наедине с Александрой, как бы между делом, сказал:

– Думаю, все эти сертификаты, рассыпанные по столу, представляют большой соблазн для воров. Не положить ли мне их в свой банковский сейф до свадьбы?

– Конечно, – согласилась девушка.

Джордж собрал документы и положил в карман пиджака.

На следующее утро он вновь вызвал Элен Тэтчер, уверив, что приготовил ей подарок. Пока та спускалась, взял пропуск в кабинете Элен и поспешно отправился к себе. Подарил вдове шарф от Гуччи, «скромный именинный сюрприз», и условился встретиться с ней за ленчем. На этот раз Джордж не так трусил, и проникнуть в хранилище оказалось легче. Он возвратил на место сертификаты, отнес карточку и встретился с Элен в ближайшем ресторане.

Она взяла Меллиса за руку, нежно улыбнулась:

– Джордж, почему бы вам не поужинать у меня? Только мы вдвоем и никого больше.

– Боюсь, это невозможно, Элен. Видите ли, у меня сегодня вечером свидание с невестой. До свадьбы совсем мало времени, нужно еще кое-что обсудить.

За три дня до назначенной даты Джордж пришел к Блэкуэллам.

– Что случилось? – встревоженно спросила Александра, увидев расстроенное лицо жениха.

– Ужасные новости. У отца инфаркт.

– Как жаль! – посочувствовала Кейт. – Надеюсь, состояние не очень тяжелое?

– Я всю ночь разговаривал с родственниками по телефону. Они думают, что все обойдется, но на свадьбу, конечно, приехать не смогут.

– Тогда мы поедem в свадебное путешествие в Афины и навестим его, – предложила Александра. Джордж погладил ее по щеке:

– Нет, милая, у меня другие планы. Никаких родственников, только я и ты.

Венчание происходило в гостиной особняка Блэкуэллов. Приглашенных было не более двенадцати человек, среди них Вэнс, Элис и Марти. Александра умоляла бабушку позволить Ив тоже прийти, но та была непреклонна.

– Твоя сестра никогда не переступит порога этого дома! Глаза девушки наполнились слезами:

– Бабушка, ты поступаешь жестоко! Я люблю вас обеих. Прости ее, пожалуйста.

На какое– то мгновение Кейт чуть не поддалась искушению рассказать обо всем, что сотворила Ив, но вовремя остановилась.

– Я поступаю так, как считаю наиболее правильным. Фотограф заснял всех присутствующих, и Кейт, услышав, как Джордж попросил сделать еще несколько снимков, чтобы послать семье, подумала, что зять, должно быть, очень внимательный человек.

После того, как был разрезан свадебный пирог, Джордж прошептал жене:

– Дорогая, мне нужно исчезнуть на час-полтора.

– Что-то случилось?

– Конечно, нет. Но я смогу убедить босса отпустить меня в свадебное путешествие только, если пообещаю закончить одну работу для важного клиента, Я не задержусь. Кроме того, мы улетаем только в пять.

– Быстрее возвращайся, – улыбнулась Александра. – Не хочу отправляться в свадебное путешествие без тебя.

Джордж позвонил в квартиру Ив. Дверь открылась. На пороге стояла хозяйка в прозрачном пеньюаре.

– Ну как свадебная церемония, дорогой? Все прошло хорошо?

– Да, спасибо. Скромно, но элегантно. Никаких неожиданностей.

– А знаешь почему, Джордж? Только благодаря мне. Никогда не забывай этого!

Джордж кивнул и ответил задумчиво:

– Не забуду.

– Помни, мы в этом деле партнеры!

– Конечно.

– Ну и ну, – улыбалась Ив, – значит, теперь ты муж моей младшей сестрички.

Джордж взглянул на часы:

– Да, и мне пора.

– Не торопись!

– Почему?

– Потому что прежде чем отправишься в свадебное путешествие, ты будешь любить меня, дорогой. Хочу попробовать, что это такое – трахаться с мужем собственной сестры.

Глава 30

Ив сделала все, что смогла. Даже составила план свадебного путешествия. Обойтись это должно было недешево, но она предупредила Джорджа: скупиться нельзя, нужно играть роль до самого конца.

Ив продала несколько драгоценных безделушек, подаренных одним из многочисленных поклонников, и вручила деньги Джорджу.

– Я ценю все, что ты сделала для меня, поверь. Я... – начал Меллис.

– Не волнуйся, все деньги ко мне вернутся. Когда-нибудь, – заверила девушка.

Медовый месяц пролетел как одна минута. Джордж и Александра жили в отеле «Раунд Хилл» в Монтего Бэй, на Ямайке. Небольшое белое здание стояло в окружении двадцати прелестных коттеджей, с видом на море, выстроенных на уступах холма. Семью Меллисов поселили в коттедже с плавательным бассейном; горничная каждое утро готовила завтрак и подавала в сад; Джордж взял напрокат маленькую яхту, и они каждый день ловили рыбу или просто ходили под парусом, плавали, читали, играли в триктрак, любили друг друга. Александра делала все, чтобы угодить Джорджу в постели, и, слушая его стоны, была счастлива, что может доставить такое наслаждение Любимому.

На пятый день Джордж сказал:

– Алекс, мне нужно в Кингстон по делу. У фирмы здесь филиал, и меня просили кое-что проверить.

– Хорошо, – сказала она, – я еду с тобой.

– Мне бы очень этого хотелось, дорогая, – нахмурился ил, – но сегодня должны звонить из конторы. Пожалуйста, останься и поговори за меня.

– Может, лучше портье это сделает? – разочарованно спросила Александра.

– Нет-нет, дело важное, и доверять случайным людям нельзя.

– Конечно, в таком случае придется остаться, – вздохнула она.

Джордж взял напрокат машину и уехал в Кингстон. Он добрался до города только к вечеру. Улицы столицы были полны ярко одетых туристов с кораблей, делающих остановки во время круиза. Они толпились на

блошинных рынках, базарах, жадно скупая все, что попадалось под руку. Кингстон, торговый порт со множеством складов, магазинов, лавок, славился еще и прекрасными старыми зданиями, музеями и библиотеками.

Но Джорджа все это не интересовало. Его трясло от неделями накапливавшихся эмоций и желаний, не находивших выхода. Зайдя в первый же попавшийся бар, он поговорил с барменом и через четверть часа уже поднимался по лестнице дешевого отеля. Рядом плелась пятнадцатилетняя проститутка-негритянка. Джордж пробыл с ней около двух часов, ушел один, поспешно сел в машину, уехал в Монтего Бэй, где ждавшая его весь вечер Александра огорченно объяснила, что никто так и не позвонил.

На следующее утро все кингстонские газеты кричали о том, что какой-то турист избил и изуродовал проститутку так, что несчастная находится при смерти.

В это время старшие партнеры фирмы «Хансен и Хансен» обсуждали, как быть с Джорджем Меллисом. Последнее время на него поступало множество жалоб от клиентов. Сначала было решено уволить Меллиса, но теперь намерения несколько изменились.

– Он женился на внучке Кейт Блэкуэлл, – заметил один из партнеров, – так что, может, имеет смысл подождать.

– Совершенно верно, – добавил второй. – Если бы удалось заполучить такого клиента, как «Крюгер-Брент»...

Атмосфера алчности становилась почти осязаемой. В конце концов было решено, что Джорджу Меллису можно дать еще один шанс. Последний.

После возвращения новобрачных Кейт предложила им поселиться в особняке Блэкуэллов.

– Дом такой огромный, мы даже встречаться не будем. Кроме того...

– Вы очень добры, – перебил Джордж, – но думаю, для нас всех будет лучше жить отдельно.

Он вовсе не собирался постоянно находиться под неусыпным оком этой старухи, стерегущей каждое его движение.

– Понимаю, – вздохнула Кейт, – но в таком случае позвольте мне купить вам дом. В качестве свадебного подарка. Пожалуйста.

Джордж обнял Кейт, прижал к себе.

– Вы очень добры, – хриплым от сдерживаемых чувств голосом пробормотал он. – Алекс и я с благодарностью принимаем ваше предложение.

– Спасибо, бабушка, – сказала Александра. – Мы поищем что-нибудь

неподалеку.

– Верно – согласился Джордж, – так, чтобы приглядывать за вами. Слишком уж вы привлекательная женщина, еще в беду попадете.

Уже через несколько дней им удалось найти прелестный трехэтажный дом около парка, в десяти минутах езды от особняка Блэкуэллов. Кроме большой хозяйской спальни там были еще две комнаты для гостей, помещения для слуг, огромная кухня, отделанная панелями столовая, элегантная гостиная и библиотека.

– Придется тебе самой заняться обстановкой, дорогая, – сказал Джордж Александре. – Меня одолевают клиенты.

На самом деле он почти не бывал в офисе и неделями не встречался с клиентами. Джордж был занят гораздо более интересными вещами.

В полицию то и дело поступали сообщения о нападениях и зверских избиениях проституток обоего пола и одиноких женщин, проводивших вечера в барах.

По описаниям жертв, насильник был привлекательным мужчиной с безупречными манерами, иностранцем, по всей вероятности, латиноамериканцем или итальянцем. Полиция составила фоторобот, но поиски ни к чему не привели.

Ив и Джордж обедали в маленьком ресторанчике на другом конце города, где было меньше риска встретить знакомых.

– Нужно убедить Александру составить новое завещание, так, чтобы Кейт об этом не знала.

– Я что, волшебник, черт возьми?

– Выслушай, дорогой, я все объясню...

На следующий день Джордж пригласил Александру в «Ле Плезир», один из лучших нью-йоркских ресторанов с французской кухней. Александра приехала раньше. Джордж опоздал на полчаса. Ивер Журден, владелец ресторана, лично проводил его к столику, за которым сидела Александра.

– Прости, ангел мой, – задыхаясь, пробормотал Джордж, – я был у поверенного, ты же знаешь, эти адвокаты вечно все усложняют.

– Что-нибудь случилось, Джордж? Муж взял ее за руку?

– Нет. Просто изменил завещание. Если со мной что-нибудь случится, все имущество перейдет к тебе.

– Дорогой, но я не хочу...

– Конечно, в сравнении с состоянием Блэкуэллов это ничтожно мало, но и в бедности жить не будешь.

– Ничего с тобой не случится. Никогда.

– Конечно нет, Алекс. Но судьба иногда выкидывает странные штуки! Понимаю, трудно об этом думать, но все-таки лучше подготовиться заранее, правда?

Она задумчиво помолчала.

– Наверное, мне следует сделать то же самое?

– Зачем? – удивился Джордж.

– Ты мой муж, значит, все, чем я владею, тоже твое. Джордж отнял руку:

– Алекс, мне плевать на твои деньги!

– Знаю, Джордж, но ты сам сказал: лучше подготовиться заранее. Глаза ее наполнились слезами:

– Считаю меня идиоткой, но я так счастлива, просто мысли не могу допустить, как это с нами вдруг что-то случится. Хочу, чтобы так продолжалось вечно.

– Мы всегда будем вместе, – пробормотал Джордж.

– Завтра же поговорю с Брэдом Роджерсом о завещании.

– Как хочешь, дорогая, – пожал плечами Джордж и, словно ему только что пришла в голову неожиданная мысль, добавил:

– Знаешь, мне кажется, лучше бы тебе обратиться к моему адвокату. Он ведет все мои дела и легко сможет все устроить как надо.

– Возможно, тебе виднее, но бабушка думает... Джордж нежно погладил жену по щеке:

– Давай не будем вмешивать сюда Кейт. Поверь, я очень хорошо к ней отношусь, но не считаешь ли ты, что такие вещи касаются только нас двоих?

– Конечно, милый. Я ничего не скажу бабушке. Почему бы тебе не позвонить своему поверенному и предупредить, что завтра утром я буду у него.

– Напомни чуть позже, ладно? Я просто умираю от голода. Думаю, неплохо бы заказать крабов?

Ровно неделю спустя Джордж увиделся с Ив в ее квартире.

– Алекс изменила завещание? – спросила она.

– Сегодня утром. В день рождения она должна унаследовать свою долю в компании.

Через несколько дней сорок девять процентов акций «Крюгер-Брент Лимитед» были переведены на имя Александры Меллис. Джордж сообщил об этом Ив по телефону.

– Прекрасно! – обрадовалась она. – Приходи ко мне сегодня, отпразднуем вместе.

– Не могу. Кейт дает ужин в честь дня рождения Александры.

Ив долго молчала.

– Что будут подавать за столом?

– Какого дьявола я знаю?!

– Узнай!

Послышались короткие гудки.

Через полчаса Джордж снова позвонил.

– Не знаю, почему тебя интересует, – злобно прошипел он, – ведь ты все равно не приглашена, но, раз хочешь, слушай: кокилье Сен Жак, вино «Шатобриан», салат из латука, сыр бри, кофе со сливками, именинный торт с любимым мороженым Алекс, неаполитанским. Удовлетворена?

– Совершенно, Джордж. Жду тебя вечером.

– Нет, Ив. Не могу же я бросать гостей, да еще в день рождения Алекс?

– Придумай что-нибудь!

Черт бы взял эту суку! Джордж повесил трубку и взглянул на часы. Дьявол все побори! Через четверть часа встреча с важным клиентом, которую он дважды ухитрился отложить. В третий раз этого делать нельзя, а он уже опаздывал! Джордж знал, что в фирме его держат только благодаря браку с внучкой Кейт Блэкуэлл, и рисковать не имел права. Потерять место – означало поставить под удар все, чего он с таким трудом добился. Джордж создал для Александры и Кейт имидж идеального мужа и человека и не мог допустить, чтобы глупая ошибка уничтожила все в один момент. Скоро, очень скоро он не будет ни в ком нуждаться.

Меллис послал отцу приглашение на свадьбу, но тот даже не потрудился ответить. Ни одного слова, даже поздравления! Когда-то отец сказал, что не желает больше видеть сына, что тот умер для семьи. Умер и похоронен. Ну что ж, папашу ждет сюрприз. Блудный сын вновь собирается вернуться к жизни.

Праздник в честь двадцатитрехлетия Александры имел большой успех. Было приглашено сорок человек. Александра попросила Джорджа, чтобы

тот позвал и своих приятелей, но муж покачал головой:

– Это твой праздник, Алекс. Путь соберутся только твои Друзья.

По правде говоря, у Меллиса никого не было. Он гордо именовал себя одиноким волком. Люди, зависевшие от других людей, были просто слабаками! Наблюдая, как Александра гасит свечи на торте и загадывает желание, Джордж улыбнулся, подумав, что неплохо бы ей пожелать себе долгой жизни. Хотя, нужно признать, Александра была редкостной красавицей. Сегодня на ней были длинное белое шифоновое платье, изящные серебряные туфельки и бриллиантовое кольцо, подарок Кейт. Большие камни грушевидной формы, скрепленные между собой платиновой цепочкой, радугой сверкали в огоньках свечей. Глядя на молодоженов, Кейт вспомнила первую годовщину свадьбы, когда Дэвид надел ей на шею это кольцо и сказал, что будет любить ее вечно. А Джордж прикинул, что эта безделушка должна стоить не меньше ста пятидесяти тысяч долларов.

Весь вечер он ловил на себе обжигающие взгляды подруг жены, норовивших незаметно коснуться его, зазывно, многообещающе улыбнуться, дать понять, что готовы на все. Сучки ненасытные! Хотя Джордж презирал этих скучающих баб, в других обстоятельствах он не преминул бы воспользоваться представившимся случаем. Но все это приятельницы Александры. Навряд ли они осмелятся пожаловаться ей, но в полицию обратиться могут. Нет, все идет прекрасно, ни к чему осложнять себе жизнь!

Около десяти часов Джордж подсел ближе к телефону и, когда раздался звонок, поднял трубку:

– Алло!

– Мистер Меллис?

– Да.

– Это служба ответа. Вы просили позвонить в десять. Взглянув на стоявшую неподалеку Александру, Джордж нахмурился:

– Когда он позвонил?

– Это мистер Меллис?

– Да.

– Вы заказали звонок на десять, сэр. Александра подошла ближе.

– Хорошо, – сказал он в трубку. – Передайте, я выхожу. Встретимся в «Пан-Ам Клиппер-Клаб». И нажал на рычаг.

– Что случилось, дорогой?

– Мой идиот-босс должен лететь в Сингапур и оставил в офисе контракты, которые должен взять с собой. Придется забрать их и привезти

ему до вылета самолета.

– Сейчас? – огорчилась Александра. – Неужели кроме тебя некому это сделать?

– Я единственный, кому они доверяют, – вздохнул Джордж. – Можно подумать, во всей фирме никто ни на что не способен!

Он нежно обнял жену:

– Мне очень жаль, дорогая, но не нужно портить вечер из-за таких пустяков.

Продолжайте веселиться, я вернусь как только смогу.

Александра вымученно улыбнулась:

– Без тебя так плохо.

Проводив взглядом мужа, она вернулась к своим обязанностям хозяйки. Но время от времени вспоминала о сестре. Что делает Ив в этот день рождения?

Ив открыла дверь и впустила Джорджа.

– Удалось ускользнуть? – восхитилась она. – Какой ты молодец!

– Я не могу остаться, Ив...

Она взяла Меллиса за руки и повела в крохотную столовую:

– Пойдем, дорогой. У меня для тебя сюрприз! Стол был накрыт на двоих: серебряные приборы, зажженные свечи, фарфор.

– По какому случаю?

– Сегодня мой день рождения, Джордж.

– Конечно! – смутился он. – Я..., боюсь, я совсем забыл о подарке.

Ив погладила Джорджа по щеке:

– Ну что ты, милый, совсем не забыл. Только отдашь мне позже. Садись.

– Спасибо, я не голоден. Только поужинал.

– Садись, – спокойно приказала Ив. Джордж взглянул в ее глаза и подчинился. Ужин состоял из точно тех же блюд, которые подавались сегодня гостям Александры.

Ив сидела напротив Джорджа, наблюдая, как тот с трудом пытается проглотить ломтик сыра.

– У меня и Алекс всегда все было общим, – сказала она, – и сегодняшний вечер не исключение. Но в следующем году только одна из нас будет праздновать день рождения. Настало время, дорогой! Моя сестрица достаточно пожила. По-моему, с ней вот-вот должен произойти несчастный случай! Потом бедная старая бабушка умрет от тоски. И все будет нашим, Джордж. А сейчас пойдем в спальню – отдашь мне свой подарок.

Джордж с тоской ждал этой минуты. Он был мужчиной сильным и властным, но Ив подавляла его, заставляла чувствовать себя импотентом...

Ив медленно разделась, раздела Джорджа, искусными ласками довела до лихорадочного возбуждения.

– Ну вот, дорогой, – прошептала она, медленно опускаясь, насаживая себя на налившийся кровью фаллос и ритмично двигая бедрами. – Ах-х как хорошо... Но ведь ты не можешь кончить, правда, бедняжка? И знаешь, почему? Потому что ты урод. Психопат. И не любишь женщин, да, Джордж? Наслаждаешься только, когда причиняешь боль. Ты ведь хотел бы избить меня? Скажи, хотел бы?

– Скорее убить.

– Только ты этого не сделаешь, – расхохоталась Ив, – если хочешь, конечно, заполучить компанию... Ты никогда ничего мне не сделаешь, Джордж, а если попытаешься, один из моих друзей немедленно доставит в полицию письмо, где я во всем признаюсь.

– Ты блефуешь! – недоверчиво усмехнулся Джордж. Ив с силой провела длинным заостренным ногтем по его обнаженной груди:

– Это можно проверить только одним способом, не так ли? – съехидничала она.

И Меллис неожиданно понял, что любовница не лжет. Никогда ему от нее не избавиться! Она вечно будет издеваться, унижать, преследовать его! Джордж не смог вынести мысли о том, что до конца жизни останется в лапах этой суки. Что-то взорвалось в мозгу, глаза застлало багровой пеленой, и Меллис потерял всякое представление о том, что было дальше, словно кто-то чужой управлял им. Все происходило словно при замедленной съемке. Он помнил только, как оттолкнул Ив, перевернул на живот, раздвинул ей ноги, потом крики ужаса и боли, непрерывно опускающиеся на что-то живое кулаки и восхитительное чувство оргазма, будто все его существо снова и снова корчилось в непрерывных судорогах почти невыносимого наслаждения. Боже! Как долго он ждал этого!...

Откуда– то издалека опять донеслись дикие вопли. Красная дымка начала рассеиваться. Джордж опустил глаза. Ив лежала, откинув голову, вся в крови, нос раздроблен, тело покрыто синяками и ожогами, глаза распухли, челюсть сломана.

– Прекрати, немедленно прекрати, – лепетала она разбитыми губами.

Джордж встряхнул головой, пытаясь прийти в себя. Ужасная реальность повергла его в панику. Он никогда не сможет объяснить, почему сделал это. Теперь конец всему. Он погиб!

Трясаясь от озноба, Меллис наклонился:

– Ив?

Девушка с трудом приоткрыла заплывший глаз:

– Доктора..., вызови..., доктора.

Каждое слово давалось с величайшим трудом.

– Харли... Джон Харли.

Джордж смог пробормотать только несколько слов в телефонную трубку:

– Не можете ли вы сейчас приехать? С Ив Блэкуэлл произошел несчастный случай.

Бросив один лишь взгляд на забрызганные кровью постель и стены, доктор Харли, побледнев, пробормотал:

– Господи Боже!

Нащупав слабый пульс, обернулся к Джорджу:

– Вызовите полицию. И скажите, что нам необходима карета скорой помощи.

Сквозь дымку боли Ив прошептала:

– Джон...

Харли наклонился поближе:

– Сейчас все будет в порядке. Отвезем тебя в больницу. Невероятным усилием подняв руку, Ив сжала пальцы доктора:

– Не нужно полиции...

– Я обязан их известить.

Ив мертвой хваткой вцепилась в ладонь Харли:

– Никакой..., полиции...

Доктор еще раз взглянул на раздробленную скулу, сломанную челюсть и тело, покрытое сигаретными ожогами:

– Не пытайся разговаривать.

Боль все нарастала, но Ив изо всех сил пыталась не потерять сознание.

– Пожалуйста...

Каждое слово давалось с огромным трудом.

– Никакого..., скандала... Бабушка..., не простит..., нет..., сбила машина на...

Времени на споры не было. Доктор Харли набрал номер и назвал адрес Ив.

– Немедленно пришлите карету «скорой». Найдите доктора Уэбстера и попросите встретить нас в больнице. Пациент в критическом состоянии – готовьте операционную.

Послушав несколько секунд, он добавил:

– Дорожное происшествие. И бросил трубку.

– Спасибо, доктор, – выдохнул Джордж.

Харли с омерзением оглядел мужа Александры. Одежда Меллиса была в беспорядке, костяшки пальцев сбиты, руки и лицо забрызганы кровью.

– Не благодарите. Я делаю это для Блэкуэллов, но с одним условием: вы должны согласиться пройти курс лечения у психиатра.

– Мне не нужен...

– Тогда, ублюдок, я вызываю полицию. Таким, как ты, нельзя оставаться на свободе!

Доктор Харли вновь потянулся к трубке.

– Подождите!

Мысли Джорджа лихорадочно заметались. Он чуть не выбросил на ветер все, чего достиг с таким трудом, но судьба каким-то чудом подарила ему еще один шанс.

– Хорошо. Обещаю пойти к психиатру. Вдали слышался вой сирены.

Она неслась по длинному туннелю, где то и дело вспыхивали и гасли цветные огоньки. Тело было совсем легким, невесомым: Ив подумала, что, если захочет, может взлететь высоко-высоко... Она попыталась взмахнуть руками, но что-то свинцовым грузом давило на них.

Ив открыла глаза. Двое мужчин в зеленых халатах и колпаках везли ее на каталке по белому коридору.

– Я играю в какой-то пьесе, – подумала она, – и забыла роль... Где сценарий?

Ив вновь открыла глаза и оказалась в большой комнате на операционном столе. Маленький человечек в зеленом хирургическом костюме наклонился над ней.

– Меня зовут Кит Уэбстер. Сейчас вас будут оперировать.

– Не желаю остаться уродом, – прошептала Ив, хотя почти не могла говорить от боли. – Сделайте что-нибудь, умоляю.

– Все будет хорошо, – пообещал доктор Уэбстер. – Заснете и проснетесь такой же красавицей, как были. Только не волнуйтесь.

Он подал знак анестезиологу.

Джордж отправился в ванную комнату Ив, постарался смыть кровь, пригладить волосы и почистить одежду. Взглянув на часы, он злобно выругался. Три часа ночи! Оставалось надеяться, что жена уже спит, но, когда он вошел в гостиную, Александра все еще сидела за столом.

– Дорогой, я чуть с ума не сошла!

– Все хорошо, Алекс.

Подбежав к мужу, она крепко обняла его:

– Я уже хотела звонить в полицию. Думала, случилось что-то ужасное.

Джордж подумал, что жена даже не понимает, насколько права.

– Ты привез ему контракты?

– Контракты? – недоуменно повторил Джордж. – Ах, контракты. Ну конечно.

Казалось, прошли годы с той минуты, как он придумал эту ложь.

– Почему ты так поздно?

– Рейс задержали, – без запинки отговорился Джордж. – Он уговорил меня остаться, и я все надеялся, что вылет вот-вот объявят; а потом было уже слишком поздно, боялся, что разбужу. Прости, родная.

– Все в порядке! Главное, ты здесь, со мной.

Джордж вспомнил об Ив, которую укладывали на носилки.

– Иди..., домой, – пробормотала она уголком искривленного разбитого рта, – ничего..., не..., случилось.

Но что, если она умрет?!

Его арестуют за убийство. Если Ив выживет, все будет в порядке, пойдет, как раньше. Ив простит, потому что он ей необходим.

Джордж так и не заснул, думая об Ив. В ушах звучали ее вопли, мольбы о пощаде, под кулаками вновь хрустели кости, в ноздрах стоял запах горячей плоти. Именно в этот момент он почувствовал, что почти любит эту женщину.

Ив необыкновенно повезло: Джону Хартли удалось уговорить Кита Уэбстера делать операцию. Доктор Уэбстер был одним из лучших в мире специалистов по пластическим операциям. У него был собственный кабинет на Парк-Авеню и своя клиника в Нижнем Манхэттене, где доктор специализировался на исправлении врожденных уродств.

Пациенты, приходившие за исцелением, платили кто сколько может. Доктор Уэбстер привык к виду людей, попавших в аварию, но при взгляде

на Ив Блэкуэлл потерял дар речи. Он видел фотографии этой девушки в журналах, и сама мысль о человеке, хладнокровно уничтожившем такую красоту, наполнила его бессильной яростью.

– Кто это сделал, Джон?

– Ее сбило машиной.

– Ну да, – возмущенно фыркнул Кит, – а потом водитель вышел из машины, сорвал с нее одежду и тушил о тело зажженные сигареты?

– Боюсь, я не вправе обсуждать это. Ты можешь сделать что-нибудь? Собрать ее заново?

– Это моя работа, Джон, заново собирать таких пациентов.

Только в полдень доктор Уэбстер сказал наконец своим ассистентам:

– Закончили. Отвезите ее в реанимацию. Если появятся хоть малейшие признаки опасности, немедленно вызывайте меня.

Операция продолжалась девять часов. Только спустя двое суток Ив перевели из реанимационного отделения в палату. Джордж немедленно приехал в больницу. Ему было необходимо увидеть Ив, поговорить, убедиться, что она не таит зла и не замышляет какой-нибудь ужасный способ отомстить.

– Я поверенный мисс Блэкуэлл, – объяснил Джордж дежурной сестре. – Она просила меня прийти. Небольшое дело. Я недолго пробуду.

Сестра, оценивающе поглядев на красивого мужчину, кивнула:

– К ней никого не пускают, но, думаю, если вы войдете, ничего страшного не случится.

Ив лежала в отдельной палате, забинтованная с ног до головы; бесчисленные, торчащие в разные стороны трубки, прикрепленные лейкопластырем к рукам и телу, напоминали некие непристойные приатки. Из-под повязок видны были только губы и глаза.

– Здравствуй, Ив...

– Джордж... – еле слышно прохрипела она.

Меллис нагнулся поближе, чтобы услышать хоть слово.

– Ты..., не сказал Алекс?

– Нет, конечно, нет. Джордж сел на край кровати:

– Я пришел, потому что...

– Знаю, почему... Мы..., должны идти до конца... Чувство непередаваемого облегчения охватило Меллиса.

– Прости меня, Ив. Мне так стыдно. Я...

– Попроси..., кого-нибудь..., позвонить Алекс..., и сказать..., что я уехала..., вернусь..., через..., несколько..., недель.

– Хорошо.

Налитые кровью глаза уставились на Меллиса.

– Джордж..., сделай мне одолжение...

– Что, Ив?

– Сдохни..., да так..., чтобы помучиться..., подольше.

Она долго спала, а когда проснулась, у постели сидел доктор Уэбстер.

– Как вы себя чувствуете? – мягко, спокойно спросил он.

– Очень..., устала. Что..., со мной?

Доктор поколебался. Рентгеновский снимок показал перелом скуловой кости; скуловая дуга впилась в височную мышцу так, что она не могла открыть рот: боль была невыносимой. Нос и два ребра тоже сломаны, на ягодицах и ступнях глубокие ожоги.

– Что? – повторила Ив.

Доктор Уэбстер как можно осторожнее объяснил:

– Раздробленные скулы и сломанный нос. Лобные кости смещены. Обломок скуловой дуги давит на мышцу, открывающую и закрывающую рот. Сигаретные ожоги. Но мы постарались все исправить.

– Дайте зеркало, – прошептала Ив. Этого Кит допустить не мог.

– Извините, – улыбнулся он, – у нас не держат зеркал.

– Как..., как я буду выглядеть, когда с-снимут бинты? – запинаясь, спросила Ив, боясь услышать ответ.

– Потрясающе! Точно так же, как раньше.

– Не..., верю!

– Вот увидите. А сейчас, может, все-таки расскажете, что произошло?

Последовало долгое молчание.

– Меня сбил грузовик.

Кит Уэбстер вновь потрясение спросил себя, неужели нашлось животное, способное поднять руку на эту прелестную девушку, но только покачал головой: он давно уже перестал удивляться тому, до каких глубин жестокости и подлости может опуститься человек.

– Мне нужно имя, – мягко повторил он. – Только имя. Кто это сделал?

– Грузовик.

Доктор Уэбстер недоуменно нахмурился. Почему они так дружно лгут? Сначала доктор Харли, теперь Ив Блэкуэлл.

– Мы обязаны сообщать полиции о каждом случае разбойного нападения, – объяснил он.

Ив с трудом дотянулась до руки доктора, лихорадочно сжала:

– Пожалуйста..., если узнают сестра..., или бабушка..., это их убьет... Газеты... Умоляю..., не надо.

– Я не могу написать в рапорте, что это было дорожное происшествие. Дамы не бегают по улицам в голом виде!

– Прошу..., вас.

При взгляде на несчастную девушку сердце Кита сжалось.

– По-моему, вы споткнулись и упали с лестницы. Она чуть крепче стиснула ладонь Уэбстера:

– Именно..., так все и произошло.

– Значит, я прав... – вздохнул доктор Уэбстер. Кит ежедневно навещал Ив по два-три раза, приносил цветы и маленькие подарки из больничного магазина. И каждый день Ив встревоженно спрашивала:

– Почему я лежу здесь целыми днями, просто так, без всякого лечения?

– Ошибаетесь, вами занимается мой коллега, – объяснил Уэбстер.

– Коллега?

– Мать-природа. Под этими устрашающими повязками непрерывно идет процесс заживления.

Каждые несколько дней он снимал бинты, внимательно обследовал Ив.

– Позвольте мне взглянуть в зеркало, – умоляла она, но в ответ неизменно слышала:

– Пока нельзя.

Ив ни с кем больше не общалась и постепенно привыкла с нетерпением ожидать его визитов. Доктор Уэбстер не обладал располагающей к себе внешностью: худой человечек, небольшого роста, с редкими волосами песочного цвета и близорукими, непрерывно мигающими карими глазами, держался скованно и смущенно, что очень забавляло Ив.

– Вы были когда-нибудь женаты? – спросила она однажды.

– Нет.

– Почему же?

– Я..., не знаю. Наверное, потому что вряд ли гожусь в мужья. Меня постоянно вызывают в больницу.

– Но девушка у вас, конечно, есть? Кит неожиданно залился краской:

– Ну, как вам сказать...

– Так и скажите, – продолжала шутливо допрашивать Ив.

– Ничего постоянного. Так, случайные встречи.

– Готова поклясться, все сестры без ума от вас.

– Нет. Боюсь, я не очень-то гожусь для романов. Ив мысленно согласилась с ним. И все же, когда она говорила о докторе с медсестрами и практикантами, ухаживающими за ней, все отзывались о нем как о некоем божестве.

– Этот парень делает чудеса, – сказал какой-то практикант. – Нет на свете того, чего он не смог бы сделать с человеческим лицом.

Ей рассказывали о работах Уэбстера по исправлению врожденных уродств детей и взрослых, но, когда Ив спросила об этом самого доктора, тот отделался несколькими сухими фразами:

– К сожалению, люди привыкли судить своих близких по внешности. Я пытаюсь помочь тем, кто имел несчастье родиться с физическими недостатками. Такая операция может совершенно изменить их жизнь.

Ив никак не могла понять Уэбстера. Он работал не ради славы и денег. Никогда еще не встречала она столь бескорыстного человека, и мотивы его поведения были совершенно неясны. Но в действительности заинтересованность ее не шла дальше праздного любопытства.

Кит Уэбстер сделал свое дело и больше не был нужен ей.

Еще через полмесяца Ив перевезли в частную нью-йоркскую клинику.

– Там вам будет удобнее, – заверил Уэбстер. Ив знала, что теперь доктору придется проезжать гораздо большее расстояние, чтобы навестить ее, но все же тот по-прежнему появлялся каждый день.

– Разве у вас нет других пациентов? – удивилась она как-то.

– Таких, как вы, нет.

Пять недель спустя после того дня, как Ив появилась в клинике, доктор наконец разрешил снять бинты. Осторожно повернув голову Ив налево, потом направо, он спросил:

– Боли не чувствуете?

– Нет.

– Скованности?

– Никакой.

– Сестра, принесите мисс Блэкуэлл зеркало. Ив вся сжалась от внезапного нерассуждающего страха. Все это время она хотела только одного – взглянуть на себя, и вот теперь, когда настал решающий момент, боялась открыть глаза. Она желала видеть свое, собственное лицо, а не физиономию чужой женщины.

Когда доктор Уэбстер протянул зеркало, Ив слабо прошептала:

– Не могу..., страшно...

– Посмотрите на себя, – мягко уговаривал он. Ив медленно подняла зеркало. Случилось чудо: на коже не осталось ни малейших следов, словно

не было той кошмарной ночи. Из серебряного стекла на Ив глядело ее лицо. Никаких шрамов. Ни морщины. Из глаз Ив брызнули слезы.

– Спасибо, – пробормотала она и, бросившись на шею Уэбстеру, прижалась губами к его губам. Ив хотела всего лишь выразить признательность за чудесное исцеление, но неожиданно ощутила странный голод в ответном поцелуе.

Кит быстро смущенно отстранился:

– Я..., очень рад, что все в порядке.

– В порядке?! Знаете, мне правду сказали, вы настоящий волшебник.

– Я работал с великолепным материалом, – застенчиво пробормотал он.

Глава 31

Джордж Меллис был потрясен случившимся. Он едва не уничтожил все, к чему стремился. До этого момента Меллис не сознавал, как много значит для него возможность получить «Крюгер-Брент Лимитед». Он привык жить на деньги одиноких женщин и до поры довольствовался подачками, но теперь, когда появилась возможность жениться на внучке Кейт Блэкуэлл и заполучить компанию, по сравнению с которой фирма отца ничего не стоила, приходилось рассчитывать каждый шаг. Подумать только, скоро он сможет сказать отцу:

– Смотри, старик! Я снова жив! И богат так, как тебе не снилось!

То, что было раньше всего-навсего игрой, превратилось в самоцель, навязчивую идею, и Джордж знал, что готов убить, совершить преступление, лишь бы добиться желаемого. Он сделал все, чтобы казаться образцовым мужем; и свободное время проводил с Александрой, а по вечерам теперь обязательно сидел дома.

Они часто проводили уик-энд в пляжном домике Кейт на Лонг-Айленде или самолетом компании вылетали в Дарк Харбор. Меллис восхищался старым домом, его великолепной антикварной обстановкой и бесценными картинами, часто бродил по огромным комнатам. Очень скоро этот дом будет принадлежать ему. И при одной мысли об этом у Джорджа кружилась голова.

Он не забывал и о Кейт Блэкуэлл, неизменно стараясь быть любящим и внимательным. Кейт уже исполнился восемьдесят один год, но она была по-прежнему бодра и полна сил. Джордж взял за правило обедать у старой дамы каждую неделю, а кроме того, чуть не ежедневно звонил ей, чтобы просто поболтать. В глазах Александры и Кейт он был лучшим человеком на свете. И когда настанет час, кому придет в голову заподозрить Мел-лиса в убийстве самых дорогих ему людей?!

Но мирное существование Джорджа продолжалось недолго. Об этом позаботился доктор Харли.

– Я записал вас на прием к психиатру, доктору Питеру Темплтону, – резко сказал он в телефонную трубку.

– Поверьте, доктор Харли, – как можно мягче и любезнее начал Джордж. – Теперь это больше не понадобится. Я думаю...

– Мне плевать на то, что вы думаете! Помните наш разговор: я не стану обращаться в полицию, если вы согласитесь лечиться у психиатра.

Если собираетесь нарушить...

– Нет, нет, – поспешно перебил Джордж, – раз вы так считаете, я согласен.

– Запишите номер телефона доктора Темплтона: 5-55-31-61. Он ожидает вашего звонка. Сегодня. Доктор Харли бросил трубку.

– Зануда проклятый! Вечно сует нос в чужие дела! – злобно прошипел Джордж.

Не хватало еще связаться с психоаналитиком! Но и Харли очень опасен! Что, если он заговорит?... Придется договариваться с Темплтоном сходить туда раза два, и на этом все будет кончено.

Ив позвонила Джорджу на работу:

– Я дома.

– Ты...

Он боялся спросить:

– Ты..., все в порядке?

– Сегодня же приходи ко мне.

– Не могу. Сложно уйти из дома. Алекс и я...

– В восемь часов.

Джордж не мог поверить глазам. Перед ним стояла Ив, такая же прекрасная, нежная, улыбающаяся. Меллис попытался найти хоть какие-то следы зверского избиения, но не смог:

– Просто невероятно! Словно ничего не было!

– Да, я по-прежнему красива, не так ли, Джордж? Она усмехнулась лениво, по-кошачьи, думая о том, что сделает с этим человеком. Такое омерзительное создание не должно поганить землю! Но сейчас не время. Он все еще ей нужен. Пока.

Они долго стояли, улыбаясь друг другу.

– Ив, трудно передать, как мне стыдно... Она подняла руку:

– Давай не будем об этом, хорошо? Что было, то было. Для нас ничего не изменилось.

Но тут Джордж внезапно вспомнил о том, что его встревожило:

– Мне звонил Харли. Договорился с каким-то чертовым психиатром, что я буду у того лечиться.

– Нет, – покачала головой Ив. – Объясни, что у тебя нет времени.

– Я пытался, но, если откажусь, он донесет полиции о том..., несчастном случае.

– Дьявол!

Ив надолго задумалась. Потом, решительно тряхнув головой, спросила:

– Кто он?
– Психиатр? Какой-то Темплтон. Питер Темплтон.
– Слыхала о таком. У него хорошая репутация.
– Не волнуйся. Подумаешь, полежу часок на кушетке и ничего не скажу. Если...

Но Ив уже не слушала: новая мысль пришла в голову; она пыталась сообразить, стоит ли объяснять Джорджу задуманное, и наконец решилась.

– Знаешь, может, нам очень повезло, что все так случилось!

Питеру Темплтону было лет тридцать пять. Высокий, с широкими плечами, резко очерченными чертами лица, он выглядел скорее как полузащитник, чем врач-психиатр. В эту минуту он сидел за столом и, нахмурившись, глядел на пометку в списке сегодняшних пациентов.

«Джордж Меллис – зять Кейт Блэкуэлл».

Обычно проблемы богачей не интересовали Питера Темплтона. Большинство его коллег были на седьмом небе, заполучив клиента, известного в высших кругах общества. Когда Питер Темплтон только начинал свою карьеру, тоже гонялся за такими, но быстро обнаружил, что не может сочувствовать их трудностям. Не раз богатые вдовы, пришедшие на прием, буквально бились в истерике только потому, что не получили приглашения на какой-нибудь светский прием; финансисты угрожали покончить с собой из-за денег, потерянных на фондовой бирже; стопудовые матроны, страдая, металась между модными ресторанами и курортами для тучных.

В мире было столько несчастий, но Питер Темплтон уже давно решил для себя: подобным «бедам» помогать не стоит.

Джордж Меллис. Питер весьма неохотно согласился встретиться с ним, и только из уважения к доктору Харли.

– Может, пошлешь его к другому врачу? У меня и без того полно пациентов.

– Считаю, что делаешь одолжение лично мне, Питер.

– Что с ним?

– Это по твоей части. Я всего лишь старый деревенский доктор.

– Ну хорошо, – согласился наконец Питер. – Пусть он мне позвонит.

И вот Меллис появился у него в приемной. Темплтон нажал кнопку переговорного устройства:

– Попросите мистера Меллиса войти.

Питер видел фотографии нового пациента в журналах и газетах, но совершенно не представлял степени обаяния этого человека, его жизненной силы.

Мужчины обменялись рукопожатием.

– Садитесь, мистер Меллис, – пригласил Питер. Джордж взглянул на кушетку.

– Сюда?

– Куда вам удобнее.

Джордж выбрал кресло напротив стола и, оглядев Питера, улыбнулся. Раньше он со страхом думал о встрече с психиатром, но после разговора с Ив неожиданно успокоился. Доктор Темплтон станет его союзником и свидетелем.

Питер пристально рассматривал сидевшего перед ним человека. Приходя сюда впервые, пациент обычно нервничал. Некоторые пытались скрыть волнение за напускной бравадой, остальные либо молчали, либо говорили слишком много или держались агрессивно. Но в этом человеке не было заметно ни малейших признаков волнения. Наоборот, он казался вполне довольным собой.

«Любопытно», – подумал Питер.

– Доктор Харли сказал, что у вас серьезные проблемы.

– Боюсь, целых две, – вздохнул Джордж.

– Почему бы не рассказать обо всем?

– Мне так стыдно! Вот почему я... Я решился прийти сюда. Наклонившись вперед, он мрачно признался:

– Я совершил такое, чего никогда в жизни не делал: ударил женщину.

Питер выжидающе молчал.

– Мы поспорили, и тут в мозгу что-то взорвалось, а когда пришел в себя..., оказалось, я ударил ее. Он уже почти всхлипывал:

– Это было ужасно...

Внутренний голос Питера Темплтона уже подсказал ему, в чем заключалась проблема Джорджа. Этот человек получал наслаждение, избивая женщин.

– Вы напали на жену?

– Нет, на свояченицу.

Питеру несколько раз встречались заметки о близнецах Блэкуэлл. Похожи как две капли воды и невероятно красивы. Значит, Меллис избил свояченицу. Это признание заинтересовало Питера. Любопытно также, что тот, по собственному утверждению, нанес всего один или два удара. Будь

это правдой, доктор Харли не стал бы настаивать на его визите к Питеру Темплтону.

– Вы сказали, что ударили ее. Нанесли телесные повреждения?

– В общем, да, и сильные. Я уже говорил, мистер Темплтон, что не помнил себя. А когда очнулся..., просто не мог поверить случившемуся.

«Когда пришел в себя!» Типичный способ защиты. Это сделал не я, виновато подсознание.

– Имеете ли вы представление о том, что могло вызвать подобную реакцию?

– Вот уже полгода я постоянно живу в ужасном напряжении. Отец серьезно болел. Несколько тяжелых сердечных приступов подряд. Я очень беспокоился о нем. Мы с ним так близки!

– Ваш отец бывает здесь?

– Нет, он живет в Греции. Ах, тот Меллис!

– Что же вас еще беспокоит?

– Моя жена Александра. Джордж внезапно замолчал.

– Какие-нибудь семейные неурядицы?

– Не в том смысле, в каком вы думаете. Мы любим друг друга, только... Он колебался:

– Последнее время Александра не совсем здорова.

– Физически?

– Морально. Она постоянно чем-то угнетена. Часто говорит о самоубийстве.

– Она обращалась к врачам?

– Я предлагал, – печально улыбнулся Джордж, – но Александра отказалась.

«Плохо, – подумал Питер. – Какой-нибудь модный психиатр с Парк Авеню наверняка упустил возможность заработать целое состояние!»

– А с доктором Харли вы говорили по этому поводу? – спросил он вслух.

– Нет.

– Поскольку это ваш семейный врач, предлагаю побеседовать с ним. Если он посчитает необходимым, я порекомендую психоаналитика.

– Нет-нет, – нервно запротестовал Джордж, – не желаю, чтобы Александра подумала, будто я сплетничаю за ее спиной. Боюсь, доктор Харли будет...

– Все в порядке, мистер Меллис. Я сам ему позвоню.

– Ив, мы влипли, – рявкнул Джордж. – Все пропало!

– Что случилось?

– Я все сделал в точности, как ты велела, сказал, что Александра постоянно говорит о самоубийстве.

– А дальше?

– Сукин сын собирается позвонить Джону Харли и посоветоваться с ним!

– О Господи! Этого нельзя допустить! Ив начала мерить шагами комнату и, внезапно остановившись, решила:

– Хорошо. Я сама управлюсь с Харли. Темплтон сказал, когда снова приходить?

– Да.

– Обязательно явись вовремя.

На следующее утро Ив отправилась к Джону Харли. Доктор любил семью Блэкуэллов, лечил близнецов с самого детства, на его глазах они выросли, был свидетелем трагической смерти Мэрией и несчастья с Тони, помог поместить его в психиатрическую лечебницу. И вот теперь ссора между Кейт и Ив. Джон никак не мог понять причину, но в конце концов это его не касается. Главное, чтобы все пациенты были здоровы.

Увидев входившую в кабинет Ив, Харли удивленно покачал головой:

– Кит Уэбстер просто гений!

Единственным напоминанием о трагедии был едва заметный красноватый шрам на лбу девушки.

– Доктор собирается удалить его, через месяц-другой, – пояснила Ив.

Джон ободряюще похлопал ее по руке:

– Ты еще прекраснее с этой меткой, Ив. Я очень рад, что все обошлось. Садись. Чем могу помочь?

– У меня все в порядке, Джон. Дело в Александре.

– Что-то не в порядке? – нахмурился Харли. – Опять Джордж?

– Нет-нет, – поспешно заверила Ив. – Джордж ведет себя идеально, и, по правде говоря, именно он позвонил мне насчет Алекс. Последнее время она чем-то угнетена. Постоянно говорит, что не желает больше жить.

– Не верю. Непохоже на Александру, – решительно сказал доктор.

– Понимаю, я сама не верила, но, когда встретилась с ней, была просто потрясена. Алекс так изменилась! Просто на себя непохожа! Я ужасно волнуюсь, Джон. К бабушке" сами понимаете, идти нельзя. Сделайте что-

нибудь, прошу вас.

Глаза Ив затуманились.

– Я уже потеряла Кейт и теперь боюсь лишиться сестры.

– Как долго это продолжается?

– Не знаю. Я умоляла Алекс поговорить с вами. Сначала она отказывалась, но потом все-таки удалось ее убедить. Помогите Алекс, ради Бога!

– Конечно, помогу. Пусть завтра же утром приходит. И не волнуйтесь, Ив. Сейчас есть много новых лекарств – просто чудеса творят.

Доктор проводил девушку к выходу. Почему Кейт столь безжалостна? Ив так любит ее и сестру!

Вернувшись к себе, Ив тщательно стерла кремом нарисованный на лбу тонкий шрам.

Назавтра, ровно в десять, сидевшая в приемной медсестра объявила:

– Доктор, к вам миссис Александра Меллис.

– Попросите ее войти.

Она шагала медленно, словно боясь, что сейчас упадет. Бледная, под глазами темные круги. Джон Харли взял ее за руку.

– Рад видеть вас, Александра. Как поживаете? Какие-то проблемы? Я слышал...

– Как глупо с моей стороны беспокоить вас! – еле слышно ответила она. – Ничего серьезного, я уверена! Не уговори меня Ив, ни за что бы не пришла. Я себя прекрасно чувствую. По крайней мере, физически.

– А эмоционально? Женщина поколебалась:

– Сплю не очень хорошо.

– Что еще?

– Вы подумаете, что я истеричка.

– Для этого я слишком хорошо знаю вас, Александра.

Она опустила глаза:

– Какая-то постоянная депрессия. Легко устаю, раздражаюсь. Джордж из себя выходит, лишь бы угодить мне, придумывает, куда бы пойти, что сделать. Беда в том, что мне не хочется никуда идти и делать что-то. Все кажется таким..., безнадежным.

Джон внимательно вслушивался в каждое слово, исподтишка изучая ее.

– И все время думаю об одном – как покончить с собой. Голос понизился до еле слышного шепота:

– Может, я с ума схожу?

– Вряд ли, – покачал головой Джон. – Вы слышали когда-нибудь об

ангедонии? Она покачала головой.

– Это нарушение биологического равновесия, вызывающее подобные симптомы. Довольно обычный случай. Теперь есть много средств излечить вас. Эти лекарства не имеют побочных эффектов и прекрасно действуют. Я, конечно, обследую вас, но, думаю, мы ничего не найдем.

После осмотра, когда она вновь оделась, доктор Харли сказал:

– Я выписал рецепт на велбутрин. Это антидепрессант нового поколения – просто чудеса творит.

Она безучастно наблюдала, как доктор берет рецептурный бланк.

– Прошу вас, – добавил Харли, – прийти сюда ровно через неделю. Если почувствуете себя хуже, немедленно звоните.

И вручил ей рецепт.

– Спасибо, Джон. Надеюсь, это излечит меня от снов.

– Каких снов?

– О, я думала, что рассказала вам. Каждую ночь я вижу один и тот же кошмар – будто плыву на яхте, дует ветер, и море зовет меня. Я подхожу к поручню, перегибаюсь и оказываюсь в воде и тону, захлебываюсь...

Выйдя на улицу, Ив обессиленно прислонилась к стене, глубоко дыша. Удалось! Она сделала это! Все обошлось!

И, торжествующе улыбнувшись, выбросила рецепт в урну.

Глава 32

Кейт Блэкуэлл устала. Совещание продолжалось слишком долго. Она еще раз оглядела членов правления, сидевших за столом. Все эти женщины и мужчины казались такими свежими и полными сил! Значит, дело не в совещании, а в ней самой. Восемьдесят два года не шутка. Она стареет! Кейт сокрушенно покачала головой.

Нет– нет, смерти она не боится, но и уходить на покой рано. Нельзя умирать, пока бразды правления «Крюгер-Брент Лимитед» не возьмет член семьи Блэкуэллов. Горько разочаровавшись в Ив, Кейт попыталась было поговорить с Александрой, но та решительно отказалась даже войти в совет директоров.

– Ты же знаешь, я все для тебя сделаю, бабушка, но только не это. Я совершенно не способна управлять компанией. Джордж – другое дело. Он будет превосходным администратором...

– ...Вы согласны, Кейт? – обратился к ней Брэд Роджерс. Кейт пришла в себя и виновато взглянула на Брэда.

– Простите, я не расслышала.

– Мы обсуждали присоединение фирмы Демко, – терпеливо повторил он.

Последнее время Брэда Роджерса беспокоила Кейт. На совещаниях она постоянно отвлекалась, думала о чем-то другом, но именно в ту минуту, когда он решал, что Кейт уже выжила из ума и пора бы старушке назначить другого председателя правления, она выдавала какую-нибудь ошеломительную идею, так что Брэду оставалось только удивляться, почему никто раньше до этого не додумался.

Удивительная женщина! Он вспомнил о том коротком давнем романе, много лет назад, и снова спросил себя, почему все так быстро оборвалось.

Это был уже второй визит Джорджа Меллиса к Питеру Темплтону.

– Скажите, мистер Меллис, часто ли вы в прошлом проявляли жестокость по отношению к женщинам?

– Нет, – покачал головой Меллис, – я ненавижу насилие. Пусть записывает, самодовольный сукин сын, пусть все получше запишет.

Коронер обязательно спросит и об этом!

– Вы говорили, что родители никогда не наказывали вас? Физически, я имею в виду.

– Совершенно верно.

– Как считаете, вы были послушным ребенком? «Осторожно! Он расставил ловушку!»

– Обыкновенным, я полагаю.

– Обыкновенного ребенка время от времени наказывают за нарушение правил, установленных взрослыми. Джордж неодобрительно усмехнулся:

– Не помню, чтобы я нарушал какие-нибудь правила! «Лжет, – подумал Питер, – но почему? Что он скрывает?» И вспомнил разговор с доктором Харли после первого посещения Джорджа Меллиса.

" – Он сказал, что ударил свояченицу, Джон, и...

– Ударил! – негодуя перебил Харли. – Скажи лучше, едва не убил! Раздробил скулу, сломал нос и три ребра, жег сигаретой ягодицы и ступни.

Темплтона затошнило от отвращения.

– Он мне ничего не сказал!

– Еще бы! – рявкнул Харли. – Я пригрозил, что, если он не пойдет к тебе, обращусь в полицию!"

На ум вновь пришли слова Джорджа:

«Мне так стыдно! Поэтому я и решил посоветоваться с вами».

Значит, он тогда тоже солгал!

" – Меллис говорил, что его жена страдает от депрессии и хочет покончить с собой.

– Вот это правда. Несколько дней назад Александра была у меня. Я прописал велбутрин. Не нравится мне ее состояние. А Меллис? Что ты о нем думаешь?

– Пока не знаю, – медленно ответил Питер, – но чувствую, что он опасен".

Кит Уэбстер так и не смог забыть Ив Блэкуэлл. Она – словно прекрасная богиня, изменчивая и недостижимая, очаровательная и капризная, веселая и жизнерадостная. Он – серый, унылый, застенчивый смертный. Что может быть общего между ними! Кит никогда не был женат, потому что не мог поверить: неужели какая-нибудь женщина может полюбить его настолько, что выйдет за него замуж?! Выйдя из

операционной, этот талантливый хирург с волшебными пальцами неузнаваемо преобразался. В нем абсолютно не было ни тщеславия, ни самолюбия. Кит вырос в семье, где правила властная, не терпящая возражений мать, а отец, слабовольный ничтожный человек беспрекословно подчинялся. Сексуальные потребности Кита были невелики: почти вся энергия уходила на пациентов. Но теперь он мечтал об Ив Блэкуэлл, она снилась по ночам, и по утрам, вспоминая эти сны. Кит краснел. Уэбстер знал, что должен увидеть ее.

Как– то раз он, решившись, все же набрал номер.

– Ив, это Кит Уэбстер. Надеюсь, я не помешал. Вот..., я..., вспоминал о вас вчера..., и..., хотел узнать..., как вы поживаете.

– Спасибо, Кит, все в порядке. А вы?

В голосе девушки слышались поддразнивающие нотки.

– П-превосходно, – выдавил он. – Не согласитесь пообедать со мной, если, конечно, вы не слишком заняты?

Ив улыбнулась. Какой восхитительно робкий маленький человечек! Забавно наблюдать, как он смущается и краснеет!

– С удовольствием, Кит!

– Правда? – удивился Уэбстер. – Когда?

– Как насчет завтра?

– Договорились, – поспешно согласился Кит, боясь, что она передумает.

Ив прекрасно провела время. Доктор Уэбстер вел себя, как влюбленный школьник: ронял салфетки, пролил вино и опрокинул вазу с цветами. Наблюдая за всеми его выходками, Ив искренне веселилась. Кто бы мог подумать, что это прославленный хирург!

Поднявшись из-за стола, Кит смущенно спросил:

– Не можем ли мы..., когда-нибудь еще встретиться? Сохраняя абсолютную серьезность, но едва удерживаясь от смеха, Ив покачала головой:

– Лучше не стоит, Кит, я положительно боюсь влюбиться. Он залился краской, не зная, что ответить. Ив похлопала его по щеке:

– Я никогда вас не забуду. Кит снова опрокинул вазу.

Через несколько дней Уэбстер подошел к доктору Джону Харли, сидевшему в больничном кафетерии:

– Джон, обещаю все сохранить в тайне. Прошу, скажите правду: что случилось с Ив Блэкуэлл? Харли, колебавшись, пожал плечами:

– Ну, хорошо. Ее избил зять, Джордж Меллис. И Кит Уэбстер ощутил, что в какой-то мере приобщился к жизни Ив.

Джордж Меллис начал терять терпение.

– Деньги нам нужны, завещание она изменила. Какого дьявола мы ждем?

Ив сидела на диване, поджав длинные ноги, наблюдая, как Джордж раздраженно вышагивает по комнате – Я желаю покончить с этим, Ив.

«Начинает терять контроль над собой», – подумала девушка.

Джордж напоминал ей свернувшуюся кольцами ядовитую змею. Опасную. Однажды она уже сделала ошибку, зайдя слишком далеко, и это чуть не стоило ей жизни. Урок пошел на пользу, впредь она будет осторожнее.

– Согласна, – медленно протянула Ив. – Думаю, время пришло.

Меллис остановился:

– Когда?

– На следующей неделе.

Сеанс почти кончился, а Джордж Меллис ни разу не упомянул о жене. Но сегодня он неожиданно пожаловался:

– Меня беспокоит Александра. Состояние ее все ухудшается. Вчера ночью опять говорила, что бросится в море. Не знаю, что и делать.

– Я говорил с Джоном Харли. Он прописал ей какое-то лекарство.

– Надеюсь, оно поможет, доктор, – мрачно кивнул Джордж. – Не вынесу, если с ней что-то случится.

И Питер Темплтон сразу же встревожился, ощутил неприятное чувство, что трагедия неминуема. Этот человек способен на любое насилие.

– Мистер Меллис, можете вы рассказать о ваших прежних отношениях с женщинами?

– Все как обычно, доктор.

– Вы когда-нибудь выходили из себя, забывались? Джордж Меллис отлично понимал, куда ведут расспросы.

– Никогда. Я уже говорил, что ненавижу насилие.

Пусть теперь попробует его поймать!

«...Никогда не видел подобного зверства, Питер. Он раздробил ей скулу, сломал нос и три ребра, жег ягодицы и ступни сигаретой».

– Иногда, – заметил Темплтон, – для некоторых людей подобные взрывы дают выход эмоциям, необходимую разрядку.

– Понимаю. Один из моих друзей развлекается, избивая шлюх.

Друг! Первый тревожный сигнал!

– Расскажите о вашем приятеле.

– Он ненавидит проституток. Те вечно пытаются облапошить его. Так что, когда он сделает то, зачем пришел, всегда не прочь отвесить им пару горячих, так, на всякий случай, чтобы знали, с кем имеют дело!

Он взглянул на Питера, но, не заметив никаких признаков неодобрения, осмелел:

– Как-то раз, когда мы были на Ямайке, черномазая потаскушка затащила его в отель, довела до кондиции, а потом потребовала еще денег.

Джордж улыбнулся:

– Он ей чуть мозги не вышиб! Клянусь, больше она уже ни с кем не попытается проделать такую штуку!

«Это безумец, – решил Питер Темплтон. – Конечно, никакого приятеля не существует. Хвастается своими подвигами, но пока еще опасается открыто признаться, кто их совершил. Мания величия, причем в опасной форме!»

Питер решил как можно скорее поговорить с Джоном Харли еще раз.

Они условились пообедать в Гарвард-клубе. Питер никак не мог придумать, с чего начать. Необходимо было узнать о Меллисе как можно больше и одновременно не выдать врачебную тайну.

– Что вы можете сказать о миссис Меллис? – спросил он наконец.

– Александре? Прекрасная женщина! Я лечил их с сестрой, когда обе были еще совсем маленькими. И, ухмыльнувшись, добавил:

– Встречал я двойняшек, но таких одинаковых никогда. В жизни не сумеете их различить!

– Они так похожи? – нахмурился Питер.

– Две капли воды! Раньше они вечно этим пользовались. Помню, как-то Ив заболела, и пришлось прописать уколы. Что вы думаете? Она каким-то образом ухитрилась подставить Александру. Удивительно! Даже теперь, когда они стали взрослыми, я по-прежнему не могу сказать, кто есть кто.

– Вы сказали, – задумчиво протянул Питер, – что Александра пришла к вам и призналась, что ее посещают мысли о самоубийстве?

– К сожалению.

– Джон, а откуда вы знаете, что это была именно Александра?

– Видите ли, у Ив остался на лбу шрамик после нападения Меллиса.

Опять тупик.

– Понятно.

– Кстати, как идут дела с Меллисом?

Темплтон колебался, решая, стоит ли говорить все.

– Не могу найти контакт. Он скрывается за маской порядочного человека, я стараюсь вывести его на чистую воду.

– Будьте осторожны, Питер. Если хотите знать мое мнение, этот человек психически ненормален.

Харли вздрогнул, вспомнив лежащую в луже крови Ив.

– Обе сестры должны унаследовать большое состояние, не так ли? – спросил Питер.

Теперь уже настала очередь Харли замяться.

– Я не очень-то хорошо осведомлен. Это чисто семейные дела, но, по моему, бабка вычеркнула Ив из завещания. Все получит ее сестра.

«...Меня беспокоит Александра, доктор. Она сильно угнетена. Все время говорит, что хочет покончить с собой. Я не вынесу, если с ней что-то случится».

Именно так мог жаловаться человек, замысливший убийство. Настораживало одно – сам Меллис был наследником огромного состояния, а ведь такие, как он, убивают обычно только из-за денег. И Темплтон решил, что все это – игра его разгоряченного воображения.

...Женщина тонула в ледяном море, а он пытался ее спасти, подплывая ближе, но волны были слишком высоки, и женщина то скрывалась в глубине, то поднималась на поверхность.

– Держитесь! – завопил он. – Я иду!

Питер старался плыть быстрее, но руки и ноги словно налились свинцом, и он беспомощно наблюдал, как ее снова потянуло вниз. Добравшись наконец до того места, где скрылась женщина, он огляделся и увидел надвигающуюся огромную белую акулу. Питер Темплтон с воплем проснулся. Зажег свет и сел в постели, думая о приснившемся кошмаре.

На следующее утро он позвонил детективу, лейтенанту Нику Паппасу. Ник Паппас, человек огромного роста и размера, вовсе не был толстым, просто очень широкоплечим и мускулистым. Он нес службу в отделе по расследованию убийств, в одном из «веселых» районов Манхэттена. Питер познакомился и подружился с ним несколько лет назад, когда был вызван в суд в качестве эксперта-психиатра по делу об убийстве. Страстью Паппаса были шахматы, и раз в месяц они обязательно встречались за шахматной доской.

– Отдел по расследованию убийств. Паппас у телефона, – отозвался лейтенант.

– Ник! Это Питер.

– А, дружище! Как поживают тайны разума?

– По-прежнему пытаюсь разгадать. Тина здорова?

– Лучше не бывает! Чем могу служить?

– Мне нужны кое-какие сведения. У тебя остались связи в Греции?

– Еще бы, – простонал Паппас. – У меня там куча родственников и всем нужны деньги. Глупее всего, что я всегда посылаю, сколько бы ни запросили. Может, стоит записаться к тебе на прием?

– Слишком поздно! – объявил Питер. – Ты безнадежен!

– Вот и Тина твердит то же самое. Какая информация тебе нужна?

– Слыхал когда-нибудь о Джордже Меллисе?

– Продуктовая компания?

– Да.

– Ну, близко не знакомился, но знаю, кто это. Что именно тебе нужно?

– Интересно, есть ли у него деньги?

– Ты что, смеешься?! Его семья...

– Я имею в виду собственные деньги.

– Проверю, конечно, но это пустая трата времени. Меллисы до неприличия богаты.

– Кстати, если кто-нибудь из ваших будет расспрашивать об отце Меллиса, действуйте поосторожнее! У него уже было несколько сердечных приступов.

– Хорошо. Сейчас дам телеграмму. Но Питер вспомнил сегодняшний сон.

– Ник, не мог бы ты лучше позвонить? Сегодня!

– Ты ничего не хочешь рассказать, Питер? – встревожился Паппас.

– Пока нечего рассказывать. Просто хочу удовлетворить любопытство. Счет за переговоры пришли мне.

– Уж в этом не сомневайся! Да еще учти – за тобой обед, и уж там я из тебя все вытряхну, не отвертишься!

– Заметано.

И Темплтон, сразу почувствовав себя немного лучше, повесил трубку.

Кейт Блэкуэлл стало плохо. Она сидела за столом, разговаривая по телефону, когда внезапно начался приступ: комната завертелась, все поплыло, и пришлось схватиться за ручки кресла, пока в глазах не прояснилось.

Вошедший в кабинет Роджерс бросил взгляд на ее бледное лицо и

охнул:

– Ты здорова, Кейт?

Она медленно отпустила ручки.

– Голова немного закружилась. Ничего серьезного.

– Когда ты в последний раз проверялась у врача?

– У меня нет времени на такую чепуху, Брэд.

– Значит, найди. Сейчас же скажу Анетт, чтобы поговорила с Джоном Харли.

– Черт возьми, Брэд, прекрати кудахтать!

– Пойдешь к врачу?

– Если немедленно отцепишься от меня.

Назавтра секретарь Питера сообщила:

– Детектив Паппас на первой линии. Питер поднял трубку:

– Привет, Ник!

– Думаю, дружище, нам нужно срочно поговорить. Питер почувствовал, как тревожно забилось сердце:

– Узнал что-нибудь о Меллисе?

– Поговорил с самим стариком. Во-первых, у него в жизни не было сердечных приступов, а во-вторых, заявил, что считает своего старшего сына Джорджа мертвым. Говорит, он погиб для него самого и всей семьи! Когда я спросил, почему, старый черт просто бросил трубку. Пришлось позвонить своему бывшему сослуживцу в Афины. Твой Джордж – настоящее сокровище! Полиции он хорошо известен. Извращенец. Получает удовлетворение, издеваясь над мальчиками и девушками. Последней жертвой перед отъездом из Греции был

пятнадцатилетний юноша-проститутка. Его тело нашли в отеле и смогли обнаружить убийцу. Старый Меллис роздал кучу взяток и пинком под зад вышиб малыша Джорджа из Греции. Ну как, удовлетворен?

Питер, естественно, не почувствовал удовлетворения, скорее пришел в ужас от услышанного:

– Спасибо, Ник. Я у тебя в долгу.

– Ну нет, приятель, я тоже не желаю оставаться в стороне. Если этот парень опять принялся за свое, лучше сразу свяжись со мной.

– Обязательно, Ник, как только узнаю все наверняка. Привет Тине.

И Питер повесил трубку. Ему многое нужно было обдумать. Сегодня в

полдень к нему должен был прийти Джордж Меллис.

Доктор Джон Харли был занят осмотром пациента, когда из приемной позвонила медсестра.

– Пришла миссис Джордж Меллис, но она не записана на прием, и я сказала, что сегодня...

– Проводите ее в кабинет через служебный вход, – перебил Харли.

Она была еще бледнее, чем в прошлый раз; под глазами черные круги.

– Простите, что врываюсь без предупреждения, Джон, но...

– Не беспокойтесь, Александра. Что-нибудь случилось?

– Не знаю. Мне невыносимо плохо.

– Принимаете велбутрин регулярно?

– Да.

– И все же чувствуете себя угнетенной? Кулаки женщины судорожно сжались:

– Это хуже любой депрессии. Я в отчаянии, Джон! Совершенно потеряла самообладание. И ненавижу себя. Боюсь..., боюсь совершить что-то ужасное...

– Не стоит, – успокаивающе начал доктор. – Я уверен, у вас ничего серьезного. По крайней мере физически. Готов поклясться своим многолетним опытом. Все это чисто эмоциональные явления. Попробуем другое лекарство номифензин. Очень эффективное. Уже через несколько дней заметите перемены к лучшему.

Он быстро выписал рецепт:

– Если к пятнице не придете в себя, обязательно позвоните. Возможно, придется проконсультироваться с психиатром.

Полчаса спустя, возвратившись домой, Ив тщательно стерла с лица крем и смыла краску под глазами. Близился решительный момент.

Уверенный, спокойный, улыбающийся Меллис сидел напротив Питера Темплтона.

– Как вы себя чувствуете сегодня?

– Неплохо, доктор. Вы не представляете, как помогли мне.

– Разве? Каким образом?

– Знаете, на душе спокойнее, когда есть, с кем поговорить. Ведь на этом основаны принципы католической церкви? На исповеди?

– Очень рад, что смог быть вам полезен. А ваша жена? Не выздоровела?

– Боюсь, нет, – нахмурился Джордж. – Она опять была у доктора Харли, по-прежнему говорит о самоубийстве. Наверное, я увезу Александру куда-нибудь. Ей необходима перемена места.

Питеру все больше казалось, что в словах этого человека звучит нечто зловещее. Неужели это всего лишь его воображение?!

– Греция – великолепная страна, – небрежно заметил он. – Собираетесь познакомить жену со своей семьей?

– Пока нет. Они очень хотят встретиться с Алекс, – широко улыбнулся Меллис, – но беда в том, что каждый раз, когда я приезжаю, отец пытается уговорить меня вернуться и взять в свои руки семейный бизнес.

Именно в этот момент Питер понял, какая опасность грозит Александре Меллис.

Еще долго после ухода Джорджа Питер Темплтон сидел в кабинете, перечитывая записи. Наконец потянулся к трубке и набрал номер:

– Сделайте мне одолжение, Джон, выясните, где Меллис с женой провели медовый месяц.

– Могу сказать прямо сейчас. Я сам делал им прививки. Они были на Ямайке.

«...У меня есть приятель, который обожает избивать шлюх... Как-то мы были вместе на Ямайке... Грязная потаскушка затащила его в номер, стянула с парня брюки и потребовала еще денег... Он избил ее до полусмерти. Больше эта тварь на такое не осмелится».

Все же у Питера не было никаких доказательств того, что Меллис собирается убить жену. Джон Харли подтвердил, что Александра Меллис действительно заиклилась на самоубийстве. Питер пытался убедить себя, что это не его дело. Но в глубине души знал, что это не так.

Питер Темплтон еще в школе вынужден был зарабатывать деньги на учебу. Отец его был надзирателем колледжа в маленьком городишке штата Небраска, и, даже получив стипендию, Питер не смог позволить себе учиться в одном из прославленных медицинских институтов. Закончив с отличием университет Небраски, он продолжал специализироваться в психиатрии. С самого начала Питер приобрел прекрасную репутацию. Секрет заключался в его искренности и доброжелательности. Темплтон не мог быть равнодушным к нуждающимся в помощи людям, и хотя Александра Меллис не была его пациенткой, все же ее судьба волновала Питера. Эта женщина была разгадкой к шараде, недостающей частью головоломки, и, вероятно, встреча с ней поможет все решить. Отыскав историю болезни Меллиса, Питер нашел номер телефона и позвонил Александре.

Подошла горничная.

– Миссис Меллис дома?

– Сейчас позову.

- Миссис Меллис, меня зовут Питер Темплтон. Я...
- Я знаю вас, доктор! Джордж мне рассказывал! Питер удивленно поднял брови. Он готов был побиться об заклад, что Меллис ни слова не сказал жене.
- У вас не будет времени побеседовать со мной? Может, пообедаем вместе?
- Джордж? Что-то случилось с Джорджем?
- Нет, ничего. Просто подумал, что неплохо бы нам поговорить.
- Конечно, доктор Темплтон.

Они сидели за угловым столиком в ресторане «Ла Гренуй». С той секунды, как вошла Александра, Питер был не в силах оторвать от нее глаз. Александра была в простой белой юбке, облегающей блузке с единственной ниткой жемчуга вокруг шеи. Питер пытался найти на ее лице следы усталости и депрессии, о которых упоминал доктор Харли, и не мог отыскать. Но если Александра и заметила, что он не сводит с нее глаз, то не подала виду.

- С моим мужем вправду ничего не случилось, доктор Темплтон?
- Нет-нет.

Все оказалось гораздо труднее, чем предполагал Питер. Он попал в весьма неприятное положение. Не имея права злоупотреблять доверием пациента, Питер все же чувствовал, что обязан предупредить Александру Меллис. Отпустив официанта, Питер спросил:

- Муж говорил вам, по какому поводу лечится у меня, миссис Меллис?
- Да. Последнее время ему очень тяжело приходится. Его партнеры в фирме взвалили на Джорджа почти всю работу. Джордж очень добросовестный человек, вы же знаете, доктор.

«Невероятно! Она и понятия не имеет о том, что случилось с сестрой! Почему никто ей не сказал?»

- Джордж говорил, насколько лучше чувствует себя теперь, когда есть с кем поделиться своими проблемами, – благодарно улыбнулась Александра. – Я так рада, что вы смогли ему помочь.

Господи, она же ничего не знает! И обожествляет своего мужа! Если Питер скажет правду, что будет с этой женщиной?! Как объяснить, что ее муж – маньяк, убийца, изуродовавший ее же сестру. Но имеет ли Питер право промолчать?!

– Должно быть, это очень благодарная профессия – быть психиатром, – продолжала Александра. – Вы способны облегчить страдания многих несчастных.

– Иногда, – осторожно согласился Питер, – но бывают неудачи.

Официант принес заказанные блюда. Завязался разговор; оба чувствовали себя так, будто давно знакомы друг с другом. Питер признавал, что, может быть, впервые в жизни, встретил такую очаровательную женщину, и неожиданно, с неприятным удивлением понял, как завидует Джорджу Меллису.

– Я очень рада, что познакомилась с вами, – сказала наконец Александра, – но ведь вы хотели о чем-то поговорить со мной, не так ли?

Настала решительная минута.

– В общем-то да. Я...

Питер замолчал. Одно неосторожное слово может разрушить ее жизнь. Он пришел в ресторан, полный решимости рассказать о своих подозрениях и предложить поместить Джорджа в лечебницу, но теперь, когда увидел Александру, все усложнилось. Темплтон снова вспомнил слова Меллиса:

«...Ей не становится лучше. Но больше всего меня беспокоит ее желание покончить с собой...»

Питеру показалось, что сидящая перед ним женщина совершенно здорова и абсолютно нормальна. Может, это результат приема лекарств? По крайней мере об этом можно спросить:

– Джон Харли говорил, что вы принимаете...

– Вот ты где, дорогая! – послышался громкий голос Джорджа Меллиса. – Я позвонил домой и обнаружил, что ты отправилась в ресторан. Здравствуйте, мистер Темплтон! Рад вас видеть. Надеюсь, не помешаю?

Момент был упущен.

– Зачем ему понадобилась Алекс? – раздраженно допытывалась Ив.

– Не имею ни малейшего представления! Слава Богу, хоть велела передать, где ее можно найти. Представляешь, ушла на свидание с Темплтоном! Хорошо, что я успел!

– Мне все это не нравится.

– Поверь, ничего страшного не случилось. Я обо всем расспросил, и Алекс сказала, что они просто болтали ни о чем.

– Думаю, нам нужно побыстрее шевелиться! При этих словах Джордж

Меллис ощутил что-то вроде чувственной дрожи. Как долго он ждал этого!

– Когда?

– Сейчас.

Глава 33

Приступы дурноты случались чаще и чаще, и с разумом Кейт начало происходить что-то странное. Она могла часами сидеть, обдумывая, стоит ли согласиться на предложенное слияние компаний, и внезапно вспоминала, что все это происходило десять лет назад. Подобная забывчивость пугала Кейт, и наконец она решилась последовать совету Брэда Роджерса обратиться к доктору Харли.

Джону Харли всегда стоило большого труда уговорить Кейт обследоваться, поэтому он был рад воспользоваться представившимся случаем, сделал всевозможные анализы и попросил Кейт обождать.

Джон Харли явно не был доволен результатами. Хотя Кейт Блэкуэлл была поразительно энергичной женщиной для своего возраста, все же наблюдались некоторые тревожные симптомы атеросклероза, что и было причиной ослабления памяти и приступов головокружения. Кейт нужно было бросить работу еще много лет назад, но она упорно продолжала цепляться за власть, никому не уступая места. Правда, не ему судить. Сам давно должен был уйти на покой.

И теперь, просматривая листочки с результатами обследования, Харли покачал головой:

- Хотел бы я иметь такое здоровье, Кейт!
- Хватит ходить вокруг да около, Джон! Что со мной?
- В основном возраст. Конечно, артерии уже не такие эластичные.
- Атеросклероз?
- Разве в медицине это так называется? Ну, как бы то ни было, годы дают о себе знать.
- Очень плохо?
- Для ваших лет не очень. Довольно обычное явление. Правда, подобные вещи крайне относительны; склероз у каждого протекает по-своему.
- Не можете ли вы дать что-нибудь от головокружения? Представляете, свалиться в обморок на совещании перед всеми этими мужчинами? Такая дама, как я! Просто неприлично.
- Никаких проблем, – кивнул Харли. – Сейчас выпишу рецепт. Кстати, когда думаете оставить работу, Кейт?
- Когда мой правнук станет во главе компании. Старые приятели, знакомые вот уже много лет, молча мерили взглядами друг друга. Джон

Харли не всегда соглашался с Кейт, но неизменно восхищался ее мужеством. Словно прочтя его мысли, Кейт вздохнула:

– Знаете, Джон, какое мое главное разочарование в жизни? Ив. Я так любила девочку. Хотела дать ей целый мир, но Ив всегда было плевать на всех, кроме себя самой.

– Вы не правы, Кейт. Ив очень страдает.

– Черта с два!

– Мне лучше знать. Недавно...

Джон запнулся. Приходилось тщательно подбирать слова:

– Недавно с Ив произошел несчастный случай. Она едва не погибла.

Сердце Кейт болезненно сжалось.

– Почему..., почему вы не сказали мне?

– Она не позволила. Так боялась, что вы будете волноваться! И заставила меня дать честное слово, что буду молчать.

– О Господи, – с трудом хрипло прошептала Кейт. – С ней все в порядке?

– Сейчас да.

Кейт долго сидела, уставившись в пространство.

– Спасибо, Джон, за то, что рассказали. Спасибо.

– Я выпишу рецепт. Не забывайте регулярно принимать лекарство.

Закончив писать, Джон поднял глаза. Кейт Блэкуэлл исчезла.

Ив открыла дверь и неверяще охнула. На пороге стояла бабушка, как обычно, прямая и величественная, не выказывая ни малейших следов слабости.

– Можно войти? – спросила Кейт.

Ив отступила, не в силах понять, что происходит:

– Конечно.

Кейт оглядела маленькую квартирку, но ничего не сказала.

– Могу я сесть?

– О, извини, пожалуйста, я совсем... Это так... Хочешь что-нибудь? Чаю? Кофе?

– Нет, благодарю. Ты здорова, Ив?

– Да, спасибо, все в порядке.

– Я только что была у доктора Харли. Он рассказал, что с тобой произошел несчастный случай.

Ив исподтишка наблюдала за бабкой, не зная, к чему та клонит:

– Да...

– По его словам, ты была при смерти. И не позволила вызвать меня, потому что не хотела волновать.

Ах вот оно что! Ив сразу почувствовала себя увереннее.

– Да, бабушка.

– Значит... – внезапно задохнулась Кейт, – я тебе не безразлична.

– О, бабушка, конечно же, – расплакалась от облегчения девушка. – Я всегда любила тебя.

И тут Ив очутилась в объятиях бабушки. Кейт обхватила внучку, прижалась губами к белокурой головке, лежащей у нее на коленях.

– Я была такой злобной старой дурой, – прошептала она. – Ты можешь меня простить?

И, вынув большой полотняный платок, шумно высморкалась.

– Я слишком жестоко поступила, – объявила она, – и теперь с ужасом думаю, что не перенесла бы, случись с тобой..., самое плохое.

Ив нежно погладила сухую руку с голубыми венами:

– Все хорошо, бабушка. Все хорошо. Кейт поднялась, смагивая слезы:

– Начнем все сначала, родная. Я всегда была упрямой и несговорчивой, совсем как отец. Но теперь все изменилось. И первое, что я сделаю, составлю новое завещание.

Все это слишком хорошо, чтобы быть правдой.

– Я..., мне не нужны деньги. Главное, что ты меня любишь.

– Вы мои наследницы, ты и Алекс. Больше у меня никого нет.

– Я и так неплохо живу, – пожала плечами Ив, – но если это доставит тебе радость...

– Большую, родная. Огромную. Когда ты вернешься ко мне?

Ив секунду колебалась:

– Думаю, будет лучше, если я останусь здесь, но не беспокойся, мы будем очень часто видеться. О, бабушка, ты не представляешь, как мне было одиноко!

Кейт сжала пальцы внучки:

– Можешь ли ты когда-нибудь простить меня? Ив взглянула в ее глаза и серьезно кивнула.

– Конечно, бабушка, я прощаю тебя.

Когда за старой женщиной закрылась дверь, Ив поспешно налила в стакан виски с водой и почти рухнула на диван, вновь и вновь прокручивая в памяти только что происшедшую сцену. Она была готова вопить от радости. Теперь все наследство принадлежит Алекс и ей! Избавиться от

сестры трудности не представит, но что делать с Меллисом? Он неожиданно стал главным препятствием на пути к богатству и счастью.

– Обстоятельства изменились, – сообщила Ив Джорджу. – Кейт включила меня в завещание.

Джордж, уже поднесший спичку к сигарете, внезапно замер:

– В самом деле? Поздравляю.

– Если сейчас что-нибудь случится с Алекс, это вызовет подозрения. Устроим все позже, когда...

– Боюсь, это мне не подходит.

– Что ты имеешь в виду?

– Я не так глуп, дорогая. В случае смерти Александры – я ее единственный наследник. Хочешь избавиться от меня? Убрать с дороги?

– Скажем, твое существование несколько усложняет дело, – пожалала плечами Ив, – но я готова заключить сделку. Подай на развод, а как только я заполучу деньги, отдам тебе...

– Шутишь, дорогая? – засмеялся Джордж. – Не выйдет, бэби. Все остается, как договорились. Мы с Алекс встречаемся в пятницу в Дарк Харбор. Можешь не сомневаться, я обязательно там буду.

** Александра была вне себя от радости, узнав, что Ив помирилась с бабушкой.

– Теперь мы снова одна семья, – облегченно вздохнула она.

Звонок.

– Здравствуйте, Ив. Надеюсь, я не помешал? Это Кит Уэбстер.

Последнее время он звонил ей два-три раза в неделю. Сначала неуклюжие попытки завоевать ее симпатию забавляли Ив, но постепенно начали раздражать.

– Простите, не могу поговорить с вами, – извинилась она. – Я сейчас ухожу.

– Как жаль, – расстроено пробормотал Кит. – Тогда не буду задерживать. У меня есть билеты на выставку лошадей. Я знаю, как вы любите ездить верхом...

– Извините, меня скорее всего не будет в городе.

– Понимаю.

Он изо всех сил старался не показать, как разочарован.

– Тогда, может, через неделю? Я куплю билеты в театр. Какую пьесу

вам хотелось бы посмотреть?

– Я уже видела все, что хотела, – резко ответила Ив. – До свидания, я бегу.

И положила трубку. Пора одеваться. Она отправилась на свидание с молодым актером Рори Маккенной, которого увидела впервые на сцене небольшого театра неподалеку от Бродвея. Рори был на пять лет моложе и вел себя в постели, как буйный ненасытный жеребец. Ив представила их сплетающиеся обнаженные тела и почувствовала, как между ног просочилась влага. Скорее бы добраться до квартиры Рори!

По пути домой Меллис купил Александре цветы. Он был в превосходном настроении. Какая очаровательная ирония кроется в том, что старушка решила написать новое завещание! Правда, это все равно ничего не изменит. После смерти Александры он позаботится об Ив. Но сначала нужно разделаться с женой. Уже все готово. В пятницу Александра будет ждать его в Дарк Харбор.

– Только ты и я, – обещал Джордж, целуя жену. – Избавься от всех слуг, дорогая.

Питер Темплтон не мог забыть Александру. В ушах все время звучали слова Меллиса: «Скорее всего, мы уедем куда-нибудь. Ей необходима перемена».

Инстинкт и долгий опыт подсказывали Питеру, что Александре грозит опасность, но он был бессилен что-то предпринять и даже не мог рассказать о своих подозрениях Нику Паппасу. Доказательств не было.

На другом конце города, в административном здании «Крюгер-Брент Лимитед», Кейт Блэкуэлл только что подписала новое завещание, в котором разделила все состояние между обеими внучками.

В северной части штата Нью-Йорк, в саду частного санатория, перед мольбертом стоял Тони Блэкуэлл. На холсте пестрела мешанина красок, бессмысленных мазков – именно так обычно пытаются рисовать бездарные новички. Тони отступил на шаг, взгляделся в картину и удовлетворенно заулыбался.

Пятница, одиннадцать утра. К терминалу для челночных рейсов Западных авиалиний аэропорта Ла Гуардиа подкатило такси, из которого вышла Ив Блэкуэлл и вручила водителю стодолларовую банкноту.

– Эй, леди, у меня нет сдачи! – воскликнул тот. – Неужели не найдется чего помельче?

– Нет.

– Тогда придется вам разменять бумажку!

– Времени не остается. Нужно успеть на следующий челночный рейс до Вашингтона.

Нервно взглянув на дорогие часики, она, по-видимому, наконец приняла решение:

– Можете оставить все себе! – кивнула девушка обалдевшему шоферу и поспешила к терминалу. Почти подбежав к кассам, она, задыхаясь, попросила один билет до Вашингтона и обратно. Кассир взглянул на большие настенные часы:

– Опоздали на две минуты, мисс. Самолет только что взлетел.

– Но мне необходимо улететь этим рейсом! Я должна встретить... – отчаянно волнуясь, бормотала девушка.

– Не расстраивайтесь, мисс. Следующий рейс через час.

– Это слишком... А, все к черту!

Кассир сочувственно наблюдал, как неудачливая пассажирка старается взять себя в руки.

– Хорошо, я подожду. Здесь есть кафетерий?

– Нет, только автомат, дальше по коридору.

– Спасибо.

Глядя ей вслед, кассир покачал головой. Ну и красавица! Позавидуешь парню, к которому она так спешит.

Пятница. Два часа дня.

«Это словно второй медовый месяц», – думала Александра, вне себя от радостного возбуждения.

«...Избавься от слуг, мой ангел. Я хочу быть только вдвоем с тобой. Представь, какой прекрасный уик-энд мы проведем вместе...»

И сейчас Александра собиралась вылететь в Дарк Харбор, к мужу. Она явно опаздывала.

Сегодняшнее деловое свидание за ленчем отняло больше времени, чем она ожидала.

– Я уезжаю, – предупредила Александра горничную. – Вернусь только в понедельник утром.

Но не успела она дойти до двери, как зазвонил телефон.

«Пусть себе звонит. Я и так опаздываю», – подумала Александра, повернув ключ в замке.

Пятница, семь часов вечера.

Джордж Меллис вновь и вновь обдумывал план Ив. Ни единого слабого звена!

"... В бухте Пилбрук я оставляю ждать моторную лодку. Отведи ее в Дарк Харбор так, чтобы тебя не увидели. Привяжи к корме «Корсара». Скажи Александре, что хочешь покататься при лунном свете. Когда окажетесь в море, делай, что душа пожелает, только помни – без крови. Брось тело за борт, садись в лодку и оставь «Корсара» дрейфовать. Возвращайся в бухту Пилбрук, потом переправься паромом из Линкольнвилла в Дарк Харбор. Возьми такси и поезжай домой. Заставь водителя под каким-нибудь предлогом выйти на причал, так, чтобы вы оба заметили пропажу «Корсара». Когда увидишь, что Александра исчезла, звони в полицию. Ее тело никогда не найдут, приливом его вынесет в открытое море.

Два известнейших нью-йоркских доктора подтвердят, что это, возможно, самоубийство".

Все шло, как предусмотрела Ив. Моторная лодка действительно оказалась в бухте Пилбрук. Не зажигая огней, Джордж пересек бухту при лунном свете. Ему удалось незамеченным проскользнуть мимо пришвартованных лодок и добраться до причала Блэкуэллов. Заглушив мотор, он обрывком линя привязал лодку к корме «Корсара», большой парусной яхты.

Александра уже ждала в гостиной, держа в руках телефонную трубку: увидев Джорджа, улыбнулась, весело помахала рукой и прошептала одними губами:

– Это Ив!

Немного послушала и объявила:

– Ну все, Ив, мне пора. Приехал дорогой муженек! Увидимся на следующей неделе. Пообедаем вместе, хорошо? Нажала на рычаг и поспешила обнять Джорджа:

– Ты рано сегодня. Как хорошо!

– Без тебя было так одиноко, что я попросту бросил все и удрал.

Она поцеловала его:

– Я тебя люблю.

– А я тебя обожаю, родная. Ты отпустила слуг?

– Мы здесь только вдвоем. И знаешь что? Я приготовила мусаку! Специально для тебя.

Он нежно обвел пальцем соски груди, двумя камешками выделявшиеся под тонкой шелковой блузкой.

– Знаешь, о чем я мечтал целый день, сидя в этом унылом душном офисе? О морской прогулке с тобой! С моря дует свежий ветер. Почему бы не провести на яхте часок-другой?

– Если хочешь. Только мусака...

Он снова уже чуть сильнее сжал ее грудь:

– Ужин может подождать. А я – нет.

– Ну хорошо, – рассмеялась она. – Пойду переоденусь. Я сейчас, всего несколько минут.

– Посмотрим, кто быстрее!

Поднявшись к себе, Джордж переоделся в спортивные брюки, свитер и парусиновые туфли. Теперь, когда так долго ожидаемая минута вот-вот настанет, чувство ликующего возбуждения, почти счастья, охватило его. Джордж с трудом сдерживал нетерпение.

– Я готова, милый, – послышался сзади голос. Меллис обернулся. Она стояла в дверях, одетая почти так же, как он. Длинные светлые волосы перехвачены на затылке голубой лентой.

«Боже, как она прекрасна, – подумал Джордж с некоторым сожалением. – Подумать только, что подобная красота пропадет зря».

– И я готов, – ответил он.

Заметив привязанную к корме моторную лодку, она удивилась:

– Зачем это, дорогой?

– На другом конце залива есть маленький островок, на котором мне всегда хотелось побывать, – объяснил Джордж. – Подойдем туда на лодке и не будем беспокоиться, что налетим на скалы.

Отдав швартовы, он медленно спустил яхту с эллинга и, развернув носом к ветру, поднял грот и кливер; «Корсар» лег на правый галс. Ветер

подхватил большие паруса, и судно рванулось вперед.

Они миновали волнорез. Свежий пятибалльный бриз бил прямо в лицо; яхта

накренилась, подветренный борт почти скрылся под водой.

– Какая великолепная необузданная стихия! – воскликнула она. – Я так счастлива, дорогой!

– И я тоже, – улыбнулся Джордж. Каким-то странным образом ему действительно доставляло удовольствие видеть радость Александры. Пусть умрет с легким сердцем!

Джордж оглядел горизонт и убедился, что поблизости не было ни одного судна. Лишь вдалеке виднелись неясные огни.

Пора.

Включив автопилот, Меллис в последний раз взглянул на пустынный горизонт и с сильно бьющимся от нетерпения сердцем направился к подветренному борту.

– Алекс! – позвал он. – Посмотри, какая красота! Она встала рядом, глядя на холодную темную воду, пенившуюся за кормой.

– Подойди ближе, – хрипло приказал Джордж.

Она мгновенно оказалась в объятиях мужа; тот впился губами в ее губы. Руки Джорджа сомкнулись за ее спиной: притягивая, прижимая все теснее; почувствовав, как ее тело на мгновение расслабилось, он напряг мускулы и начал поднимать женщину, одновременно переваливая ее через поручень.

Она неожиданно начала сопротивляться.

– Джордж!

Он поднял Александру выше, ощутил, как она пытается выскользнуть, но силы были неравны. Она была уже почти за бортом, но по-прежнему отчаянно отбивалась ногами; Джордж уперся в палубу для последнего толчка, и в эту минуту невыносимо-жгучая боль разорвала грудь. Сердечный приступ? Инфаркт? Джордж открыл рот, чтобы заговорить, но из горла вырвался фонтан крови. Он опустил руки и взглянул вниз, не в силах поверить происходящему. Из зияющей раны бил красный ручей. Джордж поднял глаза. Она стояла чуть поодаль с окровавленным ножом в руке, нежно улыбаясь ему.

Последней мыслью Джорджа Меллиса было:

«Ив...»

Глава 34

Александра добралась до Дарк Харбор только к десяти вечера. Несколько раз она пыталась дозвониться до Джорджа, но никто не отвечал. Александра надеялась, что муж не рассердится за такой поздний приезд. С самого начала все шло наперекосяк. Днем, когда Александра почти уже вышла из дому, чтобы лететь на свидание с Джорджем, зазвонил телефон. Решив не брать трубку, она поспешила к автомобилю, но следом выбежала горничная:

– Миссис Меллис! Это ваша сестра. Что-то срочное. Пришлось вернуться.

– Дорогая, я в Вашингтоне, – объявила Ив. – У меня ужасные неприятности. Необходимо срочно увидеться с тобой.

– Конечно, – не задумываясь, ответила Александра. – Сейчас я уезжаю к Джорджу, в Дарк Харбор, но в понедельник к утру вернусь.

– Слишком поздно! – с отчаянием прошептала Ив. – Умоляю, приезжай в аэропорт Ла Гуардиа. Я прилечу пятичасовым рейсом.

– Я бы рада, Ив, но Джордж...

– Алекс, мне очень нужно. Ждать нельзя. Но, если ты занята, тогда конечно...

– Подожди! Хорошо, немедленно приеду.

– Спасибо, дорогая. Я знала, что смогу на тебя рассчитывать.

Ив так редко просила ее о чем-либо, что Александра просто не могла отказать. Ну что ж, придется вылететь на остров следующим рейсом.

Она позвонила Джорджу на работу, предупредить, что задерживается, но его не было. Объяснив все секретарше, Александра села в такси и едва успела в аэропорт Ла Гуардиа. Напрасно искала она Ив в потоке прибывших пассажиров. Прождав сестру два часа и не зная, где ее искать, Александра в полной растерянности решила все-таки отправиться на остров. Подойдя к Сидар-Хилл-Хаус, она заметила, что в окнах темно. Странно, ведь Джордж уже давно должен был приехать. Александра прошла по всем комнатам, зажгла свет. Ни души. Она позвонила в Нью-Йорк. Трубку сняла горничная.

– Мистер Меллис у себя?

– Нет, миссис Меллис. Он сказал, что вы оба уезжаете на уик-энд.

– Спасибо, Мэри. Должно быть, его на службе задержали. Несомненно, тут какая-то причина. Скорее всего, в последнюю минуту

обнаружилось какое-то спешное дело, и партнеры, как обычно, попросили Джорджа все уладить. Он, конечно, должен приехать с минуты на минуту. Александра набрала номер сестры:

– Ив! Что случилось? Где ты была?

– Что с тобой случилось? Я ждала в аэропорту Кеннеди, а когда ты так и не появилась...

– Кеннеди?

– Ты ведь говорила Ла Гуардиа!

– Нет, дорогая, Кеннеди.

– Но...

Какое это теперь имело значение!

– Прости, – вздохнула Александра. – Я, должно быть, ослышалась. С тобой все в порядке?

– Сейчас уже да. Понимаешь, у меня роман с одним человеком. Видный политике Вашингтоне, но безумно ревнив и... – Ив рассмеялась:

– Но это, конечно, не телефонный разговор. Боюсь, у нас отключат связь, если услышат подробности. Лучше встретимся в понедельник, и я тебе расскажу.

– Хорошо, – с облегчением сказала Александра. Хоть здесь все в порядке!

– Желаю хорошего отдыха, Алекс, – сказала Ив. – Как Джордж?

– Его еще нет, – ответила Александра, пытаясь скрыть беспокойство. – Наверное, дела задержали и не успел позвонить.

– Не переживай, скоро объявится. Спокойной ночи, дорогая.

– Спокойной ночи, Ив.

Александра повесила трубку, думая, как было бы прекрасно, повстречай Ив такого же идеального человека, как Джордж.

Поглядев на часы, она обнаружила, что уже одиннадцать. К этому времени Джордж обязательно должен был позвонить! Она набрала номер брокерской фирмы. Никто не отвечал. Связалась с его клубом. Нет, они не видели мистера Меллиса. Прошел час. Александра не находила себе места от волнения. Время тянулось бесконечно. Джорджа все не было. Александра в панике металась по комнатам, не зная, что делать. Может, Джордж задержался с клиентом и не может прервать совещание? А вдруг мужу пришлось вылететь в другой город и он не успел позвонить? Должно же быть какое-то простое объяснение! Если сообщить в полицию, а Джордж сразу же придет, она будет чувствовать себя последней душой.

В два часа ночи она все-таки позвонила в полицию. На острове Айлсборо не было участка. Ближайшее отделение находилось в Уолдо

Кантри.

Отозвался сонный голос:

– Отделение полиции Уолдо Кантри. Сержант Лэмберт.

– Это миссис Джордж Меллис. Я живу в Сидар-Хилл-Хаус.

– Да, миссис Меллис? – мгновенно оживился говоривший. – Чем могу помочь?

– По правде говоря, сама не знаю, – нерешительно начала Александра. – Мы с мужем должны были встретиться сегодня вечером, но его до сих пор нет. Я очень во...

– Понятно, – многозначительно протянул сержант. Уж ему-то были известны по крайней мере три причины, из-за которых мужья могли отсутствовать дома в неурочный час: блондинки, брюнетки и рыженькие.

Но вслух он лишь тактично заметил:

– Возможно, его задержали дела.

– Но он обычно звонит.

– Ну, всякое бывает, миссис Меллис. Иногда человек попадает в такую ситуацию, когда просто не может добраться до телефона. Уверен, что все будет в порядке.

Теперь она и в самом деле чувствовала себя дурой! Ну, конечно, полиция ничего не будет предпринимать! Александра читала где-то, что полиция начинает поиски, только если человек отсутствует не менее суток, но Джордж ведь вовсе не пропал, он просто опаздывает!

– Ну, конечно, – сказала Александра в трубку. – Простите, что побеспокоила.

– Ничего страшного, миссис Меллис. Бьюсь об заклад, ваш муж появится в семь часов, с первым паромом.

Джорджа не оказалось ни на семичасовом пароме, ни на следующих.

Александра снова позвонила в Нью-Йорк. Муж не появлялся.

Предчувствие ужасного несчастья охватило Александру. Джордж попал в аварию и теперь лежит где-то в больнице, раненый или умирающий. Если бы только не получилось этой путаницы с Ив! Может, Джордж приезжал сюда и, увидев, что жены нет, куда-то ушел. Но в таком случае почему не оставил записку? А что если он спугнул грабителей, и те напали на него или похитили? Александра снова обошла все комнаты, пытаясь найти следы борьбы. Но все было в порядке. Вышла к причалу. «Корсар» стоял на месте, надежно пришвартованный.

Александра решила опять позвонить в полицию. Дежурил лейтенант Филипп Ингрэм, двадцать лет тянувший нелегкую лямку службы. Он уже знал, что Джорджа Меллиса всю ночь не было дома. В участке только о нем

говорили, отпуская при этом вольные шуточки.

И теперь Ингрэм спросил Александру:

– Ваш муж все еще не пришел? Ну что ж, придется мне самому все осмотреть.

Лейтенант знал, что зря потратит время. Должно быть, парень неплохо поразвлекался этой ночью! Но когда звонят Блэкуэллы, все должны стоять на ушах! Так или иначе, миссис Меллис женщина порядочная. За эти годы он встречал ее несколько раз.

– Вернусь через час-полтора, – сказал Ингрэм дежурному сержанту.

Лейтенант выслушал рассказ Александры, прошелся по дому, обследовал причал и пришел к выводу, что дело неладно.

Джордж Меллис должен был вчера вечером встретиться с женой в Дарк Харбор, но не приехал. Хотя в служебные обязанности лейтенанта Ингрэма не входил розыск пропавших мужей, все же совсем не вредно помочь семейству Блэкуэлл. Ингрэм позвонил в аэропорт острова и на пристань в Линкольнвилл, чтобы узнать, не видели ли они Меллиса. Но тот не пользовался никакими видами транспорта.

– Он не приезжал в Дарк Харбор, – сообщил Александре лейтенант.

Что же теперь? Где этот парень? Исчез с лица земли? Но Ингрэм был убежден, что ни один мужчина в здравом уме не сможет добровольно покинуть такую женщину, как Александра.

– Мы проверим больницы и мор... – лейтенант осекся, – и другие места. Сейчас разошлю ориентировку по всем полицейским участкам.

Александра пыталась не выказывать волнения, но Ингрэм видел, каких усилий ей это стоило.

– Спасибо, лейтенант. Не могу выразить, как я благодарна вам за помощь.

– Это мой долг, – ответил полицейский.

Возвратившись в участок, он начал обзванивать больницы и морги. Джордж Меллис нигде не значился. В сводках несчастных случаев его имя не упоминалось. Тогда Ингрэм решил позвонить приятелю-репортеру и разослать объявление о розыске.

Дневные газеты пестрели заголовками:

«Муж наследницы состояния Блэкуэллов пропал без вести!»

Питер Темплтон услышал эту новость от детектива Паппаса:

– Питер, помнишь, ты как-то просил меня узнать кое-что о Джордже Меллисе?

– Да...

– Он испарился.

– Что?!

– Исчез, смылся, пропал!

Ник переждал, пока Питер пытался осмыслить происходящее.

– Взял с собой хоть что-нибудь? Деньги, вещи, паспорт?

– Ничего. Если верить полученному из Мэна сообщению, просто растворился в пространстве. Ты ему мозги промывал, значит, должен иметь представление, с чего бы это наш приятель вздумал выкинуть такую штуку.

– Честное слово, Ник, даже в голову не приходило, – искренне ответил Питер.

– Если сообразишь что-нибудь, дай мне знать. Боюсь, все это дурно пахнет.

– Хорошо, Ник, – пообещал Питер, – обязательно. Через полчаса Питеру позвонила Александра Меллис, и доктор отчетливо расслышал панические нотки в голосе женщины:

– Я... Джордж пропал, и никто не знает, что с ним случилось. Я так надеялась, а вдруг он сказал вам что-то, и в руках полиции окажется хоть какая-то ниточка...

Она растерянно замолчала.

– Мне очень жаль, миссис Меллис. Ничего определенного сказать не могу. И ничего не знаю, как и остальные.

– Простите...

Питеру так хотелось утешить ее хоть чем-нибудь.

– Если я вспомню какие-то подробности, немедленно перезвоню. Где вы сейчас?

– В Дарк Харбор, но к вечеру возвращусь в Нью-Йорк. Поживу пока у бабушки.

Александре была невыносима мысль остаться одной в пустом доме. Несколько раз за утро она говорила с Кейт.

– Дорогая, я уверена, что беспокоиться не о чем, – утешала Кейт. – Джордж скорее всего уехал по делам и забыл сказать тебе.

Но ни та, ни другая не верили этому.

Ив смотрела репортаж об исчезновении Меллиса по телевизору.

На экране мелькали фотографии Сидар-Хилл-Хаус, снимки Александры и Джорджа после свадебной церемонии и еще одно фото: крупным планом лицо уставившегося в небо Меллиса, глаза широко открыты, брови чуть нахмурены. Как ни странно, это напоминало Ив об удивлении, проступившем во взгляде Джорджа за несколько мгновений до смерти.

Телекомментатор все не умолкал:

– До сих пор не поступало никаких сведений о похищении и требований выкупа. Полиция предполагает, что Джордж Меллис стал жертвой несчастного случая и не может дать о себе знать в результате потери памяти.

Они никогда не найдут его! Тело Джорджа смыло приливом в океан. Бедняга! Он так тщательно выполнял указания Ив! Но только она изменила план: полетела в Мэн, взяла напрокат лодку «для приятеля», отвезла в бухту Пилбрук, потом взяла напрокат еще одну лодку и добралась до Дарк Харбор, где и подождала Джорджа. Тот до самого конца так ничего и не заподозрил. Ив тщательно вымыла палубу, прежде чем вновь пришвартовать яхту. После этого осталось самое несложное: возвратить суденышки владельцам, вылететь в Нью-Йорк и вовремя ответить на звонок Александры.

Безупречно совершенное преступление.

Полиции придется вынести вердикт о таинственном исчезновении.

Диктор перешел к другим новостям. Ив выключила телевизор. Пора собираться. Она не хотела опаздывать на свидание с Рори Маккенной.

На следующий день в шесть утра рыбаки вытащили тело Джорджа Меллиса, прижатое течением к волнорезу у входа в бухту Пинебскот. В утреннем выпуске новостей было объявлено, что смерть последовала в результате несчастного случая, но с поступлением новой информации тон сообщений начал меняться. После вскрытия тела оказалось, что раны, которые врачи при поверхностном осмотре посчитали следами акульих зубов, были нанесены ножом. И снова заголовки вечерних газет кричали:

«Неразгаданная смерть Джорджа Меллиса. Кто убил миллионера?»

«Тело найдено в маленькой бухте!»

Лейтенант Ингрэм изучал карты приливных течений за предыдущий

вечер. Закончив, он недоуменно хмурясь, откинулся в кресле. Тело Меллиса обязательно вынесло бы в открытое море, не зацепись оно за волнорез. Смущало лейтенанта именно то, что труп вынесло течением, идущим в направлении от Дарк Харбор. Именно оттуда, где Меллис вовсе не должен был находиться.

Детектив Ник Паппас специально вылетел в Мэн, чтобы поговорить с лейтенантом Ингрэмом.

– Думаю, мой отдел может помочь вам в расследовании, – сказал Ник. – У нас есть кое-какая информация, касающаяся Джорджа Меллиса. Конечно, я знаю, это не входит в ваши полномочия, но, если понадобится наше сотрудничество, будем рады дать вам сведения, лейтенант.

Прослужив двадцать лет в участке Уолдо Каунти, лейтенант Ингрэм ни разу не столкнулся с настоящим уголовным преступлением. Самым нашумевшим делом в маленьком местечке был случай, когда пьяный турист сбил выстрелом голову лося, висевшую на стене антикварной лавчонки. Убийство Джорджа Меллиса стало сенсацией, подхваченной всеми газетами, и лейтенант почувствовал, что наконец настал его час. Улыбнись Ингрэму удача, и его могли бы перевести в Нью-йоркский департамент полиции, в самую гущу событий, и даже назначить детективом! Именно поэтому он, нерешительно поглядев на Паппаса, пробормотал:

– ...Не знаю, право...

Словно прочитав мысли собеседника, Паппас добавил:

– Нам от вас ничего не надо, но дело это темное, на полицию будут давить со всех сторон, и чем скорее найдем убийцу, тем лучше для нас самих. Я бы мог прямо сейчас кое-что выложить о прошлом Меллиса.

Лейтенант Ингрэм наконец решил, что терять ему нечего:

– Ну что ж, по рукам!

Харли накачал Александру снотворным, уложил в постель, но измученный ум отказывался воспринимать правду.

«Этого просто не может быть! Кому понадобилось убивать Джорджа, ведь врагов у него не было! Полицейские твердили что-то о ножевых ранениях, но это ложь! Должно быть, произошел несчастный случай... Ужасная беда... Никому не нужна смерть Джорджа... Никто не мог убить его... Никто не мог... Никто...»

Опиум, который дал доктор Харли, наконец-то подействовал. Она заснула.

Известие о том, что тело Джорджа Меллиса найдено, потрясло Ив. Но обдумав, все хорошенько, она немного упокоилась. Может, это и к лучшему. Теперь заподозрят Александру, ведь именно она была на острове!

Кейт, безмерно потрясенная ужасной новостью, молча сидела рядом с Ив в гостиной на диване.

– Не могу представить, кому понадобилось убивать его? – спросила она наконец. Ив вздохнула:

– Не знаю, бабушка. Просто не понимаю – сердце разрывается, как подумаю о бедняжке Алекс.

Лейтенант Филипп Ингрэм допрашивал матроса с парома Линкольнвилл – Айлсборо.

– Вы уверены, что ни мистер, ни миссис Меллис не прибыли в пятницу полуденным паромом?

– Во всяком случае, не в мою смену, Фил. Я спрашивал у парня утренней смены, тот их тоже не видел. Может, прилетели самолетом?

– Еще вопрос, Лью. Никто чужой не переправлялся сюда?

– Черта с два, ты не хуже меня знаешь, что в это время года, кроме своих, здесь никого не бывает. Летом еще заглядывают иногда туристы, но в ноябре?! Не дожدهшься!

Лейтенант Ингрэм отправился к управляющему аэропортом Айлсборо.

– Нет, Фил. Меллиса в пятницу здесь не было, уж это точно. Должно быть, переправился на пароме.

– Лью клянется, что не видел его.

– Но не мог же он просто переплыть залив?!

– А миссис Меллис?

– Это другое дело. Прилетела в своем «Бичкрафте» часов в десять вечера. Я велел своему сыну Чарли отвезти ее в Сидар Хилл.

– В каком она была настроении, как считаете?

– Странно, что вы об этом спросили. Дергалась, словно кошка на раскаленной крышке. Даже мой парнишка заметил это. Обычно она такая спокойная, каждому приветливое слово скажет. Но в тот вечер так спешила, будто за ней черти гнались.

– В тот день или вечером какие-нибудь неизвестные вам пассажиры были?

– Нет, – покачал головой управляющий, – только свои. Час спустя Ингрэм уже разговаривал по телефону с Ником Паппасом.

– Ничего определенного, – объяснил он, – скорее, все еще больше

запуталось. В пятницу миссис Меллис прилетела в аэропорт Айлсборо на личном самолете одна, без мужа. Того не было ни на пароме, ни в аэропорту. Никаких доказательств того, что он вообще был в ту ночь на острове.

– Если не считать прилива.

– Ну да.

– Убийца, скорее всего, выбросил Меллиса за борт в уверенности, что тело снесет в море течением, – задумчиво сказал Ник. – Кстати, вы осматривали «Корсар»?

– Довольно поверхностно. Никаких следов борьбы или пятен крови.

– Я бы хотел привезти туда судебно-медицинского эксперта. Не возражаете?

– Нет, если вы все еще помните о нашей договоренности.

– Конечно, помню. До завтра.

На следующее утро Ник с экспертами прибыл в Айлсборо. Ингрэм лично проводил их к причалу Блэкуэллов, где был пришвартован «Корсар». Через два часа эксперт отвел Паппаса в сторону:

– Похоже, мы попали в самую точку, Ник. На обратной стороне поручня пятна крови.

Лаборатория подтвердила, что Джордж Меллис имел идентичную группу крови.

В полицейском участке самого злачного района Манхэттена бурлила еще более активная, чем обычно, деятельность. Ночью проводилась облава на торговцев наркотиками, и клетка для заключенных была переполнена; камеры ломились от проституток, пьяниц, насильников.

Шум и невыносимая вонь оглушили Питера Темплтона, пробиравшегося в сопровождении полицейского через эти джунгли к кабинету Ника Паппаса.

– Привет, Питер! Хорошо, что выбрал время зайти. Накануне Паппас сказал по телефону:

– Скрываешься от меня, приятель? Жду тебя завтра к шести или велю привести под конвоем!

Дождавшись, пока они остались наедине, Питер спросил:

– В чем дело, Ник? Что тебя тревожит?

– Сейчас объясню: слишком умный убийца! Что мы смогли

обнаружить? Мертвеца, который в последний час жизни исчез с острова, куда так и не приезжал.

– Но это бессмысленно!

– Кому говоришь, дружище! Паромщик и парень в аэропорту утверждают, что в глаза не видели Меллиса в ту ночь. Если паром и самолет исключены, остается только моторная лодка. Мы проверяли всех владельцев в этом районе. Нуль!

– Может, Меллис вообще не был в Дарк Харбор?!

– Эксперты утверждают обратное. Они нашли доказательство того, что Меллис был в доме и сменил костюм на одежду, в которой его и нашли.

– Меллиса убили в доме?

– На яхте Блэкуэллов. Труп бросили за борт. Тот, кто сделал это, решил, что тело унесет течением.

– Но как...

Ник Паппас поднял мускулистую ручищу:

– Моя очередь. Меллис был твоим пациентом, должно быть, откровенничал насчет своей семейной жизни. Как насчет его жены?

– А что она имеет общего со всем этим?

– Все. Эта дамочка значится у меня в списке подозреваемых под номерами первым, вторым и третьим сразу.

– Ты спятил!

– Эй, а я думал, чистильщики мозгов таких слов не употребляют!

– Ник, но почему ты считаешь, что Александра Меллис убила мужа?

– Была там в ночь убийства, и, кроме того, только у нее есть повод для преступления. Приехала в Дарк Харбор очень поздно, с какой-то отговоркой, что задержалась будто из-за того, что перепутала аэропорт, где должна была встретить сестру.

– А что говорит сестра?

– Слушай, прекрати донимать меня расспросами! Какого дьявола, по-твоему, она должна говорить?! Они близнецы, пойми! Мы знаем, что Джордж Меллис был в ту ночь в Дарк Харбор, а жена клянется, что не видела его. Дом, конечно, большой, но не настолько же! Далее, миссис Меллис отпустила на уик-энд всех слуг. Когда я спросил, почему, она объяснила, что это была идея Джорджа. Ну а Джордж, конечно, уже ничего не скажет.

Питер глубоко задумался:

– Говоришь, у нее была причина? Какая?

– У тебя короткая память. Вспомни, кто заварил все это дело? Кто просил все выяснить про Меллиса? Леди была замужем за психопатом,

получавшим сексуальное наслаждение от издевательств над проститутками и вообще над всеми, до кого мог добраться. Возможно, и ее избивал. Скажем, дамочка решила, что не желает больше терпеть. Потребовала развода. Меллис отказался. И верно, последним дураком нужно быть, чтобы добровольно с такими денежками распрощаться! Она не осмеливается обратиться в суд: боится скандала – газеты тут же набросятся, как волки на добычу. Выбора не было, только убийство.

Ник откинулся в кресле.

– Что тебе нужно от меня? – спросил Питер.

– Информацию. Десять дней назад ты обедал вместе с женой Меллиса. Паппас нажал кнопку магнитофона:

– Все показания будут записываться, Темплтон. Расскажи все о той встрече. Как вела себя Александра Меллис? Нервничала? Злилась? Рыдала?

– Ник, поверь, никогда не видел более жизнерадостной, счастливой женщины.

Паппас, резанув взглядом Питера, выключил магнитофон:

– Не морочь мне голову, друг мой! Сегодня утром я был у доктора Харли. Александра Меллис последнее время постоянно говорила о самоубийстве, и Харли даже выписывал ей какие-то лекарства. Попробуй сказать, что это не правда!

Разговор с лейтенантом Паппасом сильно беспокоил Джона Харли. Детектив сразу перешел к делу.

– Жаловалась ли за последнее время миссис Меллис на какие-нибудь недомогания?

– Извините, – покачал головой доктор, – боюсь, это профессиональная тайна, которую я не вправе раскрыть.

– Прекрасно, доктор, понимаю. Старые друзья, все такое, и, конечно, вы были бы рады замять дело. Паппас поднялся:

– Речь идет об убийстве. Через час я буду у вас с разрешением прокурора на ознакомление с историями болезни и, когда найду все, что мне нужно, не откажу себе в удовольствии побеседовать с репортерами.

Джон молча смотрел на полицейского.

– Сделайте так, как предлагаю я, или будете упрямыться? Обещаю, никому ни слова. Ну?

– Садитесь! – велел Харли. Паппас послушно сел.

– У Александры последнее время не все ладно с психикой.
– Что вы имеете в виду?
– Сильная депрессия. Навязчивые суицидальные мысли. Говорит, что хочет покончить с собой.

– Каким образом? Что-нибудь упоминала о кинжале?
– Нет. Рассказала, что постоянно видит во сне, будто тонет.

Я выписал велбутрин, но она пришла и сказала, что улучшения нет. Тогда я предложил номифензин. Не знаю, помог ли он Александре.

Ник Паппас молча посидел, что-то соображая. Наконец он поднял глаза:

– Что-нибудь еще?
– Это все, что я знаю, лейтенант.

Но Джон сказал не правду и теперь мучился сомнениями. Он намеренно утаил правду о зверском избиении Ив Джорджем Меллисом, частью из-за того, что в свое время обязан был сообщить обо всем полиции. Но не сделал этого, в основном, из желания защитить семью Блэкуэллов. Джон не имел никакого представления, есть ли какая-нибудь связь между нападением на Ив и убийством Меллиса, но какое-то шестое чувство подсказывало, что лучше и не пытаться узнать правду. Харли намеревался сделать все, от него зависящее, чтобы не дать в обиду Кейт Блэкуэлл.

Через четверть часа после того, как Харли принял окончательное решение, вошла сестра:

– Мистер Кит Уэбстер на второй линии, доктор. Казалось, уснувшая на секунду совесть вновь пробудилась.

– Джон, – сказал Кит, – я бы хотел заехать к вам. Нужно поговорить. Вы свободны?

– Освобожусь. Когда?
– Часам к пяти.
– Прекрасно, Кит. До встречи.

Значит, спустить дело на тормозах вряд ли удастся.

Ровно в пять доктор Харли ввел в кабинет Кита Уэбстера.

– Хотите чего-нибудь, Кит?

– Нет, спасибо, я не пью. Простите, что вот так врываюсь. Джону Харли казалось, что каждый раз, когда он видит Уэбстера, тот постоянно за что-то извиняется. Такой застенчивый, милый коротышка, никогда не обижается, рад всем угодить, в точности как щенок, ожидающий, пока его погладят.

Трудно поверить, что за этой унылой невыразительной внешностью

скрываются блестящие способности и острый ум.

– Чем могу помочь, Кит?

Уэбстер набрал в грудь побольше воздуха:

– Это..., ну хочу спросить..., тот случай..., когда Меллис чуть не убил Ив Блэкуэлл.

– И что же?

– Вы же помните, она едва не погибла.

– Да.

– Полиция так ничего и не узнала. Теперь, когда произошло несчастье..., убийство Меллиса и все такое, не могу решить, стоит ли все рассказать следователю.

Вот оно. Выхода, кажется, нет.

– Делайте, как считаете нужным, Кит.

– Знаю, – мрачно кивнул Уэбстер. – Просто не могу перенести даже мысли о том, чтобы причинить вред Ив Блэкуэлл. Она такая необычная девушка!

– Вы правы, – осторожно согласился Джон.

– Единственное, что меня беспокоит, – вздохнул Уэбстер, – что если я промолчу, а полиция обо всем узнает? Тогда мое дело плохо.

«Наше дело», – мысленно поправил Харли. И тут его осенило.

– Вряд ли следствие это обнаружит, – небрежно заметил он. – Ив, естественно, будет молчать, да и вы великолепно поработали над ее лицом. Если не считать этого крошечного шрама, никто в жизни не поверит, как ее изуродовали.

Кит Уэбстер недоуменно моргнул:

– Какой шрам?

– Красноватый рубец на лбу. Ив сказала, через месяц-другой вы собираетесь его удалить.

Доктор Уэбстер замигал еще чаще, и Харли подумал, что это, должно быть, нечто вроде нервного тика.

– Я не... Когда вы в последний раз видели Ив?

– Дней десять назад. Приходила, чтобы рассказать, как ее беспокоит здоровье сестры. Собственно говоря, только по этому шраму я и смог отличить Ив от Александры. Понимаете, они двойняшки и похожи друг на друга, как две горошины.

Кит медленно кивнул:

– Да, я видел фотографии сестры Ив в газетах. Удивительное сходство. Говорите, теперь их можно различить только по шраму на лбу Ив?

– Совершенно верно.

Доктор Уэбстер долго молча сидел, закусив губу. Наконец он поднялся:

– Может, не стоит идти в полицию прямо сейчас? Я бы хотел еще раз все обдумать.

– Откровенно говоря, по-моему, вы правы, Кит. Обе они красивы и молоды, а репортеры к тому же еще намекают, что следователь подозревает Александру и вот-вот предъявит обвинение в убийстве Джорджа. Это невозможно. Помню, когда они были совсем маленькими...

Но доктор Уэбстер уже не слушал.

Выйдя от Джона Харли, Кит задумчиво побрел по улице. О каком шраме идет речь? После операции не осталось ни малейших следов! Все же Харли видел красный рубец. Может, он появился у Ив позже, в результате другого несчастного случая? Но почему она солгала? Во всем этом не было никакого смысла.

Уэбстер еще и еще раз перебирал в памяти разговор с Джоном, останавливаясь на каждой подробности, и наконец, поняв кое-что, подумал:

«Если я прав, вся моя жизнь может измениться...»

Наутро он снова позвонил Харли:

– Джон, извините, что беспокою так рано. Вы сказали, что Ив Блэкуэлл приходила поговорить о своей сестре, Александре.

– Именно.

– А после визита Ив Александра тоже была?

– Да. Насколько я помню, появилась на следующее утро. А почему вас это интересует?

– Из чистого любопытства. Не можете ли сказать, на что жаловалась Александра?

– Глубокая депрессия. Ив пыталась ей помочь. Муж Александры избил Ив чуть не до смерти. И теперь он убит, а в преступлении подозревают Александру.

Кит Уэбстер никогда не обманывался насчет своих умственных способностей. В школе ему приходилось работать в два раза больше остальных, чтобы получить хотя бы удовлетворительную оценку. Маленький Кит служил постоянной мишенью для шуток. Спортсмен из него тоже был никудышный, а со сверстниками он не смог найти общего языка. Можно сказать, для них он вообще не существовал. Никто не был

удивлен больше, чем родственники, когда Кита приняли в медицинский колледж. Узнав о его решении стать хирургом, наставники и профессора меньше всего ожидали, что из незадачливого студента получится блестящий врач. Они ошиблись. Из невзрачной куколки вышла ослепительная бабочка, гениальный скульптор, творивший чудеса искусными пальцами волшебника, только вместо холодной глины материалом служила живая плоть. Прошло совсем немного времени, и слава о Ките Уэбстере разнеслась по городу. Однако никакие удачи не смогли стереть из памяти перенесенных в детстве унижений. В душе он по-прежнему оставался маленьким мальчиком, всеми презираемым, над которым насмехались девушки.

К тому времени, когда Кит наконец дозвонился до Ив, руки были мокры от пота. Послышался низкий чувственный голос:

– Рори?

– Нет. Это Кит Уэбстер.

– А, вы! Привет! – совсем по-другому, сухо, безразлично, ответила Ив.

– Как поживаете? – пробормотал он.

– Прекрасно.

Кит кожей ощущал ее нетерпение:

– Я..., мне нужно поговорить с вами.

– Я никого не принимаю. Если вы читаете газеты, должны знать, что моего зятя убили. Я в трауре. Кит нервно вытер ладони о брюки:

– Именно по этому поводу я и хочу увидаться с вами, Ив. Нужно поделиться кое-какой информацией.

– Информацией? Какого рода?

– Мне бы не хотелось обсуждать это по телефону. Кит слышал, как щелкают шестерни в мозгу Ив.

– Ну, хорошо. Когда?

– Сейчас, если вам удобно.

Ровно через тридцать минут Кит оказался у квартиры Ив. Открыла сама хозяйка:

– Я очень занята. Что вас ко мне привело?

– Вот, – извиняющимся тоном промямлил Кит Уэбстер. Открыв большой конверт из грубой бумаги, он вынул фотографию и неуверенно протянул Ив. Со снимка смотрело ее собственное лицо.

– Ну и что? – недоуменно пожала плечами девушка.

– Это ваше фото...

– Вижу, – резко оборвала она. – Дальше!

– Сделано после операции.

– И?

– Как видите, никакого шрама на лбу. Лицо Ив мгновенно изменилось.

– Садитесь, Кит.

Он неловко уселся на самый краешек дивана, не сводя с нее глаз. Много красивых женщин приходило к Уэбстеру за помощью, но Ив будто околдовала его. Такой необыкновенной девушки он никогда не встречал.

– Думаю, вам лучше рассказать все начистоту.

Он начал говорить о своем визите к доктору Харли, о таинственном шраме, о своих подозрениях.

И все это время Кит по-прежнему вглядывался в Ив. Но глаза девушки оставались бесстрастными.

Выслушав Уэбстера, Ив пожала плечами:

– Не знаю, что вы тут напридумывали, но, по-моему, зря тратите время. А насчет шрама..., я просто разыграла сестру, вот и все. Ну, а теперь, если вы сказали все, до свидания, у меня много дел.

Но Уэбстер не двинулся с места.

– Простите, что доставляю столько беспокойства, но я подумал, что обязан поговорить с вами, прежде чем отправиться в полицию.

Только теперь Ив встревожилась:

– Не понимаю, зачем вам понадобилось полиция?

– К сожалению, я должен сообщить о том, как Джордж Мел-лис зверски избил вас незадолго до смерти. И потом эта история со шрамом... Сам я ничего не понимаю, но уверен, что вы все сможете объяснить следователю.

И тут впервые сердце Ив сжалось от страха. Этот глупый ничтожный человечек и представить не мог, что произошло на самом деле, но одного его слова будет достаточно, чтобы следователь начал задавать вопросы. Джордж Меллис был в ее квартире частым гостем. Полиция, возможно, найдет свидетелей, которые его видели. Она солгала, заявив, что в ночь убийства находилась в Вашингтоне. – Алиби у Ив не было. Если ищейки узнают, что Джордж чуть не убил ее, мотив преступления найден. Правда выплывет наружу. Необходимо во что бы то ни стало заткнуть рот Уэбстеру.

– Что вам нужно? Денег?

– Нет! – с негодованием воскликнул Кит.

– Что же тогда?

Уэбстер с красным от смущения лицом уставился в пол:

– Я..., вы так нравитесь мне, Ив. Не знаю, смогу ли перенести, если с вами случится что-нибудь. Ив выдавила улыбку:

– Не волнуйтесь, Кит, что со мной может случиться! Я ничего дурного не сделала. Поверьте, все это не имеет никакого отношения к убийству Меллиса.

И, взяв Кита за руку, добавила:

– Буду очень признательна, если вы вообще забудете о том, что сейчас говорили. Хорошо?

Он накрыл ее пальцы своей ладонью, крепко стиснул:

– Мне бы очень хотелось, Ив, правда. Но коронер будет производить следствие. Я доктор и, боюсь, обязан там присутствовать и давать показания. Придется рассказать обо всем, что мне известно.

Он увидел тревожное выражение в глазах девушки.

– Но вы вовсе не должны делать этого. Кит погладил ее руку:

– К сожалению, должен, Ив. Как врач и как честный человек. Только одно обстоятельство может мне воспрепятствовать.

– Какое же?

И тут он просиял, поняв, наконец, что победил. Девушка в его власти.

Голос Кита становился все мягче, все тише:

– Мужа нельзя заставить свидетельствовать против собственной жены.

Глава 35

Они поженились за два дня до коронерского следствия. Брак был заключен в конторе судьи. Присутствовали только новобрачные и свидетели. При одной мысли о том, что придется жить с Уэбстером, у Ив от брезгливости ползли мурашки по коже. Но выбора не было.

Подумать только, этот глупец вообразил, что она собирается остаться его женой навсегда! Но как только вся суматоха уляжется, Ив немедленно добьется аннулирования этой смехотворной пародии на брак! И конец безумию!

Лейтенант Паппас попал в трудное положение. Он был убежден, что знает, кто убил Джорджа Меллиса, но ничего не сумел доказать. Ни один человек не осмеливался слова сказать против семьи Блэкуэллов, и Паппас никак не мог пробить эту стену молчания. Он посоветовался с начальством, капитаном Хэролдом Коном, умудренным жизнью и тяжелой службой «копом», выбившимся в люди из самых низов.

Внимательно выслушав подчиненного, Кон сказал:

– Все это сплошной дым, Ник. У тебя нет никаких улик, даже косвенных. В суде просто высмеют.

– Знаю, – вздохнул Паппас, – но все же я прав. Подумаю немного, он вскочил.

– Слушай, а что если потолковать с Кейт Блэкуэлл?

– Господи?! Зачем еще?

– Так, попробую кое-что выудить. Она глава семейства, значит, знает и может выдать такое, о чем сама не подозревает.

– Только смотри, поосторожнее!

– Обещаю.

– И полегче, Ник. Не забудь, она уже немолода.

– На это и рассчитываю, – вздохнул детектив Паппас. Они встретились в этот же день, в офисе Кейт. По лицу Кейт Ник предположил, что ей было уже за восемьдесят, но для своего возраста пожилая дама держалась на редкость хорошо. Ни малейших признаков печали и огорчения. Кейт старалась не показывать, как она взволнована и обеспокоена; ведь имя

Блэкуэллов стало предметом досужих сплетен и публичного скандала.

– Секретарь сказал, что вы хотели срочно видеть меня, лейтенант.

– Да, мэм. Завтра коронер проводит следствие по делу о смерти Джорджа Меллиса. У меня есть причины думать, что ваша внучка замешана в убийстве.

Кейт на мгновение окаменела.

– Никогда этому не поверю.

– Пожалуйста, выслушайте, миссис Блэкуэлл. Расследование каждого преступления начинается с установления причины или мотива. Джордж Меллис был авантюристом, охотником за приданым и садистом-маньяком.

Ник заметил, как расширились зрачки старухи, но все-таки упрямо продолжал.

– Он женился на вашей внучке и, внезапно поняв, что разбогател, дал себе волю. Думаю, он безжалостно избивал Александру и, когда та заявила, что желает уйти от него, отказался дать развод. Значит, избавиться от мужа она могла, только убив его.

Кейт молча, смертельно побледнев, смотрела на детектива.

– Я начал искать доказательства и узнал, что Джордж Меллис перед тем, как исчезнуть, побывал в Дарк Харбор. Туда с материка можно добраться либо самолетом, либо паромом. Как утверждает местная полиция, Меллиса не было ни в аэропорту, ни на пристани. Я не верю в чудеса и не думаю, что Меллис мог, как Иисус, ходить по водам. Оставалась единственная возможность – он нанял где-то на побережье моторную лодку. Я проверил все места, где сдаются напрокат суда, и наткнулся на Джилки Харбор. В день убийства Меллиса какая-то женщина наняла там катер, сказав, что это для приятеля, который подъедет позже. Заплатила наличными, но пришлось подписать квитанцию. Лодка взята на имя Соланж Дюна. Вам это говорит о чем-то?

– Да. Она..., это гувернантка, которая смотрела в детстве за близнецами. Возвратилась во Францию, и довольно давно. Паппас удовлетворенно кивнул:

– Чуть ниже по течению эта женщина взяла напрокат еще одну лодку, уехала на ней и возвратила через три часа. И на этот раз квитанция была подписана Соланж Дюна. Я показал фотографию Александры кассирам в прокатных пунктах, и те считают, что это была именно она, хотя полной уверенности нет – женщина, нанявшая обе лодки, была брюнеткой.

– В таком случае почему вы считаете?...

– Она носила парик.

– Тем не менее, – сухо объявила Кейт, – я не верю, что Александра

могла убить мужа.

– И я тоже, миссис Блэкуэлл, – согласился Паппас. – Это была ее сестра Ив.

Кейт застыла на месте, как каменное изваяние.

– Александра не могла это сделать. Я с точностью до получаса проверил, где она могла быть в тот день. Первую половину дня она провела в Нью-Йорке вместе с подругой, потом вылетела на остров. Александра никак не успела бы нанять две лодки, да еще в разных местах. Значит, остается ее двойник, воспользовавшийся именем Дюна. Кто же, кроме Ив, мог это сделать? Я попытался выяснить, был ли у нее мотив. Показал фото Меллиса жильцам ее дома, и оказалось, что Меллис был там частым посетителем. Управляющий заявил, что как-то ночью, когда Меллис был в квартире Ив, ее нашли избитой чуть не до полусмерти. Вы знали об этом?

– Нет, – прошептала Кейт.

– Это сделал Меллис. На него похоже. Вот вам и мотив мести.

Ив выманила его из дому в Дарк Харбор и там прикончила. Он взглянул на Кейт и почувствовал угрызения совести за то, что пытается перехитрить старую женщину.

– Ив утверждает, что она весь день провела в Вашингтоне. Дала водителю такси, который вез ее в аэропорт, стодолларовый банкнот, чтобы тот лучше ее запомнил, а кроме того подняла страшный шум, что опоздала на самолет. Не думаю, что она вообще собиралась в Вашингтон. Скорее всего, купила черный парик, добралась до Мэна самолетом частной авиакомпания и взяла напрокат обе лодки. Потом убила Меллиса, бросила тело за борт, пришвартовала яхту и отвела вторую лодку к станции проката, которая к тому времени уже закрылась.

Кейт долго глядела на собеседника и наконец медленно произнесла:

– У вас нет ни одной прямой улики, не так ли?

– Совершенно верно.

Паппас собрал все силы для удара:

– Мне действительно необходимы показания свидетелей, доказательства, которые можно предъявить следствию.

Кейт долго молчала, по-видимому решая, что делать, и наконец кивнула:

– Думаю, лейтенант, что располагаю нужной для следствия информацией.

Сердце Паппаса учащенно забилося. Он рисковал многим, но, кажется, выиграл. Старушка вот-вот расколется. Ник, сам того не сознавая, резко подался вперед.

– Слушаю, миссис Блэкуэлл!

– В день убийства Джорджа Меллиса, – спокойно и отчетливо объявила Кейт, – я и моя внучка Ив были в Вашингтоне вместе, лейтенант.

И, заметив ошеломленное выражение на лице Паппаса, подумала:

«Ты, глупец! Неужели в самом деле решил, что я брошу свою семью на съедение тебе подобным! Позволю стирать на людях грязное белье! Дам возможность газетам протащить через скандал имя Блэкуэллов! Нет! Я сама накажу Ив! Своими руками!»

Вердикт коронера гласил:

«Смерть от руки неизвестного убийцы или неизвестных убийц».

К удивлению и благодарности Александры Питер Темплтон появился в здании окружного суда и сидел рядом, пока шло следствие.

– Я здесь только как средство моральной поддержки, – пояснил он.

Питеру показалось, что Александра прекрасно держится, хотя темные круги под глазами и осунувшееся лицо выдавали, сколько ей пришлось перенести.

Во время перерыва он пригласил Александру в «Лобстер Таунд», уютный ресторанчик с видом на линкольнскую бухту.

– Когда все это кончится, – посоветовал Питер, – Думаю, вам лучше бы отправиться куда-нибудь подальше отсюда.

– Вы правы. Ив пригласила меня в морской круиз. Глаза Александры потемнели от боли:

– Я все еще не могу поверить, что Джорджа нет в живых. Понимаю, что погиб, но не в силах осознать.

– Это защитная реакция организма на шок. Придется жить так, пока боль не притупится.

– Какая бессмысленная смерть... Он был таким прекрасным человеком!

Александра беспомощно вздохнула:

– Вы проводили с Джорджем много времени. Он говорил с вами. Ведь правда, лучше его на свете не было?

– Да, – выдавил Питер, – необыкновенный человек...

– Я желаю аннулировать брак! – объявила Ив. Кит Уэбстер изумленно захлопал глазами:

– Но почему? Что случилось?

– Ах, оставь, Кит! Неужели ты и в самом деле поверил, что я останусь с тобой!

– Конечно! Ведь ты моя жена, Ив.

– Что тебе нужно? Деньги Блэкуэллов?

– Никаких денег, дорогая! У меня своих много. Я могу дать тебе все, что захочешь.

– Я уже сказала, чего хочу. Немедленно покончить с этой комедией.

Кит с сожалением покачал головой:

– Боюсь, что не могу на это согласиться.

– Тогда мне придется подать на развод.

– Не советовал бы. Видишь ли, Ив, все осталось по-прежнему. Пока полиция не нашла убийцу, дело не могут закрыть, в подобных случаях не существует ограничений в сроках. Если ты разведешься со мной...

Он беспомощно поднял руки.

– Ты говоришь так, словно это я убила его.

– Именно так, Ив.

– Откуда тебе знать? – презрительно бросила она.

– Иначе ты не вышла бы замуж за меня.

– Ублюдок! – с отвращением выплюнула Ив. – Как ты можешь?!

– Очень просто. Я люблю тебя.

– А я тебя ненавижу! Понимаешь? Меня тошнит от твоего вида!

– Я так люблю тебя... – печально улыбнулся Кит. Пришлось отменить круиз.

– Уезжаю в свадебное путешествие на Барбадос, – сказала Ив сестре.

Поездку на Барбадос предложил Кит.

– Не поеду, – твердо заявила Ив. При мысли о том, что придется целый месяц провести наедине с мужем, она кривилась от омерзения.

– Но что скажут люди, если мы останемся? – смущенно возразил он. – Нельзя же допустить, чтобы нашими делами заинтересовались, правда, дорогая?

У Александры постепенно вошло в привычку обедать с Питером Темплтоном раз в неделю, вначале просто потому, что он был единственным человеком, с кем можно было часами говорить о Джордже, но через несколько месяцев Александра призналась себе, что с нетерпением ждет этих встреч. В Питере чувствовалась какая-то

надежность, в которой так отчаянно нуждалась Александра, он был внимателен к ней, неизменно доброжелателен и чуток, старался отвлечь от грустных мыслей.

– Когда я только начинал, – рассказывал он Александре, – пришлось идти по вызову. Стояли морозы, а пациент оказался дряхлым стариком, к тому же ужасно кашлял. Я решил согреть стетоскоп и положил его на радиатор, пока осматривал горло и глаза старика: стетоскоп, наверное, раскалился, потому что, когда приложил его к груди пациента, тот взвился, как ошпаренный кот. Кашель прошел, но ожог остался еще недели на две.

Александра рассмеялась, впервые за все эти месяцы.

– Мы встретимся на следующей неделе? – спросил Питер.

– Да, конечно.

Медовый месяц прошел гораздо приятнее, чем ожидала Ив. Бледная тонкая кожа Кита мгновенно покрывалась ожогами, и он почти не бывал на солнце, но Ив проводила на пляже все дни, сначала одна, потом в окружении многочисленных поклонников всех рангов – спасателей, бездельников, болтающихся у моря целыми днями, богатых туристов и плейбоев. Ив наслаждалась, ощущая себя на пиру жизни, и выбирала каждый день новое блюдо. Но самое большое удовольствие доставляло сознание того, что в этот момент муж ждет ее наверху в номере.

Не было того, чего бы он не сделал для жены – суетился, угождал, бегал, служил на посылках, словно комнатная собачка, ожидающая, пока ее погладят.

Если Ив выражала желание, оно немедленно исполнялось. Она делала все, чтобы заставить мужа обозлиться, потерять терпение, оставить ее. Бесполезно. Ничто не могло поколебать его любви. К счастью для Ив, не выносившей прикосновения Кита, он не был страстным человеком, и ей не так уж часто приходилось исполнять супружеский долг.

Кейт Блэкуэлл глядела в зеркало и думала, что годы наконец взяли над ней верх. Правда, жизнь ее была такой интересной и насыщенной! Теперь пора передать «Крюгер-Брент» в надежные руки. Но кто сможет стать ее

преемником? Все это время она боролась и отстаивала компанию. И для чего? Чтобы явились какие-нибудь чужаки и захапали все? Черта с два! Нельзя допустить, чтобы это случилось!

Через неделю после приезда Кит извиняющимся тоном объявил:

– Боюсь, мне придется начать работать, дорогая. Очень уж много операций запланировано. Как ты будешь тут одна без меня, целыми днями?

Ив с трудом удержалась от ехидной усмешки:

– Ничего, попытаюсь.

Кит уходил рано утром, задолго до того, как просыпалась Ив. Спустившись в кухню, она неизменно находила приготовленный завтрак и свежесваренный кофе. Уэбстер открыл банковский счет на имя жены, куда регулярно поступали огромные суммы. Ив, не задумываясь, тратила деньги, зная, что Кит рад во всем ей угодить, покупала дорогие вещи и драгоценности для Рори, с которым проводила все время. Актер почти не работал.

– Не могу же я хвататься за любую работу! – жаловался он Ив, – необходимо оберегать свой имидж.

– Понимаю, дорогой.

– Неужели? Ты ведь ни хрена не смыслишь в шоу-бизнесе. Родилась с серебряной ложкой в заднице!

И тогда Ив спешила утешить разъяренного любовника новыми подарками, оплачивала квартиру Рори, покупала одежду, обувь, водила по дорогим ресторанам, где тот мог встречаться с известными продюсерами. Ей хотелось быть с ним все двадцать четыре часа в сутки, но необходимость вынуждала возвращаться к мужу. Приезжая домой в семь или восемь часов вечера, Ив всегда обнаруживала Кита на кухне, где он, надев передник, готовил ее любимые блюда и никогда не спрашивал, почему задерживается жена.

Весь год Александра и Питер Темплтон встречались все чаще. Вскоре они уже не могли обойтись друг без друга. Питер сопровождал Александру, когда та ездила навещать отца в санаторий, и от одного его присутствия

боль унималась, затихала.

Как– то раз, заехав за Александрой, Темплтон встретился с Кейт.

– Значит, вы доктор, – усмехнулась старуха, – я успела схоронить дюжину докторов, а сама жива и здорова. Что-нибудь понимаете в бизнесе?

– Не очень, миссис Блэкуэлл.

– Член корпорации?

– Нет.

– Черт побери! – фыркнула Кейт, – ничего-то вы не знаете! Прежде всего нужен хороший специалист по налоговому обложению. Я пошлю вас к своему. Потом введем вас в корпорацию и...

– Благодарю, миссис Блэкуэлл, мне и так неплохо живется.

– Мой муж тоже был упрямым, – кивнула Кейт. – Александра, пригласи его к ужину. Может, удастся вбить в него хоть чуточку здравого смысла!

Выйдя на улицу, Питер заметил:

– Твоей бабушке я не очень-то понравился!

– Наоборот, – засмеялась Александра. – Слышал бы ты, как она говорит с теми, кто ей действительно не нравится!

– Интересно, как бы она чувствовала себя, узнав, что я хочу жениться на тебе, Алекс.

Лицо Александры просияло:

– В точности, как я – великолепно!

Кейт с большим интересом наблюдала за развитием отношений между Александрой и Питером Темплтоном. Старухе понравился молодой доктор, и она решила, что он будет хорошим мужем для внучки. Но она всегда была в душе игроком, и теперь, сидя у камина, решила бросить вызов обоим:

– Должна сказать, – солгала Кейт, – что ваше решение было для меня полнейшей неожиданностью. Всегда считала, что Александра выйдет замуж за делового человека, который возьмет в свои руки управление компанией.

– Но это не сделка, миссис Блэкуэлл. Мы с Александрой любим друг друга.

– С другой стороны, – продолжала Кейт, как бы не слыша, – вы психиатр и должны разбираться в людях и мотивах их поступков. Возможно, из вас и выйдет настоящий бизнесмен. Может, попробуете заняться делами компании? Вы сумеете...

– Нет, – твердо объявил Питер. – Я доктор и бизнесом не интересуюсь.

– Это не бизнес! – потеряв терпение, рявкнула Кейт. – Мы здесь не о бакалейной лавке толкуем! Вы собираетесь войти в нашу семью, и мне

необходим кто-нибудь, чтобы...

– Сожалею, – спокойно перебил Питер, – но я не желаю ничего общего иметь с «Крюгер-Брент». Придется вам поискать подходящую кандидатуру.

– А ты что скажешь?! – обратилась Кейт к Александре.

– Для меня главное, чтобы Питер был счастлив, бабушка.

– Какая черная неблагодарность, – процедила Кейт. – Эгоисты, оба вы мерзкие эгоисты! И вздохнула:

– Ну, ладно. Кто знает, может, когда-нибудь вы и передумаете.

И тут же с невинным видом добавила:

– Вы собираетесь иметь детей?

– Это наше личное дело, – засмеялся Питер, – почему-то я чувствую, что вы большая интриганка, миссис Блэкуэлл, и любите подчинять людей своей воле, но с нами это не пройдет. Я и Александра хотим жить собственной жизнью, а дети..., если у нас будут дети, наверняка пойдут дорогами, которые выберут сами.

Кейт мило улыбнулась:

– Таким вас я себе и представляла, Питер. Поверьте, я давно взяла себе за правило никогда не вмешиваться в дела других людей.

Два месяца спустя, когда новобрачные возвратились из свадебного путешествия, Александра ждала ребенка. Услышав новость, Кейт была на седьмом небе. Конечно, у внуки родится мальчик. И однажды...

Ив лежала в постели, наблюдая, как обнаженный Рори выходит из ванной. Какое прекрасное тело, стройное и мускулистое! В постели ему не было равных. Ив не могла насытиться своим любовником, и хотя подозревала, что тот вовсе не собирается хранить ей верность, смертельно боялась обидеть Рори.

Подойдя ближе, он сел на край кровати, провел пальцами под глазами Ив:

– Эй, бэби, да у тебя морщинки появились! Очень мило! Такая симпатичная мордашка!

Каждое слово было как удар ножом в сердце, напоминанием о разнице в возрасте, о том, что ей уже двадцать пять. Они снова занялись любовью, но Ив впервые ничего не почувствовала – мысли ее были заняты другим.

Дома она появилась только около девяти часов вечера. Кит ставил жаровню в духовку. Увидев жену, он поспешно поднялся, поцеловал ее в

щеку:

– Здравствуй, дорогая. Я приготовил твои любимые блюда. Сегодня у нас...

– Кит, я хочу, чтобы ты удалил эти морщинки. Уэбстер часто замигал:

– Какие морщинки?

– Вот здесь, под глазами.

– Солнышко, это просто гусиные лапки, лицо ведь не остается неподвижным: ты смеешься, плачешь, разговариваешь, а потом, мне они нравятся.

– Мне, мне они не нравятся. Ненавижу! – завопила она.

– Поверь, Ив, это вовсе не...

– Ради господ Бога, избавь меня от морщин. Ведь это твоя работа, не так ли?

– Да, но... Хорошо, хорошо, – поспешно согласился Уэбстер, – если тебе этого так хочется, дорогая.

– Когда?

– Недель через шесть. У меня чрезвычайно напряженный график...

– Я не твоя дерьмовая пациентка! – отрезала Ив. – Я твоя жена! И желаю, чтобы ты сделал операцию сейчас! Завтра же!

– Но клиника по субботам закрыта!

– Тогда открой ее.

Боже, как он глуп! Ив не могла дождаться, пока избавится от него! Но время придет! Рано или поздно она будет свободна. Недолго осталось ждать!

– Пойдем-ка в другую комнату.

Кит провел жену в гардеробную, усадил на стул, под мощную лампу и внимательно осмотрел лицо. В одну секунду из глуповатого недотепы Кит превратился в блестящего хирурга;

Ив сразу же ощутила перемену и вспомнила, как чудесно преобразилось ее лицо после операции. Кит не придавал особого значения едва заметным морщинкам, но тут он ошибался. Избавиться от них стало для Ив жизненной необходимостью. Она не могла смириться с мыслью, что потеряет Рори. Кит выключил лампу.

– Никаких проблем, – заверил он. – Завтра же утром сделаю.

Назавтра они отправились в клинику.

– Обычно мне ассистирует сестра, – пояснил Кит, – но для такого незначительного вмешательства она не понадобится.

– Кстати, мог бы сделать что-нибудь и с этим! – Ив потянула за складку кожи на шее.

– Все, что пожелаешь, дорогая. Сейчас сделаю укол снотворного, чтобы ты не чувствовала боли. Не хочу, чтобы моя любимая страдала!

Ив наблюдала, как муж отломил кончик ампулы, втянул жидкость шприцем и ловко сделал укол. Она бы не возражала против боли – ведь все это для Рори, ее милого Рори... Она вспомнила об упругом теле любовника, о выражении глаз, когда тот хотел ее...

Веки Ив сомкнулись. Спать, спать...

Она очнулась в больничной палате. Рядом на стуле сидел Кит.

– Ну, как все прошло? – хрипловатым со сна голосом пробормотала Ив.

– Превосходно, – улыбнулся муж. Ив кивнула и опять провалилась во тьму. Когда она проснулась во второй раз, Кит по-прежнему был рядом:

– Оставим повязки на несколько дней. Наверное, лучше полежать здесь, чтобы за тобой был хороший уход.

Муж приходил каждый день, осматривал ее, ободряюще кивал:

– Превосходно!

– Когда мне дадут зеркало?

– Все должно зажить к пятнице, – заверил Кит. Ив велела старшей медсестре установить у постели личный телефон. Рори был первым, кому она позвонила.

– Привет, бэби, где тебя носило? – спросил он. – Я тебя хочу!

– И я тебя, дорогой. Сажу во Флориде, на этом проклятом медицинском конгрессе, но на следующей неделе обязательно вернусь.

– Да уж, неплохо бы.

– Скучал по мне?

– Безумно!

Ив показалось, что она слышит еще чей-то голос.

– У тебя кто-то есть?

– Точно. Маленькая уютная оргия. Рори иногда любил покутить.

– Ну все, мне пора! – поспешно сказал он.

Трубку повесили.

Ив позвонила Александре и долго слушала, умирая от скуки, как сестра щебечет о счастье семейной жизни и будущем ребенке.

– Просто не могу дождаться. Так хочется стать теткой! – пробормотала она раздраженно и поспешно попрощалась.

Кейт в больницу не приезжала. Вообще, Ив редко видела бабушку в последнее время. Та относилась к ней с непонятной холодностью. Но Ив не унывала. Старческие капризы, скоро опомнится!

Кейт никогда не расспрашивала Ив о муже, и неудивительно, Кит

казался таким ничтожеством. Может, стоит поговорить с Рори, попросить его помочь избавиться от Кита. Тогда любовник будет навеки связан с ней. Ив казалось просто невероятным, что можно каждый день наставлять мужу рога, а тот ни о чем не подозревает. Может, ему вообще все равно? Ну что ж, благодарение Богу, хоть какой-то талант у него есть. Послезавтра он снимет бинты, и она сможет снова быть с Рори.

В пятницу Ив проснулась рано и с нетерпением ожидала прихода мужа.

– Уже почти полдень, – пожаловалась она, – а ты где-то ходишь.

– Прости, дорогая, на утро были назначены операции и...

– Плевать мне на твои операции! Немедленно сними бинты, я хочу себя видеть.

– Сейчас, дорогая.

Ив сидела неподвижно, пока муж разрезал и разматывал повязки. Потом постоял минуту, внимательно разглядывая лицо Ив. Во взгляде Кита мелькнуло удовлетворенное выражение:

– Идеально!

– Принеси мне зеркало.

Кит поспешно вышел, через минуту вернулся с маленьким ручным зеркальцем и с гордой улыбкой протянул его жене.

Ив медленно подняла изящную безделушку, взглянула на свое отражение.

И страшно закричала.

ЭПИЛОГ.
КЕЙТ. 1982 ГОД

Глава 36

Кейт казалось, что колесо времени вертится все быстрее, торопя дни, стирая пороги между временами года, переплетая лето с осенью, осень с зимой, а зиму с весной, пока наконец все месяцы и годы не сливаются в одно целое. Ей было под девяносто, а точный возраст? Она не помнила. Только замечала, как все больше прибавляется морщин, как блекнет румянец, но не могла допустить и мысли о том, что стареет и дряхлеет, поэтому все больше внимания уделяла своей внешности и, когда смотрелась в зеркало, по-прежнему видела подобранную стройную женщину с гордой осанкой и властным лбом.

Кейт, как и всегда, каждый день приходила в офис, но теперь это стало простым ритуалом, вызывающей игрой, способом отпугнуть смерть. Она присутствовала на всех заседаниях правления, но теперь многое понимала с большим трудом. Все почему-то говорили слишком быстро. Но самым неприятным было то, что разум и память изменяли Кейт, прошлое перемешивалось с настоящим, мир, такой широкий прежде, все сужался. Единственной соломинкой, за которую цеплялась Кейт, движущей силой, помогающей выжить, была страстная убежденность, что когда-нибудь кто-то из членов семьи возьмет в свои руки управление компанией.

Старая женщина не имела ни малейшего намерения позволить чужакам захватить то, ради чего Джейми Мак-Грегор и Маргарет, сама она и Дэвид так долго и упорно страдали, боролись и неустанно работали. Ив, на которую Кейт возлагала так много надежд, оказалась убийцей. А теперь превратилась в чудовище. Кейт так ничего и не предпринимала против внучки. Она видела ее. Всего один раз. Никакой врач не придумал бы для нее наказания ужаснее.

В тот день, когда Ив увидела свое отражение, она попыталась покончить с собой, проглотила горсть таблеток снотворного, но Кит сделал ей промывание желудка, не отходил от ее постели, а когда приходилось уезжать на работу, в доме день и ночь дежурили медсестры.

– Пожалуйста, дай мне умереть, – молила она мужа, – пожалуйста, Кит. Я не хочу жить с таким лицом.

– Теперь ты принадлежишь мне, – ответил он, – и я всегда буду любить тебя.

Черты гротескно-уродливой маски навеки запечатлелись в мозгу Ив. Она упросила Кита удалить медсестер. Невозможно думать, что кто-то

смотрит на нее, перешептывается за спиной.

Александра звонила каждый день, но Ив отказывалась ее видеть. Продукты заказывались по телефону и оставлялись у входа. Кит был единственным, кому позволялось смотреть на Ив, последней связью с внешним миром, больше у нее не было никого и ничего, и она жила в постоянном страхе, что муж тоже уйдет, покинет этот дом, и тогда ничего не останется..., кроме уродства..., чудовищного..., невероятного...

Каждое утро Кит вставал в пять, чтобы ехать в больницу, но Ив к тому времени была уже на ногах и подавала ему завтрак, а вечером готовила ужин и ждала, ждала, полная страхов и тревожных предчувствий: что если он нашел другую и больше никогда не возвратится?

Заслышав щелканье ключа в замочной скважине, она летела к двери, судорожно обнимала мужа, лихорадочно прижималась к нему. И никогда не предлагала себя, боясь, что тот откажется, но, когда Кит хотел ее, чувствовала, что он оказывает ей огромное благодеяние.

– Дорогой, – осмелилась спросить Ив однажды, – ты не считаешь, что я уже достаточно наказана? Прошу тебя, возврати мое лицо!

Кит взглянул на жену и с гордостью объявил:

– Этого никто на свете не сможет сделать! Даже я! Время шло, и Кит становился все более требовательным, властным, пока Ив окончательно не стала его покорной бессловесной рабыней, исполнявшей любое желание повелителя. Уродство крепче любых цепей приковало ее к мужу.

У Александры и Питера родился сын Роберт, живой, красивый мальчик, напоминавший Кейт Тони в детстве. Малышу было уже почти восемь, но он казался старше своего возраста.

«Совсем взрослый, – думала Кейт, – какой замечательный ребенок!»

Приглашения были разосланы всем членам семьи. «Миссис Кейт Блэкуэлл просит почтить своим присутствием бал в ознаменование ее девяностолетия. Вечер состоится 24 сентября, в Сидар-Хилл-Хаус, Дарк Харбор, Мэн, в восемь часов. Вечерние туалеты».

Получив приглашение, Кит коротко повелительно сказал жене:

- Мы идем.
- О нет, я не могу. Иди один.
- Нет. Вдвоем.

Тони Блэкуэлл, как обычно, рисовал в санаторном саду. Подошедший санитар протянул ему конверт:

– Вам письмо, Тони.

На губах больного показалось нечто вроде улыбки:

– Как мило, – пробормотал он. – Люблю дни рождения...

Питер Темплтон еще раз внимательно перечитал карточку:

– Поверить невозможно, что старушке уже девяносто. Изумительная женщина.

– Не говори! – согласилась Александра и добавила задумчиво:

– И знаешь, что самое трогательное: Роберт получил личное приглашение, адресованное на его имя.

Глава 37

Запоздалые гости давно разъехались, и семья собралась в библиотеке. Кейт оглядела всех и словно впервые увидела с потрясающей ясностью каждого. Тони, улыбающееся, довольно приветливое растение, бывшее когда-то человеком, который пытался убить ее, сыном, подававшим столько надежд, так много обещавшим. Ив, преступница, в чьей власти мог оказаться весь мир, не укоренись в ее душе семя зла. Какая злая ирония в том, что жалкое ничтожество, за которое она вышла замуж, смогло восторжествовать над этой неукротимой натурой! И Александра, добрая, искренняя – самое горькое из всех разочарований. Подумать только – поставила на первое место собственное счастье, совершенно не заботясь о благополучии компании. «Крюгер-Брент» ее не интересовала. Мало того, выбрала мужа, который тоже отказывался заниматься бизнесом. Предатели, и он и она! Неужели все ее труды пойдут прахом? Нет, этого не может быть. Ведь она, Кейт, создала гордую династию Блэкуэллов. Больница в Кейптауне названа ее именем. Построены школы и библиотеки, но главное – народ Бэнды получил поддержку и помощь.

У старой женщины закружилась голова. В комнату медленно вплывали призраки. Джейми Мак-Грегор и Маргарет, такие красивые, и Бэнда, весело улыбающийся, и Дэвид, родной, любимый Дэвид, протягивающий Кейт руки. Она потрясла головой, чтобы мысли прояснились. Нет, нет, еще рано, она не готова уйти к ним. Скоро. Осталось совсем немного.

Еще один член семейства тихо сидел в уголке. Кейт обернулась к своему маленькому красивому правнуку:

– Подойди сюда, дорогой.

Роберт направился к бабушке и взял ее за руку:

– Потрясный был вечер, бабушка!

– Спасибо, Роберт. Я рада, что тебе понравилось. Как успехи в школе?

– Все пятерки, бабушка, как ты хотела. Я лучший ученик в классе.

Кейт взглянула на Питера:

– Вам следовало бы послать Роберта в школу бизнеса, когда он подрастет. Уортон-Скул. Это лучшая...

– Ради Господа Бога, – расхохотался Питер.

– Кейт, дорогая, неужели вы никогда не сдаетесь? Роберт займется только тем, чем пожелает. У мальчика замечательные музыкальные способности, он хочет стать пианистом и, поверьте, сам выберет себе путь.

– Вы правы, – вздохнула Кейт. – Я уже стара и не имею права вмешиваться. Если Роберт мечтает стать музыкантом, так тому и быть.

Она взглянула на мальчика сияющими любовью глазами.

– Заметь, Роберт, я ничего не обещаю, но помочь тебе попытаюсь. Один мой знакомый дружит с Забеном Метой, знаменитым импресарио...